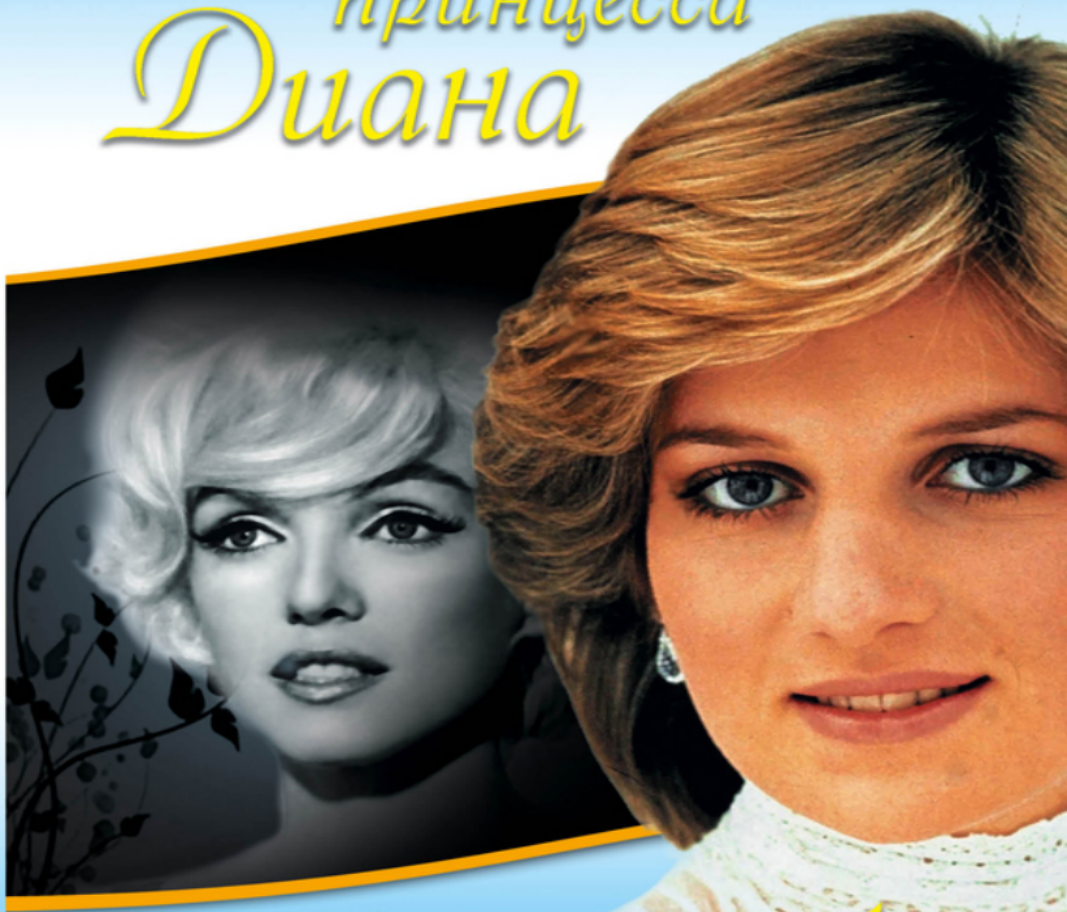
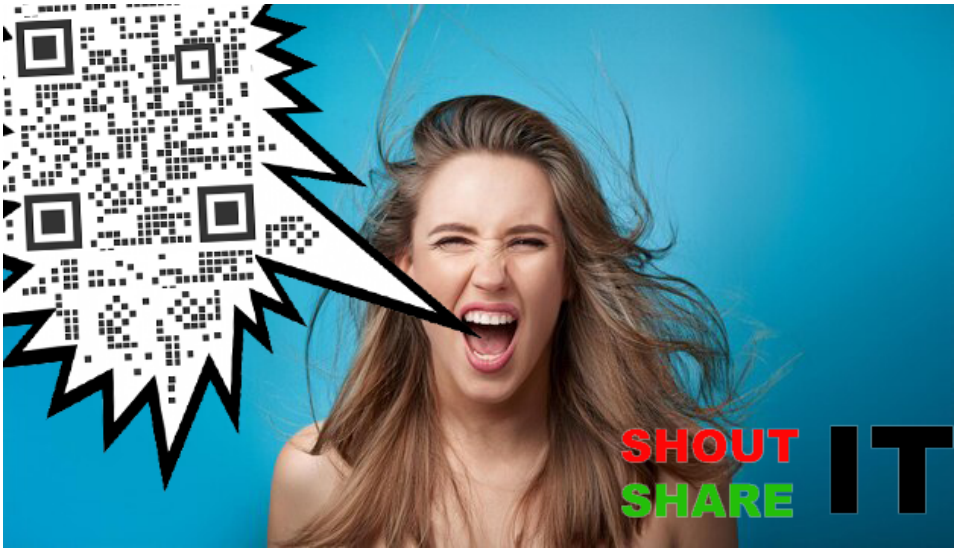
Мэрилин Монро, принцесса Диана



Боль любви


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Два супербестселлера одним томом. Трогательная исповедь самых прекрасных женщин XX века. Сердечные тайны и сокровенные секреты Мэрилин Монро и принцессы Дианы, поведанные ими самими.

Этих божественных женщин обожал весь мир, по ним сходили с ума толпы поклонников, их боготворили миллионы мужчин, их идеальные лица не сходили с экранов, ими восхищались, им завидовали… Но, оказывается, даже неотразимые красавицы тоже плачут – и главный «секс-символ» Голливуда, как и самая знаменитая принцесса на свете, были несчастливы в личной жизни, страдали от разбитого сердца и погибли от любви.

Откройте эту уникальную книгу, вслушайтесь в живые голоса Мэрилин Монро и принцессы Дианы, загляните в душу самым красивым и желанным женщинам XX века, которые заслуживали счастья, но познали лишь БОЛЬ ЛЮБВИ!

- Боль любви. Мэрилин Монро, принцесса Диана
  -
  - Мерилин Монро. Страсть, рассказанная ею самой
    - От издательства
    - Верните Норму Джин!
    - Детство
    - Миссис Догерти
    - Голливуд
    - Цена карьеры
    - Мэрилин Монро
    - Две звезды…
    - «Мэрилин Монро Продакшнз»
    - Артур Миллер. Надежды и потери
  - Принцесса Диана. Жизнь, рассказанная ею самой
    - Ненужная…
    - Трагедия детства
    - Невеста принца
    - Супруга принца
    - Чарльз
    - Камилла
    - Сыновья
    - Королевская семья
    - Мужчины
    - Развод
    - После развода

- Я изменилась

Боль любви. Мэрилин Монро, принцесса Диана

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Мерилин Монро. Страсть, рассказанная ею самой

От издательства

Несколько лет назад в Аргентине умер 97-летний Генри К. Уолтер, в 50—60-е годы живший в США и занимавшийся психотерапевтической практикой.

Наследники не сразу разобрали архив Уолтера, а обнаружив среди бумаг коробку, в которой вместе с бобинами магнитофонных пленок лежали рисунки и какие-то записи самого Генри, едва не выбросили, посчитав неинтересной. Только желание одного из правнуков проверить, работает ли старый громоздкий магнитофон, спасло бесценный материал от уничтожения.

На пленке тонкий женский голосок, несколько сбивчиво, взволнованно и не всегда внятно рассказывал о себе… Прозвучавшие знакомые имена «Фрэнк Синатра», «братья Кеннеди», «Артур Миллер»… заставили прислушаться, а потом и прочитать вырванные из дневника Уолтера листы, которые объяснили многое.

С трудом поверив, что это голос Мэрилин Монро, повествующей о своей жизни, сомнениях, душевных терзаниях, несоответствии ее внутреннего состояния любимому всеми образу сексапильной Блондинки, наследники решились отдать пленки на восстановление.

Немало времени прошло, пока записи были расшифрованы (не все удалось восстановить) и обработаны, еще больше, прежде чем дано согласие на их публикацию.

Одна из пленок стерта либо испорчена намеренно, именно на ней говорилось о братьях Кеннеди и Фрэнке Синатре. Неизвестно, кто предпочел удалить информацию – сам Генри Уолтер или его наследники, не желая привлекать излишнее внимание к записям, но того, что осталось, достаточно, чтобы понять: Мэрилин Монро вовсе не была пустой блондинкой, какой ее долго представляли Голливуд и средства массовой информации. Примечательны собственные слова Мэрилин: «Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают».

Вот каким текстом магнитофонные записи сопроводил в дневнике сам Генри Уолтер:

«Я увидел Ее на берегу, на самом краю пирса, явно готовую шагнуть вниз в неспокойное море. Женская фигурка сиротливо стояла, кутаясь в просторный черный плащ…

Один громкий оклик, и она сделает этот шаг. Первое, что пришло в голову, – взяться за трубку. Нелепое занятие – пытаться прикурить на холодном осеннем ветру, но ничего другого у меня просто не было, зато удалось поинтересоваться достаточно спокойно:

– Что-то случилось?

– Я потерялась…

Голос растерянного ребенка, хотя передо мной красивая взрослая женщина. В ней было что-то неуловимо знакомое…

– В городе?

Трубка, конечно, не раскуривалась.

– В жизни.

– Это серьезно… Вы не хотите уйти с ветра, здесь невозможно курить.

Она послушно поплелась следом в ближайший бар. Мы сидели и молча пили пиво. Иногда лучше помолчать. Когда женщина вдруг начала говорить, тихо и сбивчиво объясняя, что она не такая, какой ее воспринимают, что вторая выдуманная совсем вытеснила настоящую, я уже понял, кто передо мной. Черный парик, просторный плащ, отсутствие макияжа… но это была Мэрилин Монро!

А судя по тому, что она взволнованно бормотала, женщине нужно всерьез выговориться. Но ни отправиться к ней, ни пригласить к себе, ни выслушивать ее рассказ в баре я не мог. Еще немного, и остальные тоже поняли бы, кто это. Решение пришло неожиданно, я вырвал листок из записной книжки и протянул со словами:

– Вот здесь нарисуете себя настоящую…

– Я не рисую.

– Вы просто не пробовали. Мне все равно, что это будет, хоть один нос или лошадиная задница, все, что придет в голову. Попытайтесь вспомнить время, когда Вы были сами собой. Свое детство, например, тогда уж точно никто не пялился на Вас маслеными взглядами.

Она послушно протянула руку:

– А потом принести Вам для анализа моего состояния?

– Много общались с психотерапевтами? Я не буду анализировать. Вы нарисуете это дома, спокойно сидя в одиночестве. Просто расслабьтесь и возьмите в руки карандаш. А еще лучше вдобавок включите магнитофон и все расскажите.

– О себе?

– О том, что вспомнилось из-за рисунка. Встретимся, когда будете готовы. И не рассказывайте на каждом углу о нашей встрече и о своей потере тоже. Вот мой телефон. Я Генри. До

свидания, Мэрилин.

– Вы меня узнали?!

– Вы действительно слишком много набрались от своей роли. Не замечаете, когда начинаете играть, тогда не узнать Вас просто невозможно. Даже под черным париком.

Мы встречались не раз, она приносила рисунки, бобины с пленкой и ничего не спрашивала обо мне, видно, так легче. Я не слушал эти записи, понимая, что если услышу, что-то неуловимо изменится, она будет зависеть от меня, от моей оценки. Кажется, она это понимала и потому доверяла все больше.

А потом пришла пора мне уезжать, а у нее все еще продолжался разлад с самой собой. Однако у Мэрилин был психотерапевт, помощники и наставники, и она совершенно не слушала мои советы. Мэрилин умоляла не уезжать, не бросать ее.

Но я уехал, не мог не уехать, это зависело не от меня, а когда узнал о гибели звезды, понял, что должен был остаться и даже ценой собственной жизни спасти ЕЕ.

Это мой извечный грех – ЕЕ гибель».

Верните Норму Джин!

Док (можно я буду обращаться к Вам так?), я выполнила Ваше задание – нарисовала себя совсем маленькой и попыталась вспомнить, с чего все началось.

Вы никогда не боялись зеркал? Вернее, не боялись своего в них отражения?

Понимаете, люди почему-то точно уверены, что видят в зеркалах самих себя. А как можно быть уверенным?

Я всегда любила зеркала.

А теперь ненавижу.

Все из-за того вечера…

Испытанное потрясение огромно, становится жутко при одной мысли об увиденном – в зеркале… не было моего отражения! Там, привычно улыбаясь, стояла мечта миллионов мужчин всего мира Мэрилин Монро, ослепительно красивая, с идеальным телом, глазами с поволокой и приоткрытыми, словно для поцелуя, губами… Но там не было Нормы Джин Бейкер! Совсем не было. Моя роль окончательно заслонила меня. Это так страшно…

Осколки зеркала разлетелись вместе с осколками брошенного в него стакана.

Ни один психоаналитик так ни черта и не понял! Они по Фрейду вытаскивали из меня мое детство или, наоборот, меня из моего детства. А вытаскивать надо Норму Джин из Мэрилин! Или каленым железом выжигать во мне эту чертову красотку!

Уэкслер удивлялся, что я рассказываю о событиях в третьем лице: «Мэрилин сказала… Мэрилин подумала…» А как иначе? Я и впрямь рассказывала о Мэрилин, а не о Норме Джин. Мой спаситель Ральф Гринсон даже не знал, что меня зовут именно так.

Смешно, психоаналитик не знал ГЛАВНОГО.

Норма Джин и Мэрилин не одно и то же, но всем нужна эта БЛОНДИНКА, и я никак не могу ее победить. Пусть бы существовала на экране или на публике, однако она захватила всю мою жизнь! Благодаря ей я очень многое приобрела, но еще больше потеряла.

Однажды я целый вечер провела в обнимку с телефоном, но, тсс… об этом никому нельзя рассказывать – упекут в психушку.

Набирала номера наугад, если отвечал мужской голос,

представлялась репортером дамского журнала и спрашивала, с кем они хотели бы переспать, если могли выбирать любую женщину в мире, включая английскую королеву. На листе двадцать одна галочка – стольких удалось опросить. Звонков было больше, но нашлись те, кто просто послал к черту. Два человека сказали, что ни с кем, один назвал свою жену (подозреваю, та просто стояла рядом и слушала), остальные ответили: «Мэрилин Монро».

Десять лет назад я визжала бы от счастья, потому что все мужчины мира хотят меня! Сейчас знаю, что не меня, а ту самую роскошную блондинку с приоткрытым ртом и глазами с поволокой, которая поселилась во мне.

Что мне делать, как ее вывести или хотя бы ограничить рамками съемочной площадки? Я не могу никому рассказать об этом раздвоении, даже Гринсону, очень надеюсь, что он поймет сам. Временами, кажется, понимает, даже пытается помочь, но почти сразу выясняется, что понял не так.

Глупости, глупости, глупости!

Но где-то же осталась Норма Джин Бейкер, та, которую превратили в Мэрилин Монро?! Она не могла погибнуть, исчезнуть, пропасть, она где-то есть?

После встречи с Вами вернулась домой, растерянно сжимая в руке помятый листочек в клеточку, вырванный из записной книжки, почему-то казалось, что именно в нем мое спасение. Даже ладони вспотели от предвкушения близости освобождения…

Вы правы, это должно помочь. Я справлюсь, смогу возродить Норму Джин, я не сдамся.

Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают. Не меня – ЕЕ, просто люди не видят, что нас двое.

Вот почему я все-таки нарисовала картинку и попыталась все объяснить. Вам или себе – не знаю, это даже не важно.

В фильме «Река, не текущая вспять» Мэтт говорит: «Если человек не знает, что ему делать, куда идти, нужно вернуться назад и начать сначала».

Детство

Говорят, в детстве я была очаровательным ребенком – не болела, не капризничала, вовремя спала и хорошо ела. А еще радовалась жизни, не подозревая, что меня едва не придушили подушкой. Честно, честно! Есть маленькая фотография, где я в младенчестве. Там я вот такая – с толстыми щечками и чубчиком.

Правда, видели все это чужие люди, а не моя мама. Глэдис отдала меня в семью Болендеров в двухнедельном возрасте, испугавшись, что не справится с ребенком сама. Потом забрала обратно, потом снова отдала. Я всего этого не помню, но Болендерам за заботу благодарна. У них многолюдно, шумно и по-детски беззаботно, может, я была слишком мала, чтобы замечать проблемы, но ничего плохого за те годы не помню. Там точно жила Норма Джин Бейкер.

У меня есть фотография, на которой мы с мамой где-то на пляже и я совсем маленькая. Мама у меня красивая, даже сейчас после стольких лет психиатрических лечебниц, стольких лет болезни она сохранила остатки былой красоты. Возможно, это кажется, ведь в клинике меня встречает вечно недовольная, раздраженная женщина, не всегда узнающая дочь, но всегда готовая отругать.

Глэдис Бейкер хотела вырастить дочь великой киноактрисой, копией Джин Харлоу, но очень боялась ответственности и переложила ее на других. Оправданием служило то, что Глэдис время от времени ложилась в психушку. Удивительно, она запрещала называть себя мамой («Зови меня Глэдис!»), но отказывалась дать согласие на удочерение другими, поэтому мне пришлось часть детства прожить в приюте и во временных приемных семьях. А мне так хотелось иметь постоянный дом.

Как я представляю свое детство? Вот так, видите – они все вместе, а я одна, всегда одна и отдельно…

Конечно, ко мне относились неплохо, особенно Болендеры,

но никто не позволял называть себя мамой! Очень обидно быть ничьей. Я думала, это потому, что я плохая, старалась быть приветливой и чаще улыбаться. Мне и сейчас кажется, что нужно улыбаться, чтобы нравиться людям…

Скажу по секрету (почему незнакомым людям секреты раскрывать легче?): во мне всегда жило вот это желание быть приятной, никому не надоесть, не досаждать, получить одобрение. Наверное, из-за необходимости подстраиваться под жизнь разных семей, чтобы меня не отдали, не прогнали, не выбросили вон, как щенка…

Фрейд прав, все идет из детства. Я и сейчас заискиваю, как безродный щенок, и цепляюсь за каждого, кто может меня приласкать или пнуть ногой, и от всех завишу.

Не помню, заикалась ли с самого начала или это результат испуга.

Мама едва не сунула меня в таз с кипятком, видно желая искупать и просто не сознавая, что не добавила туда холодной воды. Я кричала так, что переполошила соседей, от стресса маме стало совсем плохо, теперь кричала уже она. Меня заперли в дальней комнате, чтобы ничего не видела, но не слышать сумасшедшие вопли и дикий хохот невозможно.

В памяти осталось, что это я позвала на помощь и маму забрали в больницу. Умом понимаю, что она едва не сварила меня заживо, и призыв о помощи спас если не жизнь, то здоровье, но в душе вина: из-за меня маму упекли в психушку. Помешательство в нашей семье наследственное, говорят, в младенчестве меня едва не задушила подушкой бабушка, чудом спасли соседи.

Но бывали и в моем детстве счастливые годы, когда я жила у Болендеров или у мамы случалась ремиссия. Она заботилась обо мне, даже купила в рассрочку дом и привезла туда белый рояль в надежде, что ее Норма Джин научится играть и петь, но пока играла сама, я была слишком мала. Вернее, Глэдис не играла, а просто лупила по клавишам, звуковая какофония помогла ей снова свихнуться и попытаться засунуть меня в кипяток.

Рояль был замечателен тем, что раньше принадлежал Фредерику Марчу. Но его давным-давно не настраивали, у мамы на настройщика денег не было, зато была мечта купить еще два кресла и слушать мою игру, сидя в одном из них.

Став состоятельной, я разыскала и выкупила этот рояль. Где-то есть снимок – мы с роялем, хороши оба, но у белого рояля стоит Мэрилин Монро. А дом забрали за невыплату кредита.

Фотографии тоже помогают вспомнить… Я достала большую

коробку, в ней тысячи снимков, и на многих я такая смешная…

Почему-то, представляя рояль, я вспоминаю не звуки (пусть даже какофонию), а грузчиков, которые его доставили. Особенно одного, он был такой огромный, чуть меньше самого рояля, во всяком случае, тогда мне казалось так. Я думала, что если бы захотел, то он смог бы взвалить эту белую махину себе на спину и понести.

Но он оказался водителем грузовика, развозящего мебель, и ничего не носил! Рояль тащили два довольно хилых мужичка, нанятых мамой на улице. Смешно?

А я все равно вижу рояль у него на спине – большой рояль на спине большого мужчины.

Меня взяла к себе тетя Грейс. Наверное, мы жили бедно, я была слишком мала, чтобы это понимать, но часовые очереди за вчерашним дешевым черным хлебом по двадцать пять центов помню. Тогда я думала, что все живут так же… Грейс – мамина подруга, они вместе проявляли пленки на киностудии, и обе обожали Кларка Гейбла и знаменитую блондинку Джин Харлоу. Грейс тоже мечтала, что я стану кинодивой, она водила меня в кино и все время твердила, что я красавица.

Я так в это поверила, что, когда Грейс уже не смогла меня содержать и отдала в приют, оказаться среди не столь приветливых людей и понять, что ты ничем не лучше других, было особенно тяжело. Увидев слово «приют», я отчаянно цеплялась за Грейс и кричала, что не сирота, у меня есть мама!

Не знаю, как выглядела в то время, фотографий приютских лет нет. Тех, кто имел две блузки, две юбки, заштопанное и уже ношенное кем-то нижнее белье и такие же заношенные башмаки, не завивали, не водили в кино и не фотографировали. У воспитанницы номер 3463 не было фотографий счастливого детства. Чтобы выжить, там надо стать как можно незаметнее и ни на что не жаловаться. Я научилась.

С тех пор я терпеть не могу нижнее белье, даже новое, оно кажется мне уже ношеным.

Потом Грейс нашла работу и забрала меня к себе, снова мы сидели в темном зале, наблюдая, как на экране белокурые красавицы влюбляются в ковбоев или принцев и выходят за них замуж. Наглядевшись экранных страстей, Грейс тоже влюбилась, ее мужу Эрвину Годдарду вовсе не нужна Норма Джин, у него были свои дети. Годдард пил, вместе с ним прикладывалась к бутылке и Грейс. Я вернулась в приют.

На одном из снимков они вместе – голова к голове, такие

чистенькие, ухоженные и красивые, у Грейс укладка и шляпка, Док в костюме и при галстуке. И трезвый, что бывало все реже. Док – это его прозвище, хотя он вовсе не доктор и никакого отношения к докторам не имел. Грейс навещала меня по субботам, привычно водила в кино и обещала забрать, как только наладятся дела. По ее голосу я понимала, что дела не наладятся никогда.

Меня хотели удочерить, и не раз, хотя детей в таком возрасте берут в приемные семьи редко. Говорят, я была хорошенькой, не знаю, в нашем приюте зеркал не водилось и фотографий не делали. Но мама не позволила, в момент просветления она из больницы не вышла, зато оформила отказ в удочерении ее девочки. Даже когда я сама написала Глэдис письмо с просьбой согласиться и обещанием не забывать ее и помогать, когда вырасту, в ответ получила сплошные материнские проклятья неблагодарной дочери. Неблагодарной дочери пришлось остаться в приюте вместо того, чтобы жить в нормальной фермерской семье на довольно большом ранчо.

В школе на нас показывали пальцем, издевались над одинаковыми блузками и юбками, много над чем, а у меня и над заиканием. Я привыкла помалкивать, а мне так хотелось быть разговорчивой и общаться наравне с остальными! Заика из детского дома, к тому же вдруг вымахавшая, как телеграфный столб! Сейчас у меня рост всего на полдюйма больше, чем был в одиннадцать-двенадцать лет. Одежда мала, всюду углы и никакой миловидности. Какая уж тут Джин Харлоу!

Грейс стало совестно, и она снова забрала меня из приюта, но снова ненадолго, правда, теперь возвращать не стала, а принялась передавать из семьи в семью своих родственников. Тем, кто брал приемыша, пусть и ненадолго, платили – пять долларов в неделю.

На пять долларов, наверное, содержать ребенка невозможно, поэтому я была обузой. Как щенок или котенок, которого подобрали на улице, забыв, что на уик-энд придется уезжать и по делам время от времени тоже. А еще тетушка не выносит запаха животных, поэтому, когда она гостит, щенка лучше подсунуть соседям и на праздники куда-то деть, чтобы гостям не мешал…

Тогда я мечтала, как, став звездой, богатой звездой, обойду все семьи, в которых жила за это время, и всем доплачу до двадцати долларов в неделю за Норму Джин, чтобы они не чувствовали себя обиженными.

Всем заплачу, даже Эллиотам, у которых спала в уголке у самой двери, кушать садилась последней, потому что не было места, а ванну принимала, когда в ней помылись уже все. Пусть знают, что я не жадная.

Почему я не могла жить у Грейс за те же пять долларов, почему она отправляла меня ко всем своим родственникам подряд? Может, если бы платили больше, то подкидыша не возвращали обратно в приют? Меня неотступно преследовала мысль: как стать дороже? Я даже подрабатывала в приюте мытьем посуды, хотя это тошнотворное занятие, и все же скопила только 20 долларов…

Но для тех, у кого я жила, даже двадцать центов были деньгами, а уж двадцать долларов почти богатство. Это не нищета, но очень-очень скромная бедность.

Не подозревала, что у меня есть собственная сестра Бернис, которая старше на целых семь лет, что они с братом живут у первого мужа нашей матери и меня даже готовы были бы приютить у себя, если бы знали о беде. Почему Грейс ничего не

сказала о первой семье Глэдис Бейкер?! Почему она так легко швыряла меня из дома в дом, не думая, каково быть всегда и во всем последней, отвечать на насмешки девочек в школе: «Из какой семьи ты сегодня пришла на занятия, Норма Джин?» Я не могла огрызаться, наоборот, всем улыбалась и молчала, даже если меня называли «человеческим бобом». Пусть лучше смеются, чем не замечают совсем. Никто не знает, как это тяжело – быть никому не нужной и незаметной, когда ты есть, но тебя нет. Как хотелось иногда крикнуть: «Я Норма Джин! Я есть, и я здесь!»

И все-таки родственники «кончились», однажды меня некому стало забирать, Грейс стоически решила, что возьмет беднягу в свою семью. Удивительно, но Годдард не был против, мы даже подружились с его дочерью Элинор, которую все звали Бебе, я считала ее своей сестрой. Снова был дом, была семья, пусть и приемная, даже была сестра и свой постоянный уголок. Почти счастье…

Фотографии той Нормы Джин у меня были, нас снимали всей семьей, но все снимки у Грейс, ведь это их семья, а я просто подкидыш.

Вы не были подкидышем? Тогда Вам здорово повезло, потому что сознание, что ты ничья и никого не можешь назвать мамой или папой, сильно отравляет жизнь в детстве, даже если в остальном все хорошо. Понимаете, это внутреннее ощущение затаившегося зверька. Я наблюдала за играми детенышей хищников, как бы они ни играли, они всегда настороже. Вот так и ничьи дети, можно улыбаться, стараться быть веселой и всем нравиться, но внутри живет ожидание, что кто-то ткнет в тебя пальцем и скажет:

– Эй, Норма Джин, ты ничья! У тебя нет мамы и папы.

У меня была мама, но она запретила называть себя так, боялась ответственности. И я ничего не знала об отце.

Фрейд прав: у человека все идет из детства. Мое одиночество, как бы старательно я ни прятала его за широкой улыбкой и приветливостью, все равно со мной. Три замужества, множество любовников и никого рядом. Только вот это отражение – Мэрилин Монро. Или это уже я ее отражение?

У нас в классе была Лизбетт, считавшаяся авторитетом, потому что она умела правильно целоваться и у нее был взрослый парень, о свиданиях с которым Лизбетт рассказывала небылицы. Позже я поняла, что действительно небылицы, поскольку закатывать глаза от одних только французских поцелуев смешно.

Меня Лизбетт не любила и звала тощей жердиной с выменем. Это потому, что у меня первой из класса вдруг начала расти

грудь. Ни у кого другого, даже у Лизбетт еще ничего не было. У старших девочек была, и они этим страшно гордились. Зато Лизбетт гордилась умением целоваться.

Не поверите, но я радовалась тому, что меня обзывают. Ведь это куда лучше, чем не замечать, правда?

Все равно для меня жизнь у Годдардов казалась вполне счастливой, пусть и не слишком обеспеченной, вернее, совсем не обеспеченной, но я другой не знала. Мы экономили на всем, и двадцать пять центов были заметными деньгами, а от десяти долларов приходили в восторг. О кино пришлось забыть, водить на киносеансы двух девочек Грейс уже не могла, расходы и так превышали доходы. Но я все равно помнила Кларка Гейбла и Джин Харлоу.

Однажды в минуту просветления Глэдис показала мне портрет мужчины, чем-то напоминающего молодого Гейбла, и сказала, что это и есть мой отец. Остальное доделало воображение, я стала говорить всем, что моя мама больна, но мой отец Кларк Гейбл, что тоже было поводом для насмешек.

Ван-Нейси – пригород Лос-Анджелеса, а мама и Грейс работали на киностудии, правда, проявляли пленки, но ведь могли же быть знакомы с актерами? Этого оказалось достаточно, чтобы поверить в свою придумку. Той фотографии у меня нет, я так никогда и не увидела своего отца, хотя позже нашла его. Он отказался разговаривать со своей дочерью даже по телефону, ведь Норма Джин еще не была знаменитой… Я не знаю, действительно ли он похож на Кларка Гейбла. И даже не знаю, действительно ли он мой отец.

Любила меня только тетя Энн. Энн Лоуэр я не забуду никогда. Она не ругала, не кричала, в ее доме и в душе царили любовь и ласка! Что это такое, может представить себе только тот, кто никогда прежде такого не знал. Но тетя Энн была старой и очень больной, потому взять меня к себе не могла. Я просто ходила к ней помогать по хозяйству и отогреваться душой.

Мой любимый снимок, где тетя Энн сидит позади меня, а еще две соседки просто стоят. У нее очень доброе лицо, она и сама очень добрая.

Когда случилась беда, именно к тете Энн я прибежала искать защиту. Это когда пьяный Годдард попытался научить меня тем самым французским поцелуям. Получается, что французские поцелуи сильно повлияли на мою судьбу, потому что обеспокоенная тетя Энн оставила несчастного подкидыша у себя. Жить в доме Годдардов было уже нельзя, он сам часто пил, а Грейс стала смотреть на меня косо. Тогда я этого не понимала,

просто испугалась. Куда девать меня, непонятно, пятнадцатилетняя рослая, уже вполне оформившаяся девушка была обузой еще большей, чем пятилетняя девочка.

А Доку Годдарду предложили работу в Западной Вирджинии. Брать меня с собой никто и не подумал, но и оставлять насовсем у тети Энн тоже нельзя.

И Грейс решила, как всегда не спросив меня. Она договорилась с соседкой Этель Догерти о том, что ее сын Джим… женится на мне! Джим – хороший парень, но мне-то всего пятнадцать! Конечно, я была рослой и с приличной для своего возраста фигурой, но Джимми почти на шесть лет старше. Грейс только фыркнула:

– А ты хотела, чтобы он был моложе?

После случая с Годдардом она относилась ко мне так, словно я виновата в поведении ее пьяного мужа.

Выбор невелик – замужество или снова приют. Тетя Энн могла подержать меня у себя лишь несколько месяцев.

Меня выдали замуж за Джима. Но я расскажу потом, сейчас устала…

Миссис Догерти

Док, можно я буду рассказывать все, что придет в голову? Мне так легче. Я никогда не отличалась последовательностью, а теперь тем более.

Я так много и подробно рассказала о детстве, что даже сама удивилась. Но мне больше не хочется, во всяком случае, не сейчас…

Однажды я уже пыталась рассказать о себе Б. Х., а он все рассказы облагородил и превратил в книгу. И даже не поставил свое имя в качестве автора. Он очень-очень талантливый, даже гениальный, и очень добрый.

Но когда все было готово, я вдруг ужаснулась – вот уж где точно не было Нормы Джин! Х. все написал правильно, даже не знаю, что меня испугало, тогда я не смогла объяснить, что именно, а сейчас вдруг поняла – я отказывалась от Нормы Джин, старалась ее забыть! И, если честно, многое приукрасила. Понимаете, когда знаешь, что это прочитают другие, хочется выглядеть и умнее, и лучше, чем ты есть на самом деле, хочется оправдаться.

Пока смотрела детские фотографии, пришла одна мысль: а ведь на многих видна Мэрилин! Понимаете, она уже была во мне, может, именно ее видела Грейс, когда прочила будущее кинозвезды?

Вы читали «Лолиту» Набокова? Конечно, читали. Помните, как там называли юных девушек, в которых проснулась чувственность? Нимфетками.

Я смотрю на свои фотографии и понимаю, что на них нимфетка. Настоящая нимфетка. Но во мне еще ничего не проснулось, правда, правда. Однако взгляд, позы, какая-то особая аура… Я ничего не чувствовала, никакого ни к кому влечения, улыбалась и смотрела зовущим взглядом бессознательно, но Мэрилин во мне уже проснулась. На меня заглядывались, предлагали поднести книги и пакет с бутербродами, свистели вслед, зазывали, редко кто из молодых людей (и не только молодых) мог спокойно пройти мимо, не обернувшись или не скосив глаза.

Я все это замечала и даже быстро научилась пользоваться. Полуулыбка, зовущий взгляд легко обманывали всех вокруг. Чуть приоткрытые губы появились именно тогда. Получается, что, не сознавая, играла роль сексапильной блондинки. Играла или уже была ею?

Иногда кажется, что два человека во мне жили всегда и сильнее становилась то одна, то другая. Это тоже разновидность сумасшествия, только иная, чем у моей мамы? Я всегда до смерти боялась последовать за ней.

Мое первое замужество было странным, оно не сделало меня несчастной, но и ничего не дало. Единственной положительной стороной оказалось то, что я перестала быть сиротой. Я уже не была ничьей, живущей в семье из жалости. Это я так думала, в действительности же Джим женился, именно пожалев. Этель объяснила сыну, что если меня не взять замуж, то я снова отправлюсь прямиком в сиротский приют до совершеннолетия, а это страшно.

Конечно, я нравилась Джиму, и он мне тоже. Но в таком возрасте ничего не знала о любви и старалась общаться либо с детьми, много меньше себя, либо со взрослыми женщинами, которые не разговаривали в моем присутствии на фривольные темы. В качестве невесты я была совершенным ребенком, даже спрашивала у Грейс, можем ли мы с Джимом, поженившись, остаться только друзьями.

Понимаю, что, рано оформившись внешне, такими вопросами производила впечатление либо полной дурочки, либо настоящей хитрюги, играющей невинность. Кажется, Грейс, помня интерес своего супруга ко мне, больше склонялась ко второму. В ответ было сказано, что вполне созрела для нормальных супружеских отношений, тем более пройдет несколько месяцев, пока мне исполнится шестнадцать и Джим сможет взять меня в жены, и я успею окончательно повзрослеть.

Конечно, Джим тоже времени зря не терял, он научил меня целоваться уже не по-французски, а по-настоящему, но дальше дело не пошло, он не глуп и прекрасно понимал, что может быть наказан за связь с несовершеннолетней.

На нашей свадьбе с моей стороны была только тетя Энн, Годдарды уже уехали, а Болендеры почему-то не пришли, наверное, не смогли оставить кучу своих приемных детей.

Джим сбрил усы и сразу стал моложе своих лет, на фотографии я выгляжу даже старше его, хотя в действительности мне только исполнилось шестнадцать. Джим хороший, он меня не обижал, напротив, старался немного баловать. Мы сразу сняли квартирку из двух крохотных комнат, чтобы жить самостоятельно, и я принялась воплощать свои мечты о доме и семейном уюте.

Я была очень благодарна Джиму за то, что он избавил меня от клейма сироты, и очень старалась угодить, особенно в постели, просто не представляя, как это сделать.

Я так подробно рассказываю о своем первом браке, который, в общем-то, ничего мне не дал, хотя и не сделал несчастной, потому что он поучителен. Сейчас, пережив уже три брака, которые были разными, могу сказать, что этот первый был самым спокойным и самым крепким, хотя разрушила его я сама.

Это совершенно обычный, очень похожий на тысячи других брак, просто двое начинают жить вместе, спят друг с дружкой по обязанности, рожают детей, работают, чтобы содержать семью, иногда ссорятся, но чаще всего молчат, по вечерам играют в карты, старятся и умирают, оставив дом и долги детям.

Нет, мы с Джимом не ссорились, но молчали. Молча проводили вечера, молча отправлялись в постель… нам не о чем было разговаривать, у нас не было общих интересов. В выходные шли в кино или на танцы, но это быстро прекратилось, потому что наблюдать, как на его жену откровенно глазеют другие, Джим не мог, страшно раздражался.

Школу мне пришлось бросить, туда не ходят замужние женщины. Работать рано, никуда не брали, приходилось сидеть дома, поджидая супруга с работы, в то время Джим работал на авиационном заводе и мечтал о подвигах, как я мечтала о кино. Когда-то Грейс зародила во мне опасную мечту стать звездой экрана, но ничего не сделала, чтобы эта мечта могла осуществиться, напротив, выдав замуж за Джима, совсем перекрыла дорогу к ее исполнению.

Я была не слишком прилежной женой, просто не представляя, как собирать мужу завтрак на работу, как за ним ухаживать, не умела многое. Зато открыла для себя мир книг. Читать любила и раньше, но теперь делала это с особым рвением. Я не умею читать понемногу и вдумчиво, если взяла книгу в руки, то должна «проглотить» ее и не способна заниматься чем-то еще, пока не закончу. Правда, не всегда дочитываю, мне кажется, ни к чему знать, чем же закончится та или иная история, достаточно понять характеры героев, а окончание даже интереснее придумать самой. А еще мне всегда нравились красиво построенные фразы, в которых слово цепляется за слово, складываясь в цепочку и обретая особый ритм. Именно поэтому люблю белый стих и так называемый поток сознания…

Но откуда взять хорошую литературу в доме Догерти? Книги стоили дорого, покупать их никому не приходило в голову, а в библиотеке на полках обычно стояло то, что не представляло особой ценности и читалось легко. Все же наш район Лос-Анджелеса славился вовсе не библиотеками или театрами, а пивными и драками.

Я все равно читала, как потом выяснилось, всякую ерунду, так и не получив представления о настоящей литературе. С ней меня познакомили много позже. Становится обидно, когда понимаю, сколько лет пропало, сколько прочитала книг, которые можно и не брать в руки, и сколько не успела прочесть! Но прошлых лет не вернешь, я и сейчас очень люблю читать, хотя из-за разных лекарств делать это становится все труднее.

Джима такие интересы юной супруги вовсе не устраивали, он предпочел бы порядок в доме, вкусный ужин, а не жену, отгородившуюся книгой. Сам Догерти не слишком любил чтение, зато не меньше меня мечтал. Джиму очень хотелось отправиться воевать, казалось преступлением, что он сидит дома, а настоящие парни где-то сражаются с врагом. Думаю, Этель Догерти настояла на нашей свадьбе, отчасти надеясь присутствием молодой жены удержать своего сына. Возможно, Джим действительно ушел бы в армию добровольно, он даже пытался это сделать сразу после свадьбы, но я не пустила, вцепившись в него, как клещ. Казалось, если он уйдет, то это навсегда, и я снова останусь никому не нужной.

Работа на авиационном заводе тоже вклад в победу на фронте, но Джим так не считал, ему хотелось подвигов, настоящей мужской дружбы, хотелось на флот. Он часто говорил, что настоящие мужчины только там, на кораблях, где среди бушующих волн чувствуется надежное плечо товарища.

Я была бы не против мужественного, героического мужа, если только для этого ему не пришлось отправляться куда-то далеко. Едва обретя семью и перестав быть одинокой, я не могла оставаться одна, отъезд мужа равносилен предательству.

Джим решил, что останется в Лос-Анджелесе, но станет пожарным.

Но он все равно ушел на флот, и не последнюю роль в этом сыграла нимфетка Мэрилин.

Единственным доступным нам развлечением были танцы по выходным или пляж. Но если для меня это радость, то для Джима любой выход из дома вместе со мной превращался в пытку. Мне вслед снова свистели, отпускали шуточки, зазывали, не обращая внимания ни на демонстрируемое обручальное кольцо, ни на присутствие супруга. Джимми бледнел, краснел и требовал вернуться.

Подозреваю, что ему просто надоела супруга, мало что умеющая дома, но столь привлекательная для других.

А еще он мне изменял, я знаю точно. Все же мы поженились не по страстной любви, и у Джима была девушка – «Мисс Санта-

Барбара», очень красивая, красивее меня. Муж часто пропадал по вечерам, а то и ночью, отговариваясь приятелями, которых тоже было немало, но я знала, что он с женщиной. Потом однажды получила подтверждение… Но что я могла – потребовать верности, развестись? Джим дал бы мне развод, ему уже не столь нужна наша семья, куда проще одному, хотя относился муж ко мне хорошо.

Развод не могла допустить я сама, потому что это означало бы снова одиночество и ненужность. К тому же мне просто некуда было идти! Годдарды уехали, тетя Энн очень больна, работы нет, мама в больнице… Но я не столько боялась, что негде и не на что будет жить, сколько того, что и эта семья отказалась от меня! Чем больше я цеплялась за Джима, тем больше ему хотелось вырваться.

Наверное, я слишком прилипчивая, стараюсь прицепиться к любому, кто хоть как-то выскажет свою приязнь настолько, что хочется оторвать от себя. Может, потому от меня сбегают мужья, любовники и даже друзья? Но я не могу иначе, до сих пор боюсь остаться одна. Одиночество – это очень-очень страшно, Док.

Джима призвали в армию, он перебрался на остров Каталина. Я больше всего боялась, что он откажется брать с собой меня. Не отказался, взял, но там не очень много женщин, зато много сильных молодых парней, которые свистели и улюлюкали вслед куда чаще, чем в Лос-Анджелесе. Муж злился и постоянно был мной недоволен: я никудышная кухарка, слишком много внимания уделяю своей внешности, а еще нарочно привлекаю внимание мужчин. Я готова была не выходить из дома, чтобы не привлекать ничье внимание, научиться готовить лучше всех американских поваров вместе взятых, только бы он не отказывался от меня, но, кажется, не могла удовлетворить его в постели.

Джимми был рад, когда через несколько месяцев его направили служить далеко от дома и Санта-Каталины. Подозреваю, что он сам напросился.

Не оставаться же мне одной на учебной базе? Пришлось перебраться в дом к свекрови. Этель Догерти относилась ко мне прекрасно, жизнь у нее была спокойной и комфортной, хотя тоже не слишком обеспеченной, но я не капризна и не требовательна. Этель устроила меня работать на завод «Радиоплан», где собирали небольшие самолеты-разведчики – наносить лак на крылья за 20 долларов в неделю. Я не одна, но все равно чувствовала одиночество и скучала…

Почему я вдруг стала сниматься для журналов? Уж точно не из-за денег. Хотя и из-за них тоже. Деньги давали некоторую свободу.

Понимаете, Док, я всегда от кого-то зависела, сначала от людей, у которых жила, от Грейс, от тети Энн, от одноклассников, боялась чужого осуждения и даже просто оценки. Потом стала зависеть от Джима Догерти. Семья Догерти относилась ко мне хорошо, Этель – прекрасная свекровь, да и Джим не обижал. Но я была словно довеском в их жизни.

Когда вспоминаю нашу с Джимом семью, понимаю, что ее и не было вовсе. И дело не в изменах, просто Джим женился на мне под давлением и из жалости, он был не готов стать настоящим мужем и главой семьи, а я тем более. Ну какая из меня супруга? Наверное, если бы Грейс не внушала мне мысль о том, чтобы стать киноактрисой и даже звездой, я смирилась бы с положением жены, ждущей мужа из очередного плаванья и прекрасно понимающей, что рогата. Но киноэкран и мечты о карьере вроде Джин Харлоу навсегда вторглись в мое сердце и мои мысли, жизнь просто в качестве миссис Догерти казалась никчемной.

И все равно ничего не изменилось бы, не будь той съемки в цеху. Я работала на авиационном заводе, покрывая страшно вонючим лаком фюзеляжи самолетов. Нет, это не были лайнеры, мы делали маленькие самолеты-разведчики, но какая разница?

К этому времени Джим снова отбыл далече. Я прекрасно понимала, что он должен это делать, потому что служит на флоте, но невольно чувствовала себя брошенной. Меня снова предавали, как щенка, брали к себе и бросали, уезжая.

Я была уже достаточно взрослой и не плакала, однако обвиняла себя сильно. Казалось, что я снова не угодила всем, я не такая, как надо, неправильная, не способна удержать мужа дома. Этель успокаивала, твердя, что Джим давно, задолго до нашей свадьбы мечтал о дальних путешествиях и о море, но легче от ее рассказов не становилось. Понимаете, я снова не соответствовала каким-то требованиям, из-за чего меня бросали. Ведь если бы я была очень хорошей еще до рождения, наверное, отец не отказался бы признать меня своей дочерью. И если бы я была замечательной девочкой, меня не передавали бы из семьи в семью. Вот и теперь я не смогла стать настоящей хорошей женой, без которой муж не смог бы прожить и дня, а потому ему не пришло бы в голову уйти в море надолго. Я не такая, я неправильная, я недостойна… Я не заслужила.

Вот этот рок – недостойна – висит надо мной всю жизнь. Я НЕ СМОГЛА. Джимми приезжал домой на Рождество, и я очень надеялась, что смогу уговорить его уйти со службы и жить дома

постоянно, но Догерти на уговоры не поддался и по окончании отпуска снова отбыл на свой корабль. Муж ушел в море, а я осталась соломенной вдовой. Конечно, можно было бы просто завести себе приятельниц и приятелей, даже любовника, но мне вовсе не хотелось вот так размениваться. И потекла очень нудная и скучная жизнь. Правда, недолго.

К нам на завод приехала группа фотокорреспондентов делать снимки для разных журналов с военной тематикой. Их репортаж должен рассказывать, как девушки в тылу стараются ради победы. В Лос-Анджелесе мало заметно, что идет война, разве изредка видны корабли на рейде, но это не слишком волновало, к тому же война подходила к концу. В остальном жизнь текла сама по себе. Но мы работали на заводе, который поставлял продукцию для военных, потому о войне не забывали.

Я оказалась в числе тех, кого принялись снимать. Мне всегда нравилось фотографироваться. Обычно перед публикой я смущаюсь, даже сейчас, когда сделаны тысячи моих снимков, сыграно множество ролей, даны десятки интервью и много раз пришлось выступать перед огромными толпами поклонников и даже недоброжелателей, я все равно делаю первый шаг с содроганием, только усилием воли. А тогда смущалась до заикания.

Но, знаете, позировать перед публикой и перед объективом камеры не одно и то же. Когда выходишь к людям, страшно услышать или увидеть сиюминутное неодобрение, понять, что что-то не так, а исправить уже нельзя. А перед камерой иначе: во-первых, ты не видишь будущих зрителей, и можно разговаривать с ними мысленно, представляя себе очень доброжелательную публику. Во-вторых, снимок всегда можно переделать, отретушировать, переснять, в конце концов! И вот когда ты знаешь, что все можно исправить и это зависит только от фотографа (обычно настроенного доброжелательно) и от тебя самой, тогда можно работать спокойно.

Нет, позирование – это даже не работа. Я была перед камерой не просто спокойна, я была раскована от этого спокойствия. Сейчас я понимаю, что тогда еще не было множества придирок со всех сторон, поучающих наставлений, критических замечаний, недовольства, а только просьбы:

– Норма Джин, давай! Ну-ка, детка, повернись другим боком. А теперь улыбнись на камеру так, словно хочешь соблазнить всю Америку сразу!

Я поворачивалась, улыбалась, покоряла. Сначала на заводе, где делались снимки для армии, потом в фотоателье, где меня снимали для журнала (безо всякого эротического налета), потом в

модельном агентстве.

Думаете, это просто – едва обретя семью, пусть и с отсутствующим мужем, но все же со свекровью, с домом, которого у меня никогда не было, с родственниками, пусть и со стороны мужа, вдруг все бросить и решиться начать новую жизнь, совсем ненадежную и неизвестно к чему ведущую?

Тогда я не смогла послушать фотографа Конновера и стать настоящей моделью, не была готова. Ведь впервые за всю пусть и короткую жизнь у меня была семья, родственники, готовые меня любить, но одновременно впервые за столько лет у меня были деньги.

Когда на Рождество в отпуск приехал Джим, я смогла себе позволить принять его почти по-королевски, во всяком случае, тогда нам казалось так. Муж уже знал, что я подработала фотомоделью, но не придал этому значения, правда объяснив, что это ненадолго, как только он приедет в следующий раз, мне придется забыть обо всяких глупостях, потому что уже пора подумать о ребенке. Нет, не сейчас, пока рановато, но в следующий раз, пожалуй, будет пора…

Удар! Муж не собирался оставаться дома и становиться моей каменной стеной, он снова меня бросал. Никто не смог бы убедить меня, что служба заставляет Джима бывать дома наездами, я воспринимала это как предательство.

Но у меня была еще одна зацепка, я копила деньги для подарков не только Джиму и Этель Догерти, не только для тети Энн и Грейс, но и для… отца! Грейс открыла мне имя моего отца – Стэнли Гриффорд. Это сейчас я понимаю, что все очень неточно, что отцом мог быть вовсе не Гриффорд, у матери было немало поклонников, но тогда показалось, что стоит мне увидеться с отцом и все наладится. Что все? А все в жизни, ведь теперь у меня были сестра, племянники, муж, свекровь, немало родственников и даже отец! Знаете, это может оценить только тот, кто долго-долго был ничьим, никому не нужным, одиноким.

Мир уже не просто улыбался мне, казалось, жизнь расцвела

всеми красками. Да, конечно, Джимми прав, он вынужден заработать немного денег, но он вернется, у нас будет ребенок, а мой отец станет счастливым дедом! Я не могла просто так смириться со своей ненужностью никому, даже Джиму. Ничего, он почувствует, что не может без меня и дня, и быстро вернется. Разве может служба на флоте заменить горячие объятья супруги?

Но сначала нужно разыскать отца, Джим должен знать, что женился не на безродной сиротке, которую из жалости пригревали то в одном, то в другом доме. Моя мать больна, а отец просто не подозревал о моем существовании, если бы знал, то наверняка обрадовался. Обрадовалась же сестра!

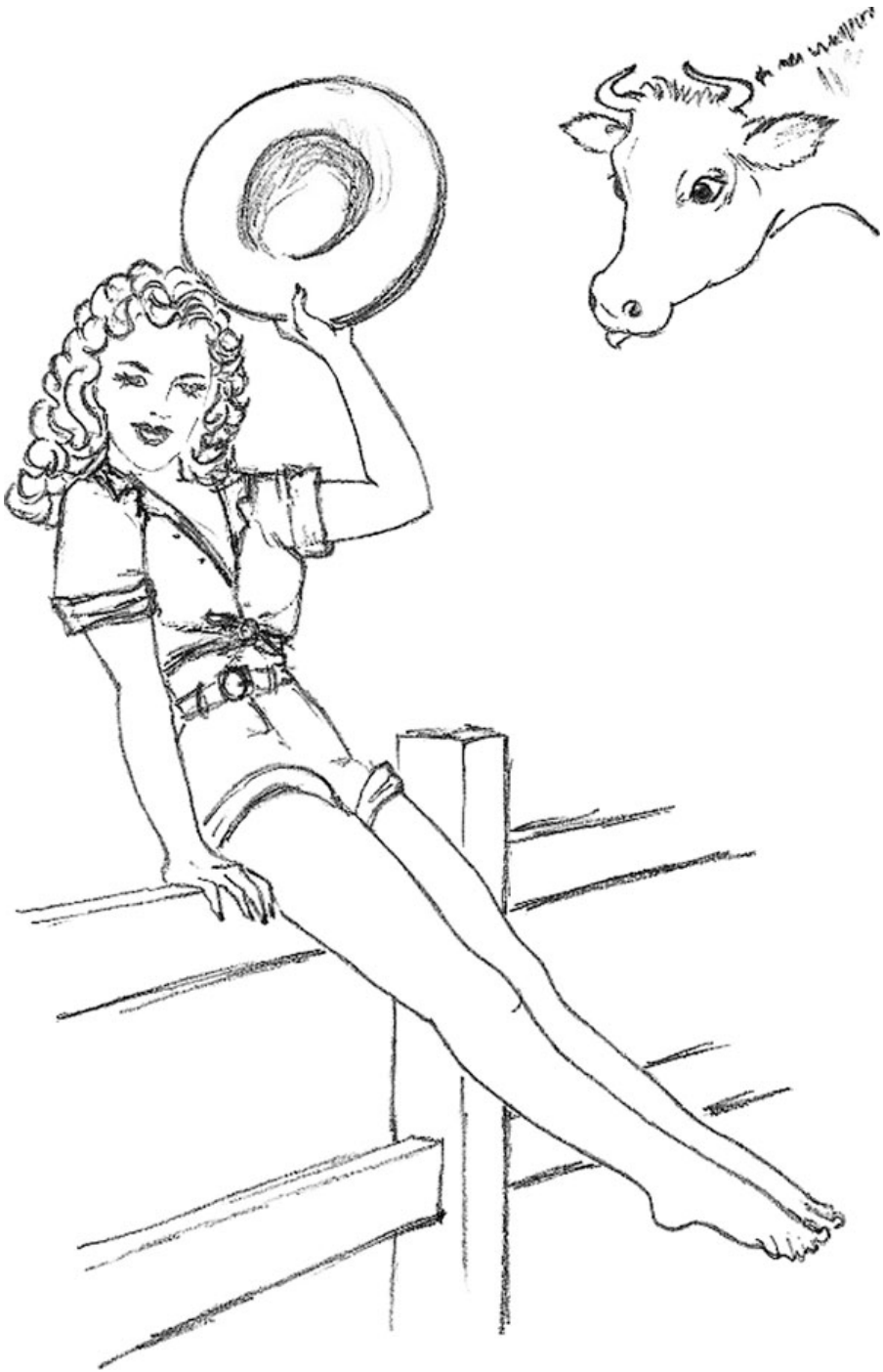
Я сумела раздобыть телефон Стэнли Гриффорда.

Так я представляю себе обрывание крыльев у птицы… Стэнли Гриффорд не захотел разговаривать с какой-то Нормой Джин! А его супруга посоветовала обратиться к адвокату, если у меня есть какие-то материальные претензии.

У меня не было материальных претензий, я просто хотела подарить отцу подарок на Рождество, а еще хотела, чтобы он знал, что я любила его все эти годы, даже когда было очень плохо и одиноко, даже не зная, кто он и жив ли вообще. Мне не нужна материальная помощь, я уже могла зарабатывать сама, мне нужен отец, пусть не рядом, но чтобы он знал о своей дочери, а я знала, что он знает.

Теперь он знал, но не желал этого знания…

У меня снова не было отца, а мой муж сбегал от меня. Даже имея родственников, я снова оказалась никому не нужна, всеми отвергнута. Снова одиночество…



Но и это оказалось не все. Дэвид Конновер, тот самый, что сначала делал мои снимки на заводе, а потом у себя в ателье, пригласил поснимать на природе. Я видела, что Дэвид неравнодушен, но мне так нравилось фотографироваться и все

получалось так хорошо, что я согласилась. Наверное, со стороны это выглядело совершенно неприлично: молодая замужняя женщина разъезжала по всей Калифорнии с молодым же фотографом, иногда ночуя с ним в одной комнате (просто не было других свободных). Конечно, это вызвало бурю негодования со стороны Этель Догерти, какой свекрови понравится такое поведение невестки. Джиму полетели разоблачающие меня письма, но тот остался спокоен, подозреваю, что муженьку было все равно, чем там занимается его жена, он занят своими делами.

Мы сделали большое количество прекрасных снимков, часть которых Конновер опубликовал в журналах, часть подарил мне. Я осознала, что могу стать фотомоделью, хотя Грейс всегда прочила большее.

Но фотомоделями хотят стать тысячи красивых девушек, у многих прекрасные фигуры, многие фотогеничны. Где гарантия, что повезет именно мне?

И все же, когда стало ясно, что выбор невелик – тоскливое замужество или новая жизнь, я решилась.

О, как это было трудно. Полдня я собиралась, красилась и перекрашивалась, меняла одно дешевенькое платьице на другое, переобувалась и снова переодевалась… В результате волосы лежали хуже некуда, дыханье перехватывало так, что и без заикания звука не выдавить, колени дрожали, и походка стала совершенно нелепой…

Доведя себя до полной непригодности, я вдруг отправилась в агентство.

Мисс Снайвли оказалась дамой очень тактичной, она не выгнала меня с порога, а попросила пройтись. Единственным желанием было вцепиться в край стола и остаться сидеть, потому что идти на деревянных ногах, с подгибающимися коленями очень тяжело. Голос дрожал, губы тоже, в глазах мольба, видно, она и заставила мисс Снайвли взяться за меня.

Решительности мисс Снайвли можно позавидовать, сначала она раскритиковала во мне все: походку, волосы, голос, манеру двигаться вообще… потом заявила, что если я твердо решила стать моделью и готова приложить для этого немало усилий, то у меня получится все, потому что во мне есть шарм, а это многого стоит.

Однако были нужны деньги для оплаты занятий, и деньги немалые, для меня тогда недостижимые – сто долларов за трехмесячный курс подготовки модели. Я сникла:

– Прошу извинить, у меня нет денег.

– Вам не придется сейчас платить, занимайтесь в долг, все вычтут из Ваших будущих заработков.

Понимаете, когда Вас берут на работу, о которой мечтают тысячи других, да еще и согласны учить в долг, рассчитывая на будущие заработки, это похоже на сказку. Меня больше всего поразила именно уверенность в будущем.

– Вы полагаете, они будут?

– У Вас? Конечно, если Вы не дура и не лентяйка.

Даже если я была до того момента дурой и лентяйкой, то мгновенно излечилась от обоих недостатков (хотя мой муж Артур Миллер вовсе так не считал).

Начались занятия, во время которых Мэри Смит учила нас ухаживать за лицом и телом, основам макияжа, миссис Гэвин Брэдсли – двигаться при демонстрации одежды, а сама мисс Снайвли – принимать красивые и выигрышные позы во время съемки.

Мной она занималась, кажется, особо, потому что мисс Снайвли не нравилось многое – слишком громкий смех, разболтанная вихляющая походка, слишком широкая улыбка, из-за которой нос расплывался картофелиной и становился очень большим… Но я очень старалась научиться все делать правильно, и мы исправили все, что возможно исправить. Конечно, денег на операцию по уменьшению носа и исправлению неправильного прикуса, из-за которого верхние клыки несколько заходили за нижние, у меня не было, эти дефекты были исправлены позже на средства Джонни Хайда, как и мой овал лица.

Учиться ходить, владеть своим телом, принимать эффектные позы и делать эффектные жесты… что может быть лучше и интереснее, тем более потом меня фотографировали.

Я очень люблю фотографироваться, это совсем не то, что кинокамера. Уже рассказывала, чем привлекателен фотоаппарат, в том числе и возможностью переделок. Но я довольно быстро научилась работать сразу «набело», как говорили многие фотографы. У меня со всеми наладились хорошие отношения. Иногда мне кажется, что это лучшее время в моей жизни. Пока еще ничего особенного не требовалось, все получалось, снимки были хорошими, фотографы мной довольны, реклама зубной пасты или лыж в купальнике меня не утомляла. Иногда я задавала дурацкие вопросы вроде того, к чему рекламировать зубную пасту полуголой, но довольно быстро осознала, что красивое женское тело привлечет внимание и к зубной пасте.

Я часами простаивала перед зеркалом, вернее, принимала разные позы и строила физиономии, чтобы понять, в чем моя слабость и сила, а также просто научиться. Конечно, это никак не могло понравиться свекрови, Этель написала Джиму о неприличном поведении его жены, тот прислал мне очередное

письмо с обещанием прекратить это безобразие, как только вернется.

Из дома Догерти пришлось уйти, я отправилась жить к тете Энн, сняв маленькую квартирку у нее на первом этаже.

Я не была приучена к большим деньгам, а потому заработка вполне хватало, чтобы одеваться и сносно питаться. По меркам Нормы Джин Бейкер, я могла себе многое позволить.

А мои снимки – это Пинап, знаете такие картинки, на которых хорошенькие женщины в соблазнительных позах и обязательно с обнаженными ножками делают вид, что занимаются обычными делами – убирают квартиру, ходят за покупками, играют со щенком…

Правда, при обычном Пинапе с фотографий делали рисунки, где фигуры девушек значительно улучшали, как и черты их лица, требовалось только умение принимать соблазнительные позы. С моих фотографий никто ничего не срисовывал, их сразу размещали, как есть.

Нашла для себя занимательное занятие – срисовывать старые фотографии. Вот одна из них. Самая глупая роль – словно болонка в корзинке

Док, я очень много якаю, да? Но как же иначе, ведь рассказ идет обо мне самой? Наверное, когда я (снова «я»!) начну

говорить о Мэрилин Монро, тогда буду и Вам, как доктору Уэкслеру, говорить в третьем лице: «Мэрилин сказала… Мэрилин подумала…» А пока терпите мое ячество.

Вы вообще терпеливый, это очень удобно. Вы есть, и Вас вроде нет. Я не задумываюсь, слушаете ли Вы мои записи и как можете потом их использовать. Важнее, что я проговариваю все сама, не по требованию психоаналитика или его заданию и под строгим взглядом, а просто сама, о чем хочу и что хочу. Знаете, так удобнее. Хотя доктор Гринсон тоже не давит на меня, но он зачем-то старается вытащить негативные воспоминания о детстве, а мне удобнее и легче вспоминать не только трудности, но и хорошее.

А еще мне удобно представлять Вас таким, каким я хочу в данный момент, не ждать оценки своих слов и мыслей, не ждать их разбора.

Когда рассказываешь свободно, кажется, что жилось не так уж и плохо, были счастливые минуты, была радость, что за спиной нет ничего страшного, что могло бы исковеркать мою нынешнюю жизнь.

Док, а вдруг это поможет снять мои страхи совсем? Тогда я расцелую Вас при всех и всем расскажу, что Вы лучший доктор в мире, что не нужны длительные мучительные сеансы психоанализа с погружениями и вытаскиванием негатива. Нет, может, кому-то они и нужны, но только не мне. Вытаскивая негатив, я не освобождаюсь, а лишь глубже в него погружаюсь. У меня был такой тяжелый опыт с доктором Крис, когда все закончилось психушкой. Сейчас не буду об этом вспоминать, но потом расскажу обязательно. Что я была в психушке, всем известно, но не все знают, как страшно оказаться в четырех стенах с зарешеченными окнами, стеклом в двери и отсутствием надежды когда-либо оттуда выйти. А тебя при этом еще и тысячу раз спрашивают: «Почему Вы чувствуете себя несчастной в этом помещении?!»

Если Вам удастся вытащить меня из прошлого негатива, из неуверенности, из сомнений и отчаянья, моей благодарности не будет предела. Этим Вы спасете меня.

Но я вернусь в то время, когда еще не было Мэрилин Монро, а Норма Джин решала для себя, кем ей быть.

Мисс Снайвли настояла, чтобы я осветлила волосы. Она приводила множество примеров успешных блондинок, в том числе и Джин Харлоу. Я могла бы в ответ привести не меньше

примеров успешных брюнеток, но довод в виде Джин Харлоу был слишком серьезен, ведь это мечта моей мамы, Грейс и моя собственная.

Наступление шло со всех сторон, и я наконец оказалась в студии Рафаэла Вольфа, который потребовал ради рекламы какого-то шампуня перекраситься. Вольф тоже настроен против моих каштановых волос и отправил в салон «У Фрэнка и Джозефа».

Приговор в салоне был однозначен: волосы выпрямить, укоротить и перекрасить в светлый цвет, потому что они слишком вьются и на фото выглядят слишком темными. Кажется, я даже заплакала, словно предчувствуя изменения всей жизни. Знаете, такое бывает, когда, меняя внешность, человек сильно изменяется сам.

– Я буду слишком неестественной.

– Если самой краситься пергидролем, конечно. Нужно посещать специалиста и ухаживать за волосами постоянно. Поверьте, Ваш цвет – платиновая блондинка, как Джин Харлоу.

Стоит ли говорить, что упоминание Харлоу было последней каплей. Правда, я не рискнула стать совсем светлой, только перекрасилась в золотисто-белокурый цвет.

Понравилось всем, особенно вернувшимся в Лос-Анджелес Годдардам (им не удалось прижиться на востоке, и они предпочли вернуться из Западной Вирджинии в Калифорнию). Понравилось и мне, особенно когда меня сняли в небольшом фильме без звука, где пришлось демонстрировать купальник.

Не понравилось только Джиму. Он приехал в Лос-Анджелес на побывку после полуторагодичного отсутствия. Но сейчас я вполне понимаю Джима, никому не понравится, если твое место на супружеской кровати занято. Нет, нет, Док, не подумайте, что я привела в дом любовника (хотя таковой у меня появился)! Сейчас расскажу, что произошло, это очень важно.

Мисс Снайвли очень старалась показать меня самым знаменитым и талантливым фотографам, если только узнавала об их присутствии в Лос-Анджелесе. Так случилось и с Андре Де Динсом, с которым мы познакомились еще осенью (тогда я не была золотоволоской).

Андре – фотограф от Бога, как бывают таковыми музыканты, живописцы, поэты… Он и камера составляют во время работы единое целое, мне иногда казалось, что они впрямь срастаются. Андре гениально чувствует освещение, позу, но не любит работать в студии. Все верно, там нет легкого ветерка, развевающего платье или треплющего волосы, нет солнечного

света, нет запахов, а ведь все это очень важно.

Де Динс пригласил меня поработать на натуре и увез за город. Я уже проходила съемки на природе с Конновером, но с Де Динсом все совсем иначе. Никаких наигранных поз, никаких заученных движений, все естественно и безумно красиво, а еще целомудренно.

Голосование на шоссе босиком и в довольно растрепанном виде (мы страшно мешали движению, но ни один водитель не возмутился, все терпеливо ждали, принимая меня за звезду) не производило впечатления «девицы с шоссе», казалось, мой велосипед просто упал с обрыва и мне нужна помощь. Многие водители, вынужденные ждать, так и решили, наперебой предлагая нам подвезти до города.

На фотографии у забора, где у меня открыт живот, потому что рубашка завязана прямо под грудью, ничего крамольного, просто девушка только что возилась с козленком или лошадью и сейчас вернется в дом. Кстати, козленок, вернее, ягненок тоже был, он такой миленький и так доверчиво прижимался ко мне, вовсе не протестуя, что его снимают.

Всем снимки очень нравились, кроме семейства Догерти. Если честно, то возмутись Джимми основательно, запрети он мне любые фотосессии или общение с Андре, тогда я еще послушалась бы и не знаю, как сложилась бы моя жизнь. Но приехавший в отпуск Джим равнодушно разглядывал фотографии, на которых я действительно хороша, равнодушно слушал мои рассказы об успехах в карьере фотомодели, равнодушно отбрасывал в сторону журналы, на глянцевых обложках которых красовалась его жена. Ему было все равно.

В большой степени именно равнодушие мужа подтолкнуло меня согласиться с предложением Андре Де Динса отправиться в новое путешествие, только теперь уже подальше, причем на Рождество.

Я ждала бури, опасалась, что Джим побьет меня, опасалась скандала, готовая отступить при первых признаках недовольства, а столкнулась… только с неудовольствием по поводу своего отсутствия на Рождество. Нет, возмущалась Этель Догерти, ужасалась тетя Энн, злился и сам Джим, но он не сказал мне ни слова. Не стукнул кулаком, не запер меня в квартире, не побил, в конце концов. Джим злился молча, что разозлило меня тоже. Я уехала с Андре на съемки.

Мы объездили чуть не все Западное побережье, посетили многие штаты, фотографировали на пляже и в пустыне, в горах и у водопадов Йосемитского национального парка.

Конечно, Андре очень хотел, чтобы я стала его любовницей, я

долго держалась, но все решила встреча с мамой. Во время телефонного разговора с Грейс та сообщила, что Глэдис выпустили из больницы и она живет в Портленде в штате Орегон. Мы были совсем рядом, в штате Вашингтон, и решили заехать проведать мою маму.

Это была ужасная встреча! Дело не в том, что мы давно не виделись и Глэдис просто не узнала меня, она была безразлична ко всему. Жалкая, потерянная женщина даже не протянула навстречу руку, не приподнялась с плетеного кресла. Она не обняла меня в ответ, не посмотрела фотографии, не взяла принесенный подарок.

Мы не знали, что делать и о чем говорить, Андре страшно нервничал, не в силах мне помочь. Когда я просто опустилась на пол у ног матери, размышляя, как быть, она вдруг тихо произнесла:

– Я хотела бы жить с тобой, Норма Джин.

Трудно передать мой ужас от этих слов. С одной стороны, я понимала, что не должна бросать беспомощную мать вот в таком состоянии одну, с другой, куда могла бы забрать, в крохотную квартирку, в которую вернется после увольнения Джим? Но там и кровать-то одна. Да, я уже зарабатывала достаточно, чтобы содержать и маму тоже, но это значило забыть о своей мечте, забыть о возможности стать еще кем-то.

А карьера фотомодели невечна, довольно скоро меня перестанут снимать так интенсивно, и можно снова оказаться не у дел. Тогда снова завод и нищета. И как Джим, который недоволен моей карьерой, отнесется еще и к необходимости терпеть в доме душевнобольную тещу?

А Андре вдруг стал говорить, что мы скоро поженимся и переедем в Нью-Йорк! Это означало отказ в помощи моей матери. Мне стало плохо, я попыталась смягчить заявление Андре, как-то обещать помочь.

– Мама, мы скоро увидимся с тобой снова.

Если бы я могла, наверное, забрала бы ее сразу, хотя очень страшно взваливать на себя такой груз ответственности. Но я сама зависела от всех: Андре, Джима, Этель, Энн…

А еще очень страшно видеть перед собой, возможно, собственное будущее. Разве не была безумна бабушка, брат мамы, отец бабушки?.. В моей семье у предков достаточно много примеров странного помешательства, это какой-то уход в себя, когда человек и существует на Земле, но его словно нет. Меня часто упрекают, что я отсутствую, внешне присутствуя. Джонни Хайд даже говорил, что мне нельзя заниматься актерством серьезно, потому что это подразумевает копание в психике, что я

должна играть легкие, комедийные роли. А я очень люблю психоаналитиков, люблю читать Фрейда и разбираться, что чувствую и почему. Это плохо и вредно? Может, Хайд был прав? О Хайде я Вам расскажу потом, он замечательный и много для меня сделал.

Всю дорогу обратно я проплакала, Андре старался утешить меня во всем, мы стали любовниками. Это совсем не то, что Джим, я чувствовала, что со мной спят не по супружеской обязанности, а по любви. Наверное, Джимми тоже любил меня, но как-то иначе, как свою жену, которую любить положено.

Поездка меня сильно изменила, даже сильнее, чем все предыдущие месяцы учебы и работы фотомоделью. Я стала неверной женой и вдруг осознала свою ответственность за кого-то еще.

Дома ждал разъяренный Джим. Его наконец прорвало, но Джимми не поднял руку, он просто устроил один за другим несколько скандалов, требуя, чтобы я прекратила сниматься и разъезжать по всей стране с мужиками. Ему нужна нормальная жена, а не фифа с журнальных обложек, я должна родить ребенка и прекратить фривольные съемки!

Впервые я огрызнулась.

– Какого черта?! Тебя нет дома два года, а я должна сидеть на пороге и ждать? Я тоже хочу жить и зарабатывать деньги. Что плохого в том, что я снимаюсь?!

Мы поссорились, а потом, к моему ужасу, показалось, что я в положении. Несколько дней я просто сходила с ума, все складывалось так плохо, что не придумаешь, как выпутаться. Я даже не могла точно сказать, от кого этот ребенок, он мог быть и от Де Динса, чего Джимми не простил бы мне никогда. Всю жизнь быть под таким подозрением или развестись и воспитывать ребенка одной, как это делала моя мама? К тому же существовала и она сама, забрасывавшая меня письмами с просьбой позволить приехать и жить со мной.

Андре Де Динс и его любовь отошли на задний план. Я знаю, он признал бы ребенка своим, хотя тоже сомневался в отцовстве, но ему не нужна Глэдис Бейкер, значит, всю жизнь мучилась бы совестью я.

Слава богу, опасения оказались напрасными, беременность с непонятным отцовством не состоялась, с души свалился хотя бы этот камень.

Джим отбыл на свой корабль, в этот раз я уже не провожала его со слезами на глазах и не цеплялась за рукав, умоляя не бросать. Мы оба понимали, что следующий приезд будет означать развод. Просто Джим поставил меня перед выбором – либо он и

семья, либо карьера, жена с обложки ему не нужна. Я была не против развода, понимая, что нормальной семьи уже не будет, но, как всегда, не решалась сделать это сразу.

Но теперь я не могла спокойно жить, зная, что моя мать где-то там в плохоньком отеле одна-одинешенька и очень хочет переехать ко мне. Прекрасно понимала, что ни на какую работу ее не возьмут (она писала мне, что постарается сразу же устроиться на киностудию снова на обработку пленок, потому что не потеряла навыки), никто не станет связываться с женщиной, пробывшей в психушке столько лет.

Понимала и то, что Глэдис будет страшной обузой для меня, а также то, что это станет последней каплей, которая переполнит чашу терпения Джимми. Хотя последнего как раз не боялась, пусть, все равно развод. Но я уже не могла оставить маму без помощи. Знаете, пока не видела ее вот такой – беспомощной и ни на что негодной, – думала о Глэдис спокойно, как о чужом человеке, но теперь картина безучастно сидящей в кресле женщины не выходила из головы. Вопреки всем советам – тети Энн, Грейс, даже Снайвли – я отправила маме деньги, чтобы расплатиться с долгом за отель и купить билет в Лос-Анджелес.

В крохотной квартирке две комнатушки и всего одна кровать, где и стали спать мы вдвоем. Конечно, я могла выкинуть что-то из мебели и поставить вторую кровать, оставив большую для нас с Джимом, но я этого не сделала. Приехав в очередной раз на побывку (он теперь служил неподалеку от дома), Джим застал дома Глэдис, а на кровати ее ночную рубашку. Безо всяких объяснений Джим развернулся и полчаса спустя жил дома у своей матери. Слово «развод» прозвучало твердо. Я понимаю, что ему вовсе не нужна самостоятельная жена, уже не подвластная его воле и приказам, к тому же с таким довеском, как сумасшедшая мать.

Мы остались с мамой, а Джим снова ушел в море.

Но мама долго в нашей квартирке не прожила, она сама почувствовала, что ей лучше, когда вокруг больничные стены. Глэдис забрали в клинику в Южной Калифорнии.

Тогда я не понимала, что это такое, пока сама не оказалась в клинике. Правда, мама жила в обычных условиях, а я была в палате для буйных помешанных (это устроила доктор Крис, я потом расскажу!), но все равно психушка есть психушка. Я старалась присылать туда деньги, даже когда у меня самой нечего было есть, а потом, позже, когда появились средства, перевела ее в частную клинику.

Мама так и осталась беспомощной, все понимающей и даже помнившей, но не способной что-то сделать самостоятельно, а уж

решить тем более. Даже дети сами решают, как им быть, а человек с вот такой болезнью не способен. Что это за безволие, не знает ни один врач. Психиатры не знают, что за болезнь эта заторможенность, эта беспомощность, не знают, чем и как лечить. Они радуются только тому, что Глэдис безопасна.

Я ни на одну минуту жизни не забывала, что случилось с моей мамой, какой она стала. Правда, не помню, какой была, но ведь была нормальной, если даже работала на киностудии? Неужели сумасшествие – это действительно проклятье нашего рода и оно когда-то захватит и меня саму?! Только не это!

Знаете, рассказывая о своей матери, я вдруг поняла, почему так доверяю Вам. Со мной работали многие психоаналитики и наставники, но сейчас я вдруг поняла, что никто не сделал главного – не вселил в меня уверенность, что я могу сама! Я спотыкалась, и мне тут же подставляли руку, я забывала текст – подсказывали, не знала, как играть, – объясняли, надзирали, наставляли, диктовали, все говорили, что сейчас помогут, но никто, никто не сказал:

– Малышка, ты сможешь сама!

Вы первый, кто сказал:

– Вы во всем разберетесь сами, все сами поймете.

Док, Вы поверили в то, что я могу сама, потому что плохо меня знаете или я действительно могу?

Сейчас кажется, что могу.

Это я поняла, когда задумалась над поведением моей мамы.

Я давно оплачиваю ее содержание в хорошей частной клинике, уход за ней, но я знаю, что она не живет, а существует, беспомощная сама перед собой. Ей ежеминутно нужен не просто наставник, а почти поводырь, который бы указывал, что делать, о чем думать, как поступать. ОНА НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ САМА, понимаете?

Сейчас я вдруг поняла, что все мои помощники и наставники низвели меня до подобного состояния! Я ничего не могу сама! Нет, я могу жить, даже играть, но для всего мне нужно чье-то одобрение, чья-то поддержка, чье-то наставление.

Док, это страшно, Вы даже не представляете, насколько это страшно! В кого я превращаюсь – в куклу-марионетку или в мамино подобие?!

Наверное, потому вот эти пленки, попытки рассказать о себе, разобраться без чьих-либо вопросов, указаний, наставлений возрождают меня. Вы первый, кто поверил, что я смогу. Когда-то в меня поверила мисс Снайвли, но это было так давно…

Я должна все это обдумать, осознать. Сама, Док, сама!

Мама переехала в клинику, я осталась одна. Мне очень хотелось начать новую, совсем иную, чем до сих пор, жизнь.

Оставались две препоны – мой муж Джимми Догерти, который вот-вот вернется и прервет мою карьеру фотомодели, и моя мечта стать киноактрисой, даже звездой.

Однажды я поделилась этими проблемами с мисс Снайвли. Та согласилась, что, если хочешь попасть на киноэкран и стать звездой, нужно решиться и многим пожертвовать, а еще быть готовой к немалым трудностям. Трудностей я не боялась, жертвовать была готова, оставалось решиться.

– Я не могу просто развестись с Джимом, это будет нечестно.

– Но и оставаться с мужем ты тоже не можешь, Норма Джин. Супруг не позволит тебе сниматься, а ты уже привыкла и к вспышкам камер, и к вниманию, и пусть и к небольшим, но свободным деньгам. Представь, что снова придется ожидать возможности купить себе новые чулки и ходить в них целый сезон…

Мисс Снайвли была права и неправа одновременно. Разведясь с Джимом и пустившись в свободное плаванье в Голливуде, я большую часть года была вынуждена вообще ходить без чулок, потому что не имела денег на них даже раз в сезон. И сыта не бывала неделями, а деньги имела крайне редко и совсем крошечные, пока не стала получать зарплату на студии.

Но она была права в том, что я уже не могла быть прежней, не принимала жизнь в семье Догерти, какую вела мать Джимми Этель. Нет, из меня никогда не получилась бы добропорядочная миссис Догерти, я бы испортила Джиму жизнь.

Зато появилась зацепка: на голливудских киностудиях предпочитают не связываться с замужними женщинами, опасаясь беременностей. Конечно, это смешно, потому что до актрисы мне было так же далеко, как и до роскошных особняков владельцев студий Голливуда, но я ухватилась за эту зацепку и отправилась оформлять развод в Лас-Вегас, где сделать это было совсем нетрудно, даже в отсутствие мужа.

Отсутствие Джима тоже стало своеобразным козырем. Война закончилась, он был не столь уж нужен на флоте, мог бы и вернуться, но Джим явно не торопился. Когда симпатичная молодая женщина страдальческим голоском сообщает, что хотела бы развестись с супругом, который не торопится к ней, предпочитая где-то там других, у судей возникает желание защитить малютку.

Единственный вопрос:

– Вы намерены жить в нашем штате?

Я не намерена, и почему судья спросил, не знаю, может, потому что разводить тех, кто бывает в их штате наездами, нельзя, а может, просто имел какие-то виды… Я сделала честные глаза:

– Да, я сняла квартиру и поселюсь в Лас-Вегасе, мне здесь нравится.

Вообще-то после такого заявления меня следовало отправить к мужу под присмотр в наручниках, потому что Лас-Вегас не то место, где молодые женщины ведут себя образцово, но судья, видно, привык ко всему, кивнул.

Оставалось только дождаться положенного времени, чтобы получить документы о разводе, мне не стали его затягивать. Это существенно, потому что Артуру пришлось ждать немало времени, пока его развели с женой. Я знаю многих, кто долго добивался нужного решения даже в Неваде. Но мы с Джимом не столь важные особы, чтобы насильно удерживать в браке.

И словно чтобы я не передумала, в Лас-Вегасе произошло событие, словно подсказавшее мне будущий успех.

В Лас-Вегасе снимал какой-то фильм (я не удосужилась поинтересоваться какой!) Рой Роджерс. В ожидании документов от нечего делать я много времени проводила на улицах, глазея на красивую жизнь и на киносъемки. И в какой-то момент окружающие приняли меня за актрису, попросив автограф. Я объяснила, что никакого отношения к кино не имею, не поверили, парни даже обиделись, решив, что набиваю себе цену. Пришлось расписываться даже на их ковбойских шляпах!

А потом меня позвали на родео, и мы пошли обедать большой компанией, в которой был и король ковбоев Рой Роджерс, который тоже принял меня за актрису, пусть и начинающую. Когда Рой разрешил мне прокатиться на его лошади, я почувствовала, что взлетаю к небесам. Обожаю его фильм «Под западными звездами»! Тогда Рой был кумиром всей Америки.

Король ковбоев поил нас своим фирменным коктейлем, правда, я просила не наливать в мой стакан «Гренадера», надо мной смеялись, потому что без «Гренадера» остаются только кола и лед.

К вечеру я не сомневалась в своем великом будущем, в том, что стану звездой, непременно стану, а потому совесть из-за развода с Джимми Догерти меня уже не мучила. Пусть Джим простит меня, но ведь мы не любили друг дружку, вернее, любили, но как-то по необходимости. Мой муженек не страдал от тоски и ревности у себя на корабле, ведь он действительно не слишком спешил демобилизоваться даже после окончания войны.

Мы развелись летом 1946 года, когда все, кто торопился к своим семьям, давно были дома.

Так я снова стала свободной. И снова одинокой, но теперь я таковой себя не чувствовала, моя мечта начала осуществляться, и некогда было страдать. Вернее, я страдала, но из-за другого.

У моего ухода из фотомодели в Голливуд была еще одна причина кроме опасности завязнуть в тягостной семейной жизни. Я примелькалась. Слишком много снимков для слишком большого количества журналов привели к тому, что мои лицо и фигура примелькались, перестали вызывать большой интерес у читателей. Нельзя все время фотографировать одних и тех же, предстояло либо уезжать из Лос-Анджелеса, чтобы начинать карьеру фотомодели в другом месте, либо пробовать себя в кино.

Я выбрала второе, все-таки это была моя мечта, к тому же в Лос-Анджелесе Голливуд.

О Голливуде в следующий раз, это очень большой и серьезный разговор.

Голливуд

Голливуд… Это самое непостижимое место на свете. В нем есть все: блеск и отчаянье, роскошь и откровенная нищета, чувства и фальшь, правда и ложь, невероятный успех и столь же сокрушительные провалы… Спросите любого актера, и он ответит, что в Голливуде никогда нельзя знать наверняка, что ждет тебя завтра. Все мечтают о славе и успехе, но никто не может быть уверен, что они надолго, если вообще будут.

Вряд ли Вы связаны с Голливудом, но даже если это так, я все равно расскажу о нем, об этом монстре, производящем сказки сотнями и ради этого уничтожающем людей тысячами. Да, да, уничтожающем, потому что назвать живыми тех, кого Голливуд перемолол и выплюнул, как ненужную вещь, не повернется язык. Если кто-то сумел остаться на ногах после такой мясорубки, то он сделан из стали высочайшей пробы.

В Голливуде нет середины – либо все, либо ничего. Те, кто годами играют роли из нескольких слов, показываясь позади главных героев только ради того, чтобы не пустовала площадка, не живые люди, это манекены. Пока молоды, манекены мечтают вырваться в звезды, а когда время прорыва уходит, умирают внутри. Свет софитов на площадке выжигает душу куда сильнее любого пожара.

Есть те, кто попадает в Голливуд со сцены или со съемочных площадок Европы, они другое дело, они не видят самых низших ступеней, как не видят их самих те, кого приводят за руку покровители.

Меня никто не приводил и никто не приглашал, я пришла сама, а потому должна была пройти все круги унижения и пыток. Нужно иметь очень стойкий характер или безумно мечтать сниматься в кино, чтобы вынести то, что уготовано девушкам, появившимся на пороге любой из голливудских студий без покровителя или запаса сыгранных где-то ролей.

Десятки кастингов для самых разных фильмов, бесконечные «Сегодня для Вас ничего нет», «Мы перезвоним», «К сожалению, пока ничего»… Не верьте этим сожалениям, служащие отделов по набору сотрудников произносят такие фразы, как хорошо заученную роль.

Тысячи девушек, робких и нахальных, растерянных и самоуверенных, действительно красивых или только думающих, что они такие, рослых и маленьких, худых и толстых, самых разных обивают пороги киностудий в надежде стать хотя бы старлетками с ролью в два слова, а то и вовсе без слов. Только бы

взяли, только бы заметили.

Что такое старлетки? Каждая студия набирает по нескольку десятков симпатичных девушек и юношей, чтобы при необходимости заполняли собой задник съемочной площадки, а еще мелькали на разных приемах и праздниках, улыбаясь гостям и создавая приятную атмосферу. Старлетки получают постоянную заработную плату, которая позволяет хоть как-то существовать, имеют возможность наедаться на приемах и надевать студийную одежду. Это большое подспорье, потому что выпить шампанское или съесть что-то вкусное с зарплатой старлетки можно только там.

Большинство старлеток так никем и не становятся, они годами ждут случая быть замеченными, переходят из студии в студию и ничего не получают. Считается, что старлеткой можно пробыть половину жизни. Ничего подобного, потому что каждые полгода договор возобновляется, и нет никакой гарантии, что тебе предложат его продлить.

Вы меня понимаете, Док? Это жизнь в подвешенном состоянии, когда ты не знаешь, будешь ли сыт завтра и не окажешься ли через полгода на улице, потому что нечем платить за жилье.

Но даже среди старлеток есть градация. Те, кто хоть изредка имеет роли со словами, считаются счастливицами, они почти закрепились. Большинство после первого года оставались ни с чем. На студии «Фокс», куда я набралась смелости прийти, компанию старлеток называли «конюшней», она насчитывала по семьдесят девушек и семьдесят молодых людей. В «конюшне» надо быть послушной, не отказываться ни от какой работы и ни от каких приглашений, какими бы шокирующими и непристойными они ни выглядели, боссы не любят строптивых лошадок.

Когда смотришь на холмы, покрытые лесом, то не различаешь в этой темно-зеленой массе отдельных деревьев. Разве можно заметить, что вон то ровное и стройное. А рядом довольно кривое и с неровной вершиной? Так и в «конюшне», среди семидесяти красивых девушек заметить одну очень тяжело.

Но все равно это хорошая система, она позволяет хотя бы попробовать себя в кино. Старлетки получают содержание – 75 долларов в неделю в первые полгода, потом, если договор продлевают, оплата повышается каждые полгода на 25 долларов и к концу седьмого года (на столько может быть заключен контракт) она достигает 1500 долларов в неделю. Конечно, всех манят призрачные 1500 долларов в неделю, они кажутся огромными (по сравнению с 75), никто не задумывается, что контракт может быть и не продлен.

Но даже 75 долларов в неделю позволяли снимать комнатку в общежитии, основанном женами киномагнатов именно для вот таких будущих звездочек или неудачниц, чтобы они не ошивались на улице и не попадали куда попало. Все равно ошивались и попадали, потому что жить на что-то надо.

По сравнению с оплатой труда на заводе и 75 долларов были сказочными деньгами, но как фотомодель я зарабатывала больше. Однако какими бы привлекательными ни были мои снимки для журналов, на скольких бы обложках я ни появлялась, никто в кино не звал и главных ролей не предлагал. Идти и просить пришлось самой.

Теперь после стольких занятий в модельном агентстве мисс Снайвли и позирования перед камерами я считала себя способной произвести впечатление на любого продюсера, который только встретится. Я умела хорошо позировать, неужели не сумела бы

сыграть? Это казалось так просто – выйти под свет софитов и произнести нужную фразу. Если я чего-то не умела, то рассчитывала, что подскажут и научат.

О том, что меня могут не взять или не заметить, даже не думалось. Это в агентство к мисс Снайвли я шла на трясущихся ногах, теперь уже была немного уверена, тем более после встречи с Роем Роджерсом в Лас-Вегасе. Мне и в голову не приходило, что Рой просто был любезен с хорошенькой молодой женщиной, ему это ничего не стоило, а обещать успех в Голливуде можно кому угодно.

Но храброй я была только до того момента, пока не открыла дверь студии «XX век – Фокс». Почему именно этой? Снова помогла мисс Снайвли, ее приятельница подсказала, к кому обратиться именно в этой студии – к Бену Лайону, который занимался подбором новеньких. Если бы не стали разговаривать, отправилась на следующую, потом еще… пока не выдохлась или не потеряла веру в себя окончательно.

Но мне повезло.

Оказывается, на прием к руководителю актерского отдела студии нужно записаться. Я записана не была, но секретарь, окинув меня внимательным взглядом с ног до головы, мило улыбнулась и попросила подождать. Потом по селектору связалась с Беном Лайоном, позже ставшим моим приятелем, и сообщила, что некая красивая девушка хочет его видеть. Видно, Лайон разрешил войти, что мне и было предложено сделать.

Вот теперь ноги затряслись основательно, хорошо, что Бен предложил сесть, иначе я просто позорно грохнулась бы на пол. Но руководитель актерского отдела так часто видит перед собой перепуганных девушек, желающих стать актрисами, что привык ко всему, он оглядел меня, как и секретарь, и улыбнулся:

– Чего же Вы, собственно, хотите?

Как я умудрилась выдавить из себя ответ, не заикаясь, не помню.

– Хочу попасть в кино.

– Вы уже в кино. Расскажите о себе.

Пришлось врать, не могла же я сказать, что отца не знаю, вернее, он отказался от меня совсем, а мама в психушке. Сказала, что сирота, жила у родственницы, была недолго замужем. Образование? Только школа… О том, что окончить ее не удалось, тоже пришлось промолчать. Но Лайона это интересовало мало.

– Где Вы живете?

– В Студио-клаб…

Он удовлетворенно кивнул, словно Студио-клаб был хорошим

местом для проживания. Но это лучше, чем на улице, да и присмотр за девушками в этом общежитии был неплохой. Это была неправда, потому что я жила у тети Энн, но мне совсем не хотелось рассказывать о тех, кто меня брал на время к себе, почему-то казалось, что как только на студии узнают, что я подкидыш и никому не нужна, сразу изменят отношение с благосклонного на негативное. Однако Лайону было все равно, где именно я живу, не под забором, и ладно.

Потом Лайон провел меня к гримерам и костюмерам, попросил переодеть, загримировать и причесать, а потом посадили на стул, и некоторое время мы беседовали, а камера снимала нашу беседу. Я поняла, что съемка идет без звука, это хорошо, потому что от волнения все равно начала заикаться.

Вывод был в мою пользу: работать нужно много, но есть над чем. Я подошла студии, и Лайон предложил опционный контракт с перспективой на семь лет. Понимаете, переступить порог студии на негнущихся ногах с дрожащими коленками и сразу получить контракт на 75 долларов в неделю – это ошеломило!

Предстояло выбрать имя. Лайону категорически не нравилась Норма Джин. Вот тут наступил момент, когда мне пришлось впервые отказаться от самой себя. Пока Бен перелистывал толстенные актерские справочники в поисках подходящего имени, я тосковала, словно в ту минуту действительно прощалась со своим прошлым, своим неприкаянным детством, своим неудачным замужеством – со всем, что составляло жизнь до сих пор. Почему-то казалось, что как только имя будет найдено, возврат назад станет невозможен.

Кажется, Лайон сказал, что я должна стать Мэрилин, потому что такое имя было у звезды мюзиклов.

– А можно мне остаться Джин? Джин Монро?

– Вы ведь Норма Джин Бейкер? Почему Монро?

Я объяснила, что это фамилия моей бабушки, которая была настоящей красавицей. Уточнять, что бабушка едва не придушила меня подушкой и в конце концов сошла с ума, не стала, ни к чему.

– Нет, Джин слишком просто. Джин Монро… Нет, это просто. Давайте, Мэрилин Монро.

Он несколько раз повторил, потом написал имя на листе бумаги, покрутил и удовлетворенно кивнул:

– Вы будете Мэрилин Монро. Звезда экрана Мэрилин Монро. Или я ничего не понимаю в этой жизни.

Так я попала в «конюшню» «Фокса» и стала одной из старлеток.

Это не означало ничего, кроме возможности крутиться среди

сильных мира кино, бывать на разных приемах, но главное – учиться.

Старлетки имели право не просто болтаться под ногами на студии, но и посещать занятия по пантомиме, движению, танцам, постановке голоса… Кроме того, можно было репетировать в пустых помещениях при условии, что не будешь мешать, смотреть, как играют или пробуются на роли другие. Это очень полезно, если хочешь чему-то научиться. Я очень хотела, потому пропадала на студии с утра до вечера, впитывая в себя что-то новое, как губка воду.

Пусть меня считают несерьезной блондинкой, но я всегда очень серьезно относилась и отношусь сейчас к работе, считала, что, чтобы чего-то добиться, нужно много учиться. У меня слабый голос, поэтому требовались многие занятия, чтобы он зазвучал сильнее. О заикании и говорить не стоит, любое волнение вызывало ступор в горле, и я подолгу не могла выбраться из первой буквы своего нового имени:

– Ммм…

Заикающаяся актриса не имела никаких шансов на роли со словами, потому над голосом приходилось работать особенно. На съемках, неважно фотосессия это или кино, никому нет дела, что у тебя сводит живот или болит горло, что ты с утра ничего не ела или не выспалась. Фотографу нужна довольная жизнью, красивая девушка безо всяких проблем, потому что такая нужна зрителю и читателю, проблем у всех хватает своих.

Этому меня научили еще в бытность в модельном агентстве, а потому и на студии я никому не показывала, что голодна, что мне плохо или у меня что-то болит. А такое бывало часто. Чтобы иметь деньги на косметику или на дополнительные уроки, например по вокалу, приходилось отказывать себе в обеде, а ужинать на каком-то приеме.

Я так старательно занималась, пытаясь схватить все, что только можно, все запомнить и усвоить, чтобы потом применять на площадке, что надо мной иногда даже посмеивались. Но большей частью все мои новые знания совершенно не требовались, потому что нас чаще использовали в качестве красивых кукол на праздниках, когда мы приветственно размахивали руками, стоя на разных платформах в качестве живых декораций.

Тогда мне казалось, что судьба состоялась, ведь я в Голливуде, имею контракт на целых полгода! О… я им за полгода такое покажу… такое покажу… Все просто сойдут с ума от возможностей новой актрисы Мэрилин Монро, бывшей Нормы Джин! Меня завалят предложениями ролей, я не буду успевать

учить тексты сценариев, придется бегать с одной съемочной площадки на другую, чтобы сниматься везде.

Мне и в голову не приходило, что может быть иначе, ведь была же я нарасхват у фотографов, иногда действительно приходилось бегать почти бегом, чтобы успевать сняться у всех желающих. Я фотогенична и не боюсь объектива, я научена красиво ходить перед камерой, принимать грациозные позы, оставалось только научиться играть, и все в порядке.

Боже, какая наивность и самоуверенность! Таких, как я, десятки, даже более красивых и умевших двигаться, не менее уверенных в том, что именно их завалят предложениями ролей. И стоять перед кинокамерой оказалось вовсе не то, что перед фотокамерой. С фотографом у нас тут же устанавливались приятельские отношения, а я даже в свете прожектора была одна. А здесь камера наезжала на целый десяток девушек, и среди них нужно выделиться.

Огромное впечатление произвела одна реплика, она была брошена раздраженным режиссером не мне, а девушке, стоявшей впереди:

– Ну что за пустые глаза! Вы способны о чем-то думать, когда находитесь перед камерой, или в Вашей голове одна вата?! Мысль, где, черт возьми, мысль в глазах?!

Я моментально растеряла всю свою уверенность, осознав, насколько тоже пустая, толстая и неуклюжая, никакая. Как хорошо, что позорные кадры полетели в корзину и не попали на глаза продюсерам! Ничего, все впереди, в следующий раз я сделаю куда лучше, обязательно научусь чувствовать свое тело, научусь им управлять, а главное – поумнею, в моих глазах появится та самая мысль, которую требовал режиссер.

Если честно, я была даже рада, что не получила ролей в первые полгода, потому что усиленно занималась. Вся зарплата уходила не на обновки или развлечения, а на уроки танцев и вокала, на книги. Я же прекрасно понимала, что, бросив школу, в которой к тому же училась не слишком хорошо, осталась совершенно необразованной. Не знала многого, что знали даже девушки из самых простых семей.

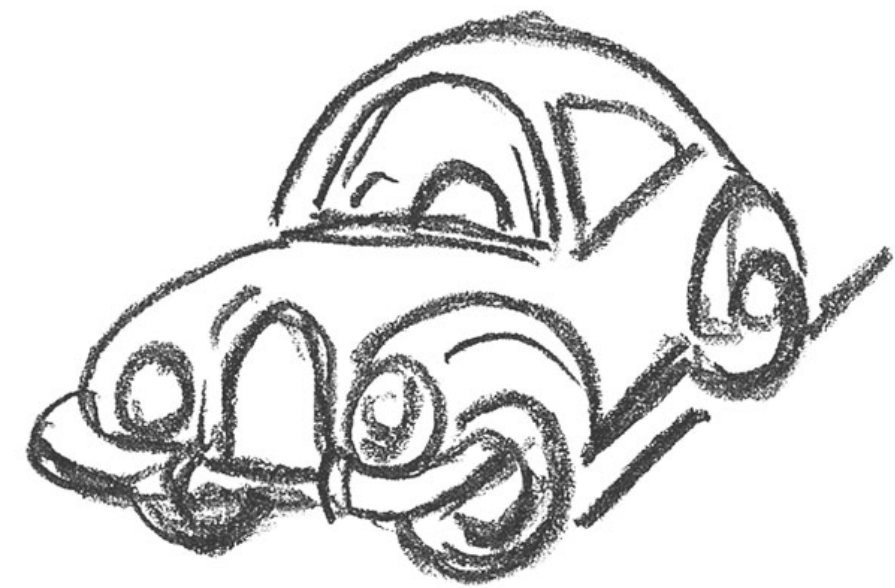
Мне катастрофически не хватало образования, потому каждую свободную минуту приходилось тратить на чтение. Если бы тогда рядом оказался умный человек и направил мои усилия в нужное русло, я, пожалуй, сильно повысила бы свой образовательный уровень. Но кто мог подсказать? Тетя Энн сама не слишком грамотна, Грейс и вовсе быстро спивалась, все мои знакомые едва ли имели даже простое школьное образование, не говоря уже о чем-то большем.

Знаете, какой я нашла выход? Принялась читать справочники. Сначала это был общий справочник вроде энциклопедии, потом я сообразила взять в библиотеке справочник о кино – толстенный, страшно заумный, не помню название… Он наводил скуку, с которой я отважно боролась. Как и с постоянным желанием есть. Голод был обязательным спутником, на 75 долларов в неделю можно либо питаться, либо учиться, но тогда я спокойно выбирала второе, убеждая себя, что голод полезен для тонкой талии и нет ничего лучше плоского животика.

Ничего, вот пройдут полгода, повысят зарплату до 100 долларов в неделю, тогда я смогу выделять целых двадцать пять долларов на еду. Это казалось просто-таки роскошью – обедать каждый день! А ведь нужно еще одеваться и как-то поддерживать тетю Энн и маму в клинике.

Я уже не надеялась «показать всем» за первые полгода, хотелось только научиться как можно большему и закрепиться на студии.

Через пару месяцев у меня была даже крохотная подержанная машина, вернее, машинка, но своя! Нет, не своя, а взятая в кредит, который еще предстояло выплатить. За рулем этой букашки я казалась себе такой важной и успешной! О том, что не сумею выплатить кредит, и мыслей не было, ведь меня зачислили в штат, а через полгода повысят зарплату. Будущее казалось радужным, а впереди только успех, пусть не сразу (я уже поняла, что просто так ничего не дается), но я готова работать день и ночь, буду стараться, и все будет прекрасно.



Вот это моя машинка, немного не такая, конечно, но столь же маленькая. Без машины в Голливуде никуда, это всем известно.

Первое время я восторженно расписывала тете Энн свои перспективы и то, что происходило на студии. Подумать только – я работаю в Голливуде актрисой! Моя мечта почти сбылась, осталось только стать звездой.

Постепенно восторженный тон сменился на спокойный и даже критический. Нет, я не критиковала Голливуд, какой в этом смысл, он такой, какой есть. Я критиковала себя за неумение двигаться, запоминать текст, правильно произносить фразы, неумение выделиться из толпы таких же искательниц приключений и славы.

Но о том, что увидела изнанку Голливуда, не рассказывала.

В Голливуде девушку ценят не столько за то, что она собой представляет, сколько за то, как выглядит. Умеешь ты играть или нет, выяснится потом, сначала надо на площадку попасть, а роли дают за внешность. И за уступчивость…

Я выглядела беззащитным ребенком, но была достаточно умна, чтобы понять, что придется быть уступчивой, иначе дальше старлетки не продвинуться. Это практически обязательно и никого не шокировало. Напротив, большинство девушек сами искали такие контакты, потому что иначе обратить на себя внимание трудно.

Частенько возможность появлялась на разных приемах. Я любила приемы по нескольким причинам. Во-первых, там можно познакомиться или хотя бы попасть на глаза важным персонам (так я позже познакомилась с Джозефом Шенком), во-вторых, понаблюдать за поведением знаменитостей и либо взять с них пример, либо учесть ошибки и, в-третьих, попросту покушать. Подозреваю, что очень многие молодые актеры и актрисы ходили ради этого.

На приемы нужно что-то надевать, обычно я брала вечерние платья напрокат у костюмеров, это тоже стоило денег, на которые можно было поужинать, но игра стоила трат, ведь можно ненароком попасть в колонку светских сплетен, оказаться на снимке рядом со знаменитостью или даже быть замешанной в небольшом скандале, что играло на пользу популярности.

Я научилась приходить на приемы не сразу, а часа через два после начала, когда большинство гостей уже полупьяны, критических взглядов куда меньше, гости разделились на группы и легче обратить хотя бы чье-то внимание на себя.

Мне никакие приемы не помогли, видно, была слишком простенькой и молчаливой, знаменитости не обращали на меня

внимания, и скандалов со мной тоже никто не затевал. Главное убеждение, которое я вынесла из этих мероприятий, – улыбки фальшивы, за приветствиями часто кроется самая настоящая зависть, а многие звезды никого не замечают, кроме самих себя.

Это тоже часть работы старлетки, в штат зачисляли, но пробиваться дальше нужно самой.

Все свободное от такой «работы» время я учила роли, забирая сценарии даже на дом и с сожалением убеждаясь, что память у меня плоховата. Хотя на съемках не нужна замечательная память, потому что за день даже преуспевающему актеру приходилось произносить всего с десяток фраз, а остальное время тратилось на бесконечное ожидание, пока поставят свет, оформят площадку, придет кто-то из опаздывающих актеров, режиссер и оператор решат, как лучше снимать сцену – общим планом или крупным, когда свое дело сделают гримеры, костюмеры и так далее. Казалось, за это время можно выучить не только десяток фраз, но и целую книгу даже тому, кто плохо запоминает текст. Я еще не подозревала, что со временем из-за большого количества употребляемого снотворного это превратится для меня в настоящую проблему.

Тогда я бессонницей не страдала, напротив, спала в любую свободную минуту, вовсе не мучаясь от яркого света или шума.

Мучилась я только от отсутствия ролей, первые полгода их не было вовсе, ни со словами, ни без. Кто-то невидимый наверху откладывал мою фотографию в стопку ненужных, когда проходило утверждение на роли в новом фильме. Позже я узнала, кто это был – всемогущий Даррил Занук.

Довольно долго в Голливуде многое определялось враждой двух руководителей студии «XX век – Фокс»: президента Спироса Скураса и Даррила Занука. Третий – Джозеф Шенк – был посередине, сдерживающей силой. Возможно, без Шенка эти двое перегрызли бы друг другу горло или пустили по пуле в лоб, а может, и нет, иногда мне кажется, что существовать без этой вражды они тоже не смогли бы.

«Фокс» – студия очень влиятельная, от ее успеха или неуспеха много зависело на кинорынке, ее мечтали свалить, а потому внимательно следили за всеми перипетиями и противостояниями внутри студии, тем более между руководителями.

И Даррил Занук и Спирос Скурас работали почти круглые сутки, отвлекаясь только на короткий сон, еду и девочек, но у каждого был свой подход.

Занук отвечал за производство фильмов, а Скурас за их прокат, и оба терпеть не могли вмешательства в свои дела. Официально президентом студии был Скурас, которого называли

«старым греком». Это действительно бог сбыта: если Скурас сказал, что фильм будет иметь успех, значит, будет. Кажется, Скурас смог бы при желании продать прокатчикам чистую пленку, выдав за шедевр.

Сначала я столкнулась, конечно, с Даррилом Зануком. У Занука вовсе не бульдожье лицо, напротив, он красив, высоколоб, сразу чувствуется недюжинный ум и стальная воля. Весь вид Даррила Занука излучал уверенность в том, что он Хозяин. Хозяин всего: студии, производства, всей жизни, которая вокруг, как Занук решил, так и будет, причем повлиять на его решение, заставить изменить мнение невозможно. Те, кому он однажды показал на дверь, могут к студии больше не приближаться. Но и те, кому он эту дверь открыл, тоже не могут быть уверены ни в чем.

Вот именно так мне представлялся Даррил Занук: в виде паука с бульдожьей хваткой. Он держал в своих руках в студии все производство и судьбы актеров тоже

Нет, Занук не самодур и не капризен, но завоевать его благосклонность тяжело, а потерять очень легко. Работая по шестнадцать часов в сутки, практически живя в студии и ее делами, Даррил Занук и свои потребности удовлетворял там же, благо хорошеньких старлеток на студии хватало, и никто не смел отказать всесильному Зануку. Те, кто смел, больше в «Фоксе» не работали.

У Даррила Занука все было расписано по минутам, секс в том числе, он занимался плотскими потребностями строго с 16.00 до 16.30. Вызванная на это время старлетка прекрасно понимала, что нужно принять ванну и не надевать нижнее белье.

Ужасно? Ничуть, ведь все знали, что актрисам приходится спать с продюсерами и режиссерами, а уж с руководителем студии и подавно, но если другие это как-то скрывали (например, Шенк, у которого я часто дневала и ночевала в его роскошном доме с бассейном, и не я одна), то Занук все делал открыто. Зато о нем не ходили никакие сплетни и пересуды. Побывала девушка в кабинете в определенное время, отметили ее как вызывавшую интерес Занука и перестали болтать. Позовут в следующий раз – хорошо, но чаще если и звали, то очень не скоро, хватало других.

Никому не приходило в голову противиться, это воспринимали как должное. Думаю, спокойнее было и жене тоже, потому что два раза в неделю новая старлетка – это не любовницы, которых голливудские жены боялись, как лесного пожара. Опасно подцепить болезнь, но думаю, он не вставал с кресла, девушки просто становились перед всемогущим боссом на колени, недаром говорили (и говорят), что роли получают в позе на коленях.

Те, кого не вызывали к Зануку хотя бы раз, считались едва ли не пропащими, у них не было будущего на «ХХ век – Фокс».

А как же я?

О… это очень интересная история, едва не стоившая мне карьеры вообще.

Первые полгода меня никто не трогал, и Занук тоже, видно, выглядела уж слишком по-детски или простовато. Я училась, шлифовала свою внешность и свои умения. Ждала ли я вызова к Зануку? Если честно, ждала, но не получала. Не знаю, почему не заинтересовала его совсем, но контракт со мной продлили, это означало, что Даррил Занук меня на студии терпит.

Хотите, честно расскажу, почему меня вышвырнули со студии даже после двух вполне сносных ролей и долго не брали обратно. Приличную роль на «Фоксе» я получила только благодаря вражде Занука со Скурасом через несколько лет, помыкавшись перед этим и без работы, и на «Коламбии»!

На одном из приемов, оказавшись рядом с Зануком, я сделала все, чтобы он обратил на меня внимание. Возможно, все закончилось бы благополучно, но прежде чем это произошло, услышала, как Даррил презрительно отзывается о нынешних молодых актрисах, только и способных… в общем, работать стоя на коленях перед боссом, сидящим в кресле. Мол, за это ждут

ролей, а потом проваливают фильм за фильмом.

И столько было в его голосе брезгливости, что я даже содрогнулась. Я знаю, что актрис, которых он любил, Занук мог хлопнуть по заду в знак симпатии и потом спокойно продолжить разговор. Это не казалось чем-то страшным, как и услуги, оказываемые старлетками, но презирать…

Через несколько минут один из знакомых буквально подтащил меня к Зануку и полушутя посоветовал:

– Ну, дайте Вы ей роль, мучается же без дела!

Роли уже были, потому что подходил к концу год работы, значит, Занук меня помнил (он помнил всех, кто работал на студии).

Наши глаза встретились. У Даррила Занука взгляд стальной даже после нескольких коктейлей и при разглядывании симпатичной девушки.

– Зайдите ко мне завтра в 16.00.

Это был тот самый шанс…

Знаете, я человек уступчивый и отказывала редко. Обычно всем нужно мое тело, но это оболочка, поэтому я дарила ее свободно, секс не задевал душу и не казался чем-то позорным. Никогда и ни с кем не спала за деньги, но Ли Страсберг, сказавший, что внутри я шлюха, наверное, был прав. Однако шлюхи тоже бывают разные – продажные и… вот такие, как я.

В ответ я спокойно… покачала головой. У Занука лишь слегка приподнялась бровь:

– Вольному воля.

Я прекрасно понимала, что контракт не продлят, но в глубине души теплилась надежда, что Занук, наоборот, оценит мою неуступчивость. Очень хотелось верить, что он заметит мое желание стать настоящей актрисой, готовность много работать, стремление стать лучше…

Но, наверное, таких устремленных, как я, Занук видел немало… Не оценил, а вот отказ запомнил.

Я никому не рассказала об этом отказе, потому что никто не понял бы. Девушка, готовая спать с другими, отказала тому, в чьих руках ее судьба? Дура, да и только! От меня не убыло бы, но что-то заставило помотать головой, внутри сидела уверенность, что если соглашусь, то потеряю что-то очень ценное.

Такое я делала трижды, и все три раза это дорого обошлось. Потом были еще Гарри Кон и Кроуфорд, которая вылила на меня в прессе столько грязи, сколько не смог никто другой.

Но пока контракт еще действовал, и я даже появилась в двух фильмах – «Скуда ху! Скуда хей!» и «Опасный возраст». Первым

сняли «Скуда…», где я играла ученицу средней школы. Всего несколько минут, несколько реплик, но когда я попыталась в готовом фильме найти и услышать себя, то была потрясена: почти все сцены оказались вырезаны, а из реплик осталась одна: «Привет, Рэд!» Когда актер отвечал: «Привет, Пеги!» – меня на экране уже не было. Шикарно, не правда ли?

В «Опасном возрасте» немного больше, даже одна смешная фраза, но фильм прошел незамеченным и ни славы, ни новых предложений не принес.

Отдушиной стали мои занятия в «Лаборатории актеров». С начала 1947 года я по направлению «Фокса» начала посещать эту студию. В «Лаборатории» актеры, режиссеры и драматурги с Бродвея показывали свои работы как бы в черновом варианте, которые потом, будучи основательно переработанными, ставились на Бродвее, а еще вели неофициальные курсы повышения актерского мастерства. Не скажу, чтобы эти занятия были строго спланированы или продуманы, даже просто систематичны, но они очень много давали молодым актерам, желавшим научиться.

Мы под руководством и при участии опытных театральных актеров читали пьесы, анализировали их, пытались что-то играть. Я впервые в своей жизни увидела настоящую актерскую игру и поняла, как можно выразить чувства словом, взглядом, движением. В кино совсем иное, там все дробится на отдельные реплики, минутные съемки, которые снимаются вовсе не в той последовательности, которая должна быть по сценарию, а так, как удобнее режиссеру, реквизиторам, как позволяют условия. На съемочной площадке невозможно создать цельный образ, он неминуемо раздробится на мелкие осколки, и хорошо, если его удастся собрать, как красивую мозаику…

Здесь я видела иное: во время сценического действия образ рождался не за месяц съемки, а за час-полтора, он казался живым, казалось, игру актеров можно потрогать. Это было потрясением, потому что я никогда раньше не видела театральных постановок и поняла, что такое искусство несоизмеримо серьезнее и сложнее, что ему нужно долго учиться, а любую роль не просто схватывать на лету и наспех играть, потому что свет поставлен и камера ждет, а репетировать. А еще, что в спектакле ничего нельзя сиюминутно исправить, как сыграно, так сыграно, в следующий раз можно сыграть лучше или иначе, но каждый раз как единственный.

Это понимание меня потрясло. Возможно, я не сознавала тогда, но невольно встала перед выбором, который мучает меня до сих пор: долго и упорно учиться, чтобы играть серьезные роли

в серьезных спектаклях, или добиться быстрого успеха яркими, но менее глубокими выступлениями.

Понимаете, Док, у меня уже было имя Мэрилин Монро, под которым я числилась на студии, но представлялась как Норма Джин и все еще была ею. Мне очень хотелось учиться, я училась, читала, слушала, репетировала сама.

Очень стыдилась своей необразованности, если бы кто-то умный и опытный посоветовал, как заняться самообразованием, какие книги читать, я быстро бы освоила многое, но никого интеллектуальный уровень Нормы Джин не интересовал. В «Лаборатории» мне пеняли на неразвитость, но и только. До сих пор я интуитивно читаю все, что вызовет интерес, даже Артур Миллер не стал заниматься моим образованием, хотя должен бы вместо того, чтобы пенять на интеллектуальную неразвитость супруги. Теперь уже бывшей супруги.

В библиотеке Голливуда не было в то время более жадной читательницы, хотя и там никто не посоветовал лучшие образцы литературы, не поинтересовался тем, как именно я читаю. Меня часто упрекали в поверхностном чтении, в том, что «проглатываю» книгу, мало что из нее вынося, но это из-за желания прочесть как можно больше, скорее догнать тех, кто начитан и образован.

Наверное, если бы не «Лаборатория», я позже не стала бы заниматься ни у Наташи Лайтесс, ни у Михаила Чехова, ни у Ли Страсберга, с меня вполне хватило бы уроков танца и вокала. «Лаборатория» зародила во мне желание научиться играть всерьез, что Голливуду тех времен не очень-то нужно, во всяком случае, от старлетки не требовалось вовсе. Меня не видели актрисой, а потому продлевать контракт еще на полгода отказались.

Лайон смущенно бормотал, что студия в тяжелых финансовых тисках, что приходится сокращать многих, не только меня, это было правдой, но жизни мне не облегчало.

«Мистер Занук считает, что Вы совершенно нефотогеничны и вряд ли когда-либо станете настоящей актрисой».

Если бы от чьей-то ненависти умирали, то Занук должен свалиться в ту же минуту! Не было в мире человека, которого я ненавидела больше, чем Даррила Занука. Он считал меня нефотогеничной! Меня, которую без конца фотографировали для обложек самых лучших журналов настоящие профессионалы! Мне практически не дали возможности показать себя и уже увольняют. Это нечестно, несправедливо.

Меня не видели в игре, увольняли только за нефотогеничную

внешность. Это тоже была катастрофа, потому что я надеялась научиться играть, петь, танцевать, однако стать выше или фотогеничнее просто не могла. Получалось, что я зря считала себя привлекательной?

Несколько дней я просто прорыдала, уткнувшись в подушку. Успокоить некому, тетя Энн болела и вынуждена была лечь в больницу, причем все понимали, что это серьезно и надолго. Я оставалась одна, потому что общаться с постоянно пьяной Грейс не хотелось совсем. И вот теперь меня отвергла студия, вышвырнул вон Голливуд.

Понимаете, это страшно не только потому, что я оказалась старлеткой-неудачницей, таких тысячи, а потому, что отвергала очередная приемная семья, в которой я пыталась удержаться. Я столько раз в своей жизни оказывалась выброшенной вон, что казалось, этот уже не переживу. Тем более надежды не оставалось никакой.

Из зеркала на меня смотрела вовсе не красотка с журнальной обложки, а простенькая, глупенькая, ни на что не годная пустышка. Я снова не соответствовала требованиям и снова оказалась никому не нужна. Умения принимать выигрышные позы перед фотоаппаратом оказалось мало, а большего просто не было.

Однако реви не реви, жизнь продолжалась, в ней надо было как-то устраиваться.

Денег оставалось совсем немного, возвращаться снова к позированию для обложек журналов не хотелось, заниматься чем-то еще, кроме кино, тем более. Но это факт – ровно через год после появления на студии, сыграв всего две незаметные роли и не будучи даже упомянута в титрах (нет, кажется, была, но это почти насмешка), я оказалась на улице безо всяких средств к существованию и надежды вернуться обратно. Просто какой-то там новый закон запрещал студиям навязывать вместе с хорошими фильмами, которые прокатчики брали с удовольствием, второсортные дешевые картины. Это перекрывало путь к зрителю таким фильмам, как «Скуда ху! Скуда хей!», а значит, делало ненужным толпу старлеток. Большинство тех, кто играл слишком мало или не играл вообще, как и меня, уволили.

Цена карьеры

Сейчас поймете, что я нарисовала. Вот так – несчастным приблудным котенком – воспринимала меня Люсиль Кэрролл.

Не представляю, что бы делала, не встреться мне чета Кэрроллов.

Я знаю, многие обвиняли меня в том, что бессовестно использовала добродушие Кэрроллов на пользу себе. Возможно, так и было, но почему бы не воспользоваться, если у людей есть возможность помочь. Когда у меня есть возможность, я тоже помогаю и даю деньги, я нежадная.

А не принять тогда любую помощь я просто не могла, потому что, оставшись без работы, я осталась и без самой возможности жить. Принимая девушек на студию, никто не предупреждает их, что в случае непродления контракта они могут вообще забыть о работе на киностудии. Все очень просто: если контракт на следующие полгода не подписан, то идти на другую студию почти бесполезно, значит, либо девушка совершенно ни на что не годна, либо слишком строптива, что никому не нравится. Объяснять, что у студии проблемы с финансами, бесполезно, проблемы у всех одинаковы, и никто не станет давать еще один шанс той, которая не воспользовалась таковым у других. Если шанс и дают, то крайне редко и только по чьей-то протекции, пришедшим с улицы никогда.

С Кэрроллами я познакомилась незадолго до окончания контракта с «Фоксом», когда была отправлена в гольф-клуб носить здоровенную сумку с клюшками за игроками. Такое не редкость, свою крошечную заработную плату от студии мы отрабатывали сполна не на съемочной площадке, а больше вне ее. И «носильщицами» тоже бывали частенько.

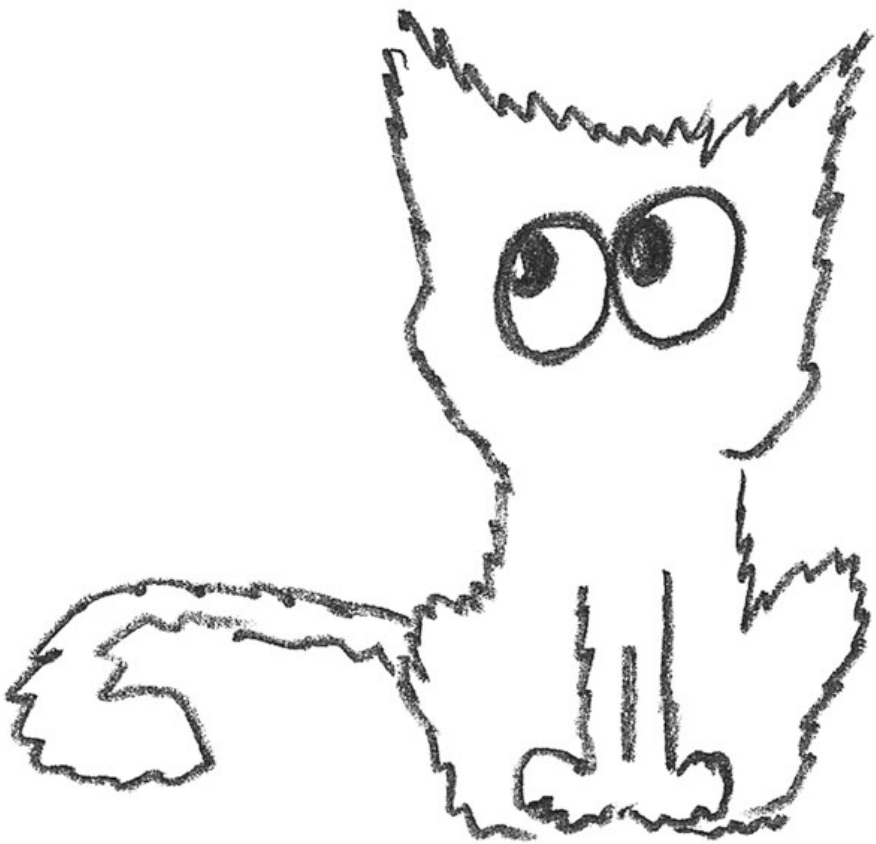
Меня прикрепили к Джону Кэрроллу, красивому киноактеру, женатому на Люсиль Раймен, которая руководила подбором актеров на студии «Метро-Голдвин-Майер». Блестящий шанс попасть на глаза нужному человеку. Разве можно меня судить за то, что использовала его сполна?

После игры, во время которой я стоически таскала клюшки за Джоном, все собрались на небольшую вечеринку. Но я не хотела пить, я хотела есть. Однако ни наесться, ни даже просто попасть домой не могла – не на чем, я просрочила ежемесячную оплату машины, ее отобрали, и оставалось только возвращаться из клуба пешком. Те, кто бывал в Лос-Анджелесе, прекрасно понимают, что это просто невозможно.

На меня обратили внимание немало мужчин,

присутствующих на вечеринке, но я интересовалась только Кэрроллами, почувствовав во взглядах Люсиль готовность помочь. Пришлось честно признаться ей, что у меня нет денег, чтобы добраться до дома, а в животе пусто со вчерашнего дня. В результате Джон отвез меня поужинать, а потом доставил к дому. Но этим все тогда и закончилось.

Позже Люсиль говорила, что я казалась ей маленьким, потерянным котенком, промокшим и несчастным. Она пожалела это создание…



Когда вспоминаю Люсиль Раймен-Кэрролл, мне всегда представляется котенок, хотя себе казалась щенком, тоже маленьким и несчастным. Хотелось прижаться к кому-то и попросить:

– Возьмите меня в дом, я не буду оставлять следов грязными лапами и грызть мебель…

Но Лос-Анджелес не то место, где дают приют несчастным щенкам, к тому же имеющим неплохую фигуру. Есть ли на земле такое место? Тогда казалось, что нет.

Я была в отчаянии, потому что единственная надежда на Кэрроллов рухнула, чтобы хоть как-то прожить, оставалось попросту идти на бульвар. Научившись обходиться даже без машины, я все же не могла обходиться совсем без еды. Сейчас скажу то, за что Вы, возможно, перестанете меня уважать, но это было, и отказываться от своего поведения я не собираюсь. Последние доллары, скопленные за время работы на студии, я тратила на оплату ничтожного жилья, потому что тетя Энн легла в больницу, и надолго, а в ее квартиру въехали другие жильцы, которым я была вовсе не нужна. На еду мне приходилось зарабатывать своим телом. Да, да, я делала это за еду.

Противно? Но я никогда не занималась сексом за деньги, только за кормежку, чтобы попросту не подохнуть с голода. Когда я однажды рассказала об этом Ли Страсбергу, он поморщился, мол, такой факт наложил отпечаток на все мое поведение. Наверное, но я все равно его не отрицаю.

А вот Трумэн Капоте меня понял, он сказал, что лучше уж так, чем отдаваться за деньги.

Кэрроллы пришли мне на помощь тогда, когда я уже ни на что не надеялась. Всюду были долги, за крошечную комнату не оплачено, и никакого света в конце тоннеля. Они пригласили меня на ужин. Когда бывала возможность, я старалась наедаться впрок. Основательно накормив и расспросив, Джон и Люсиль сделали мне роскошный подарок – предложили пожить в гостевой комнате их огромной квартиры в Эль-Паласио. Такое могло только присниться! Кроме того, они дали мне денег на выкуп машины и на разные расходы, чтобы я не чувствовала себя нищенкой и не вздумала идти на бульвар.

Мы заключили договор о том, что они выплачивают мне еженедельно по сто долларов, я живу в их доме и ищу работу, а когда найду, то постепенно верну деньги и найду себе жилье.

Я не понимала только одного: почему Люсиль не хочет просто пригласить меня на «МГМ» и дать работу там. Но она сказала, что я не подхожу студии, нужно попробовать в другом месте, а пока лучше поучиться.

Но я не подходила Кэрроллам так же, как не подходила Годдардам, мне показалось, что Джон неравнодушен ко мне, как и Годдард, больше того, готов сделать решительный шаг. Конечно, я была моложе и заметно красивее Люсиль, хотя до ее интеллекта мне далеко, она образованная и начитанная, но мужчинам далеко не всегда нужен у женщины ум, достаточно тела.

Вообще, вращаясь среди знакомых Кэрроллов, я с удивлением

наблюдала, как красивые, умные, богатые мужчины, которым не отказала бы ни одна женщина, обожают своих немолодых и некрасивых жен, а красавицы с потрясающими фигурами влюблены в невзрачных мужей. Почему так? Люсиль на мои вопросы отвечала, что это любовь. Любовь… тогда я вообще не понимала, что это такое. Спать вместе? Но рано или поздно все равно надоест.

Я видела экранную любовь, когда страсти преувеличены, но теперь прекрасно знала, что это выдумка, а ни в какую другую не верила. Поэтому мне и в голову не приходило, что Джон не способен соблазниться мною, будучи женатым на Люсиль. Тетя Энн, узнав, что я тогда сделала, пришла в ужас:

– Они просто вышвырнут тебя из своего дома!

Но Кэрроллы не вышвырнули, хотя я открыто поинтересовалась у Люсиль, даст ли она развод Джону, чтобы тот женился на мне. Люсиль оказалась на высоте (не представляю, что сделала бы я сама на ее месте!), она спокойно ответила, что, если Джону нужен развод, пусть скажет об этом сам. Тогда я спросила у Джона, тот пожал плечами и ответил, что просто оказывает мне посильную поддержку и финансовую помощь.

Но теперь было понятно, что что-то должно измениться, оставлять меня в доме дальше нельзя. Док, я не собиралась замуж за Джона, я хотела стать актрисой и, сыграв наивную и немного испорченную дурочку, просто вынудила Люсиль активно помочь мне получить работу, чтобы убраться из их жизни. Воспользовалась своим положением и жалостью к себе. Помогло!

Если бы не это, можно еще долго жить на птичьих правах у Кэрроллов, не имея никакой перспективы. Понимаете, Люсиль хотела, чтобы я серьезно училась актерскому мастерству, она поддерживала мои занятия в «Лаборатории…» и в любительском Театре Хейденов, откуда сама Люсиль временами приглашала актеров на съемки в свою студию.

Вообще-то я рассчитывала, что Люсиль пристроит меня к себе, ведь она занималась подбором актеров в «Метро…», но она категорически отказалась, мол, там не нужен тот типаж девушек, какой есть у меня. Из этого следовало, что мне либо нужно менять свой типаж, либо учиться актерскому мастерству, чтобы играть не глупых красоток, а серьезные роли.

Я очень хотела бы играть серьезные роли, играть так, как я видела в «Лаборатории», чтобы за душу брало, чтобы от волнения дух перехватывало, но, если признаться честно, у меня ничегошеньки не получалось, вернее, я даже не могла решиться выйти вперед и произнести несколько слов перед собравшимися. Оказалось, что смотреть на экран и думать, что сможешь

выразить страсть, радость, боль… это одно, а действительно что-то сделать перед камерой или перед зрителями совсем другое. Но я верила, что научусь, обязательно научусь.

А пока во мне словно жили два человека, одну тянуло выйти на свет прожекторов, стать звездой, вторую, наоборот, спрятаться подальше и только наблюдать. В театре побеждала вторая, я скромно сидела на заднем ряду, и выйти на сцену было очень трудно. К тому же обнаружилось, что у меня отвратительная память, нет, сам текст я запоминала довольно быстро, а вот вытащить нужную реплику из памяти в нужное время не могла никак. Это моя беда и сейчас, я помню роли, помню каждую реплику, не только свою, но и всех партнеров, но когда приходит время произносить, словно что-то эту память замыкает. Знаменитое неумение Мэрилин Монро выучить свои реплики…

Никто ничего поделать с моей памятью не может.

Мне было очень трудно выставить себя на всеобщее обозрение и оценку, когда требовалось сыграть что-то серьезное. Но происходило нечто удивительное, когда я пыталась сыграть пустые роли, особенно комедийные, или те, где требовалось петь и танцевать. Понимаете, Док, когда я изображала Мэрилин Монро, я забывала о зрителях, об оценке, о своих страхах, заикании и плохой памяти. Однажды Артур Миллер сказал, что единственная роль, которая мне удалась, – это роль Мэрилин Монро. Наверное, он прав, потому что, будучи Мэрилин Монро, я словно становилась самой собой, тогда и реплики не забывались, и дыхание не сбивалось, и тело слушалось. И страшно не было тоже.

Док, а может, правда, моя единственная и самая успешная роль – Мэрилин Монро? Но если бы ее не считали глупой Блондинкой! Я согласна играть мечту миллионов Мэрилин Монро, если бы люди поверили, что внутри этой Блондинки не пусто, что у нее есть мозги, если бы не относились ко мне как к красивому котенку. Есть роковые брюнетки, почему нет роковых блондинок? Я согласна стать роковой блондинкой, только не надо думать, что глупой.

Но я отвлеклась.

Люсиль и Джон почти не жили в своей квартире, предпочитая ранчо, поэтому я чувствовала себя там достаточно свободно, разгуливая нагишом, подолгу простаивая перед зеркалами, примеряя купленные платья и бюстгальтеры. Бюстгальтеры – моя страсть: чтобы не провиснуть, грудь всегда должна иметь поддержку, если у Вас есть жена или любовница, обязательно

скажите ей об этом.

На занятиях в любительском театре я сидела позади и молчала. В «Лаборатории» тоже. Слова «погружение», «проникновение в подтекст драмы» и прочее были для меня свидетельством заоблачных знаний и высот, но, как туда попасть, никто не подсказал. Оставалось пялиться в небо, раздражая наставников. Никто не мог понять, как я намерена чему-то научиться, если из меня слова клещами не вытащить.

Это было так, но не потому, что от волнения начинала заикаться, а потому, что я представляла их всех где-то вверху и большими-большими, а себя внизу и маленькой. Казалось, если что-то не получится, эти небожители, которые, выходя на сцену, спокойно и свободно произносят любые диалоги, голосом, жестами, телом выражая потаенные эмоции, поймут, что я приблудный щенок, и вышвырнут за дверь. Нет уж, лучше сидеть молча, чтобы как можно дольше не догадались.

Зато, одевая облегающее, даже обтягивающее платье и выходя на бульвар (нет, не за тем, чтобы заработать, а просто прогуляться!), я совершенно менялась. Под восхищенными взглядами мужчин забывалась робость и страх перед разоблачением, откуда-то сама по себе бралась грация, я чувствовала себя уверенной, красивой…

Наверное, руководители Театра миниатюр Лили Блис и Гари Хейден сказали Люсиль, что меня бесполезно учить, что я слишком робкая, а может, Кэрроллы догадались сами, но они наконец решили взяться за мое трудоустройство. Конечно, никто не собирался принимать меня в театр на постоянной основе, оставалось пристроить куда-то на студию, а лучше сначала показать кому-то всесильному.

Люсиль все еще не желала приводить меня на свою студию, но она посоветовала обратить внимание на Джозефа Шенка. Шенк был одним из трех руководителей все того же «Фокса», и все знали, что против Занука он никогда не пойдет, но у Джо возможностей куда больше, чем у Люсиль Раймен.

Кэрроллы познакомили меня с Де Чикко, а тот ввел в дом Джо Шенка.

Джозеф Шенк прилип ко мне с первого вечера. Он был один из трех всесильных в «ХХ век – Фокс», возвращаться куда мне не слишком хотелось. Но если выбирать между голодной жизнью с сексом в машинах за еду и студией «Фокс», я выбираю второе. Кэрроллы сумели от меня отвязаться, потому что опеку принял Шенк.

Джозеф Шенк заслуживает отдельного разговора не меньше Даррила Занука.

Кэрроллы очень не хотели, чтобы я рассказывала об их участии в знакомстве с Де Чикко, хотя я не видела в этом ничего дурного, но согласилась и стала всем говорить, что сумела соблазнить Шенка одним-единственным взглядом, когда случайно встретила выезжающим со студии. Вообще-то я действительно соблазнила Джо единственным взглядом, но он был уже слишком стар, чтобы сразу кидаться на молоденькую старлетку, однако помог мне по-настоящему.

В то время Джо был председателем правления студии, однако с Зануком у Шенка существовала четкая договоренность: никогда, ни при каких обстоятельствах не пристраивать на студию своих подружек, поэтому все знали, что обращаться к Шенку за протекцией бесполезно. Вряд ли Люсиль рассчитывала, что Шенк заставит Занука принять меня обратно, но она знала связи Джо на других студиях и все рассчитала верно.

Джо Шенк на время стал моей тихой гаванью, в которой удобно спрятаться в случае бурь или неудач. Я всегда знала, что у Джо могу вдоволь поесть и даже пожить, правда, не слишком долго, Шенку вовсе не хотелось, чтобы кто-то считал меня его любовницей. Почему? Это налагало определенные обязательства, а связывать себя чем-либо никто в Голливуде не желает.

Знаете, я сразу почувствовала, что на Шенка нельзя давить, оставалось только ждать, когда он решит помочь сам. Джо всегда умел обхаживать женщин, даже если ему ничего не было нужно, он сразу понял, что я не возьму деньги, а дорогие подарки мне просто не нужны, и стал просто приглашать к себе.

Я вовсе не была одинока в богатом доме Шенка, таких девочек, подносивших собравшейся компании сигареты и выпивку и забиравших пустые стаканы, было несколько, нет, нас не звали к столу, мы были чем-то вроде обслуги. И когда Шенк вдруг стал выделять именно меня, со стороны других появилась зависть. Со временем я уже сидела за столом рядом с Джо, но в тесном кругу у бассейна все равно подавала напитки.

Но это все равно была возможность поесть, а заодно послушать разговоры о звездах кино, их причудах, капризах, талантах. И это лучше, чем зарабатывать ланч на заднем сиденье автомобиля. Однажды Шенк строго наказал мне в случае необходимости не лезть в машину к кому попало, а просто позвонить и сказать, что хочу есть. Я ответила, что предпочла бы зарабатывать на еду, снимаясь в кино.

У Джо Шенка я нередко встречала Даррила Занука, все же они были коллегами и даже приятелями, но ни разу не осмелилась попросить вернуть меня на студию. Возможно, он ждал, но не дождался, лучше подавать напитки гостям Шенка,

чем выпрашивать что-то у мерзкого Занука! С Зануком мне пришлось еще много раз сталкиваться и испытывать его ненависть, с трудом сдерживая свою собственную, Даррил никогда не упускал возможности унизить и поставить на место, но наступил момент, когда я смогла ответить ему тем же! Тогда до этого было еще очень долго….

Знаете, что я поняла сейчас – во мне всегда была Мэрилин, даже когда я ходила в школу в старых юбках и блузках, а мальчишки спорили за право нести мои книги и пакет с бутербродами. Просто тогда Мэрилин была нимфеткой, а потом повзрослела. Именно она заставила меня сладострастно выгибаться на фотографиях, особенно когда меня снимали обнаженной для календаря.

Уже тогда я была в душе курвой-блондинкой, потому что смущавшаяся Норма Джин ни за что не смогла бы напроситься в дом к Кэрроллам, нагло претендовать на место рядом с Джоном, разгуливать по бульвару, выпятив грудь ради привлечения внимания мужчин, а потом спокойно принимать участие в вечеринках у Шенка. Мэрилин Монро придумал не Бен Лайон, он только дал имя, Мэрилин существовала давным-давно, и Джим Догерти понимал это, когда сбегал от меня в море.

Я выглядела Нормой Джин – златокудрая смущающаяся девушка, которую нужно жалеть и опекать, этакий потерявшийся, промокший котенок. Карен Бликсен сказала, что я львенок, симпатичный детеныш, которого она, однако, не рискнула бы оставлять рядом навсегда, потому что львята вырастают в больших львов. Она права.

Получается, что в те времена я внешне была Нормой Джин, а внутри Мэрилин, и мне предстояло выбрать, кто должен одержать верх. Норме Джин очень нравились занятия в «Лаборатории актеров», нравились серьезные роли в серьезных пьесах, хотелось научиться играть профессионально, стать настоящей актрисой… Но ничего не получалось.

Мэрилин откровенно тянуло в другую сторону. Я сознавала, что могу стать успешной быстро, достаточно использовать свою фигуру и не быть слишком строптивой. Курва-блондинка желала получить все и сразу, а еще доказать всем и самой себе, что не зря решилась попытать счастья в кино. И ей удавалось многое, причем удавалось легко, будь то чье-то сочувствие или звездная роль.

Понимаете, именно тогда, а не раньше или позже мне пришлось делать главный выбор в жизни. Останься я Нормой Джин, можно было бы найти второго Джима Догерти, еще раз

выйти замуж, нарожать и растить детей, изредка посещая кинотеатр и в темноте зрительного зала вздыхая о несбывшейся мечте. Очень многие девушки, которых отвергли киностудии, так и поступали, они превращались в степенных женщин и осуждали девиц, которым удалось пробиться: «Знаем мы, какой ценой!»

Свет мой зеркальце, скажи…

Цена действительно была всем известна, недаром говорили, что роли у режиссеров и продюсеров выпрашиваются в позе на коленях и голышом. Для Нормы Джин это было неприемлемо, Мэрилин не смущало.

Выбор был не слишком трудным. Да, я очень хотела стать серьезной актрисой, но я просто хотела есть, и где-то надо жить.

Пристанище в гостевой комнате у Кэрроллов было очень удобным, даже роскошным, но оно временное – это понимали все. Мэрилин победила, Норма Джин послушно выполняла все требования Джона Шенка и тех, к кому он меня отправил.

А ведь все, с кем я так или иначе общалась, с кем работала, от кого зависела, все чувствовали эту двойственность – Мэрилин и Норма, а я сама всегда ею пользовалась. Когда нужно, чтобы пожалели, вперед выступала Норма, а когда нужно взять свое – Мэрилин.

Вот до чего договорилась!

Но это так и есть, эта двойственность помогла мне стать звездой, а потом превратилась в кошмар. Знаете, что произошло потом? Мои наставники просто поменяли нас местами, вытащив наружу Мэрилин и упрятав Норму Джин внутрь. А я сама уже несколько лет пытаюсь ее вернуть.

Док, а может, лучше плюнуть и остаться Мэрилин во всем, все равно меня воспринимают именно такой и страшно разочаровываются, узнав, что это только образ, внешность. Никому не нужна сомневающаяся, страдающая Норма Джин, зато всем нравится Мэрилин, может, лучше пойти на поводу у всех?

Шенк не мог вернуть меня на «Фокс», это означало бы скандал с Зануком и ни к чему хорошему не привело, отправил на студию «Коламбия» к Гарри Кону, с которым частенько проводил вечера за картами. Мне было сказано просто: сумеешь очаровать Гарри – сможешь получить от него контракт. Норма Джин засомневалась бы, Мэрилин согласно кивнула.

Я очаровала Гарри Кона, которого дружно ненавидели все актеры Голливуда, и получила полугодовой контракт и сто двадцать пять долларов в неделю.

Мэрилин делала куда большие успехи, чем Норма Джин, потому что в любительской актерской студии у супругов Хейденов, куда меня пристроили ради развития актерского таланта Кэрроллы, успехов не было никаких, роли на сцене не давались категорически, Норма Джин предпочитала тихо сидеть в сторонке.

Именно по требованию Кона я окончательно стала блондинкой. На сей раз сомнений не было вообще, я прекрасно понимала, что любой каприз или несогласие будут означать новую потерю работы безо всякой надежды получить ее еще раз. За меня взялись всерьез, укоротив волосы, выпрямив их и обесцветив, потом сделали нужные снимки и отправили учиться актерскому мастерству к Наташе Лайтесс, которая стала моей наставницей надолго и сыграла в судьбе немалую роль.

Я пришла в Голливуд за полтора года до этого, успела помаяться в качестве старлетки, поголодать, оказаться выброшенной за ворота, испытать весь ужас безнадежности, понять, что есть настоящее искусство и актерское мастерство, но оно мне просто не по карману, и сделать выбор в пользу успешной Блондинки, у которой по крайней мере будут деньги на один бутерброд в день.

Наверное, этот путь проходят очень многие, если не все актрисы Голливуда, редко кому удается не встать на колени перед режиссером, для этого нужно иметь надежный тыл и средства к существованию. Если содержать тебя некому, выбора не остается.

К тому же я осталась совсем одна, потому что умерла моя любимая тетя Энн. Грейс почти спилась, а мама… о, мама в очередной раз убедила всех, что мы ее плохо знаем! Она выписалась из больницы и вышла замуж за какого-то коммивояжера. Я не могла поверить: если можно выйти замуж, значит, она не столь уж безумна и просто прикидывалась? Тогда зачем вся эта игра, к чему осложнять жизнь мне?

Тогда я не знала, что у Глэдис просто временное просветление, которое довольно скоро обернется новой больницей, теперь уже окончательно. Но сумасшедшую мамочку мне еще не раз припомнят, а в те дни была даже рада, что она исчезла из моей жизни, ведь на студии я по-прежнему числилась круглой сиротой.

Началась работа в «Коламбии», это был очередной виток, я словно ходила по замкнутому кругу, никуда не приходя в результате. И мало что изменили съемки в «Хористках». Сейчас вспоминаю, что не испытала большой радости, получив вместе с контрактом маленькую роль в этом фильме, словно чувствовала, что все это ненадолго.

Но «Хористки» меня обнадежили и дали наконец имя в титрах.

А еще в это время я снова попыталась создать семью. Просто в «Хористках» требовалось петь, значит, нужны вокальные репетиции. Моим музыкальным наставником стал Фред Каргер, которого все считали красавцем. Он таковым и был, светловолосый, с правильными чертами лица, очень музыкальный Фред понравился мне почти сразу. И я ему тоже, хотя говорили, что он женоненавистник. У Фреда имелся негативный семейный опыт и развод, причем ребенок остался с отцом, а не с матерью. О бывшей жене Каргер разговаривать не желал совсем, что я вполне понимала, мне тоже не хотелось вспоминать Джима Догерти.

У Каргера была немаленькая семья – мать и сестра с детьми, тоже разведенная. С его матерью миссис Энн Каргер у нас моментально установились прекрасные отношения, ей нравилось опекать бедную девушку, не всегда имевшую деньги на оплату обеда. Энн Каргер обожала готовить, а потому чувствовала себя просто счастливой, когда слышала мои искренние комплименты своим кулинарным талантам.

Сам Фред вовсю старался развить другие мои таланты и очень преуспел, во всяком случае, критика из всего фильма отметила только мои песни. Бедному Фреду пришлось нелегко, потому что белый рояль, купленный мамой, вовсе не означал, что я умею играть или знаю нотную грамоту. Но чтобы понравиться Каргеру, я готова выучить не только нотную грамоту или несколько песен, а целую оперу (хорошо, что этого не пришлось делать, в опере скучно, я не люблю, когда только поют и ничего не говорят).

Фред занимался со мной часто и подолгу, гораздо больше, чем требовалось согласно его обязанностям, нам не хватало времени в студии, и мы пели дома. Что могло быть лучше – Фред за роялем, а я у рояля?

Я пела и пела, а потом старалась отблагодарить Фреда так, как умела – любовью. В те месяцы казалось, что счастье найдено – у меня такой прекрасный любовник, я нравлюсь его семье, карьера актрисы наконец начала складываться (всем было ясно, что мои музыкальные номера звучат куда лучше, чем у остальных). Наташе Лайтесс я сказала, что Фредди – мужчина моей мечты, но она почему-то не слишком верила в мое такое близкое счастье. Честно, с Фредом я поняла, что заниматься сексом можно не только в качестве благодарности или за еду, но и по любви! Такое открытие многого стоило и сделало меня счастливой.

Конечно, я мечтала о семье, о замужестве с Каргером, ведь многие актрисы были замужем и при этом прекрасно справлялись с ролями в кино. Наверное, если бы тогда меня поставили перед выбором – кино или семья, я выбрала бы семью, потому что уверенности в своем актерском будущем уже не чувствовала. Но никто не поставил.

Почти месяц я жила у Каргеров, обманув их с самого начала. Обманула не со зла или большого расчета, а просто, чтобы меня пожалели. Отправляя меня на «Коламбию», Люсиль Кэрролл оплатила полугодовое проживание в «Студио-клаб», чтобы я не заботилась хотя бы о жилье. Это было замечательно, но мне хотелось дома, семьи, и я схитрила. Когда Фред подвозил меня домой, назвала не «Студио-клаб», а адрес своей знакомой

актрисы-старлетки, от квартиры которой на всякий случай держала ключи. Квартирка – настоящая конура в очень дешевом районе, до Кэрроллов я жила в похожих условиях. Каргеры, услышав от Фреда об увиденном ужасе, пожалели меня и позвали жить к себе.

Конечно, в их доме мне было очень трудно отвыкать от своих привычек – спать нагишом при открытой двери в спальню, расхаживать по дому раздетой, разбрасывать вещи где попало… Видите, Док, какая я с Вами честная, ничего не скрываю. Нет, скрываю, но то, что знать вовсе не обязательно. У женщин должны быть секреты даже от гинекологов.

Все шло прекрасно, конечно, Фред не торопился делать меня своей женой, но его мама и сестра во мне души не чаяли, а потому я надеялась, что совместными усилиями мы добьемся своего. Налаженная жизнь рухнула в одну минуту. Из «Студио-клаб» позвонили на студию с вопросом, куда это я подевалась, потому что снова не прихожу ночевать. Надо же такому случиться, что свидетелем звонка оказался Фред! Он без разговоров собрал мои вещи и отвез в «Студио-клаб», заявив, что если я обманула в такой мелочи, то способна обмануть и во всем остальном.

Меня снова вышвырнули прочь, как щенка!

К тому же съемки фильма закончились, а контракт «Коламбия» продлевать не стала, Гарри Кон счел свой карточный долг Шенку оплаченным и потому не был обязан держать меня дальше. Это тем более несправедливо, что пресса отозвалась о моей игре в «Хористках» хорошо, обругав всех остальных. Но Кону наплевать на певичку во второразрядном убыточном фильме, я вовсе не была звездой, и никто не желал меня таковой делать. А ублажать бугая Гарри Кона я желала ничуть не больше, чем Даррила Занука.

Фред не порвал со мной, он даже оплатил исправление моего прикуса, чтобы зубы стали ровнее, и процедуры их отбеливания, постоянно давал советы по этикету, подбору гардероба, манере поведения. Но это был уже не тот Фред, он словно получил подтверждение каким-то своим злым мыслям. Каргер постоянно поучал, причем резким, даже неприятным тоном, высмеивал, внушал, что я ни на что не способна, кроме постельных утех.

Если вспомнить, что меня снова вышвырнули со студии, его слова казались очень справедливыми. Иногда мне кажется, что Фред сыграл свою роль в моем увольнении, на студии уже пошел слух, что он собирается на мне жениться, это совсем не нравилось Каргеру, который постоянно подчеркивал, что мы любовники, и только. Наверняка, он где-то обронил нехорошее слово, потому

что захлопывать двери перед актрисой, которую только что похвалила пресса, нелепо.

Сам Фред откровенно меня стеснялся, относился все более пренебрежительно. Почему, ну почему все, кого я любила, кому была готова отдать всю себя, мной пренебрегали?! Наташа Лайтесс говорила, что Каргер презирает меня, потому что я сама под него стелюсь и ему угождаю. Она не любила Фреда и всячески старалась, чтобы мы расстались. Наверное, Наташа права, потому что чем больше я старалась угодить Каргеру, тем хуже тот ко мне относился. Фред совсем со мной не считался, вел себя так, как удобно ему, но не мне, а я страшно боялась потерять любимого, словно это последняя надежда выйти замуж. Нет, даже если бы он не женился на мне, а хотя бы не стеснялся и не презирал, я готова оставаться любовницей, но и в таком качестве я страшно раздражала Каргера.

Фред был недоволен всем: тем, как я одеваюсь, как веду себя, как разговариваю, моей уступчивостью или неуступчивостью, моей необразованностью и стараниями наверстать упущенное, тем, что я мало читала, и тем, что у меня в руках постоянно книга… Иногда казалось, что он вымещает на мне свою злость на самого себя за невозможность меня бросить. Фреду (наверное, как и всем остальным моим мужчинам) нравилось мое тело, но не нравилась я сама, однако отказаться от тела он не мог.

Док, здесь снова борьба между Нормой и Мэрилин, да? Каргеру нужна Мэрилин, а во мне была еще только ее половина. Удивительно, но Фред ненавидел как раз сущность Мэрилин, обожая ее форму. Ему было нужно, чтобы оболочка Мэрилин вела себя скромно и разумно, как Норма Джин. Но разве это возможно?

К сожалению, не один Фред, всем нужна красивая оболочка Мэрилин, миф, выдумка, и все оказываются недовольны, когда понимают, что внутри есть нечто другое. Но если я прячу это другое глубоко-глубоко и веду себя только как Мэрилин, следует другая обида – на глупость, пустоту, никчемность…

Роман с Фредом после моего увольнения со студии довольно быстро заглох, хотя я продолжала поддерживать отношения с его мамой и сестрой.

Наверное, у меня была бы страшная депрессия, потому что снова оказалась без работы и в отставке у Фреда, но меня не оставляли без помощи Кэрроллы и Наташа Лайтесс, а еще в моей жизни появился Джонни Хайд.

Знаете, к тому времени я снова чувствовала себя никем. Меня взяли на студию, я даже подружилась с Каргерами, но внутри уже

жило чувство, что все это ненадолго, что скоро снова придется собирать свои вещи и уходить в никуда. Я еще сопротивлялась, еще верила, что с Фредом и его семьей все сложится, я буду приветливой, заботливой, услужливой, я понравлюсь всем, и меня оставят, пусть даже на коврике у двери, но позволят жить в их семье. Я так хотела быть чьей-то!

Может показаться, что это навязчивая мысль, которую я повторяю и повторяю. Но это так, всю свою жизнь я хотела и хочу быть чьей-то, хочу, чтобы меня не бросали, не прогоняли, как собачонку, не выбрасывали из своей жизни, хочу добиться успеха не только телом, но и душой.

Иногда я задумываюсь, не зря ли разорвала брак с Джимми, и понимаю, что не зря, в душе я уже чувствовала, что ничего не получается, что еще немного и Джим откажется от своей неугодной супруги. На сей раз я словно опередила и ушла сама.

Но какая же разница, когда ты не нужна ребенком (это очень страшно, но детей редко бросают на улице, их хотя бы подбирают приюты) и одинока уже взрослой, когда не хватает не просто чьей-то поддержки, ласки, доброго слова, а денег на жилье, на чулки, на еду. Я была достаточно взрослой, чтобы никто не считал себя обязанным протягивать мне доллар на гамбургер, вернее, это делали, но в качестве оплаты за определенные услуги. Я всегда просила лучше купить еду, но не платить, почему-то казалось, что стоит взять сами деньги и скачусь так низко, что больше не смогу подняться.

Была еще одна причина – я так верила в свое блестящее будущее, в то, что смогу стать звездой, так уверяла в этом остальных, что возвращаться и просить помощь стало невозможно. Да и у кого просить, если тетя Энн лежала в больнице, Грейс спилась, а мама помогать мне никогда не могла. С семьей Догерти я рассталась и осталась совсем одна.

Я пришла в Голливуд веселой, уверенной в будущем девушкой, готовой улыбаться всем, а через два года была совсем другой. Наверное, в этом виноват не Голливуд, а мои мечты и надежды. Необходимость зарабатывать на нищенское существование и еду даже своим телом, угождать приятелям Шенка, зависеть от Кэрроллов (хотя они очень помогли мне), потом унижаться перед Каргером, заглядывать в глаза всем, кто мог дать работу и возможность не голодать хотя бы еще один день, не могли не сказаться. Улыбка осталась, но теперь она не была радостной, а стала вымученной. Жизнь оказалась куда более жестокой, чем виделась миссис Норме Догерти. Но я продолжала барахтаться, пытаясь выбраться наверх и не скурвиться при этом окончательно. Лучше зарабатывать на гамбургеры в автомобиле,

чем в кабинете Занука. Пусть меня зовут шлюхой по натуре, но никто не может сказать, что я брала деньги или приходила к Зануку по вызову в 16.00. Это предмет моей гордости, может, и глупо, но иначе я не могла.

И все-таки, если бы ни Хайд, я бы погибла.

Но сначала о Наташе.

Мэрилин Монро

Наташу Лайтесс многие называли черной вороной. Знаете, так и есть, мне она представляется именно такой, причем очерчивающей вокруг меня границу, которую переступать нельзя. Она полностью подчиняла своему диктату.

Наташа считает, что Мэрилин Монро сделала она, мол, это она поставила мне чуть вихляющую походку, научила говорить, научила вообще играть. В какой-то мере это так, без Наташи я снова запуталась бы в ролях и потеряла веру в себя. Хотя, если вдуматься, именно из-за нее я эту веру и потеряла.

Но попробую по порядку, это тоже становление Мэрилин и мучения Нормы Джин.

Наташа говорила, что она русская, хотя в Америку приехала из Германии. Но у нее действительно были русские корни, а еще она обожала и прекрасно знала русскую литературу и систему Станиславского.

Лайтесс работала на студии кем-то вроде репетитора с неопытными актерами, но поскольку небольшой зарплаты на жизнь не хватало, давала частные уроки актерского мастерства. Наташа некрасивая (этого не отрицает даже она сама), высокая, жилистая и очень энергичная особа. Она уже не играла сама, а только учила других, то и дело напоминая, что некогда работала с самим Рейнхардтом.

Первая встреча с ней была ужасной. В комнате, куда я вошла, сидела строгая, неприветливая дама, которой не было никакого

дела до моего неумения играть. Наташа делала вид, что занята чтением, она лишь окинула меня почти презрительным взглядом и кивнула на стул. Я понимала, что она сердита из-за моего опоздания, но я задержалась, потому что долго не могла выбрать, в чем идти. Переодевалась и переодевалась. Не подумайте, что я меняла наряды, вытаскивая их из огромного шкафа, это было всего одно платье на выход и два скромных на каждый день, просто мне то казалось, что я слишком ярко наряжена, то что слишком скромно. Бывает, что и три заношенных платья создают проблему.

Трудно поверить, что «девушка Шенка», как меня звали, не имела достаточно одежды? Но это так. Я уходила от всех, у кого жила, почти без ничего и норковое манто, купленное Шенком, оставила у него дома, словно взятое напрокат. Это страшно удивляло всех, но мне казалось, что так и есть, пока Шенк пользуется мной, он меня одевает, но когда меня зачислили на студию, он перестал быть обязанным меня одевать.

Но к Наташе это не имело никакого отношения, разве что она работала с актерами «Коламбии».

Строгая, какими бывают старые девы, злые на все человечество, она откровенно поморщилась, обозрев мою фигуру. Я заметила, что она вовсе не читает справочник, который держит перед собой на столе, репетитор решила проучить меня за опоздание и заставить также ждать. Я не была в обиде, Наташа имела на это право.

– Прочтите несколько строк. – Наташа протянула мне тот же толстенный справочник.

– Какие?

– Любые! – Ее голос вовсе не стал мягче в ответ на мою растерянность.

Читать справочники вслух – не самое легкое и приятное занятие, особенно под недовольным взглядом старой фурии. Наташа вовсе не была старой, но фурию изображала очень убедительно.

– Громче, я ничего не слышу!

Ей не понравилось все: моя фигура, походка, голос, полное неумение звучно произносить фразы, неумение читать с выражением, даже бугорок на носу! О ярко-красном платье с глубоким вырезом и говорить не стоило. Я не стала объяснять, что другого просто нет, а вырез растянулся, потому что платье одевается слишком часто.

А в отсутствии актерского опыта призналась и в том, что слабый голос, что меня охватывает ступор, стоит зажечься осветительным приборам, а камере начинать наезжать. О себе

сказала, что сирота, что очень хочу стать кем-то не столько для успеха, сколько для себя, что мне очень нравится в «Лаборатории актеров», потому что там настоящая игра, а не вихляние бедрами перед камерой…

– Вы хоть понимаете, что от меня требуют невозможного?! За три недели превратить полную неумеху в актрису!.. Этого не смог бы даже доктор Хиггинс!

– Кто?

– Вы не читали «Пигмалиона» Бернарда Шоу?!

Пришлось честно признаться, что нет.

– А что Вы читали? Вы вообще читаете?

– Я очень люблю читать…

Она усомнилась.

– А в театр часто ходите?

– Нет, только в «Лабораторию…».

Наташа буквально застонала:

– Только не говорите, что не слышали о Шекспире.

Она говорила близким к обмороку тоном, но не могла же я лгать, что знаю какого-то там Шекспира наизусть.

– У Вас хорошая библиотека… – Я кивнула на стеллажи, заполненные книгами, и этим, кажется, предотвратила обморок будущей наставницы.

– Толстого?.. Достоевского?.. Знакомы с системой Станиславского?..

При этом имени я чуть оживилась, ничего не зная о Станиславском, я все же слышала это имя в «Лаборатории…».

Оживилась и Наташа, видно поняв, что я не совсем пропащая. После этого она прочитала целую лекцию о русской литературе, русской культуре, системе Станиславского и многом другом. Наташа с жаром говорила о Московском Художественном театре, о Михаиле Чехове, который вынужден жить в Америке, о влиянии Антона Чехова на современную драму… Это был фейерверк знаний, суждений, эмоций… Казалось, судьба свела меня с самой эрудированной, самой замечательной женщиной Голливуда (наверное, так и было), но в то же время она не подавляла, позволяя и мне чувствовать себя причастной к великой культуре, словно я, Норма Джин или уже Мэрилин Монро, сыгравшая в крошечных эпизодах вихляющих задом дурочек, тоже могу что-то сделать для развития этой культуры.

Соучастие… наверное, это потрясло даже больше эрудиции и напора Наташи.

Но она мгновенно опустила меня на землю. Феерическое выступление закончилось утверждением, что я никуда не гожусь! Это было ужасно, словно меня подняли над землей, показали, как

все прекрасно, а потом грубо шлепнули лицом в густую грязь!

Я разрыдалась, чувствуя, что если и эта женщина меня бросит, то жить больше незачем. Недоброжелатели говорили, что Наташе только этого и было нужно. Возможно, так, потому что она погладила меня, ревущую в три ручья, по волосам и обещала, что мы будем работать и превратим меня в настоящую актрису.

– Научить играть можно любого, нужно только, чтобы человек хотел этого, не ленился. И еще чтобы ему встретился опытный педагог.

Я обещала желать, не лениться и благодарила педагога. Все это от души. Я действительно очень хотела стать не просто звездой, у которой замечают лишь внешность, а настоящей актрисой, от игры которой люди бы лили слезы или задыхались от эмоций.

Док, конечно, я не помню дословно все, что спрашивала или рассказывала Наташа, что отвечала я, но смысл был именно таким: она показала мне перспективу, объяснила, что я никто, и обещала сделать кем-то. А еще сказала, что у меня прекрасные внешние данные, только нужно прекратить одеваться как шлюха и кое-что подправить в лице.

Я разыскала в библиотеке «Пигмалиона», прочитала и была счастлива, что Наташа решила стать для меня доктором Хиггинсом.

Наташа предоставила мне свои книги, не написанные ею, таких не было, а те, что стояли на полках в ее квартире. Вот тогда я и поняла, что все чтение надо начинать сначала, потому что ни одна библиотечная книга, побывавшая в моих руках, в фаворитах у Наташи Лайтесс не числилась и у нее не имелась. Зато были другие…

Нет, Наташе не удалось приучить меня читать медленно и вдумчиво, я все равно «глотала» книги, получая наслаждение уже от одного того, что держу их в руках. Позже, когда у меня уже появились деньги, я скупала в книжных магазинах все, что привлекало внимание, даже записалась на вечерние курсы по литературе и искусству. Они не давали никакой профессии, были организованы для таких, как я, тех, кто хочет читать хорошие книги и слушать, что говорят о таких книгах умные люди.

А пока это была русская литература… Какое это очарование и удовольствие, Док! Я была совершенно влюблена в тургеневских героинь, обожала Грушеньку из «Братьев Карамазовых», страшно жалела Анну Каренину… Я и сейчас мечтаю сыграть Грушеньку, это по-настоящему женский характер, как мог мужчина так хорошо понять женскую суть? Наверняка ему помогала умная

женщина, пусть тайно, но помогала.

Я не очень понимала рассуждения Толстого о русских просторах и русской душе, но Наташа говорила, что это потому, что я не жила в России и не видела этих самых просторов. А о русской душе сама Лайтесс могла говорить часами, утверждая, что она останется непостижимой, сколько бы ни пытался понять. И в ее голосе был настоящий восторг!

– Я должна показать тебя Михаилу Чехову!

– Энтони?

– Нет, Антон Павлович давно умер, а его племянник живет здесь и даже дает уроки актерского мастерства. Михаил Александрович Чехов.

Видите, я даже сейчас выговариваю это с трудом, а тогда жалобно протянула:

– Можно просто Майкл?

Ответом был строгий взгляд и выговор:

– Ты можешь не говорить Александрович, но Михаил научись. Михаил Чехов – это не Майкл Чехов! Это твой Джонни Хайд может разрешать так себя называть!

Джонни Хайд в действительности Иван Хайдабура, его родители в десятилетнем возрасте привезли из России в Америку. Знаете, иногда мне казалось, что Голливуд вообще русская колония, потому что русскими были или имели русские корни почти все мало-мальски значимые люди в Голливуде, и мой Джо Шенк тоже. Михаил Чехов действительно один из немногих, кто не переиначил свое имя, переехав в Америку. Наверное, правильно, кто хотел с ним общаться, мог выучить даже «Александрович», хотя я все равно звала его Мишей, так проще. Наташа говорила, что это слишком демократично, что в России так не принято, но я не понимала, почему демократично, значит, плохо? К тому же мы не в России, а в Америке.

Это Джонни Хайд.

Не смейтесь, Док, он ангел, для меня он ангел.

Я знаю, сколько гадких сплетен и слухов ходило в Голливуде о наших с ним отношениях, знаю, как меня ненавидела его семья.

Джонни очень смешной, знаете, с чего я хотела бы начать рассказ о нем? Хайд брал с меня положенные проценты, как агент! Это тем более нелепо, что он просто содержал меня. Но у Джонни профессионализм прежде всего, он агент милостью Божьей.

Хайд маленького роста и даже по сравнению со мной смотрелся гномом, но он очень добрый гном. Джо Шенк тоже невелик, маленький и Трумэн Капоте, я в жизни встречала много

невысоких людей, но они разные. Капоте вот язвительный гном, а Хайд добрый. Во всяком случае, ко мне.

Джонни влюбился с первого взгляда, втюрился без памяти! Я могу так говорить, потому что так говорили все, в первую очередь он сам. Кто для кого был игрушкой? Рядом с Хайдом я чувствовала себя какой-то здоровенной бабой, он вертелся вокруг меня, оберегая от всего, словно пытаясь защитить своими маленькими ручками от невзгод. Джонни сразу поверил в мое будущее, но если Наташа Лайтесс твердила, что мы должны без устали работать, чтобы чего-то добиться, что меня нужно учить играть, то Хайду не нужно ничего!

– Мэрилин, ты должна просто кое-что поправить во внешности, следить за собой и сиять на экране.

Я верила и не верила, меня не замечали на студии, а Хайд говорил о сиянии. С необходимостью следить за собой я согласна, стоило начать есть все и вволю, как на боках откладывался жирок, что при моем небольшом росте совершенно недопустимо, мои кости и так не выпирали углами никогда. Есть люди, особенно женщины, у которых, сколько ни ешь, одни углы, а есть такие, как я, – сколько ни голодай, формы при нас.

Я снова начала бегать по утрам, заниматься с маленькими гантельками – Джонни сказал, что большие брать нельзя, вырастут мышцы на руках, и все будет испорчено, а еще стала следить за своим питанием. Но тогда у меня еще был хороший желудок и хорошая поджелудочная, я их испортила позже таблетками, я это знаю, просто изменить ничего не могу.

А еще Хайд оплатил и заставил меня сделать несколько операций. Было очень страшно, но Джонни убедил, что, если не убрать чертов бугорок на носу, никакой грим не поможет. Я действительно замазывала это безобразие толстым слоем грима, но Хайд прав – не помогало. Кроме того, мне исправили овал лица, добавив в подбородок морскую губку, чтобы линия была ровнее. Сама я ни за что не решилась бы на такую операцию, это все Хайд.

Знаете, какой был шок, когда в зеркале после операции вместо маленького, аккуратного носика, какой мне было обещано, отразилась огромная синяя картофелина!

Голос врача спокоен:

– Прекрасно! Все отлично, у Вас хорошенький носик.

– Что это?!

– Это отек, он быстро пройдет. И на подбородке тоже.

Дни, пока спадал отек, были просто ужасны, я ныла и ныла, страшно боясь, что так и останется, тогда мне играть только разных тетушек Гусынь, не иначе. Кто захочет снимать толстомордую уродину?

Хайд суетился вокруг, как наседка над цыпленком,

уговаривал, убеждал, показывал снимки удачных операций, то и дело гладил по руке, по плечу, вытирал слезы.

Мой нынешний аккуратный носик и хороший овал лица – заслуга терпеливого и настойчивого Хайда и мастерства пластического хирурга. Губка потом растворилась, и пришлось подшивать заново, овал чуть изменился, на фотографиях это заметно, лицо словно чуть просело, но тогда я плакала от счастья.

Разве можно отказать такому заботливому поклоннику? Джонни ушел из семьи, снял для нас дом, и я переехала к нему. Он знал, всегда знал, что я его не люблю, что живу из благодарности, но Хайду было достаточно и того. Наверное, это и есть любовь – когда все понимаешь, но все равно готов для любимого человека на любые жертвы.

Какой поднялся крик! Я боялась, что он навредит, но Джонни говорил, что любой скандал идет на пользу популярности. Семья Хайда меня ненавидела, в его агентстве не терпели на дух, отворачивались даже многие знакомые. Дело в том, что у Хайда было больное сердце, настолько больное, что его еженедельно заставляли проходить обследование и требовали не напрягаться, соблюдать строгий режим и избегать любых волнений.

Неволнующийся, спокойный Хайд – это невозможно, Джонни потому и надорвал сердце, что всегда был очень беспокойным. Иначе стать настоящим суперагентом многих кинозвезд нельзя, ему приходилось находить общий язык с такими монстрами, как Занук или Кон, убеждать, уговаривать, настаивать, пролезать в любую щелочку, пробивать двери своей напористостью. Хайд делал это всегда, но почему-то все решили, что именно со мной он надорвался. Даже близкие знакомые говорили, что, продвигая меня, Джонни угробил свое сердце. Это нечестно, потому что он был болен давным-давно.

А уж семья постаралась вылить на меня такое количество грязи, что, обращай я внимание, утонула бы в этом потоке с головой. Понимаю, они очень боялись, что я оттяпаю все деньги Хайда (а он был миллионером!), что Джонни все завещает мне, тем более Хайд вел разговоры о завещании со своим адвокатом. Док, адвокаты, как психоаналитики или гинекологи, они вроде ничего не выдают из своих тайн, но намеками рассказывают о клиентах столько, что и выдавать не нужно.

Вы психоаналитик? Но ведь я говорю правду, Док. Что-то подсказывает мне, что у Вас тоже были случаи, когда чужие секреты становились достоянием гласности по Вашей вине. Док, только не подумайте, что я осуждаю! Нет, нет! Я вообще ничего не хочу знать о Ваших делах, так легче. Простите за невольную обиду.

Док, я хотела спросить только вот что: можно я посоветую вот такой способ работы с клиентами своему психоаналитику доктору Гринсону. Он замечательный, умный, добрый… Посоветую клиентам наговаривать на магнитофон, а потом отдавать ему для прослушивания. Можно? Я не скажу о Вас ничего, пусть считает, что это я придумала. Или нужно честно признаться, чья идея?

Это я ходила в ванную закрывать кран, потому выключала магнитофон. У меня противная домоуправительница – Мюррей, я согласилась на ее помощь, потому что она похожа на мою любимую тетю Энн, но похожа только внешне. Вообще-то это сплав Наташи, Полы и, что самое страшное, – доктора Крис в одном лице. Я потом Вам расскажу о них всех, поймете, какой кошмар жить под приглядом вот такой домашней фурии. Как теперь избавиться, даже не знаю…

Но сейчас я вернусь к Хайду, потому что могу просто забыть, что рассказывала, а что нет. Я вдруг подумала, что научилась у Артура Миллера все раскладывать по полочкам и анализировать. Нет, я анализирую и с Гринсоном, но это как-то иначе, он больше разбирает мои детские страхи, а с Вами я сама, и это вселяет в меня уверенность.

Так вот Хайд…

Мы с Джонни жили вместе, и он старался вести себя как хороший любовник. Хайд думал, что если я выгляжу сексуально, то должна только о сексе и думать. Почему-то никому, даже тем, кто прекрасно меня знает, не приходит в голову, что к нему (к сексу) почти равнодушна. Наверное, это потому, что первым у меня был Джимми Догерти.

Ужасно, но я не могла дать Хайду главного – я не могла полюбить его как мужчину. Любила как старшего брата, как мужа, но не как любовника. Понимаете, это нельзя делать рассудочно, сердце не подчиняется рассудку, сколько бы ни старалась, полюбить по решению не получается. Я не была влюблена ни в кого другого, а потому спокойно жила с Хайдом, но ему нужно было большее.

Много говорили о том, что он хотел на мне жениться, а я отказывалась. Знаете, Док… Джонни очень хотел, чтобы я стала его женой, но мы оба понимали, что это невозможно. Там было все очень сложно и даже запутанно. Я бы вышла за Хайда, но… Он был очень болен, каждое утро боялась увидеть его мертвым, тем более не так давно умерла от болезни сердца тетя Энн, я это страшно переживала. Его семья и друзья меня ненавидели, все вокруг дружно обвиняли меня в его болезни, все считали, что

если Джонни умрет, то виновата буду я.

Но главное не это: мы понимали, что стоит мне стать миссис Хайд, как на меня ополчатся все и никто на студию не возьмет вообще. У Хайда был почти миллион, это позволило бы мне безбедно жить и не бегать, выпрашивая роли. Почему-то считалось, что получить эти деньги я могу только став его женой. Но почему? Это нелепо, ведь Джонни мог просто назвать меня основной наследницей в завещании или даже заранее перечислить эти деньги на мой счет. Никому не приходит в голову поинтересоваться, почему он этого не сделал. Да, говорил с адвокатом, но ведь так и не назвал меня наследницей, даже когда лежал в больнице перед смертью, всего лишь просил свою помощницу Халловей, чтобы его семья относилась ко мне как к родственнице. Это было нелепо, потому что меня просто ненавидели, и изменить их отношение ко мне было так же невозможно, как мое к нему.

И все-таки он предлагал мне стать его женой, а я отказалась. Одни посчитали меня настоящей дурой, другие слишком самоуверенной зазнайкой, третьи увидели в моем отказе какой-то сверхрасчет и радовались, что я проиграла. Но я не играла, Док, я правда не играла. Мне очень нужны деньги, они всегда нужны, а тогда тем более. Хотя бы часть наследства Хайди дала бы возможность забыть о хлебе насущном и учиться актерскому мастерству.

Никто ничего не понял, даже Наташа Лайтесс и близкие друзья Хайда. А ведь все так просто! Наташа считала, что я должна учиться актерскому искусству по-настоящему, серьезно заниматься, играть в театре и забыть о ролях пошлых блондинок с приоткрытым ртом и выпяченной грудью. Хайд был готов покупать мне вещи, завещать свое состояние, дать свое имя, выбивать роли, унижаться ради меня перед власть имущими в Голливуде, он готов был угробить ради моего будущего свое сердце, свою жизнь, но он категорически не желал, чтобы я становилась драматической актрисой!

Док, понимаете разницу? Джонни не считал меня способной играть роли вроде Корделии или Грушеньки, говорил, что Электра не для меня, что я комическая актриса, что мне нужны роли, в которых я бы позволяла собой любоваться. Я не хотела просто позволять любоваться своим телом. Хайд злился:

– Не телом, Мэрилин, а своей аурой, понимаешь, у тебя есть аура, притягивающая к экранам всех. Это скоро заметят, не могут не заметить на студиях, ты будешь нарасхват, несмотря на всю ненависть руководителей! Мэрилин, не стоит окунаться в серьезное искусство, оно хорошо, но не для тебя. Не всем быть

великой Дузе, это не твое.

Я обижалась:

– Не хочу быть просто глупой блондинкой! Не хочу просто демонстрировать свою ауру на экране! Я хочу играть, Джонни, играть, понимаешь?!

Он понимал, но слишком любил меня, чтобы откровенно сказать, что я бездарь. К тому же Наташа в это время твердила совсем иное: для актера главное школа, которая сможет проявить его божественную искру. Только серьезная, упорная учеба способна явить миру Мэрилин-актрису, а не просто красотку. Наташа с Джонни учили противоположному, и просто наступила минута, когда мне пришлось выбирать.

Я хотела играть, а значит, учиться, я хотела стать божественной Дузе, а не блондинкой с аурой. И я ушла от Джонни, сказав, что подвергаю его здоровье опасности.

И все-таки почему он не сделал меня миссис Хайд и наследницей своих денег? Когда Джонни сказал, что я должна сделать операцию по перевязыванию труб, чтобы не делать аборты, я категорически отказалась. Это означало не иметь детей совсем.

– Ты надеешься иметь детей? Мэрилин, ты сделаешь такое количество абортов, что никаких детей не будет.

Я не хотела верить Джонни, хотя тогда о детях не думала, просто не желала, чтобы меня воспринимали только как красивую куклу.

– Я оставлю тебе свои деньги…

Я отказалась от его денег и права называться миссис Хайд, твердя, что всего добьюсь сама и стану актрисой, высокооплачиваемой актрисой.

– Только не стремись играть сложные роли, не стоит, тебе будет трудно.

– И трудные роли тоже играть буду, Джонни. Я научусь.

Он сокрушенно покачал головой:

– Я думал, ты умная девочка…

Но я точно знала, что после этого разговора Джонни стал уважать меня больше. Я переехала к Наташе, а он забегал по кабинетам руководителей студий с удвоенным азартом, стараясь раздобыть мне роль, в которой я смогла бы покорить Голливуд.

Шенк считал меня дурой, удивляясь моему упорству:

– Мэрилин, ну что тебе стоит немного побыть миссис Хайд, ведь ты же все равно спишь с Джонни.

Я не понимала, чего не понимают они:

– Сплю, просто сплю, причем когда захочу сама. А став миссис Хайд, перестану себя уважать. Получится, что Джонни

купил меня.

Джонни не покупал меня, хотя дарил дорогие подарки, например норковый палантин, который я потом продала, чтобы помочь Наташе, когда ей срочно понадобились деньги.

Я не знаю, чем Хайд все же взял Занука, наверное, даже у железного Даррила дрогнули нервы при виде едва живого Джонни, и он согласился на мои съемки в небольшой роли. Хайд просил долгосрочный контракт, но Занук поставил условием сначала маленькую роль, видно не желая рисковать.

Ах, если бы не Джонни, я никогда не сумела бы пробиться на экран, никогда! Он уже знал, какую роль я буду играть. Потом расскажу о съемках этого фильма и о своей роли, она важна, хитрый Хайд точно подобрал фильм и роль. Узнав, что Джозеф Манкиевич готовится к съемкам фильма по роману Орра «Мудрость Евы», фильм потом назвали «Все о Еве», он настоял, чтобы Манкиевич дал мне роль мисс Кэсуел.

Сначала я даже сопротивлялась, это было настолько далеко от того, чему меня учила Наташа Лайтесс и о чем мечтала я сама, что брало отчаянье. Снова проходная эпизодическая роль почти никчемной блондинки, к тому же не слишком успешной актрисы. Понимаю, что нет маленьких ролей, есть плохие актеры, но снова эпизоды, снова на задворках, снова блондинка…

Хайду стоило труда уговорить сначала Занука, потом Манкиевича, а потом меня. Сейчас мне стыдно и горько, когда вспоминаю усилия Джонни и то, как я сама им противилась. Он внушал: лучше сыграть проходную роль в фильме режиссера, уже имеющего «Оскара», чем заглавную в фильме, который через день после выхода на экраны забудут не только зрители, но и критики. Синица в руках предпочтительнее журавля в небе!

Я хотела журавля, даже не одного журавля, а целый журавлиный клин, я жаждала успеха, оглушительного, жаждала, чтобы мной восхищалась вся Америка, и не желала перебиваться эпизодическими ролями, даже в фильмах оскароносных режиссеров. Хайд настоял, убедил всех, и Занук заключил со мной договор на неделю съемок с оплатой 500 долларов в неделю. Снимали мы чуть больше, но это не важно.

– Мэрилин, пойми, это начало, Занук допустил тебя на студию, после фильма он заключит с тобой опционный контракт на семь лет!

– У меня уже был контракт на семь лет, который попросту не стали продлевать через год. Джонни, мне нужен не контракт, а роли!

– И роли будут, только не опускай руки, только работай над

своей внешностью.

И снова Хайд говорил о внешности, он открыто твердил, что я смогу добиться успеха как Мэрилин Монро, но совсем не как Норма Джин или драматическая актриса. Я не могла ссориться с Джонни, а чтобы он не понял мое разочарование, старалась не так часто с ним встречаться.

К сожалению, это получилось довольно легко, потому что Хайд все же попал в больницу, куда меня по распоряжению родственников просто не пускали.

Фильм сняли, Хайд оказался прав во всем: после съемок Занук согласился подписать со мной долгосрочный контракт, который Джонни успел подготовить, но не успел увидеть подписанным. К едва живому Джонни приехал его брат Алекс, он был настроен против меня, требовал, чтобы Джонни не оставлял мне и цента. Мне не были нужны деньги Джонни, мне нужен был он сам. Как в дни болезни я жалела, что не слушала своего наставника! Ведь если бы я оставила в покое свои мечты о славе, вышла за него замуж и увезла куда-нибудь, где он мог подлечить свое сердце, может, Хайд и был бы жив?

Хотя, размышляя сейчас над всем этим, я понимаю, что сам Хайд не смог бы жить в сельской глуши, спокойно наблюдая, как по небу плывут облака, и слушая, как щебечут птицы. Такая жизнь не для Джонни, он жил, пока работал, и то, что последней работой оказалась я, хоть и ускорило его гибель, но не было ее основной причиной. У Джонни уже было надорванное сердце.

И все же в его болезни и гибели обвинили меня. Брат относился ко мне еще хуже, чем бывшая жена и сын Хайда, это он распорядился не пускать меня в палату даже тогда, когда сам Джонни звал меня. Мне потом рассказывала Дона Халловей, что Джонни просил хотя бы попрощаться. Они попытались не пустить меня и на похороны, но мы с Наташей обманули охрану и сумели туда попасть. Мне было плевать, что могут выгнать с позором, мой Джонни умер, и я рыдала на его могиле как сумасшедшая. Никто не посмел прогнать меня. Все ушли, а мы с Наташей сидели дотемна, пока служащие кладбища не попросили прочь.

Мне было совершенно все равно, кто и что подумает, считают ли меня распутной, развратной захватчицей. Я ничего не получила по завещанию Хайда, а все подаренное им оставила в доме, из которого выехала, мне не было нужно ничего, потому что не было самого Джонни.

Но я не могла не корить себя. Понимаете, Док, у Джонни было слабое сердце, если бы он не переживал из-за меня так сильно, то мог бы прожить еще. Но больше всего я корила себя за то, что не прорвалась к нему в больничную палату. Нужно было

раскидать всю охрану, зубами загрызть всех, кто мешал, но пробиться! И пусть бы потом хоть в тюрьму сажали. Но я отступила, не стала сопротивляться, понимаете, я предала Джонни! А он так звал меня!

Док, да я плачу, я всегда плачу, когда вспоминаю, что он звал меня и не мог дозваться. Джонни, который как никто другой всегда приходил мне на помощь, который последний год жил только ради меня, моих будущих успехов, который верил в меня, звал, а я испугалась охраны!

Вы не представляете, в какое я впала отчаянье, когда услышала об этом от Халловей. Весь мир перестал существовать, ничто не казалось важным и нужным.

Наташа обнаружила меня в спальне (хотя вообще-то я спала на тахте в крошечной гостиной ее квартирки) с полным ртом таблеток, которые не удалось проглотить без воды, а идти в кухню за водой я не рискнула, чтобы не передумать. Она должна была вернуться много позже, но что-то почувствовала и отменила занятие.

Наташа рассказывала, что, увидев у меня во рту вязкую розовую массу, сначала едва сама не потеряла сознание, но потом решительно разжала мои зубы, вызвала рвоту и основательно промыла желудок. Я не успела проглотить много снотворного, довольно быстро пришла в себя и принялась убеждать перепуганную наставницу, что вовсе не собиралась кончать жизнь самоубийством, а лишь хотела заснуть.

Вспоминать это очень тяжело, не так часто в моей жизни встречались те, кто помогал и заботился, как Джонни Хайд, практически ничего не требуя взамен. Я не могу больше вспоминать сегодня…

Вы разрешили мне говорить на любую тему, какая придет в голову. Знаю, все психотерапевты разрешают, а потом долго объясняют тебе самой, что значат твои мысли, твои страхи и сам выбор темы.

Я поняла, почему меня так тянет исповедоваться именно Вам. Вы есть, и Вас, простите, словно нет. С любым психотерапевтом невольно ведешь диалог. А диалог – это зависимость, если я откровенно рассказываю кому-то о своих проблемах, своих чувствах, своих переживаниях и жду совета, как с ними справиться, то невольно либо стараюсь быть в рассказах лучше, чем есть, и немного врать, либо попадаю в полную зависимость от выводов и оценок психотерапевта.

Это тяжелая зависимость, я не хочу ее, она губительна.

Не знаю, слушали ли Вы мои записи или действительно не

слушали, но Вы не навязываете мне свое видение проблем, я разбираюсь сама, и это главное. Док, я вдруг поняла: Вы верите, что я достаточно умна и способна сама справиться?! Тогда Вы единственный, кто верит. Спасибо.

Док, привет!

Сегодня у меня прекрасное настроение, и я не собираюсь ныть, обвиняя всех мужчин в неправильном ко мне отношении.

Хотите, расскажу, как проходили пробы на роль в «Асфальтовых джунглях»? О, это замечательно, к тому же именно этот фильм сделал наконец меня заметной (хотя в титрах меня просто забыли указать!).

Роль раздобыли совместными усилиями Джонни и Люсиль. Все просто, сначала Хайд узнал о том, что Джон Хьюстон готовится на «Метро-Голдвин-Майер» к съемкам такого фильма, потом подключил Люсиль, которая очень хотела мне помочь, и они уже вдвоем поднажали на Хьюстона.

Немалую роль в утверждении меня на роль сыграли лошади. Да, да, лошади! Вовсе не потому, что я хорошая всадница или люблю скачки, но их любил Хьюстон, а своих ирландских лошадок держал на ранчо Люсиль. Он основательно задолжал Кэрроллам за аренду конюшни и мог бы поплатиться лошадьми, но Люсиль милостиво разрешила ему отсрочить плату, посоветовав при этом взять меня на роль Анджелы. К тому же Хайд занимался юридической стороной дел Хьюстона.

Разве можно было отказать двум столь важным людям, от которых напрямую зависишь, тем более речь шла об эпизодической роли всего в двух эпизодах. Хьюстон махнул рукой и согласился. Я-то не знала, что все уже решено, думала, что меня пригласили просто на прослушивание, и едва не умирала от страха. Почему Хайд не предупредил, не знаю, наверное, чтобы не держалась слишком самоуверенно и постаралась показать себя в лучшем виде.

Это выглядело уморительно.

Джон Хьюстон, внимательно оглядев меня не просто с ног до головы, но и со всех сторон, удовлетворенно хмыкнул и милостиво разрешил прочесть отрывок из сценария. В кабинете были он и продюсер фильма Артур Хорнблауэр, но не было дивана, на котором по сценарию должна располагаться Анджела в тот момент. Я не поняла, что они просто хотят послушать мой голос, и, наученная Наташей Лайтесс, желала выразить все эмоции, положенные по замыслу автора.

– А можно я лягу на пол?

У обоих глаза полезли на лоб:

– Зачем?

– Здесь нет софы, а текст лучше произносить лежа. Знаете, он так будет звучать куда убедительнее…

Мне позволили разлечься на ковре. Но показанное меня не удовлетворило, почти со слезами на глазах я попросила разрешить прочесть еще раз. И снова недоумение, но мне разрешили.

Думаете, меня после таких стараний утвердили на роль? Черта с два! Хьюстон не видел во мне звездности, даже давление Хайда и Люсиль не помогло. У него была уже подобрана актриса на эту роль – Лола Олбрайт. Хитрый Хьюстон понимал, что Люсиль не решится прибегнуть к откровенному шантажу и не продаст его лошадей, не такова у нее натура, хотя для вида согласился на повторный просмотр.

Тогда Люсиль схитрила, она сообщила генеральному директору студии Луису Майеру, что в такой-то день и такое-то время у Хьюстона состоится важное прослушивание актрисы на важную роль.

– Никаких диванов и ковров на полу! И одеваться сама не смей! Вырядилась как завзятая шлюха! Выглядеть сексуально вовсе не означает оголяться до талии или задирать юбку, укладываясь на ковер.

Люсиль бушевала долго, закончилось все походом к парикмахеру, долгими репетициями с Наташей и моим появлением перед Майером и Хьюстоном уже в совершенно ином виде. Я не укладывалась на пол, не пищала, но пыталась вспомнить себя с Шенком, потому что по роли любовник примерно на столько же старше моей героини – молодой секретарши, которая должна обеспечить алиби, подтвердив его присутствие в своей постели в определенное время.

Перед Майером, который пришел на просмотр, и Хьюстоном, который сидел с недовольным видом, я читала монолог Анджелы, которой сообщили, что она вскоре отправится в морской круиз. О, это великолепный монолог, хотя и очень коротенький, что хорошо, на пробах я длинный просто не выдержала бы, да и на съемке тоже.

– Ты только вообрази меня на пляже в моем зеленом купальнике! Боже милый! Я ведь чуть не купила белый. Нет, он великолепен, но не был бы таким классным. Пойми меня правильно, если бы я хотела чего-то суперклассного, я бы купила что-то французское! О… представляю: девочки, бегом ноги в руки, флотилия причаливает!

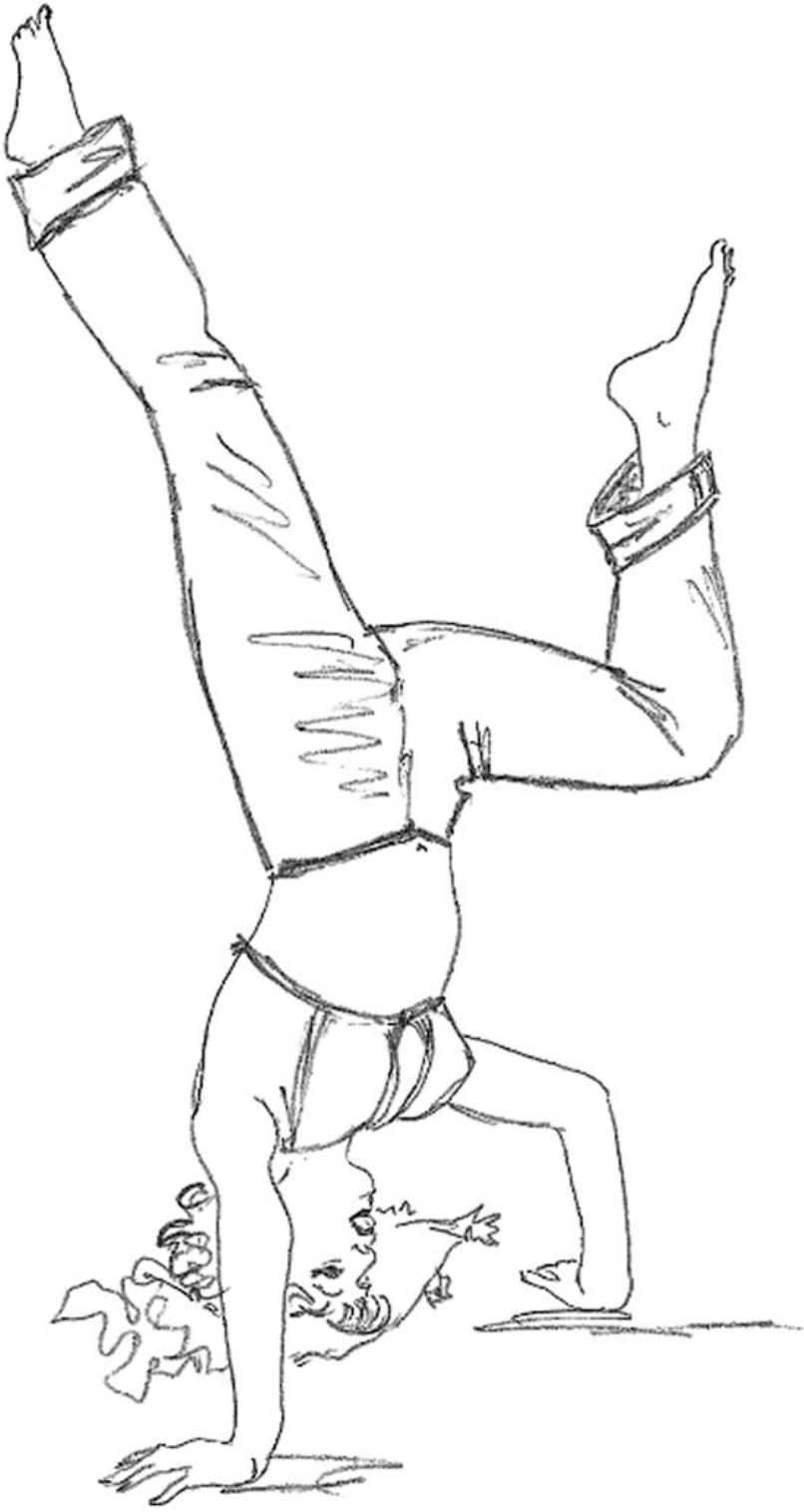
Глупость? Но я продемонстрировала изменение настроения героини от сознания, что вот-вот останусь одна, потому что моего

покровителя просто посадят, до восторга из-за обещания попасть в круиз, если я обеспечу ему алиби. Конечно, обеспечу, что за вопрос, мне нетрудно сказать, что он валялся в моей постели, это часто бывало. А потом круиз… зеленый купальник, синее море и я – неотразимая и желанная!

Майеру откровенно понравилось, он повел бровью, и Хьюстону пришлось согласиться на мое участие в фильме. Хитрая Люсиль еще и осторожно добавила, что Лола Олбрайт требует за свое участие полторы тысячи долларов, а мне можно заплатить меньше.

Не знаю, видели ли Вы фильм, возможно, и не видели, хотя он получил «Оскара», вообще-то это довольно мрачный пример «черного» кино, и моя героиня Анджела Финлей была едва ли не единственным светлым и даже немного смешным пятном в разливе желчи и тоски.

Наташины наставления помогли, я действительно вспомнила и пожилого Шенка в первом эпизоде (когда должна играть, лежа на тахте), и свой страх перед полицейским в последнем эпизоде, когда приходится сначала врать, а потом сознаваться на допросе. Я впервые играла, действительно играла! Наташа при этом стояла в углу площадки и кивала мне в знак поддержки. Думаю, что, будь у меня не два, а десяток эпизодов, Хьюстон ни за что не согласился бы иметь такую помощницу.



Знаете, что мне предстояло играть? Сначала недовольство вторжением полицейского. Наташа требовала от меня действительно почувствовать раздражение и показать это ощущение. Героиня готова немного потерпеть, считая, что вполне достаточно сказать полицейскому пару слов о пребывании главного героя в ее постели и можно собираться в круиз. Но полицейский вовсе не глуп, он легко подловил Анджелу на вранье, вот тогда девушка перепугалась и принялась попросту флиртовать с ним, а потом откровенно призналась, что спала одна. В конце концов ее покровитель явно попадет в тюрьму, на его покровительство и круиз рассчитывать не стоит и ссориться с законом ни к чему.

Я вспомнила, что Джимми Догерти теперь работает в полиции, конечно, не расследует преступления, но все же представила, что сначала он вторгается в мою нынешнюю жизнь, а потом уличает меня во вранье. Это несложно, потому что, появись Догерти, я бы не стала рассказывать, что меня преследуют неудачи, а разоблачить меня не представляло труда.

Наташа Лайтесс права – если чувствовать то, что чувствует героиня, становится очень легко играть. Я сыграла! И мое имя появилось в титрах, правда, в самом конце длинного списка.

Завершив съемки своей крошечной, но такой важной роли, я вопила:

– Наташа, я сыграла! Я знаю, что отыграла отлично!

А моя наставница вовсе не захлебывалась от восторга, она просто сказала, что я все сделала правильно. Оставалось выслушивать поздравления Хайда и Люсиль. А еще ждать одобрительные отзывы прессы.

Их не было! Представляете, Док, всего одна-единственная журналистка заметила меня в фильме! «Асфальтовые джунгли» номинировали на «Оскара», но Мэрилин Монро была совершенно ни при чем. Хьюстон просто пожал плечами:

– А чего вы ожидали, чтобы за два эпизода и ей преподнесли статуэтку?

Конечно, бывало, что и за два эпизода давали, ну, может, не два, но актеры получали «Оскаров» за роли второго плана, а меня даже позже, когда я стала самой знаменитой блондинкой Америки, на статуэтку ни разу не номинировали. Меня не любил не только Занук, но и все руководство Голливуда. Почему? Не знаю, но деньги я принесла студиям огромные.

Знаете, что сделали на МГМ? Они не продлили со мной контракт! Глава производства «Метро» Доур Шейри посчитал

меня нефотогеничной.

Джонни, сообщая мне эту новость, думал, что я зальюсь слезами, но я… расхохоталась:

– Он неодинок, это же мне сказал Занук, вышвыривая из «Фокса».

– Мэрилин, они не правы, они скоро пожалеют, очень скоро! Ты будешь звездой!

«Оскара»… мне?! А я в купальнике…»

Милый Хайд, он так любил меня, так в меня верил! Даже сумел выторговать еще две эпизодические роли с парой слов в каждой, причем я вовсе не была уверена, что эти эпизоды не вырежут при монтаже, во всяком случае, моего имени в титрах не было.

Хороша звезда!

– Джонни, я стремительно становлюсь звездой вырезанных эпизодов, еще лет десять, и их перестанут вырезать из картин, а меня даже упомянут в титрах как ветерана массовки.

Я смеялась, что еще оставалось делать? Шли годы, а я не двигалась дальше эпизодов, и те приходилось выбивать с боем и хитростью. На каждой студии уже была своя блондинка, и второй не требовалось. Но ведь и брюнетки тоже были! Черт возьми, что же, сидеть без дела в ожидании смерти кого-то из них или устроить кому-нибудь автомобильную аварию?

Я пыталась понять, как оказываются в главных ролях другие актрисы, как рождаются звезды? И ничего не понимала.

Наташа с Джонни советовали не отчаиваться и повышать свое мастерство. Интересно, Док, но каждый из них словно отвечал за одну мою половину – Хайд за внешность, а Наташа за наполнение, и каждый тянул в свою сторону.

Наташа учила работать над жестом, чувствами, советовала, что прочесть, какие выставки посетить, Джонни требовал следить за фигурой и ходил со мной по разным приемам. Я уже рассказывала Вам, что с его помощью сделала две операции, поправив нос и подбородок, осветлилась окончательно, укоротила волосы и под его влиянием снова начала бегать по утрам, заниматься с маленькими гантелями и прекратила есть что попало.

– Мэрилин, либо гамбургеры, либо талия!

Сам Хайд не мог составить мне компанию в пробежках, но следил, чтобы не пропускала.

Снова тянулись непонятные, хотя и весьма занятые дни, когда я проводила немало времени то в студиях фотографов, то в книжных магазинах, то на приемах, то в парке в спортивной одежде… Только теперь я не позировала на природе с овечками в обнимку, не лазала по горам и не стояла на лыжах, меня фотографировали в роскошных вечерних платьях, я демонстрировала бриллианты… Хайд был доволен:

– Видишь, малышка, это потому, что ты выглядишь приличной дамой, а не девчонкой из соседнего двора.

– Но при чем здесь кино?

– Мэрилин, они скоро поймут свою ошибку и пожалеют о ней!

– Джонни, ты единственный, кто в это верит!

Я все-таки расскажу Вам о фильме «Все о Еве», это последняя роль, которую для меня сумел раздобыть Хайд.

– Поверь, девочка, после этой роли не замечать тебя просто не смогут.

(Часть записи испорчена, и восстановить ее не удалось. Судя по отдельным сохранившимся словам, речь шла о съемках в фильме «Все о Еве». Сам фильм успешен, даже получил «Оскара», а игра Мэрилин отмечена критикой как удачная. Мэрилин Монро играла эпизодическую роль начинающей актрисы, готовой ради успеха на многое. Роль не принесла ей ни дивидендов, ни славы, ни даже продления контракта со студией. – Прим. пер.*)*

Меня все время ругают за опоздания на съемки. Никто не понимал, почему я заставляю ждать целую съемочную группу. А все очень просто – из-за страха. Да, да! Я очень боюсь камеры. Вернее, даже не камеру, я боюсь играть. Команда «Мотор!» повергает в ступор, а необходимость выйти под осветительные софиты и на глазах у десятков людей кого-то изображать вызывает дрожь в коленках.

Мне нужен кто-то, кто взял бы за руку и вывел на площадку. Так иногда делала Наташа Лайтесс, но очень быстро это стало мешать, я прямо в кадре вдруг начинала искать взглядом Наташу, чтобы увидеть ее одобрение или замечание. Я уже об этом рассказывала. Очень легко было с Билли Уайлдером, хотя я знаю, что актеры не слишком любят его манеру работы с актерами. Мне она нравилась. Я оказывалась на площадке как-то незаметно, и съемка начиналась тоже между прочим. Поэтому паники внутри меня не было, реплики запоминались и произносились легко…

Я не хочу рассказывать о себе последовательно, потому что то и дело возвращаюсь к одним и тем же фразам и мыслям. Лучше по-другому.

Сегодня тема предательства и разрыва отношений. Можно?

Я много расставалась. Не представляю ощущения людей, которые долгие годы живут одной семьей, любят одних людей, заботятся друг о друге. Наверное, это правильно, но у меня все наоборот, все временно. С тех самых дней, когда меня стали передавать из семьи в семью, я привыкла, что любая душевная и духовная связь ненадолго, любой дом временный, любая семья тоже.

Это сказалось и на моих отношениях с людьми, даже мужчинами. Я очень быстро привязываюсь и так же легко расстаюсь и забываю.

(Пропуск на пленке, возможно, стерто намерено. О чем была запись, не ясно. – Прим. пер.*)*

Если я скажу: «Занук», Вы не вздрогнете? Я еще не надоела Вам этим именем? Если хотите услышать историю моей жизни дальше, придется терпеть и имя Даррил Занук.

Когда умер Джонни Хайд, у Занука рука не поднялась разорвать готовый, хотя еще не подписанный со мной контракт на семь лет с 500 долларами еженедельно. Он выполнил свое обещание Хайду, принял меня на студию, причем это уже была зарплата не старлетки, а актрисы и для меня означала вполне приличное существование.

Но на этом Даррил Занук свои обязательства перед Хайдом и передо мной тоже посчитал выполненными. Заключить контракт вовсе не означало давать играть. Нелепо? Как можно не давать играть актрисе, оплачивая ее пребывание на студии? Я прекрасно понимала, что через полгода Занук просто не продлит контракт с актрисой, имя которой не числилось ни в одном заявочном

списке режиссеров «Фокса». Больше не было Джонни Хайда, который сумел бы разыскать подходящий сценарий и убедить режиссера вопреки мнению Занука взять меня на роль, пусть даже эпизодическую.

Нет, Занук вовсе не запрещал меня снимать, он меня не замечал, демонстративно не замечал. Знаете, это особого рода издевательство, вся студия прекрасно понимала, что руководитель производства всемогущий Даррил Занук не желает, чтобы меня снимали, хотя он этого вслух и не произносил. Умные люди умеют читать между строк и слышать непроизнесенное, а глупых на студиях вроде «Фокса» не держат.

Заступаться за меня некому, и ни один режиссер не рисковал ради какой-то блондиночки, пусть и симпатичной, идти против воли Занука. Сам Даррил Занук не видел во мне ничего, что могло бы заставить его желать помочь. Наверняка, он уже забыл о моем отказе явиться к 16.00, просто помнил, что я ничтожество. «Пустая причуда Хайда» – так он выразился в разговоре с одним из руководителей студии.

Положение было отчаянным, как я ни старалась хорошо выглядеть, бегала по утрам, следила за своим весом, очень много занималась с Наташей, а потом и в студии у Михаила Чехова, для «Фокса» я не существовала. Но это означало, что не существую и для всех остальных студий тоже. Понимаете студийную зависимость? Новое лицо на экране всегда риск, я это прекрасно знала. Приглашать на приличные роли актрису, которой не находят таковых на собственной студии, никто не будет. Всегда вставал вопрос: а почему ее не используют у «Фокса»? Все верно, если никто из режиссеров «Фокса» или «Коламбии», на которых я снималась в эпизодических ролях, не нашел для меня чего-то приличного в других картинах, то к чему вообще вспоминать о такой актрисе?

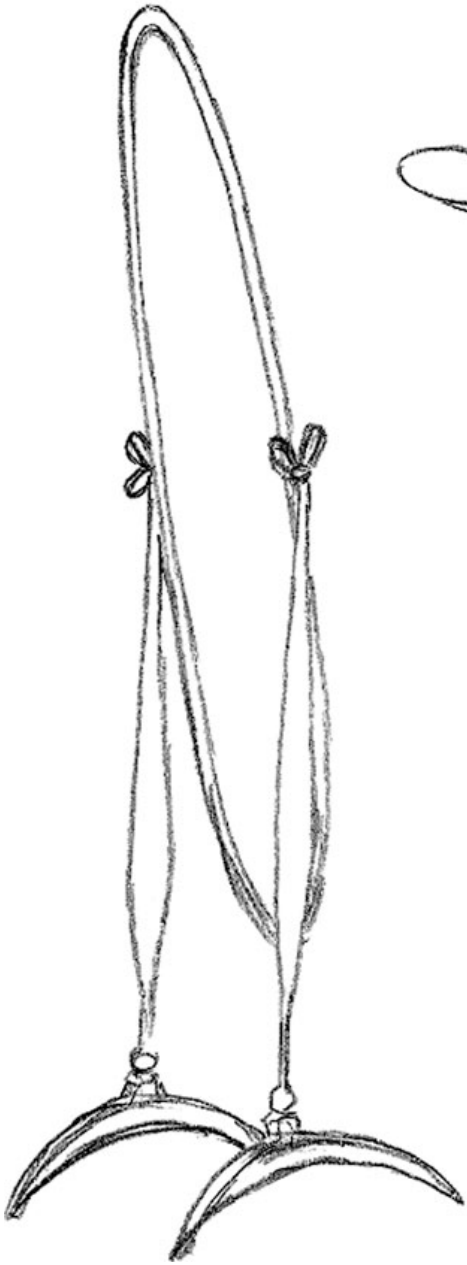
Вот когда я осознала, что потеряла со смертью Джонни Хайда! Это был не просто любовник, друг и наставник, это моя палочка-выручалочка, Джонни давно бы уговорил кого-нибудь снять меня. Мало того, в агентстве Хайда тоже считали меня виновной в смерти Джонни, а потому вовсе не желали заниматься моими делами. Положение хуже не придумаешь: актриса, которую не любит Занук, не имеющая агента и уже в возрасте. Похоже, все в Голливуде стали считать, что я просто причуда Хайда, но Хайда не было, и никто не собирался потакать его бывшей причуде.

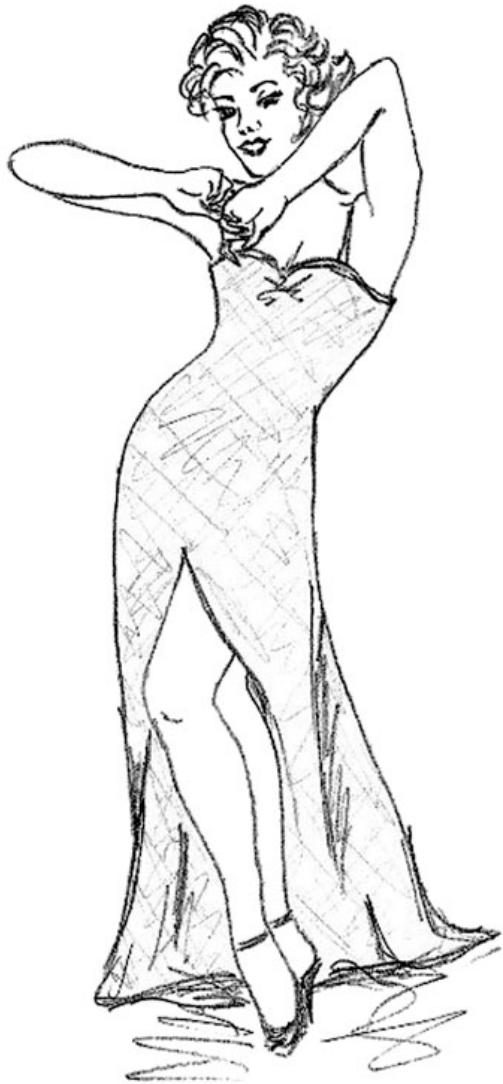
Я пятый год работала в Голливуде, хотя «работала» – это условно, скорее числилась. И за пять лет с десяток ролей, о которых критики просто не вспоминали, в фильмах, которые

зрители забывали на следующий день после премьеры. Кто я? Что я? Иногда возникал вопрос, что я вообще в Голливуде делаю, кроме ожидания? Но ждать можно бесконечно…

Наташа учила и учила актерскому мастерству, но к чему это мастерство, если на съемочную площадку не допускают?

Конечно, в Голливуде у меня были друзья, даже такие, кто не считал меня виноватой в смерти Хайда. Один из приятелей – Сидней Сколски. Тоже достаточно взрослый, тоже с русскими корнями, Сколски занимался репортажами из Голливуда, а по сути, просто сплетнями. С Сиднеем мы были знакомы еще со времен моих съемок для журналов в «Синей книге», и теперь в Голливуде он один из немногих пришел мне на помощь после смерти Хайда. Не знаю, считал ли Сколски меня способной актрисой тогда, но он стал создавать вокруг меня шум. А еще он все-таки рискнул посоветовать Зануку использовать именно мою внешность, а не способность играть. Мне так хотелось на съемочную площадку, что я была готова и на это, но даже роли безголосых статуй не предлагали. Бывали минуты, когда я мечтала о роли дамы с собачкой, нет, не чеховской, о которой столько рассказывала Наташа, а простой дамы со щенком на поводке, которая просто прошлась бы на заднем плане в каком-нибудь серьезном фильме, и этот эпизод ввиду важности для главных исполнителей не вырезали. Какая уж тут Нора Ибсена!





Извините, я ненадолго отвлеклась, пришлось сходить на кухню за стаканом апельсинового сока. Я очень люблю сок, а Вы?

Так вот, помог мне именно Сколски, но не уговорив Занука (мне казалось, что это вообще невозможно), а дав дельный совет.

Весной 1951 года руководство «Фокса» устраивало прием для прокатчиков. Занук ворчал, мол, до чего дошло, раньше прокатчики выстаивали очереди у кабинетов руководителей

студий, чтобы выразить свое нижайшее почтение, а теперь приходится ублажать их. Что-то там действительно произошло на государственном уровне, я мало этим интересовалась, но теперь студии не могли навязывать прокату фильмы в нагрузку, те имели право выбирать. Это означало, что множество пустых картин просто невыгодно снимать и за каждый фильм, который попадет в кинотеатры, нужно бороться уже не прокатчикам, а студиям. Понятно, что в такой ситуации Зануку вовсе не до «причуды Хайда», но мне-то что делать?! Семилетний контракт вполне мог превратиться в годовой, как было с самым первым моим контрактом с «Фоксом».

Сколски призывал не унывать и воспользоваться устраиваемым приемом.

– Как?!

– Занук – это еще не весь «Фокс», на встречу с прокатчиками приедет Спирос Скурас, именно он может сказать решающее слово. Постарайся обратить на себя его внимание.

Я обратила.

Помните, я говорила, что если бы от чьей-то ненависти умирали, то Занук должен бы давно быть похоронен. Хорошо, что не умирают, потому что в тот вечер погибнуть должна была бы я.

Как обратить на себя внимание, если на прием приглашены ведущие актеры и актрисы «Фокса»? Я придумала. Платье было столь откровенным и облегающим, что в нем даже двигаться трудно, но чтобы обратили внимание даже на такой наряд, потребовалось пойти на хитрость. Конечно, меня как кинозвезду никто на прием не приглашал, мне полагалось быть на нем в качестве мебели как обычной старлетке. Приди я вместе со всеми и встань в стороне, так и простояла бы в своем сногсшибательном наряде на заднем плане, разве кто-то из журналистов предложил бы выпить и провести ночку в дешевом отеле.

Но я вспомнила, как являлась на приемы у Шенка, лучше всего прийти с опозданием, когда все ко всем уже пригляделись, выпили по первой, а то и второй рюмке, когда все уже не столь строги и достаточно раскованны. Нужно было только не слишком опоздать, мне это удалось.

Весь день красилась и делала прическу, десяток раз смывала макияж и накладывала снова, несколько раз переодевалась, потому что казалась сама себе толстой, неуклюжей или слишком вульгарной. Когда уже была на месте, вдруг остановила спешившего с подносом официанта, взяла фужер и решительно глотнула шампанского. Официант заговорщически улыбнулся и сделал знак, что все о’кей.

Выждав минутку за дверью, пока несколько стихнет шум,

поднятый чьей-то речью, я скромно скользнула в зал и практически остановилась посередине, словно заблудившись и ища глазами знакомых. При этом, старательно изображая растерянность, я все же лучилась радостью от присутствия стольких значимых лиц.

До сих пор помню мгновенно установившуюся тишину. Она длилась несколько секунд, которые показались вечностью. Честное слово, было слышно, как с трудом проглотили комки в горле с десяток мужчин.

– В каких фильмах Вы снимаетесь и намерены сняться в ближайшее время, мисс Монро?

Мисс Монро сыграла блестяще, смею Вас заверить. Я очень-очень скромно со вздохом потупила глазки:

– Об этом лучше спросить у мистера Занука…

Помню, мелькнула мысль, что теперь либо он мне все же даст роль, либо выгонит даже ценой выплаты неустойки.

Господи, я была звездой приема! Толпа журналистов вокруг, приглашение к прокатчикам, всеобщее внимание… А потом было приглашение за стол к самому Спиросу Скурасу! Говорят, он тоже поинтересовался, в каком фильме я снимаюсь, и, услышав, что ни в каком, издал рык, который не все услышали только из-за шума вокруг меня:

– В первой же картине!

Прием сработал, и совет Сколски тоже, я получила роль в первом же запущенном фильме, но Занук остался верен себе, роль снова была не просто эпизодической, а катастрофически короткой и пустой. Ну что ж, и то хлеб, по крайней мере, можно быть уверенной, что еще на полгода контракт продлят… пока Скурас и прокатчики не забудут эффектное появление полуодетой блондинки.

И ведь забыли бы, если бы не несколько скандалов сразу. Обо мне писали не меньше, чем о звездах, снимающихся в главных ролях, мои фотографии то и дело появлялись на страницах журналов и в разных буклетах, фотографы в отличие от Даррила Занука не считали меня нефотогеничной и щелкали затворами с удовольствием. Роль дамы с собачкой я играла почти ежедневно, но только перед фотоаппаратами, а не перед кинокамерой. Масса снимков в стиле Пинап, которые так нравились американцам тех лет (да и сейчас нравятся), на них хорошенькие девушки демонстрируют стройные ножки, делали героинь съемок не менее популярными, чем актрис. Все вполне пристойно, видны только ножки до верха чулок, я никогда не снималась для картинок, на которых у девушки падали трусики, такие тоже модны.

Я понимаю, что серьезные люди не разглядывают подобные картинки, потому поясню. Это просто красивые картинки красивых девушек, сделанные на основе фотографий, то есть модель фотографировали за каким-то занятием, а потом уже по фото рисовали. Обычно ветер приподнимал юбку натурщицы и оголял ножки до уровня бедер, все пикантно, но достаточно пристойно.

И вдруг…

Я и забыла о том, что позировала обнаженной, когда сидела без работы. Получила свои совсем небольшие деньги, заплатила первоочередные долги и выбросила из головы темно-красный бархат, в котором выгибалась, как кошка.

Скандальное фото для календаря 1953 года

Но фотографии никуда не делись, они стали основой календаря на 1953 год! Том Келли продал снимки довольно дешево, тоже не получив больших дивидендов, а новые владельцы решили использовать их только сейчас. На фото внешность Нормы Джин – золотистые волосы, никакого исправленного носа или подбородка, но как раз это не видно.

Бомба взорвалась! Фотографии оказались столь красивыми (молодец Том!), что календарь расхватали, и изображения моей обнаженной фигуры висели в барах и парикмахерских. Кому пришло в голову соотнести Норму Джин на красном бархате и Мэрилин Монро, только пробивающуюся на студии «Фокс», не знаю. Рассказывали, что неизвестный позвонил Джерри Уолду, продюсеру «Ночной схватки», которому меня с видимым удовольствием «одолжила» на этот фильм студия «Фокс», и потребовал десять тысяч долларов за молчание.

Конечно, эта информация могла вызвать (и вызвала) немалый скандал, ведь там была обнаженка, пусть очень скромная, но все же. Актриса «Фокса» снимается в обнаженке для календарей, какой кошмар!

Знаете, я не понимаю людского ханжества. Мы любуемся картинами великих живописцев, с восхищением разглядываем гениальные скульптуры, ахаем и цокаем языками, при этом ничуть не смущаясь, что Даная, вовсе не имеющая красивого тела, обнажена, что голые самые разные Венеры, множество богинь и богов… Почему изображение красивого тела, созданное давно, – это искусство, а красивое (я в этом уверена) тело на фотографиях, сделанных три года назад, – распутство и преступление? В снимках Тома Келли не было ничего распутного, ничего развратного, просто лежащая на красном бархате девушка, в моих позах, поверьте, тоже не было чего-то страшного. Между прочим, Тому ассистировала жена.

Если Джерри Уолда и шантажировали, то он снес это молча, не сказав о шантаже мне, хотя должен бы сделать это в первую очередь. Нет, Уолд даже не поинтересовался, действительно ли я снималась в таком виде, не рассказал никому. Именно поэтому я не поверила его рассказам и подозревала, что Элайн Мосби сообщил именно он или кто-то с его подачи.

Это вселенский скандал – попасть на язык Элайн Мосби по поводу фотографий в обнаженном виде! Мосби тут же потребовала объяснений, но, конечно, не от Уолда, а у студии «Фокс». Я была в ужасе, на студии от меня потребовали все отрицать, мол, это не я, а очень похожая на меня модель, может, пронесет.

Сидней Сколски, выслушав мои сбивчивые объяснения,

рассудил иначе: все равно тайное станет явным, возможно, где-то даже зафиксировано, что на снимке именно я, если правда раскроется после моего отрицания, будет только хуже. Сколски посоветовал говорить, как было, но объяснить, что меня в тот момент могли просто выбросить на улицу за долги. Я добавила:

– И машину отобрали…

– Вот! Именно это и скажи! И не надо ничего отрицать. Жалостливее, жалостливее…

Я объявила, что скажу правду. Администратор студии едва не рухнул в обморок, уже понимая, что меня ждет за такой проступок и теперь такую непокорность. Но потом пожал плечами, в конце концов это прекрасная возможность избавиться от обузы, какой я стала.

Знаете, львы рычат, это страшно, многие животные рычат, будучи разъярены. А вот змеи шипят, и это куда страшнее любого рыка. Занук шипел. Если он мог, непременно придушил бы меня, но потом посмотрел внимательно и вдруг заявил, что можно попробовать.

Я сама позвонила Мосби и рассказала ей жалостливую историю появления календаря, который сейчас висит в каждом баре или гараже. Не знаю, поверила ли мне Элайн, возможно, нет, не столь уж она наивна, но почувствовала, что это великолепный сентиментальный сюжет для размышления, как быть девушке (сиротке!), когда у нее нет денег на жилье и возврат машины.

Конечно, это был скандал!.. Но есть скандалы, которые способствуют популярности замешанных в них куда больше любой рекламной кампании. Безо всяких усилий, лишь на моей откровенности и фильм «Ночная схватка», и студия «Фокс», не говоря уже обо мне самой, стали безумно популярны. Календари скупили за два дня после репортажа, пришлось выпускать еще и еще, теперь мое тело на красном бархате и впрямь красовалось на стене каждого гаража.

Студия тоже заказала свою партию календарей для… раздачи представителям прессы и прокатчикам. Это было нечто невиданное, вместо осуждения и повторного позорного изгнания со студии я получила сумасшедшую известность. Не рад только один человек – Даррил Занук! Я превратилась в его непрерывную головную боль, а он в мою.

Занук – предмет не просто моей ненависти, он кошмар моих снов, даже по ночам я не переставала его бояться и ненавидеть. И, между прочим, именно из-за него стала принимать повышенные дозы снотворного, Занук косвенно виноват в моей зависимости от барбитуратов.

Но, Док, это были не все скандалы. Сейчас я Вам расскажу о втором.

Знаете, чем примечателен тот период? Я наконец закрепилась на студии, состоялись многие очень важные для меня знакомства, но не менее важно и то, что я стала публичным человеком, с ужасом осознав, что каждый шаг, каждое сказанное слово, каждый поступок даже в прошлом отныне будут на виду, будут обсуждаться и критиковаться куда больше сыгранных мной ролей.

Док, это изнанка славы. Одно дело то, как ты выглядишь сейчас, что делаешь, что говоришь, с кем знакома или незнакома, кто тебя не любит. Но отвечать приходится и за то время, когда звездой не была. Вы понимаете, о чем я? Мэрилин Монро пришлось отвечать за Норму Джин, и хотя в поведении Нормы Джин ничего предосудительного не было, именно когда Норма становилась Мэрилин, можно найти немало поводов для обливания грязью.

Нашли.

Никакая она не сирота! У Мэрилин Монро, которая вообще-то Норма Джин, жива мать. А сама Норма Джин незаконнорожденная!

И снова я отказалась лгать, зачем, ведь обязательно найдется ушлый журналист, который раскопает и Джима Догерти, и Глэдис Бейкер.

Да, я не сирота, но моя мама, бывшая монтажер пленки в Голливуде, давно больна, настолько давно, что я и не помню нормальной с ней жизни (мама, прости меня, но это так). Она находится в больнице штата, но я все время помогаю ей, помогала и тогда, когда самой было нечего есть, это тоже причина, чтобы сфотографироваться лишний раз. Теперь, когда на студии у меня уже приличная зарплата, Глэдис переведена в частную клинику, и ей назначен официальный опекун. Спасибо студии «Фокс» за предоставленную возможность сниматься и зарабатывать не только для себя, но и на содержание больной матери.

Представляете, что было? Не знаю, скрипел ли зубами Занук, шипел ли или молча пил, но лучшей рекламы мне и студии не придумать. Америка простила обнаженку и наличие сумасшедшей матери, она была влюблена в Мэрилин Монро, которая так красива и так несчастна! Совершенно пустые фильмы имели великолепные кассовые сборы, потому что «там играла девушка с календаря».

На студию письма приходили уже не десятками и не сотнями, а десятками тысяч. Занук был вынужден выделить несколько

человек, которые бы просто разбирали эту почту и под копирку отвечали большинству. Говорят, первое время Занук не верил, считая цифры подтасовкой, пока однажды своими глазами не увидел мешки неразобранной корреспонденции. Он рявкнул, чтобы не смели заваливать студийные помещения макулатурой, пришлось объяснять, что отдел просто не успевает сортировать корреспонденцию, приходящую мисс Монро.

Знаете, Док, я в это время спала с Элиа Казаном, он прекрасный режиссер, и я мечтала, что у него не хватит совести отказать мне в приличной роли. Но Казан такой же подлец, как все остальные. Стоп! Имею ли я право обвинять его, если сама была любовницей, не любя ничуть? Он использовал меня, как я пыталась использовать его, разница лишь в том, что ему удалось, а мне нет.

Это время, когда внутри окончательно окрепла Мэрилин.

Представьте актера, который, завлекая публику, расхаживает в огромной маске какого-нибудь сказочного персонажа, или клоуна, на лице которого нарисован большой рот, а на голове ярко-рыжий парик, или даже Чарли Чаплина с его большущими башмаками, усиками и старательно подведенными вниз уголками глаз. Вы же прекрасно понимаете, что за кулисами огромная маска будет снята, парик повиснет на вешалке, большущие туфли встанут в уголке, размалеванный рот смыт, а усики отклеены. Никому в голову не приходит, что у актера такая голова, что он огненно-рыж, или что у Чаплина ступня в полтора раза больше нормальной. Или что у него столь нелепая походка.

Меня же воспринимают только как мою роль. Только, Док! Эту сексапильную блондинку мы создали нарочно, чтобы привлечь ко мне хоть какое-то внимание, потому что заикающаяся, трясущаяся от страха Норма Джин ни за что не смогла бы стать актрисой, ни за что! И никакие занятия ни у Михаила Чехова, ни у Ли Страсберга, ни у Лоренса Оливье не помогли бы Норме Джин заставить режиссеров дать роль.

А ведь Занук видел это, он нутром чуял во мне совсем другую, вовсе не сексуальную, а очень пугливую, дрожащую, неуверенную в себе актрисочку, он видел Норму Джин и не верил, что Мэрилин Монро способна победить. Занук был прав. Но как же я его ненавидела за эту прозорливость, сама того не понимая! Думаю, что он сам не понимал, в чем дело, не понимал, что же так нравится зрителям, почему одно мое появление на экране электризует весь зал. Даррил Занук не видел актерской игры, потому что я не играла.

Слушайте внимательно, Док, это откровение, которого я не

делала никому. Мэрилин Монро не играла в фильмах, она не могла играть, потому что сама образ, роль, искусственное создание! Если Вы видели мои фильмы, вспомните ли хотя бы один успешный, где Мэрилин Монро не была Мэрилин Монро? Таких нет, хороши только те роли, в которых я играла Блондинку, но стоило попытаться этой Блондинке изображать кого-то еще, как появлялась неуверенность, все старания Полы Страсберг добиться, чтобы я перестала трястись и начала играть, разбивались о мой страх. Но это было позже, а тогда Мэрилин показала свою силу, а я была довольна и напугана этой силой одновременно. Это как стоять на краю пропасти, сознавая, что шаг в пустоту будет последним, и с замиранием сердца желать сделать этот шаг…

Удивительно, но Наташа Лайтесс, которая помогла мне создать образ Блондинки, тоже ничего не понимала, она словно не видела вот этого раздвоения. Да, это Наташа помогла мне придумать походку, при которой ступни последовательно ставятся на одну прямую, пятка одной ноги почти примыкает к носку другой. При этом бедра начинают откровенно вилять. Говорят, сзади оторваться от таких бедер невозможно.

Но Наташа же меня за эту вульгарную походку и ругала, твердя, что вовсе не ради виляния задом предложила ее. Наташа помогла мне надеть образ Мэрилин, словно пальто, и, как все остальные, не желала замечать, что я хотела бы снять маску хотя бы дома, что желаю быть Мэрилин только на экране, на съемочной площадке!

Никто не желал этого замечать, никто! И до сих пор не желают.

Хорошая идея – снять фильм об актрисе, к которой так

приросла ее роль, что она не может перестать играть. Это был бы автобиографический фильм о несчастной Мэрилин Монро (или Норме Джин?). Нет, я не буду снимать такой фильм, знаете почему? Потому что мне не поверят! Не поверят, что под маской Мэрилин Монро есть совсем другой человек. Боюсь, что этот человек не будет интересен зрителям, им не нужна Норма Джин, им нужна белокурая курва с глуповато приоткрытым ртом и глазами с поволокой.

Я пыталась, возвращаясь домой, снимать образ и словно вешать его в шкаф, как одежду, ходила в свитерах на размер больше, а не меньше, завязывала волосы резинкой на затылке, подвязывала косынку или надевала черный парик… Но каждый раз убеждалась, что, какой бы ни была в действительности, я всем нужна только в качестве Мэрилин. Даже Наташе, которая, казалось, должна бы видеть меня иной.

Мэрилин была в тысячу раз успешнее Нормы Джин. И дело не в том, что на нее оборачивались, ей писали мешки писем, ее хотели видеть на экране, ей простили все прегрешения, даже позирование голышом. Игра на площадке Мэрилин тоже давалась легче, чем Норме Джин!

Как это? А вот так! Я страшно переживала на каждой съемке, боясь сыграть плохо или перепутать текст, то и дело плакала, покрывалась красной сыпью, меня рвало перед каждым дублем, приходилось поправлять грим, снова краситься, что нервировало остальных актеров. Опытные актеры и особенно актрисы не могли простить мне непрофессионализма, запинок, неспособности выучить, а вернее, с ходу произнести даже небольшой текст. То и дело слышалось:

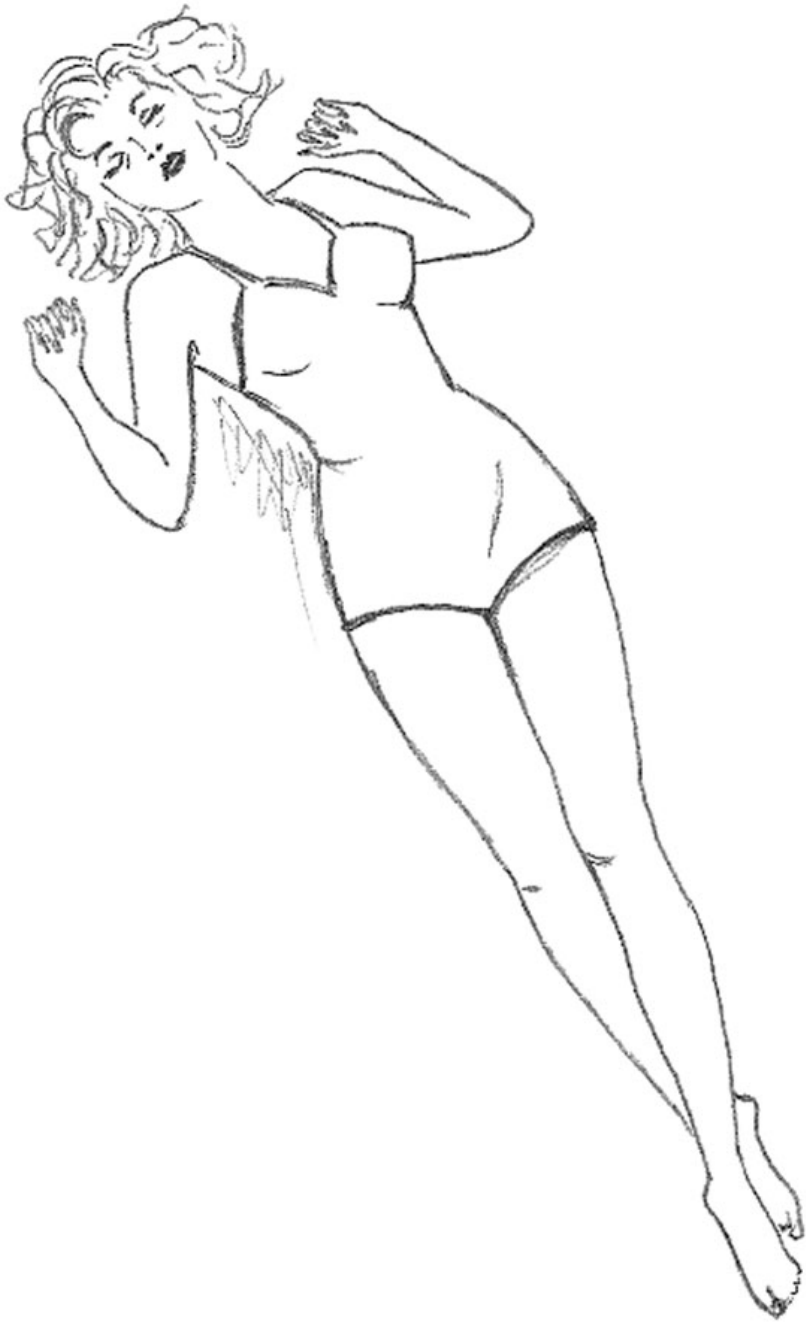
– Что это за дилетантка?! Сколько мы будем ждать какую-то старлетку?!

Но стоило мне забыть, что нужно играть кого-то, и на площадке появлялась Мэрилин Монро, которая легко произносила любой текст, делала не заученные, а свободные жесты, импровизировала, она не играла, а купалась в лучах прожекторов, она жила жизнью роли, вернее, своей собственной, но в рамках сцены и указаний режиссера.

Однажды Элиа Казан оказался невольным свидетелем вот такого превращения и потерял дар речи. Он рассказывал, что стоял оглушенный, растерянный, понимая, что видит чудо. Но закончилась сцена, чудо померкло, перед ним снова была перепуганная, со слезами на глазах от неуверенности Норма Джин в оболочке Мэрилин Монро.

Так, может, Джонни Хайд был прав, когда твердил, что мне нужно играть легкие роли в легких фильмах, что мой удел

именно Блондинка, которой достаточно только появиться на экране, ничего не произнося? К чему сценарий, к чему роль, репетиции, переживания, если зрители все равно ничего не помнят и даже не видят, кроме этой Блондинки. Я пыталась у умных серьезных людей спрашивать, помнят ли они мои роли. Блондинку помнили, даже были очарованы, помнили сияние, а вот что говорила вообще, что именно играла, не помнили. Не было роли, была лишь ОНА – Мэрилин Монро!



Вот умру и буду лежать красивая-красивая…

Недаром многие актеры отказывались со мной играть. Кто-то делал вид, что из-за моей необязательности, трудного характера, актерской беспомощности, а в действительности просто потому, что всех остальных на площадке переставали замечать, стоило появиться Мэрилин. Одно присутствие на экране Блондинки

переключало на нее внимание настолько, что остальные персонажи становились словно ненужными. Я их понимала, кому же из звезд хочется обслуживать старлетку-Блондинку? Обидно только, что никто не видел за Блондинкой Норму Джин.

Видите, я начала говорить о Мэрилин в третьем лице. Но это так и есть, понимаете, моя роль начала собственную жизнь в кино, и я десять лет то послушно следую за ней, то борюсь. Если делаю первое – я успешна внешне и несчастна внутренне, если второе – то несчастна и так и так. Большинство людей не понимают, чего же мне не хватает, если у меня есть обожание миллионов, были мужьями знаменитые люди Америки, деньги, слава, любовники… А несчастна всегда Норма Джин, Мэрилин стала несчастной недавно, когда я все же попыталась отвести ей ее место. Наверное, так чувствовал бы себя Чарли Чаплин, если бы к нему насовсем прилипли усики и котелок с ботинками. Нельзя быть все время в роли, тем более такой, которую обожают миллионы.

Все, больше сегодня не могу, простите, Док, потом… Мне плохо, очень плохо от понимания, что когда-то, надев эту очень успешную роль, я погубила собственную жизнь. Сумею ли снять?

Нужно ли? Иногда кажется, что нет.

Или проще выпить упаковку таблеток и запереть дверь…

Док, Вы спросили о моем любимом занятии. Интересно, какого ответа Вы ожидали, о чем думали, о сексе?

И еще, кого Вы спрашивали, Норму Джин или Мэрилин Монро? Если Блондинку, то она больше всего любит разглядывать себя в зеркале, а у Нормы Джин вот любимое занятие, видите? Я читаю, в любую свободную минуту берусь за книгу. Многие считают, что это игра на публику, никто не верит, что я разбираюсь в теории Фрейда, неплохо знаю русскую литературу, люблю Достоевского, Джойса, Стейнбека, Пруста, Ибсена, вообще люблю серьезную литературу, живопись… Знаете, меня часто пытаются подловить журналисты, считая, что я называю имена героев и фамилии писателей только по подсказке помощников. Иногда смотрю на обидчиков и по вопросам понимаю, что они сами не читали того, о чем спрашивают, мне несложно их осадить, даже опозорить, но я не могу позволить себе сделать это, потому что завтра же в мой адрес будет вылито безумное количество грязи. Приходится выкручиваться, шутя и играя дурочку.

Играть Мэрилин несложно, совсем несложно, но почему же никто не желает видеть эту мою талантливую игру, никто не замечает, что я играю, каждую минуту на публике играю?!

Кажется, уже не только на публике… Просто, когда тебя не желают воспринимать никем, кроме как Блондинкой, приходится надевать ее маску даже дома. Иногда я бунтую, перестаю за собой следить, толстею, не желаю краситься или выходить из дома. Но потом понимаю, что выйти рано или поздно все равно придется, встряхиваюсь, худею, влезаю в обтягивающие платья Блондинки и надеваю на лицо улыбку, а морщинки замазываю гримом… Всем нужна Мэрилин Монро, никто не желает видеть толстую и ненакрашенную Норму Джин. Никому не интересно, что там внутри, зачем заглядывать внутрь, если есть красивая оболочка?

В прошлый раз я рассказывала Вам, как добилась ролей, которые уже не вырезали при монтаже. Неправда, это не я добилась, это Она. Мэрилин Монро так нравилась зрителям, что даже Даррил Занук оказался вынужден закрыть глаза на Норму Джин и подписать очередной контракт с ненавистной ему Мэрилин.

Господи, сейчас мы ненавидим ее одинаково! Кто бы мог подумать, что через десять лет я приду к тому же, что Занук чувствовал давным-давно? Интересно, а если бы он оказался стойким и не взял меня на студию, я стала бы актрисой Нормой Джин Бейкер, играла бы серьезные роли в театре или все же скурвилась и погибла в безвестности?

Думаю, ни то ни другое, слишком известна Мэрилин Монро, слишком любили зрители эту Блондинку, чтобы она осталась не у дел, не Занук, так Кон или еще кто-то пригрел бы красотку на своей студии. Мэрилин Монро уже была, и была сильна. Это Норма Джин покрывалась от страха сыпью и глотала успокоительное перед каждой съемкой, Мэрилин ничуть не переживала, она легко сводила с ума окружающих мужчин, спокойно обнажалась в случае необходимости и за словом в карман не лезла. Норма Джин ждала одобрения, поддержки, тряслась и плакала в уголке из-за недостаточно хорошо сыгранной сцены. Мэрилин такие мучения неведомы вообще, ей достаточно просто выйти и улыбнуться, остальное не замечали. Норме Джин не прощали запинок, Мэрилин сходило с рук все.

Док, вспомните мои фильмы (если их вообще можно вспомнить), Вы сразу поймете, когда верх одерживала Мэрилин. Да, это «Джентльмены предпочитают блондинок», «В джазе только девушки», «Зуд седьмого года», «Автобусная остановка», в какой-то степени «Принц и танцовщица» и «Река, не текущая вспять». В остальных шла борьба между Нормой Джин и Мэрилин Монро, сначала, как в «Ниагаре» или «Как выйти замуж за миллионера», Норма Джин еще показывалась из-за набиравшей силу Мэрилин,

позже в «Неприкаянных» попыталась бороться и проиграла!

Док, на экране я проиграла Ей, в жизни, похоже, тоже…

От понимания проигрыша у меня депрессия, а депрессия – это новые большие дозы лекарств, от которых потом в голове сплошной туман, трудно сосредоточиться, трудно понимать, что говоришь и делаешь.

Две звезды…

Мне надоела эта красивая курва, надоело о ней рассказывать. Нужно срочно вспомнить какие-нибудь веселые съемки, когда мне работалось легко, пусть и в образе Мэрилин.

Нет, я расскажу Вам о Джо Ди Маджио. Сейчас, когда мне плохо, я вспоминаю Джо. Он единственный, кто любил и любит меня по-настоящему. Да, ему нужно тело Мэрилин, но он не требует, чтобы я носила эту оболочку постоянно.

Ди Маджио Вы не можете не знать, он такой же любимец Америки, как и Блондинка. Джо был капитаном команды «Янки», он действительно гениальный бейсболист и очень хороший человек.

Когда мы встретились, я была больна мыслью о замужестве с Артуром Миллером. Как такое возможно, ведь он женат? Но это же мечта… Вот выйду замуж за Миллера, и все поймут, что я вовсе не дура, что я – это не Она.

Но Артур был далеко, несколько раз написал, но не больше, и хотя я знала, что его семья разваливается, предпринять ничего не могла. Да и не хотела. Миллер – это почти мечта, которая хороша именно своей недостижимостью, тем, что к ней можно стремиться.

Артур был далеко и высоко, слишком высоко для меня тогдашней, а жизнь продолжалась. И в ней вдруг появился Джо Ди Маджио. Джо – это нечто большое, просто огромное, за чем можно спрятаться, к чьему плечу можно прислониться, под чьей защитой укрыться. И я была полной дурой, когда от этой защиты отказалась, почувствовав себя слишком сильной. Нет, не я, а эта курва-Блондинка, она, видите ли, все могла сама, была уже слишком популярна, чтобы за кого-то прятаться!

Джо сделал себя сам, у него была семья, но помочь ничем не могла, если бы ни бейсбол, он, как и многие другие итальянские эмигранты, перебивался бы почти случайными заработками. Но в бейсболе его разглядели сразу, и вскоре популярнее игрока, чем капитан «Нью-Йоркских Янки», не было.

Я совершенно не интересовалась бейсболом, мне вообще не нравились грубые спортсмены, которые на стадионах цыкали сквозь зубы в стороны, а вне их ходили в скучных костюмах, застегнутых на все пуговицы, и старательно морщили лбы, прежде чем что-то сказать. Поэтому, когда предложили познакомиться со знаменитым бейсболистом, от одного появления которого на поле стонали стадионы, только поморщилась. Но нам все же устроили встречу на бульваре

Сансет.

Ди Маджио заметил меня на фотографии. Идиотский снимок, я якобы училась владеть битой у Джо Джобсона из «Чикаго Уйат Сокс». Таких пустых, на которых Мэрилин «каталась» на лыжах в купальнике, водила грузовик, размахивала огромным молотком или держала руль велосипеда так, словно иначе как на нем и не передвигалась, были тысячи, я их просто не помню.

Мне наплевать на биту, мяч и сам бейсбол, а вот то, что этим двоим также наплевать на меня, задело. Помню, что парни совершенно не умели фотографироваться, были зажаты и упорно смотрели туда, куда якобы полетел посланный мной мяч. Ладно бы в момент самой вспышки, но ведь и в следующий тоже! Стоять вплотную ко мне с выражением героя на постаменте, не пытаясь хотя бы исподтишка дать волю рукам, мог только деревянный мужлан. Если все спортсмены таковы, то от них лучше держаться подальше.

Мне совершенно не понравились спортсмены, хотя я понимала, что они смущены явной наигранностью сцены. Помню недоуменный взгляд рослого игрока, брошенный на мои ноги. Он явно хотел поинтересоваться, не намерена ли я выйти на поле в туфлях на высоком каблуке.

А как смутился, когда я подняла ступню едва ли не под нос:

– Недурно выглядят, не так ли?

Думаю, после этого перестала существовать для Джобсона совсем. Глупая блондинка, которая не представляет, что нужна спортивная обувь! До сих пор смешно, как только вспомню его недоумение. Кто из нас глупее – я, вынужденная фотографироваться в том, что по задумке режиссера принесет костюмер, или он, не понимающий никаких законов жанра? Объяснять, что, переобув в какие-нибудь спортивные тапочки и одев в такие же мешковатые штаны, как у них, режиссер свел бы эффект от моего появления в кадре к нулю?

Съемка проводилась ради рекламы бейсбола, чтобы на площадки потянулись молодые люди, надеясь встретить там вот таких стройных блондинок на высоких каблуках, и юные девушки, чтобы мужественные бейсболисты и их научили мастерски владеть битами.

Боже, глупость! Все прекрасно понимали, что красотки в коротеньких шортах, на каблуках и с укладкой не пасутся на спортивных площадках и что мужественные спортсмены не занимаются обучением никчемных блондиночек, но фотография имела успех, ее поместили в каком-то журнале про бейсбол, где на нее наткнулся Ди Маджио. Во всяком случае, он утверждал так.

Джо не верил, что я не помню съемки и это фото, которое он вырезал из журнала. Но я столько снималась в самых разных спортивных и не очень нарядах, что действительно не помнила. В памяти осталось только ощущение, что спортсмены деревянные и жутко скованные. Хотя если присмотреться к фотографии, то у обоих вполне симпатичные и умные лица…

Подозреваю, что нас познакомили не столько по настоянию самого Джо (вернее очень обрадовавшись его желанию быть представленным Мэрилин Монро), сколько по очередному замыслу рекламщиков. Блондинке пора подыскивать себе жениха, хватит болтаться с любовниками, да еще втрое старше себя! Но кто мог стать возлюбленным и тем более мужем самой знаменитой Блондинки? Только столь же знаменитый парень, национальный герой Америки. Бывшему капитану «Янки», которого Америка еще не забыла, понравилась Блондинка? Какая удача!

Я так говорю, чтобы Вы поняли, что относительно Блондинки уже вступили в силу законы пиара. Отныне я не имела права спать с кем попало, в полуголом виде разносить напитки гостям Шенка или якшаться даже с режиссерами вроде Казана. То есть быть знакомой, принимать ухаживания – это пожалуйста, но из головы следовало выбросить даже мысли о новых съемках вроде Тома Келли или жизни в крошечной квартирке с матрасом на полу.

Времена неприкаянной Нормы Джин прошли окончательно, раскруткой Мэрилин всерьез занялись на студии, осознав, что это может принести многомиллионные барыши. Моя собственная жизнь закончилась, практически не начавшись, теперь я обслуживала Блондинку, во всем подчиняясь законам ее жизни.

И почувствовала я это даже не с Ди Маджио, а с Бобом Слетцером. Сейчас расскажу, кто это.

Боб Слетцер – журналист средней успешности, мы были знакомы еще со времен Нормы Джин, мотавшейся по кастингам в надежде получить хотя бы роль дамы с собачкой на заднем плане. Боб – приятель, у которого можно поплакать на плече, пожаловаться на жизнь, позвонить в любое время суток, прося о помощи, переспать после вечеринки, с которым мы делили бедность и неприкаянность.

Боб некрасив, но это ему ни к чему, в отличие от меня он не рвался на съемочную площадку, а для журналиста достаточно простой внешности.

Я изменялась, Боб нет, он был по-прежнему другом, мог выслушать или одолжить десятку без возврата, если имел

таковую сам, что бывало не всегда, но он видел во мне Норму Джин. Все еще видел.

Бобу я рассказывала обо всем, прекрасно зная, что он не сделает мои откровения достоянием публики. Иногда задумываюсь, что заставляет Слетцера, владеющего столькими моими секретами, молчать, и понимаю, что он меня любит. Не как роскошную Блондинку, а как человека. Вот эти двое – Боб и Джо – любят меня по-настоящему.

Слетцеру я рассказала и о знакомстве, а потом и любовной связи с Ди Маджио. Джо меня поразил, он был хозяином в постели, настоящим хозяином, и не рассказать о столь потрясающем открытии приятелю я просто не могла! Меня впервые подчинили, и я с восторгом подчинилась. Понимаете, не сознательно, не по своей воле, а по воле мужчины. Такого еще не бывало.

Едва ли Боб испытал удовольствие от подобных признаний, но от меня не отстал. Он не сомневался, что немного погодя я либо сама отстану от Ди Маджио, либо буду им грубо брошена.

Я немного отвлеклась от Джо Ди Маджио, но все происходило одновременно, и все важно. Мы стали с Ди Маджио любовниками в первый же вечер, он отложил свой отъезд на Восточное побережье и застрял в моей квартирке, что вызывало у рекламного отдела только восторг, казалось, у меня появился достойный любовник, которого не стыдно показать всей Америке. Понимаете, простая любовная связь со мной уже означала фотографии на первых страницах и болтовню в прессе. Это Ди Маджио вовсе не нравилось, он был популярен куда больше меня, но совсем иначе, не любовными похождениями, а сильной игрой, способностью провести мяч, забить гол…

А еще Джо страшно ревновал, он терпеть не мог чужих взглядов на свою любовницу. Последовали безумные сцены ревности, которой я просто не понимала, но замирала от внутреннего восторга – меня ревновали! Меня не просто хотели, а считали своей и готовы были защищать эту собственность даже кулаками.

Слетцер не мог понять моего восторга:

– Он просто побьет тебя!

Я млела:

– Пусть…

Даже Слетцер ни черта не понимал во мне, это Норма Джин упивалась своей нужностью, своей принадлежностью кому-то. Меня ревновал Джимми Догерти, злился, обижался, но это была другая ревность, ревность обманутого мужа. А Ди Маджио ревновал как собственник. Я чья-то, да не просто чья-то, а Ди Маджио – одного из самых популярных людей Америки. Если честно, мне было все равно, кто он – герой или нет, я млела от самого чувства принадлежности не как девочки, которой заплатили за услуги на вечер, даже не как Блондинки. Ди Маджио наслаждался телом Блондинки и не желал, чтобы оно принадлежало еще кому-то, чтобы его даже просто разглядывали, но он не желал моей популярности, ему была нужна Норма Джин, пусть и в оболочке Мэрилин.

Думаю, ни он, ни я тогда этого не понимали, но чувствовали.

Но Ди Маджио все-таки уехал, я снова осталась одна. Рядом был все тот же Боб Слетцер, и он всегда готов утешить, помочь, вытащить даже из сточной канавы, отмыть и убедить, что я еще ничего. Канавы не было, было одиночество, снова неуверенность: я никому не нужна! Однажды Боб разозлился:

– Ты всегда нужна мне.

Будучи основательно пьяной, я продолжала страдать:

– И никто не хочет брать меня в жены…

Следствием плаксивого состояния после попойки стало свидетельство о браке, полученное на следующий день поутру в мексиканском городке Тихуана. У меня появился муж, готовый ничего не требовать, все прощать и всегда защитить. Он не обладал ни обалденными внешними данными, ни выдающимся умом, ни деньгами? Ну и что, это лучше, чем высоколобый очкарик-интеллектуал Миллер, богатый Шенк или здоровенный Ди Маджио! Слетцер не станет ждать от меня знания назубок биографии Авраама Линкольна, требовать пребывания на кухне без права высунуть нос на улицу или полной покорности за купленную бриллиантовую безделушку. Он такой же, как я сама, мы ровня, так легче обоим.

Два дня мы пытались отмечать свое бракосочетание, оба уже, кажется, понимая, что натворили нечто, что перечеркнет будущее, и не смея признаться в этом ни друг дружке, ни себе самим.

Я не знаю, откуда Занук узнал о нашем поступке, но уже в понедельник поутру мы стояли перед ним на ковре. Нет, он даже не шипел, просто устало поднял глаза и тихо произнес:

– Полмиллиона вложено в рекламу ничтожной красотки, не умеющей ничего, кроме как вилять бедрами. Полмиллиона, чтобы убедить всех, что найдена идеальная девушка, ищущая себе идеального мужа ради идеальной семьи. И эта дрянь выходит замуж за простого репортера!

Мы мчались в Тихуану с максимально разрешенной скоростью, чиновник, уже предупрежденный о нашем приезде, не отправил документы и легко согласился разорвать их, сделав вид, что ничего не было. Наш двухдневный брак оказался аннулирован, так и не став кому-либо известным. Те немногие, кто был свидетелем, молчат, не желая неприятностей ни мне, ни себе.

Удивительно, но мы с Робертом вздохнули с явным облегчением, осознав, что решились на слишком дерзкий шаг. Боб не был в обиде, видно понимая, что ничего не смог бы мне дать, кроме своей собственной любви. Норме Джин этого достаточно, а вот Мэрилин нет, ей нужен успех. Идеальной девушке нужен идеальный парень. Блондинка позволила Норме Джин на пару дней взять верх, словно демонстрируя, что будет в случае неподчинения. Я воочию увидела, что не подчиняться законам жизни Блондинки нельзя…

Мне оставалось вернуться к Ди Маджио, что я сделала с видимым удовольствием.

Интересно, что в это время я совершенно сознательно создавала образ Блондинки, пестуя его, репетируя и репетируя,

продумывая каждый жест, каждое слово, каждый взмах ресниц.

– Мисс Монро, у Вас несколько странная походка, это результат какой-то травмы?

Хотелось ответить:

– Идиот! Какая травма?! Это долгие часы репетиций и постоянное наблюдение за собой со стороны, пока походка не стала привычной.

Но говорить этого нельзя, я «наивно» распахнула глаза:

– Я всегда так ходила, а разве остальные женщины ходят иначе?

В Голливуде полным-полно тех, кто помнил, как бочком ходила Норма Джин, как она стеснялась каждого шага. Но сколь велика легенда, уже через пару дней всем казалось, что так и только так всегда ходила будущая Мэрилин. И о цвете волос никто не помнил, и о бугорке на носу, и о заикании тоже…

Я действительно часами торчала перед зеркалом, принимая разные позы, изображая разные мины, то удивлялась, картинно вскидывая брови, то лукаво улыбалась, но изумленно вскидывала брови… Знаете, Док, именно тогда у меня появился большой учебник анатомии: чтобы владеть лицом, нужно хорошо знать его мышцы. А еще, чтобы научиться гримироваться, ведь выглядеть нужно не только перед камерой. Для съемочной площадки грим несколько иной, он ярче и грубее, потому что просто хорошо накрашенные ресницы не будут заметны при съемке крупного плана и у героини пропадут глаза, да и губы не мешает сделать ярче и полнее…

Но в моем лице немало недостатков помимо удаленного бугорка на носу или исправленного прикуса. И в жизни губы можно сделать чуть полнее и аппетитнее, а ресницы гуще и длиннее. Есть множество приемов, каким меня научил гример Уайти Снайдер. Уайти – настоящий друг, безо всякого сексуального оттенка, среди моих друзей есть и такие. Он прекрасный мастер, а любому хорошему мастеру очень нравится, когда подопечные стремятся научиться хотя бы части его мастерства.

Я никогда не мешала Уайти гримировать меня на съемках, не вмешивалась в его работу, но за пределами площадки пользовалась его услугами не так часто, он не взял бы денег, и отблагодарить Снайдера трудно, но учил охотно. Помню изумление Уайти при виде того самого учебника по анатомии:

– Это тебе зачем?

– Хочу знать, из чего состоит моя собственная физиономия. Уайти, это кошмар, сколько здесь всего и как все сложно.

Он взял меня за подбородок и повернул к зеркалу:

– Смотри вот сюда. Этого достаточно.

Но мне было недостаточно, я хотела стать идеалом не только на словах у Занука, но и во всем остальном.

Идеальная Блондинка… Фигура, внешность, походка… Я уверенно обживала образ, и мне очень нравилась его сила. Блондинка могла не беспокоиться, что ей не продлят контракт: если этого не сделает «Фокс», с удовольствием сделают другие. Блондинке нельзя давать ролей на пару минут на заднем плане, зрители возмутятся и забросают студию гневными письмами.

Я получила роль секретарши в «Обезьяньих шалостях», снова глупую, пустую, довольно комическую. Казалось бы, мало, но пока было достаточно и этого, к главным ролям я пока не готова, ведь играть на площадке приходилось Норме Джин, а она очень боялась света софитов. Наташа возмущалась, твердя, что это не та роль, на которую стоило бы соглашаться, ведь настоящей актрисы достойна только драма или трагедия. Я очень хотела сыграть трагедию, но пока это получалось только в жизни, да и то не всегда. Неужели Наташа не видела, что я не готова?

Зато роль Блондинки получалась с каждым днем все лучше.

Во время съемок меня вдруг сразил приступ аппендицита. Если честно, он был не настолько силен, чтобы делать операцию, но на студии намекнули, что пребывание в больнице пойдет только на пользу моему имиджу. Публика только что сочувствовала мне, превратившейся из сироты в девушку, заботившуюся о больной матери, сочувствие не мешает подогреть операцией.

Это было уже сумасшествие, потому что невинный вопрос о том, не будет ли шрам от операции слишком большим, тут же превратился в легенду о записке, приклеенной на мой живот, мол, доктор, постарайтесь сделать след от операции как можно меньше. И снова сказалось всеобщее сумасшествие, о записке совершенно серьезно рассказывали репортерам даже те, кто прекрасно знал, что ее не было, причем рассказывали, будучи совершенно убежденными, что собственными руками отклеивали листок с моего живота!

Доктор, я стала просто образцом действия пиара.

У Блондинки аппендицит! Ах, Мэрилин едва не погибла! Ее чудом спасли на операционном столе! Бедная девочка, на долю которой и без того выпало столько трудностей, больна!

Студию и больницу просто завалили тысячами писем с пожеланиями скорейшего выздоровления, а у дверей дежурили репортеры. Доктор, делавший мне операцию, мгновенно стал почти спасителем нации.

А я сама никак не могла решить, в каком же виде предстать

перед репортерами при выписке – со следами страданий на лице и в полном блеске. Позвала на помощь Уайти Снайдера. Тот тоже задумался, но потом решительно взялся за грим:

– Нет, плохо выглядеть нельзя, ты же надежда нации!

«Надежда» выпорхнула из больничных дверей столь ослепительно красивой, что все ахнули. Ну уж позировать перед камерами я умела со времен работы у мисс Снайвли! Репортеры явно пожалели, что не захватили с собой по десятку камер, потому что менять пленки было некогда. Еще Норму Джин часто просили:

– Не так быстро, детка. Я не успеваю щелкнуть затвором.

Я показала, на что способна! Пинаповских фотографий Блондинки, которая и после перенесенной тяжелейшей (никому в голову не пришло, что это не так!) операции выглядит лучше некуда, сделали сотни. На следующий день Америка радовалась, что их любимица (а я уже была таковой для очень многих) не просто выжила (словно мне делали операцию не аппендицита, а по крайней мере на сердце), но и прекрасно выглядит.

– Мисс Монро, как скоро Вы вернетесь в строй?

Господи, все репортеры идиоты или это только мне попадались такие?!

– Как только позволят врачи, но я буду просить их об ускорении.

Подозреваю, что врачу пришлось дать с десяток интервью, рассказывая, как Блондинка вела себя во время операции (под наркозом). Я стала просто национальной героиней, наверняка врачам не пришлось уговаривать никого из пациентов, которым требовалась подобная операция. Если уж Блондинка решилась!..

Возле дома дежурили репортеры, но я заперлась, чтобы прийти в себя, да и что им говорить, снова и снова утверждать, что полна сил и энергии, нет уж, пусть пострадают в неведении.

Долго страдать не пришлось, роскошный подарок всем сделал Ди Маджио, появившись на пороге с букетом цветов. Джо не ожидал увидеть толпу любопытных репортеров и пришел в ярость, но отступать было некуда. Пресса просто обезумела: у постели любимицы Голливуда (да, теперь я звалась так!) дежурит легендарный капитан «Янки»! Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, потому сразу заподозрили подвох, подстроенный пиар-ход.

Ди Маджио не придумал ничего лучше, как начать опровергать. Я пока помалкивала, прекрасно понимая, что чем яростнее слухи опровергают, тем больше им верят. Так и случилось, когда я со скромным видом попыталась подтвердить

слова Ди Маджио: «Нет, нет, что вы…», все решили, что детка смутилась. Смущение у актрисы Голливуда, бывшей старлеткой, – это из области фантастики, репортеры все прекрасно понимали, но журналисты – это одно, а зрители – совсем другое. Я называю это законом идиотизма, когда верят в то, во что разумный человек верить не может.

Хотя в нашем с Джо случае не было ничего сверхъестественного, двое взрослых людей встретились и очень понравились друг другу, почему бы и нет?

Джо категорически не нравилась толпа репортеров и необходимость отвечать на вопросы, для кого цветы, словно и так неясно, что для меня, поскольку он входит с букетом в мой дом. Он бесился, грозил разогнать толпу журналистов кулаками, я пыталась осадить Джо, хотя понимала, что такой взрыв эмоций пошел бы на пользу ажиотажу.

Ди Маджио не успел никого побить, я вернулась на съемки, и толпа репортеров переместилась туда. Улыбка как можно шире, но чуть смущенная, словно я не ожидала такого интереса к своей персоне, немного помахать ручкой, извиниться, мол, мне некогда, работа все, работа… Док, я стала по-настоящему популярна, что оценили даже на студии. Это был приятный сюрприз – зарплату подняли в полтора раза, теперь я получала 750 долларов в неделю. Не бог весть что по сравнению с остальными актерами, даже много меньше других, но если сравнивать с 75 долларами Нормы Джин… И это только начало, Блондинка, несомненно, стоила куда дороже заикающейся Нормы…

Когда Джо пришел на съемочную площадку «Опасных связей», Кэрри Грант, чью секретаршу я играла, пожелал сфотографироваться с нами. Это не дежурный снимок для рекламы фильма, когда звезды вынуждены улыбаться рядом со старлетками, мысленно злясь, что приходится это делать, для Гранта Ди Маджио не был пустым звуком, даже если Кэрри и не любил бейсбол, он все равно знал национального героя Джо Ди Маджио. Но как-то так вышло, что сначала на площадке все смотрели мимо знаменитых мужчин на уже популярную Блондинку, а потом при публикации фото в газете Грант с него исчез, оставив нас с Джо. Рекламный отдел «Фокса» решил, что одного Ди Маджио рядом со мной достаточно, потому что его поведение слишком смахивает на поведение перед помолвкой, а сам Ди Маджио на жениха.

Это не Слетцер, такой вариант замужества идеальной Блондинки руководство устраивал, не испугала даже возможная беременность. Занук не рычал и не шипел, он был согласен, потому что я начала приносить студии неплохую прибыль, и

Занук явно видел пути ее повышения. Во всяком случае, в следующем фильме я играла уже главную роль.

«Ниагара»… и роль Роуз в ней – первая серьезная главная роль. Одна женщина и двое мужчин, муж и любовник, каждый из которых готов убить второго ради счастья обладания красивым телом. Сама Роуз предпочла бы видеть мертвым мужа, причем сделать это должен любовник и непременно под Ниагарским водопадом. Но первым удар кинжала получает любовник, а потом задушена и сама неверная супруга.

У меня осталось ощущение, что главным героем в этом фильме стал… водопад. Совершенно непонятно, зачем понадобилось большую часть съемок проводить на фоне ревущего водопада и почти везде его шум добавлять к звукам за кадром. Что касается моей героини Роуз, это даже не роль, а просто демонстрация Мэрилин перед камерой. Режиссер Генри Хатуэй убедил меня играть в своих собственных платьях, облегающих и вызывающих, не ради экономии, а чтобы чувствовала себя привычно. Я вполне «привычно» валялась голышом под тонкой простынкой, изображая раннее утро, потому что действительно сплю без одежды, потом ходила своей походкой в своих нарядах и курила свои сигареты… Я была Мэрилин, но никто не понял, что я Мэрилин играла!

Ниагара и я

Если честно, то тогда я собой очень гордилась именно потому, что мою игру никто не видел, она была настолько хороша, что стала незаметной.

В фильме нелепый сюжет, к чему убивать нелюбимого мужа, если с ним можно просто развестись и уехать подальше от него и водопада? К чему придумывать столько сложностей там, где все решалось простым разговором, как сделали бы нормальные люди? Правда, никто не заметил нелепостей, как и самого Ниагарского водопада, виляющий зад Блондинки затмил даже чудо света! Тогда я еще гордилась.

И все же сценарист и режиссер упустили одну очень важную деталь. Роскошные натурные съемки, неплохая песенка «Поцелуй, поцелуй меня», облегающие платья… Но никто не подумал, что зрители вовсе не желали бы видеть Блондинку мертвой, нет, она должна жить. И желательно не делать откровенных гадостей, разве только по недоразумению. Нет, роль преступницы не для Блондинки, иначе какая же это Идеальная девушка?

Спохватились поздно, но фильм все равно имел огромный успех, мало кто запомнил, что причина убийства – неверность, Блондинке простили даже это (в конце концов, что такое желание убить мужа или погибший по ее вине любовник после обнаженки, туда им и дорога). Но вот смерть самой Блондинки многим не понравилась.

Руководство ошибку учло, и больше трупы я не играла. А вот согласие зрителей даже на убийство мужчин, претендующих на Блондинку, пусть и экранное, меня просто испугало. Я становилась общественным достоянием и отныне была неприкосновенна.

Док, Вы катались на Русских горках? Когда ты еще на самом верху и понимаешь, что сейчас покатишь вниз с возрастающей скоростью, дыхание будет перехватывать, а к горлу подступать тошнота, страшно, но все равно это восторг! Главное, понимаешь, что как только движение начнется, его уже не остановить.

Вот в таком состоянии я жила эти годы. Блондинка окрепла настолько, что начала движение. Я позволила ей, мало того, подталкивала, убирала препятствия для разгона, кричала от восторга. Это так, пусть и при помощи и поддержке Джонни Хайда и Наташи Лайтесс, но ее создала я сама, это я часами репетировала вихляющую походку, училась томно опускать или вскидывать глаза, улыбаться и изображать саму невинность, я училась выглядеть соблазнительно, волнующе, даже доступно, но при этом застенчиво, я изображала робость, обладая железной волей, растерянность при цепком уме, смущение при способности рассчитывать на три шага вперед.

Понимаете, Док, я своими руками создала то, что меня же потом и поглотило! Я думала, что справлюсь с Блондинкой, смогу

удержать ее на коротком поводке, снимать эту маску, входя в дом, прятать, как прячут куклу после спектакля в шкаф.

Нет, неправда, тогда я ничего такого не думала, мне было некогда, я создавала, лепила, продвигала Блондинку и была занята только этим. Блондинка оказалась куда более успешной, чем Норма Джин, придуманный мной и поддержанный Джоном Хайдом образ легко завоевал популярность у зрителей и заставил считаться с собой руководство студии «Фокс», того самого Занука, которого никак не могла пробить Норма Джин. Боясь потерять меня, студия по собственному решению повышала зарплату каждые полгода, хотя она все равно оставалась очень далекой от нормальной оплаты звезд. Но все равно со мной считались, я уже была!

Вернее, была Блондинка, которую я играла.

Наташе очень не нравилось то, что происходило, хотя нравилось получать зарплату на «Фоксе», куда ее снова взяли по моему настоянию, а еще от меня самой. Но Лайтесс мешали мои ужимки, моя роль, мои мужчины. Наташа терпеть не могла всех, кто хоть как-то покушался на меня, считая Норму Джин своей почти собственностью. Она не понимала только одного: Норма Джин уже не ее и даже не моя, она собственность Блондинки, которая в свою очередь стала собственностью Америки.

Наташе не нравилось, что у меня все меньше времени остается на актерские занятия, некогда репетировать роли вроде Корделии или Норы Ибсена, которые, я уже это понимала, я никогда не сыграю на студии «Фокс».

Но сидеть и ждать, когда же стану великой актрисой вроде легендарной Дузе, когда меня заметят и позовут играть драматические роли в серьезных театрах, я просто не могла. Уходили годы, и если через пять лет после начала мытарств в Голливуде у меня появилась возможность стать звездой хотя бы в виде Блондинки, я ею стала!

Да, я продолжала заниматься у Михаила Чехова, хотя на занятия ходила все реже, потому что все чаще была занята на съемках, трудилась над постановкой голоса, разучивала с Наташей самые разные монологи и роли, считая, что все это пойдет на пользу, но главная роль, которую я уже играла, – Блондинка.

Не думайте, что все так просто и легко. Меня осаждали толпы репортеров, наперебой приглашали на самые разные мероприятия для вручения призов и наград, например, я вручала одного из «Оскаров». Но если Вы полагаете, что встречали только аплодисментами, то ошибаетесь.

«Ниагара», не представляющая собой ничего значительного (я прекрасно знаю цену своим фильмам и ролям, Док), стала неким рубежом. Никто действительно не обратил внимания на отвратительный сюжет и даже на водопад, зрители раз за разом ходили на фильм, чтобы посмотреть на Блондинку, на ее голые плечи (что подразумевало наготу и под простыней), красную помаду на губах, курение в постели, откровенно облегающие платья и походку… Особенно походку! Зачем Генри Хатуэю понадобилось снимать меня со спины во время длиннейшего прохода чуть не по всей улице, не понятно. Я раз за разом шла на высоченных каблуках по мостовой, рискуя в лучшем случае вывернуть ногу, думая, что из всей сцены останется пятая часть, но он вставил все! Моя героиня виляет бедрами едва не половину фильма.

Зрительницы из разных строгих дамских организаций возмутились: спать нагишом, ярко красить губы и вот так вилять задом?! Куда смотрит руководство студии?!

Руководство смотрело в бухгалтерские отчеты, которые явственно говорили, что большая часть именно ради такого «безобразия» и покупает билеты на никчемный фильм. Но игнорировать старых ханжей тоже невозможно, студия сделала вид, что пошла на уступку морали и задержала выпуск пластинки с песней из фильма. Что и говорить, серьезная уступка.

Журналисты ополчились на мои тесные платья и глубокие декольте, на ту самую походку и голос с придыханием. Но я раз за разом видела одну картину: стоило выйти к микрофону, как зал замирал, в Блондинку впивались сотни глаз, словно желая проглотить живьем, чуть помедлив, я произносила: «Привет!» – и после секундной паузы слышался шквал аплодисментов! Что это было? Сейчас такого нет, сейчас толпа ревет с первых секунд и как-то иначе, а в те годы, когда Блондинка только начинала свое победное шествие, нет, даже не по экранам, а действительно по Америке, собравшиеся не вполне понимали, что Она произносит. Хайд был прав – достаточно просто появиться.

Меня начали раздирать внутренние противоречия, которые с годами углублялись. Эта крашеная дрянь, только улыбнувшись или вильнув бедрами, превращала толпу в нечто бездумно возбужденное, даже у самых умных мужчин Блондинка легко вытаскивала на поверхность их животное начало, которое подавляло любой интеллект. Сначала я упивалась этой властью, заставлявшей мужчин забывать о других присутствующих женщинах, о женах, сидевших рядом, о любовницах, а приличиях, наконец.

Находились умники, особенно среди журналистов, которые

умели удержать и пустить слюни, но такие старались подловить мои ошибки, следили, не расползется ли шов платья, не скажу ли я глупость, не споткнусь ли, напропалую виляя бедрами. Женщины шипели, точно рассерженные гусыни, подмечая и критикуя все: от ярких цветов и смелых декольте моих платьев до запаха духов и манеры красить губы.

Говорят, для спортсмена лучший стимул – бегущий впереди соперник, которого надо обогнать. Для меня вот этот поток дамской ненависти и желание мужчин, которым точно не достанется кусочек Блондинки, унизить Ее, были именно таковым стимулом.

Док, я не знаю, кто из нас двоих научился справляться с наглыми и насмешливыми репортерами и в ответ на очередную выходку разъяренных завистниц совершать свою выходку. Сейчас я понимаю, что мы вместе. Норма Джин была достаточно умна и остра на язык, но она никогда не решилась бы отбрить журналиста, а вот Блондинка, не обладая большим умом, решилась. Но Норма Джин ни за что не рискнула бы сниматься обнаженной (пусть и под простыней) или надеть платье с декольте почти до талии.

Получается, что уже тогда я была симбиозом наглой Блондинки с умопомрачительной внешностью и неглупой скромной Нормой Джин внутри? Тогда мне этот симбиоз весьма нравился. Блондинка являлась на церемонию в вызывающе декольтированном платье, а в ответ на укоры пользовалась острым язычком Нормы Джин.

– Вас не смущает, что все смотрят на более чем откровенное декольте?

Блондинка делает круглые глаза и отвечает голосом Нормы Джин:

– А я-то думала, что все любуются моим значком сержанта-вербовщика!..

Зал хохочет.

– В чем Вы ложитесь спать?

– Несколько капель «Шанель № 5».

Скандал, потому что продажи знаменитых духов взлетают до небес, а вот изящные пижамы покупать почти прекращают.

Не знаю, повысилась ли после этого рождаемость или количество абортов, но производители ночных пижам обратились к руководству студии с требованием опровергнуть слова Блондинки. И Блондинка, хлопая наклеенными ресницами, вещала, что пижама или ночная сорочка это очень-очень хорошо… особенно с оборочками, каждый вечер чистая и почаще новая. Мужчины, дарите своим возлюбленным не только бриллианты, но и ночные сорочки, которые так приятно снимать с женского тела.

Производители сорочек были очень довольны, теперь к духам «Шанель № 5» добавились и пижамы (которые «так приятно снимать»).

Док, представляете сумасшествие нации, на потребление и поведение по ночам которой влияет задастая Блондинка с вихляющей походкой?! От моего неосторожного или продуманного слова теперь зависели продажи и производство. Я испугалась, потому что приходилось следить за каждым словом, нельзя хвалить какую-то марку автомобиля или ресторан, сорт сыра или напиток, район города, штат, чью-то роль, фильм, косметику…

Если то, что нравилось Блондинке, было доступно, оно немедленно сметалось с прилавков магазинов, тысячи девушек и женщин перекрасились в платиновый цвет, укоротили и страшно заузили платья, Америка откровенно пахла «Шанель № 5» и говорила с придыханием!

Мне было очень и очень трудно, приходилось следить за каждым словом, каждым взглядом. Никого не интересовали пристрастия Нормы Джин, книги, которые она любит читать, ее актерские занятия, существовала только Блондинка, а ей не стоило говорить о желании сыграть какую-то там Грушеньку из «Братьев Карамазовых». Когда однажды я обмолвилась, что прочитала трехтомную биографию Авраама Линкольна, это так и восприняли – как обмолвку:

– Вы хотели сказать, что подкладывали под ножку дивана, чтобы он не качался?

Идиот, он хотя бы видел толстенный том Карла Сэндберга? Явно нет, но я улыбнулась:

– Скорее уж под угол дома, потому что биография очень толстая.

Знаете, что вытащил тот репортер из моего ответа? Конечно, слово «толстая», мол, я сказала, что книга слишком толстая.

Появились откровенные подделки, фотографы нашли похожую на меня девушку и сняли ее в очень откровенных позах голышом для новых календарей. Это была серьезная угроза, и впервые за столько лет (наверное, в последний раз) мы с Зануком выступили вместе, по совету студии я подала в суд и его выиграла. Ах, как Америке понравилась защита Блондинкой своей чести!

Док, разве это не сумасшествие? Те, кто только вчера плевал в мою сторону из-за обнаженки, теперь с пеной у рта заступались за меня и с восторгом аплодировали поражению самозванцев, напрочь забыв, что заступаются за такие же снимки. Закон толпы вступал в силу, и помешать этому я уже не могла.

Это восторг и ужас одновременно. Восторг оттого, что Блондинке, моему созданию, подвластны тысячи, если не

миллионы, достаточно простого появления, чтобы вызвать восторженное замирание толпы, одного слова, чтобы изменить вкусы, одного жалостливого вздоха, чтобы вчерашние ненавистники бросились на защиту. Ужас потому, что, во-первых, Блондинка становилась собственностью этой же толпы и должна угождать ей даже вопреки собственным желаниям. Во-вторых, я уже чувствовала, что выпустила джинна из бутылки и попросту не справлюсь с ним. Мое создание явно становилось успешнее меня самой.

Я считала, что смогу снимать эту маску, когда захочу, но начала понимать, что, сделав так, становлюсь не интересной никому! Блондинке отказывали в уме и способности быть на что-то годной, кроме виляния бедрами, Норме Джин отказывали во всем. Без маски я не была нужна вообще.

Такое продолжается уже десять лет, десять лет эта маска со мной, все это время я то борюсь с ней, то пытаюсь доказать всем, что я – это не она, то свыкаюсь и перестаю сопротивляться. Меня перестали радовать ЕЕ успехи, потому что успех Блондинки означает мое поражение.

Док, я устала, слишком многое наплыло и вспомнилось. Дальше расскажу завтра, а сегодня мне не уснуть без новой дозы снотворного. Количество таблеток с каждым днем становится все больше. Знаете, во время съемок «Неприкаянных», чтобы не травить поджелудочную, которая страшно болела, таблетками, мне делали уколы снотворного. Врач поражался, потому что я не засыпала даже после огромной дозы наркоза, вполне достаточной для проведения целой операции. Думая, что я не слышу, тихонько сказал Поле Страсберг:

– В случае если ее придется оперировать, будет ужас, она слишком привыкла к наркотикам…

Это так и есть, меня уже не берут даже огромные дозы, от которых свалился бы и Ди Маджио.

Док, в прошлый раз я Вам рассказывала, как Блондинка стала сверхпопулярной. Очень мало кто видел, как я надеваю эту маску, очень мало кто вообще понимал, что надеваю, наиболее проницательные только поражались тому, что я преображаюсь. И все больше людей ставили знак равенства не только между мной и Блондинкой, но и между мной и моими ролями. Хотя мои роли, особенно удачные, были ЕЕ ролями.

Яркий пример – Лорелей в фильме «Джентльмены предпочитают блондинок».

Давайте я Вам расскажу об этом фильме? Он того стоит.

Рассказать о сюжете? Вдруг Вы не видели фильм? Вы ведь

серьезный и не смотрите всякие глупости с глупыми блондинками в главной роли. Сейчас, только нарисую картинку и расскажу.

Во-о-от… это мы с Джейн Рассел выплясываем на сцене. Нет, не канкан, мы же приличные девушки. Хорошо получилось, точь-в-точь как на фотографии из рекламы этого фильма. Док, может, мне бросить чертовы съемки и заняться изготовлением Пинапа по собственным фотографиям? Был бы неплохой заработок. Знаете, его так и рисуют – прямо по фотографиям, я однажды видела, правда, не свои.

Но мы действительно были красотками, и вообще съемки «Джентльменов…», а еще съемки «Зуда седьмого года» стали для меня праздником, в них Блондинка полностью подчинила себе Норму Джин. Немного позже, когда снимали «В джазе только девушки», я просто отдыхала от перипетий собственной судьбы, а в этих фильмах работала с восторгом. И со страхом, я всегда боялась съемочную площадку, наезжающую камеру и команду «Мотор!». Если я умру, достаточно будет кому-то гаркнуть в рупор «Мотор!», и Мэрилин вскочит из гроба и помчится сниматься.

Сюжет страшно запутанный, в нем столько всего, что и пересказать сложно. Две девушки – брюнетка Дороти (ее играла Джейн Рассел) и блондинка Лорелей – отправляются на пароходе «Иль-де-Франс», естественно, во Францию, чтобы там встретиться с женихом Лорелей сыном богача Гансом. Ганс увалень, по уши влюбленный в Лорелей, открывший ей большой кредит и почему-то отбывший в Европу отдельно. Никто не обратил внимания на такую нелепость, как и на многое другое.

Но богатенькому папаше вовсе не нравится идея сына жениться на блондинке (правильно, молодец!), и он нанимает частного детектива, чтобы разоблачить белокурую дрянь, которая наверняка изменяет его сыну и желает выйти замуж за увальня только ради миллиардов. Знаете, там есть великолепный диалог между Лорелей и папашей ее жениха. Он требует признать, что

она выходит замуж за Ганса только ради его денег!

Лорелей честно отвечает:

– Не ради его, ради Ваших!

Зрительные залы от такой откровенности были в полном восторге, словно им вместе с моей героиней удалось обвести вокруг пальца богатого папашу.

Кстати, в фильме моя героиня зовет «папиком» самого Ганса, так я потом называла своих мужей.

Но это потом, на экране, а на съемках мне было трудно. Я боялась выйти на съемочную площадку, сказать не то слово, сделать не тот жест. Этот страх остался со мной навсегда, не верьте экранному залихватскому поведению, каждый раз даже желудок сводило при одной мысли, что сейчас придется играть перед множеством глаз.

Я боялась и потому оттягивала и оттягивала выход на площадку, без конца опаздывая и приводя в бешенство остальных актеров. Понимаете, я не могу, как другие, болтать о чем-то в стороне, пока ставят свет или меняют декорации, а потом выйти и легко сыграть эпизод. Не могу легко входить в роль или выходить из нее, в этом отношении для меня предпочтительнее театр, где в роль входят один раз – в начале спектакля. Все перебивки в виде необходимости немного подождать или снимать окончание сцены перед ее началом, потому что там крупный план, а там общий,

для меня неприемлемы. Наверное, я просто не актриса.

Опоздания бесили съемочную группу, все считали, что таким образом я набиваю себе цену. Мне очень помогала Джейн Рассел. Знаете, как поступала Джейн, не желая ждать меня и минуты? Она просто заходила в мою гримерку и брала меня за руку со словами:

– Пойдем, нам пора быть на площадке.

И я подчинялась, шла и даже играла. Как это легко было делать рядом с Джейн! Мы стали настоящими подругами. Но когда ее не было, я опаздывала, потому что никто другой не догадывался взять меня за руку…

Я была благодарна Джейн за ее поддержку, потому что от других таковой не видела. Она понимала, как мне страшно, до одури плохо, как дрожат колени и спазм перехватывает горло при попытке выдавить из себя хоть слово.

Но как бы я ни тряслась, фильм был снят и очень понравился зрителям, а меня из-за него ждало признание и разочарование одновременно.

В фильме много что намешано, есть влюбленность всех во всех, немыслимо закрученные перипетии сюжета, переодевания брюнетки в блондинку, даже суд и, конечно, хеппи-энд. Много танцев и песен, яркие наряды, почти мюзикл.

Я откровенно переигрывала, тараща глаза на бриллианты, подставляя губки для поцелуя или ахая в ответ на какую-то реплику. Казалось, почти комедийный персонаж, все должны увидеть эту Блондинку, играющую Лорелей. Но не увидели! Мало того, поверили, что я – это она, даже не Блондинка, а сама Лорелей. Эта роль добавила черточек к маске Мэрилин, причем совершенно определенного толка.

Понимаете, в фильме подруги – настоящие противоположности. Брюнетка Дороти умна, преданна, готова на жертвы ради подруги, а если уж влюбляется, то не ради денег или положения, она лишена алчности и, конечно, оказывается на высоте. Блондинка Лорелей продажная и бессовестная дура, которую интересуют только деньги (или бриллианты), готовая ради них на все.

Зрители, и не только они, а даже актеры (особенно актрисы) Голливуда, прекрасно знающие, что роль и актер не одно и то же, мгновенно поставили знак равенства между Лорелей и Мэрилин Монро. Меня практически освистывали при появлении на актерских сборищах, на приемах не стеснялись кричать разные гадости, а в прессе появлялись возмущенные монологи актрис, разносящие в пух и прах мою манеру одеваться.

– У меня что, грудь не такая? Но я ведь не тыкаю ею в лицо

людям!.. Людей волнует секс, но никто не любит, когда им вызывающе тыкают в лицо!..

Знаете, кто говорил это репортеру? Джоан Кроуфорд!

Ладно бы простая забывчивость, а ведь она играла в откровенно порнографических фильмах, прежде чем прийти на большой экран, но ведь она упивалась моим телом и сексом тоже. Это секрет, хотя, думаю, он многим известен. Несмотря на двоих детей, Джоан лесбиянка, и ей очень нравилось мое тело, вернее, тело Блондинки. Пройти мимо Кроуфорд просто не смогла и нашла довольно нелепый способ затащить меня в свою спальню.

Это произошло еще до моей звездности, когда в гардеробе имелось всего одно платье и пара туфель. Кроуфорд решила дать мне совет по подбору гардероба и пригласила перемерить свои наряды. Тогда я подумала, что она просто хочет отдать мне часть своих платьев, в которые уже либо не влезает, либо не носит. Такое бывает, актрисы часто отдают в разные благотворительные общества свою одежду или вот так дарят молоденьким старлеткам.

Джоан прочитала мне целую лекцию о подборе цветов в одежде и предложила примерить пару платьев, чтобы убедить, какой цвет идет. Для этого требовалось снять свое.

Такого оргазма я никогда и ни у кого не видела, она стонала и кричала так, что я даже испугалась. Несмотря на доставленное удовольствие, никакого наряда я не получила, не считая газового шарфика, который выбросила в ближайший мусорный бак, я не ханжа, но было не по себе.

Кроуфорд считала, что может приманить меня к себе мелкими подачками, увернуться от ее притязаний оказалось трудно, несмотря на все призывы составить опись своего гардероба и принести ей для обсуждения, я этого не сделала. Кроме того, составлять было просто нечего, весь список состоял бы из трех пунктов – знакомое ей платье для выхода и пара застиранных повседневных. Думаю, она это понимала и готова была предложить мне несколько платьев, но мне не хотелось.

И вот теперь, когда у меня уже были свои сногсшибательные наряды, Кроуфорд одна из первых ополчилась против них, буквально шипя и расплевывая яд во все стороны. Голливудские дамы ее поддержали.

Но поддержал и тот, от кого я вовсе не ожидала, – Джо Ди Маджио.

Я до сих пор не пойму, то ли Ди Маджио действительно был возмущен поведением Блондинки и ее откровенными декольте, то ли видел во мне Норму Джин и таким доступным ему способом

пытался защитить меня от Мэрилин, но он демонстративно осуждал Блондинку!

Какой скандал – жених Блондинки (пусть пока и неофициальный) стыдится появляться рядом с ней на разных мероприятиях!

Отношения с Джо были просто уникальными. Нас неимоверно тянуло друг к другу физически, мы легко стали любовниками, но могли ли столь разные люди стать чем-то помимо этого? Ди Маджио замечательный, но он совершеннейший итальянец, хотя и вырос в Америке. Для Джо есть мужской мир и женский, которые пересекаются в постели и только в постели. Дома на диване они просто сосуществуют. Мужчина – хозяин, он должен защищать, оберегать женщину, иногда потакать ей, даже ублажать, но допускать в свой мир не обязан.

Если честно, то я не рвалась в его мир. Мы с Джо словно с разных планет, он сильный, мужественный, настоящий боец и спортсмен. Внутри у меня все млело, когда он вел себя по-хозяйски, впервые я принадлежала кому-то не потому, что заключила контракт или за меня платили пять долларов в неделю, не потому, что могла приносить какие-то дивиденды, а потому, что была нужна сама по себе, пусть даже только в постели. Очень быстро выяснилось, что именно только в постели.

Америка визжала от восторга, потому что один из самых знаменитых мужчин, национальный герой влюбился в одну из самых знаменитых женщин. Идеал мужественности рядом с Идеалом женственности, что могло быть лучше. Руководство студии было в восторге от такого расклада и всячески поощряло наш роман.

Джо действительно меня любил и любит до сих пор, и он если не понимает, то нутром чувствует вот эту двойственность – Мэрилин и Норма Джин. Но Ди Маджио, чувствуя двойственность, не понимал вторую мою сущность, вернее, первую… или нет?.. Док, я совсем запуталась, кто же из нас двоих первый, а кто второй и кто более настоящий – Мэрилин или Норма? О, Господи, так и до психушки недолго. Я там уже была, там страшно, как-нибудь расскажу.

Джо считал, что Блондинка – это для всех, а для него дома скромная, тихая, ласковая Норма Джин. Понимаете, требовалось быть идеальной во всем: на людях королева, на кухне хозяйка, в постели шлюха. Я не против, совсем нет, но есть еще одна ипостась – Норма Джин, которая хотела учиться, играть серьезные роли, читать серьезные книги, общаться с серьезными людьми…

И вот это Ди Маджио не было нужно вовсе. Эта ипостась в его

расчеты не входила. Элеонора Дузе, интересующаяся Авраамом Линкольном, Достоевским или теорией Фрейда, Джо не требовалась, это уже слишком. Джойс? Стейнбек? Эллисон? Тургенев?

– Что ты читаешь?!

Меня тянуло в «Метрополитен» на новую выставку, хотелось побывать на хороших спектаклях на Бродвее, скупить все книги в книжных магазинах Нью-Йорка… Джо манили встречи с друзьями, приобретенными за годы выступлений в спорте, скачки и телевизионные репортажи со спортивных матчей. Разве не это должно интересовать и волновать настоящего мужчину, тем более итальянца? Ди Маджио настоящий, крепкий итальянец, он любит спорт, пари, деньги, карты (никогда, однако, не заигрываясь), крепкие шутки и такую же крепкую, хотя и очень умеренную выпивку.

Джо уже не выступал, но от мира спорта не отошел, он в меру сентиментален, в меру образован и в меру придирчив, но настоящий собственник. Место женщины на кухне и в постели, а выходы на публику в облегающих платьях с глубоким декольте неприемлемы. Он не мог просто загнать меня домой и переодеть в старый застиранный халат, Ди Маджио поступил иначе, он поддержал тех, кто меня осуждал, причем совершенно не делал различий между Блондинкой и Нормой Джин.

Какой козырь это дало той же Джоан Кроуфорд!.. Даже влюбленный в Мэрилин несчастный Джо Ди Маджио осуждает ее распущенность! Ату ее! Есть такие змеи – плюющиеся, они не кусают, а плюются ядом издалека и очень метко. Голливуд ими полон.

Я дважды оказывалась в похожей ситуации. Позже и совершенно иной, чем Ди Маджио, Артур Миллер также примкнул к лагерю тех, кто был против меня. Но Артур уже был мужем, а Джо тогда еще нет. Стоило ли нам жениться?

Ди Маджио откровенно презирал всех киношников вместе взятых и, похоже, терпел мою игру только потому, что мы не были женаты и у меня длился контракт с «Фоксом». Бейсбол, как и многие другие профессии, это серьезно, это настоящее, где можно показать свой характер, силу, выносливость, доказать, что ты чего-то стоишь. А кино… театр… это ерунда, одно притворство! Это не профессия и не работа.

Мужчина должен заниматься настоящим делом, требующим полной отдачи, ловить рыбу, работать на заводе, заниматься спортом, даже делать деньги или стрелять, но гримасничать… А удел женщины – дом и семья, и выставлять себя напоказ в облегающих нарядах, чтобы вызвать чье-то слюноотделение, это

никуда не годится! И что это за песня «Бриллианты – лучшие друзья девушек»? Глупость! Кино нужно бросить, лучше поскорее.

Бросить кино?! Бросить то, чего я так добивалась, на что положила столько сил и шла на такие жертвы?! Если я брошу кино, что останется? Само собой подразумевалось, что я должна выйти замуж за Джо. Но это же означало, что помимо ночных весьма горячих занятий сексом мы будем вечерами безмолвно сидеть на диване, он, глядя очередную спортивную передачу, я с книгой, обсудить которую не с кем. Интересы разные: у Джо мужские, у меня непонятно какие…

Я очень хотела замуж за Ди Маджио, особенно после того, как он посвятил мне Рождество. Тогда я плакала, осознав, что Джо специально выбирал подарок, чтобы положить мне под елочку, думал обо мне… Но Рождество бывает один раз в год, а как в остальные дни?

Мы с Джо не спешили обменяться обручальными кольцами…

И все же я во многом пошла ему навстречу. А он попытался, правда, правда, он честно пытался терпеть издержки моей профессии, главной из которых были, конечно, вездесущие репортеры с их камерами.

Док, тот, кто никогда не жил под постоянными вспышками фотокамер, не ждал репортерской засады за дверью или ближайшим кустом, не знает, какой это кошмар. Но я-то за столько лет работы фотомоделью привыкла к объективам больше, чем к кинокамере, а для Джо это было невыносимо. Сам он, будучи безумно популярным в качестве капитана бейсбольной команды, ничего не делал для своей популярности и признавал восхищение только знатоков бейсбола. Шумиха вокруг меня была всеобщей, и с этим ничего нельзя было поделать, разве что и правда уйти из кино.

Уходить я не собиралась, а вот декольте заметно уменьшила, во всяком случае, вне съемочной площадки. Впервые за много лет в моем гардеробе появились платьица с воротничками. Все недоумевали: Блондинка вырядилась как школьница! Я снова не угодила критикам.

Но на критиков наплевать, а вот угождать Ди Маджио оказалось очень трудно.

И не всегда хотелось. Понимаете, я столько добивалась известности, столько потратила на это сил и даже лет, что отказаться от нее было равносильно самоубийству. Как можно прятаться от всех, если пока мы с Джейн Рассел ставили отпечатки своих ладоней на Голливудском бульваре, толпу едва сдерживал полицейский кордон, а стоило появиться где-то, особенно в облегающем платье, как толпа начинала реветь:

«Мэрилин!»

Джо тоже словно чего-то ждал, то ли не мог определиться, справится ли он с вот этим, то ли пытался понять, нужна ли ему жена с таким приданым.

Толпа могла восторженно реветь сколько угодно, могла забрасывать студию мешками писем ежедневно, но я знаю одного человека, на которого ее восторг не производил должного впечатления. Конечно, это Даррил Занук. «Мэрилин не актриса и никогда ею не будет!» – таков его вердикт, оставшийся неизменным даже сейчас, после миллионных доходов от моих фильмов.

Говорят, Занук, прослушав песню о бриллиантах в моем исполнении, не поверил, что это мой голос. Пришлось посмотреть фильм и еще раз услышать студийную запись. Жаль, что я узнала об этом поздно, могла бы тогда порадоваться из-за разлива его желчи в организме, мне бы это доставило несказанную радость.

Во всяком случае, студия снова повысила мне зарплату, но она снова была слишком ничтожной по сравнению со звездами. Честно говоря, я за деньгами никогда не гонялась, а если они появлялись, довольно бездумно тратила. Дать кому-то в долг и забыть об этом? Мелочь, не достойная внимания. Когда Наташе Лайтесс были нужны деньги на покупку крошечного домика взамен ее квартирки, я продала единственную дорогую вещь, которую имела, – последний подарок Джонни Хайда, норковое манто, которое он заказал для меня перед своей смертью, а мне доставили уже после нее. Потом Наташе понадобились деньги на операцию на горле. Прекрасно понимая, что значит для репетитора голос, я выложила требуемую сумму. Правда, позже оказалось, что никакую операцию она делать не стала, но это уже ее дело.

Я о деньгах…

Никогда за ними не гналась, но, делая своим появлением на экране фильм кассовым, получать в десять раз меньше тех, кто играет с тобой рядом, да еще и терпеть их насмешки, обидно.

Прибавив мне немного, Занук потребовал полнейшей отдачи и, не спрашивая моего согласия, утвердил на роль Полы в фильме «Как выйти замуж за миллионера».

Знаете, я была самой послушной лошадкой в «конюшне» Голливуда, выполняла все, что требовали, посещала любые приемы, презентации, снималась в чем попало, если кадры со мной вырезали, не жаловалась, если долго не давали роли, ждала… Но теперь-то стала звездой, той, ради которой зрители ходили в кино, а на студии все оставалось по-прежнему. Фильмы

с моим участием принесли студии за год куда больше, чем с кем-либо из других кинозвезд, но у меня не было отдельной гримерки, мне платили как средней старлетке, гримера приходилось ждать в очереди либо гримироваться самой.

Но самое неприятное – меня никто не спрашивал, хочу ли я сниматься в таком-то фильме, по такому-то сценарию с таким-то режиссером и в такой-то роли! Роли просто давали, даже не предлагая прочесть сценарий, и они были похожи, как сестры-близняшки – глупые блондинки, для которых главное деньги. Ну и бриллианты, конечно.

Новая роль почти копия предыдущей, да и фильм не блистал новизной или гениальностью. Три подруги-фотомодели, живущие в одной квартире, решают выйти замуж только за миллионеров. Подруг играли Лорин Бэколл и Бетти Грейбл. На фильм две блондинки и одна брюнетка.

Грейбл была штатной блондинкой «Фокса» еще во время войны, теперь ее пора откровенно прошла, но упрямый Занук считал, что она способна принести студии деньги. Кстати, сама Бетти прекрасно понимала истинное положение дел и посоветовала мне:

– Дерзай, детка, мое время прошло, наступило твое!

Грейбл относилась ко мне хорошо, она не виновата ни в идиотском сценарии, ни в постоянных попытках режиссера утопить мою героиню, превратив ее в откровенное ничтожество.

Док, не подумайте, что я жалуюсь, но когда из трех героинь тебе предстоит сыграть самую глупую и нелепую, а режиссер и сценарист все добавляют и добавляют нелепостей, становится не по себе. Грейбл играла романтическую блондинку Локо, Бэколл интеллектуальную брюнетку Шатце, а я, как всегда, глупую алчную блондинку, к тому же еще и катастрофически близорукую, но не желающую носить очки в присутствии мужчин, а потому без конца попадающую в идиотские ситуации. Режиссер Жан Негулеску требовал, чтобы я то и дело натыкалась на стены, словно близорукий человек, даже очень близорукий, не видящий перед собой стены.

Лорин Бэколл позже утверждала, что она, как и остальные, старалась мне помочь, мол, меня опекали, как несмышленого ребенка. Конечно, ведь никто не считал меня звездой, они мнили себя намного выше, где-то там, за облаками, в то время как я, глупая блондинка, стояла на земле. К тому же Бэколл была женой Хэмфри Богарта – настоящей звезды, который мог позволить себе все, в том числе и знаменитое хамство и пренебрежение ко всем «незвездам».

А вот Грейбл относилась ко мне хорошо, иногда подсказывая

и поддерживая.

Я действительно очень боялась сыграть плохо, ошибиться в реплике, услышать презрительные насмешки. Никогда об этом никому не рассказывала, но одна из первых же стычек у меня случилась с Хэмфри Богартом. Он в фильме не снимался и на площадку обычно не приходил, но тут как-то оказался рядом со мной. Те, кто немного знаком с Богартом, прекрасно знают, что ближе к концу жизни он стал временами невыносим, особенно с теми, кого недолюбливал. Конечно, Богарт – гениальный актер, у него уже был «Оскар» за «Африканскую королеву», в следующем году он сыграл своего Лайнуса Ларроби в «Сабрине» с Одри Хепберн, и в «Босоногой богине» с Авой Гарднер, и еще в нескольких фильмах, снова был номинирован на «Оскара» за роль капитана Куига в «Бунте на Кейне»… о Богарте можно много говорить как об актере, он даже некоторым помогал, но куда больше тех, кто запомнил его как невыносимого сноба, презирающего всех и все, обозленного на весь мир из-за своей болезни. Я знаю, что и Одри Хепберн, и Ава Гарднер страдали от его высокомерия и неприязни.

Пострадала и я. Буквально попав под ноги Богарту, чувствовавшему себя в тот день не слишком хорошо после вчерашней попойки (что бывало нередко), я недостаточно почтительно посторонилась. Наверное, так, но мои мысли были слишком далеко от потрепанной жизнью физиономии звезды. Не знаю, замечали ли другие актеры, но когда Богарт говорил, он, видно, из-за дефекта зубов плевался во все стороны. Я получила от разъяренной звезды свою порцию плевков и короткую характеристику того, что из себя представляю. Если перевести на цензурный язык, то это непотребная девка, болтающаяся под ногами у настоящих артистов, которая попала на съемочную площадку понятно как и держится только из жалости.

Надо ли говорить, насколько «подняла» мою самооценку такая характеристика? Я вернулась в гримерку, обливаясь слезами, и задержала начало съемки сцены на полчаса, пришлось умываться и наносить грим снова. Если раньше у меня и были проблемы с выходом на площадку из-за неуверенности в себе, то теперь они выросли до невероятных размеров. К тому же я должна была убедиться, что на съемках не присутствует Хэмфри Богарт. Даже когда знала, что его нет в Голливуде, все равно долго не могла решиться выйти, все время казалось, что сейчас снова услышу о том, какая я.

Неподдающийся» Занук

Мне понадобилась поддержка Наташи, дело в том, что режиссер, хотя и возился со мной, как с неопытной актрисой, совершенно не понимал, что нужно не перечислять: пройди там, подойди сюда, посмотри туда, а объяснять, что происходит, что чувствует или думает героиня и почему так ведут себя остальные действующие лица сцены. Ведь именно так делают театральные режиссеры, никто не будет во время репетиций диктовать актеру, куда ему встать или сесть, скажут, что именно сыграть, и актер все делает сам. Наученная Наташей и Михаилом Чеховым, который умудрялся играть вообще не вставая с места, но при этом погружаясь в роль, я катастрофически терялась, когда слышала короткие команды:

– Два шага вперед… теперь повернись… ближе, еще ближе…

Понимаю, это специфика кино, но если мне объяснить, что именно творится в этой сцене, я сыграю ее, как чувствую.

Актеры тоже обижались, что я не подыгрываю, зато требую множества дублей, чтобы получить лучший результат.

– Ради удачной фразы одной старлетки мы должны раз за разом повторять уже сыгранное?!

Наверное, это непрофессионализм, наверное, мне лучше бы идти на сцену, потому что, по словам режиссера, я все делала неправильно, всех приводила в бешенство и всем мешала. Казалось, если бы не я, фильм сняли вдвое быстрее и куда лучше.

Правда, потом выяснилось, что лучше всех роль сыграна у меня и на фильм зрители ходили ради моей Полы с ее дурацкими очками с толстенными стеклами. Негулеску каждый день хватался за голову, почти со стоном возвещая, что день потрачен впустую, потому что из-за моих выходок завтра придется переснимать все, что снято с таким трудом.

– Это невыносимо – зависеть от чьего-то непрофессионализма!

Я рыдала, Наташа успокаивала, как могла, по ночам мы до одурения репетировали предстоящие сцены и те, что успели снять в этот день, утром я никак не могла проснуться и, хуже того, от страха не могла заставить себя прийти на площадку. Мои опоздания раздражали всех, атмосфера вокруг накалялась до предела.

Но каждый раз оказывалось, что ничего переснимать не придется, потому что все отснятое можно прямиком вставлять в картину. Негулеску разводил руками:

– Не понимаю, как это происходит, но получилось здорово.

Никому не приходило в голову сказать хотя бы слово в мою защиту, даже если сцену переснимали по моему требованию или вообще только со мной. Моей заслуги и даже моего участия в удачных кадрах не замечали, я по-прежнему была старлеткой, «понятно как оказавшейся на съемочной площадке». Мои опоздания объявлялись причиной любых срывов, а мои требования и просьбы сделать еще дубль – капризами.

И все равно фильм был снят, и глупая блондинка Пола получилась настолько человечной и трогательно смешной, что вызвала у зрителей настоящую симпатию.

Джо Ди Маджио на премьерный показ пойти со мной отказался, это было тем более обидно, что Лорин Бэколл, конечно, была с Хэмфри Богартом, привычно пьяным и привычно высокомерным. Он не придумал ничего лучше, как насмехаться надо мной:

– Иди к зрителям, расскажи им, как ты испоганила весь фильм!

Зрителей на премьере оказалось много, и большинство привлечено афишей, на которой красовалась именно Мэрилин Монро в роли Полы.

Успех был оглушительным, фильм получился одним из самых кассовых, снятых в те годы на «Фоксе», причем зрители откровенно сочувствовали моей героине, а критики отметили прекрасную игру Мэрилин Монро.

Но на студии все равно предпочитали считать меня ничем не

выдающейся. «Это случайность, просто у зрителей не всегда хороший вкус…» И не важно, что этот «не очень хороший вкус» и неопытная Мэрилин Монро приносили студии миллионы каждой картиной.

Док, хотите, я Вам расскажу по секрету (совсем по секрету), почему опаздываю на съемки? Ведь одно дело – опаздывать на разные встречи, когда тебя ждут просто в ресторане, тогда я действительно могу очень долго приводить себя в порядок и делать макияж, я уже говорила Вам об этом. Но совсем другое, когда ты в гримерке сидишь, читая книгу, а на площадке мается режиссер и другие участники съемки.

Мне много раз выказывали, что мои опоздания приводят к огромным финансовым потерям для студии, ведь простой аппаратуры и людей стоит больших денег.

Идиоты, если бы они заплатили половину потерянных денег мне лично, я не опоздала бы ни на минуту! Студия платит мне чуть больше, чем рядовой старлетке, а ведь я едва не с первых фильмов просто приманка для зрителей, позволяющая иметь неплохие сборы с каждой картины. Не хотят платить больше мне, пусть платят за простои! Я понимаю, что при этом страдает множество неповинных людей, но не могу иначе заставить студию потерять больше, чем они экономят на мне.

Если бы я это сказала Артуру Миллеру, он бы не поверил, ведь я опаздывала и на съемках «Неприкаянных», а ведь это была моя собственная кинокомпания, и деньги платила я себе сама, вернее, из собственных доходов. Но тогда я уже ничего не могла с собой поделать: проваливаясь в сон с большим количеством таблеток или вообще после укола, очень трудно проснуться рано утром.

К концу 1953 года я все еще не числилась на студии не только звездой, но и вообще актрисой, была всего лишь недоразумением, которое временно приносит большие деньги.

Мне все еще платили меньше тысячи долларов в неделю, в то время как другие актрисы рядом со мной получали за роль по сотне тысяч, а то и больше. Я не слишком гонюсь за деньгами, хотя всегда твердила, что обязательно стану самой высокооплачиваемой актрисой Голливуда. Не стану, Док, мне никогда не платили большие деньги, зрители зря думают, что я купаюсь в миллионах, я очень НЕвысокооплачиваемая актриса Голливуда. Но обидно не это, а само отношение ко мне – пренебрежительное, высокомерное. Даррил Занук не слишком отличался от Хэмфри Богарта, да и остальные тоже. Мэрилин так и не была принята в актерское сообщество Голливуда, осталась

чужой, чуть в стороне, хотя у меня со многими были и есть прекрасные отношения. Прежде всего с теми, кто не смотрел свысока.

За тот год я снялась в трех весьма успешных фильмах, стала популярной, мои ладони отпечатались на цементе Голливудского бульвара…

А еще у меня исчезла последняя связь с прошлым – умерла Грейс Годдард. Она давно и сильно пила, а умерла от передозировки снотворного. Больше в детстве и юности меня не держало ничто и никто. Тети Энн не было давно, Джимми Догерти, думаю, не вспоминал свою женушку, даже за кружкой пива в баре не испытывал желания похвастать женитьбой на красотке с календарей. Боллендеров навещать я просто не могла, они воспитывали маленькую Норму Джин совсем не так, внушая строгие требования морали. Оставалась еще Глэдис в частной клинике, но связи с ней я не чувствовала никогда: ни в детстве, ни сейчас. Эта женщина меня просто родила, а потом запретила называть себя мамой и не позволяла делать это кому-то другому. Я не считала себя обязанной ей чем-то морально, а материально помогала всегда.

Вот буду спать и есть… и превращусь из такой в такую!

Прошлого больше не было, оставалось разве что придуманное. Когда Бену Хехту поручили написать мою биографию, он потребовал:

– Валяй что-нибудь позанимательнее.

Мне очень захотелось его ударить, но я сдержалась и, привычно улыбнувшись, принялась занимательно рассказывать о своем сиротстве и ненужности. Очень развлекательно, не так ли?

Главной отдушиной для меня оставались занятия по актерскому мастерству.

Еще когда я только начинала сниматься, Джек Паланс уговорил Мишу Чехова принять меня в свою учебную группу, но оказалось, что я слишком мало умею и не справлюсь со столь серьезными занятиями. Миша Чехов пошел навстречу, согласившись давать уроки в частном порядке. Я уже говорила Вам, что о Чехове мне много рассказывала Наташа Лайтесс, но ей почему-то в голову не пришло направить меня к Мише учиться. Подозреваю, что Наташа считала себя способной научить не хуже.

Я бесконечно благодарна судьбе за встречу с этим человеком. Более талантливого актера не встречала. Миша, по-моему, способен сыграть все: от Гамлета до табурета, от Лира до рыночного зазывалы. Но еще лучше он учил. Боже, какое это блаженство просто вести беседы с Чеховым!.. Когда он рассказывал о театре, о ролях, об актерском мастерстве, просто об искусстве или о жизни, я раскрывала рот и забывала его закрыть.

Он не учил меня, как Наташа, жестикулировать, старательно артикулировать, произнося слова, выражать эмоции движением глаз или мышцами лица. Чехов учил проникать в суть роли, вживаться в нее, считая, что тогда придет и нужный жест, и выражение глаз.

Мы читали очень серьезные пьесы, разбирали рисунок ролей, их значимость и то, как можно сыграть ту или иную роль или сцену. Глядя на него, я понимала, что настоящее искусство актера божественно, одну и ту же фразу можно обыграть десятком способов, одной и той же сцене придать разное звучание в зависимости от видения актера или режиссера. Каждое слово, каждая мелочь приобретала глубокий смысл.

– Выбирайте во фразе главное слово, то, которое определяет ее смысл, и именно его произносите с нажимом, чуть громче, чем остальные, чуть более акцентированно. Так и в рисунке роли. Определите основополагающую черту характера, сделайте акцент на ней, тогда будут понятны все остальные оттенки.

Чехов говорил, что в сцене нужно определить акцент, тогда она перестанет быть набором фраз, приобретет осмысленность.

Конечно, при условии, что в ней этот смысл есть изначально.

Мы репетировали, проходя отдельные сцены отдельных ролей, и первой пьесой был «Король Лир». Я хорошо помню свое потрясение, когда Миша, не гримируясь, не переодеваясь, даже не вставая со стула, вдруг превратился в короля Лира! Тогда я воочию увидела, что значит вживаться в роль, что значит играть по-настоящему. Сам он говорил, что это характерно для Московского театра. Тогда о Москве и России рассказывали такие ужасы, что я не рисковала даже мечтать о том, чтобы когда-то побывать в этом театре.

Чехов спорил с системой Станиславского, хотя у него же учился. От Наташи я уже знала об этой системе и считала ее совершенно правильной, но Миша говорил, что актер должен не вытаскивать из себя личные чувства, демонстрируя их в роли, а, напротив, перевоплощаться и жить чувствами самого образа, тогда станет возможно талантливо играть любые роли, а не только близкие собственному характеру актера.

Я пыталась размышлять и не могла понять, кто же прав, но, глядя, как играет Чехов, понимала, что он. Миша в любой роли был так органичен, что казалось, это он рожден Гамлетом или Лиром, пылким Ромео или простым рабочим парнем с мозолистыми руками.

Но главное – Чехов вселил в меня уверенность в собственных силах. Он говорил, что я прекрасный пластический материал, очень восприимчива и могу научиться многому, но театр не для меня, нужно сниматься в кино, вот только не играть что попало. Когда я приносила сценарии со своими ролями, Чехов впадал в ярость:

– Да что же они на студии делают?! Они что, не понимают, что Вы можете играть серьезные роли?!

Конечно, я создавала Чехову немало проблем своей несобранностью и опозданиями. У него не было возможности и желания ждать меня, если я задерживалась, а мне никак не удавалось рассчитать время, чтобы все успеть, как это умудрялись делать другие. Я извинялась, просила прощения, чего никогда не делала перед участниками съемок в Голливуде, потому что вовсе не хотела ничего доказывать Мише Чехову или наказывать его, я хотела у него только учиться. И он прощал меня, учил актерскому мастерству и жизни.

Когда Миша Чехов в 1955 году умер, для меня это стало настоящим ударом. Потерять такого друга и наставника значило куда больше, чем потерять просто учителя актерского мастерства. Он был мне вторым отцом, при том что первого я не знала.

В немалой степени под влиянием Миши Чехова я стала

требовать от студии хотя бы показывать сценарии. Конечно, по контракту я не имела права выбирать, но это вовсе не значило, что меня можно заставлять играть только белобрысых дур! В конце концов неужели Занук действительно не понимал, что, предлагая мне однотипные, плохо написанные роли в пустых фильмах, попросту теряет деньги? Кажется, так.

Я не желала быть простым товаром на время, товаром, который зрителям быстро надоест, я способна на большее! Но Занук не желал со мной ни встречаться, ни даже разговаривать по телефону. Наоборот, меня отправили сниматься в новом фильме – «Река, с которой не возвращаются».

Глупый, довольно пустой фильм, но расскажу…

«Тонни сказал, что священник разрешил работать с *такой* женщиной, но запретил разговаривать со мной вне площадки, поэтому мать сразу же уводит его».

Эту свою записку я нашла вместе с фотографиями со съемок фильма «Река, с которой не возвращаются». По сути, фильм чем-то похож на «Ниагару», те же двое мужчин – один подлец, другой герой, хотя и с проблемами в прошлом, и моя героиня между ними. Горы, река, водопады, водовороты, природная красота и человеческие подлость и мужество на их фоне. Роль ничего собой не представляла – певичка салуна, снова блондинка, только длинноволосая, потому что времена золотой лихорадки. Та же секретарша или женщина в поисках миллионера, только сто лет назад. Песни хороши, окрестности красивы…

Десятилетний Тонни Реттинг, игравший моего приемного сына, был вынужден советоваться со священником, чтобы выйти на одну площадку с Мэрилин Монро! С первого же дня его мать, миссис Реттинг, стоило прозвучать фразе: «Стоп! Снято!» – торопилась увести своего ребенка подальше. Я думала, просто боится шума и света софитов, оказалось – меня!

Этот фильм был полон неприязни с самого начала и до конца. Все, конечно, исходило от Преминджера, тон задавал режиссер.

Я не ожидала, что могут возникнуть какие-то сложности, ведь по сюжету играла певичку кабаре, никому своей ролью не мешала и от кормушки не отталкивала. Следовало показать стройную ножку в разрезе платья – показывала, нужно демонстрировать страсть – демонстрировала. Конечно, осточертело быть светловолосой приманкой, которой привлекают зрителей к экранам, но выбора мне «Фокс» просто не оставил. Снова

блондинка, снова красотка, снова вожделенная.

Сюжет незамысловат и накручен одновременно. Во времена «золотой лихорадки» в городок золотоискателей возвращается отсидевший в тюрьме за убийство человека (выстрелом в спину, кстати) вдовец Мэтт, которого играл Роберт Митчем. Некоторое время, пока он сидел, сынишку Марка опекала моя героиня Кэй, певичка местного салуна.

Забрав сына, Мэтт уезжает на свой участок, чтобы основать там ранчо, а не копать окрестности в поисках золота. Немного погодя из городка отправляются и Кэй с мужем – Харри, авантюристом и заядлым картежником, чтобы посмотреть и застолбить богатый золотом участок, только за неимением лошади сплавляясь по бурной реке на плоту. Харри участок выиграл в карты, но, скорее всего, получил обманом, потому очень торопится, пока прежний владелец не опомнился.

С «такой» женщиной Тонни запрещали общаться

Управлять плотом оба не умеют, и только случай в виде подвернувшегося на берегу Мэтта спасает им жизни. Трагедия едва не случилась прямо подле дома, где живут Мэтт с сыном Марком. Как водится, Мэтт хоть и сидел за убийство, но благородный человек, Харри мерзавец, пусть и симпатичный. Вместо благодарности он избивает Мэтта, отбирает единственную лошадь и, бросив жену, уезжает в город, обещая вернуться, но, конечно, не собираясь этого делать. Ему наплевать даже на оставленную у Мэтта Кэй и то, что индейцы уже запалили костер войны. Америка прошлого века без индейцев не Америка, нашлись они и в фильме. Мэтту, Кэй и Марку приходится спасаться от индейцев на том самом плоту, только Мэтт управляет им столь мастерски, что даже индейцы не успевают догнать.

В городе, куда они все же добираются по реке, Мэтт намерен разыскать Харри и получить с того сполна и за разбой, и за обиду. Стычка заканчивается трагедией. Кэй уговаривает Мэтта идти к мужу без оружия, что позволяет Харри попросту взять того на мушку. Понятно, что спасения нет, но в этот миг раздается выстрел от повозки – Марк спас своего отца, убив Харри в спину.

Больше у Кэй никого нет – ее мужа убил ребенок, о котором она столько лет заботилась, Марк никогда не простит мгновений, которые он по ее вине стоял под дулом ружья Харри. Надо как-то жить, и Кэй возвращается в салун. Однако пропасть красотке Кэй не дает Марк, он уже влюблен, а потому просто уносит красотку из салуна в повозку на руках, а та увозит всех троих в новую жизнь.

Расчет был на роскошные панорамные съемки в Канаде и на стати певички-блондинки. Нечто очень похожее снималось совсем недавно и называлось «Ниагара». Тоже двое мужчин и между ними женщина, тоже подлость одного и благородство другого, тоже почти предательство с ее стороны и раскаяние. То, что в «Ниагаре» героиня гибнет, а в «Реке…» даже находит новую семью, не слишком отличало фильмы друг от друга.

Возможно, поэтому фильм отказался снимать Генри Хэтауэй – режиссер «Ниагары». Да и студия не слишком старалась заполучить его в режиссеры. Съемки доверили Отто Преминджеру. Продюсер Стенли Рубин просто не захотел снова спорить с Хэтауэйем.

Казалось бы, проблем вообще не должно быть, но они посыпались, как горох из разорванного пакета.

Мэтта играл Роберт Митчем, когда-то работавший вместе с Джимом Догерти на авиазаводе «Локхид». Преминджер считал, что такое пусть и заочное, но все же знакомство должно помочь мне раскрепоститься и чувствовать себя «как дома». Глупости, играть даже с бывшим приятелем бывшего мужа куда тяжелее, чем с кем-то, не имеющим к тебе никакого отношения. Тогда я думала, что никогда бы не вышла замуж за актера, видеть, как он целуется с другой, еще полбеды, но целоваться самой, краем глаза замечая, что муж наблюдает… Нет, только человек, далекий от съемочной площадки!

Прошло время, и я сделала эту ошибку… пусть не актер, но сценарист, это тоже недалеко.

Преминджер с первого дня словно нарочно старался создать условия, из-за которых я сама сбежала бы со съемок.

Вы ничего не говорили о себе, кто Вы, чем занимаетесь? Но то, что Вы далеки от мира кино, я все равно поняла. Это неважно, даже не слишком важно, слушаете ли Вы записи, которые я Вам даю. Все правильно, Док, так даже легче – я говорю для себя. Но кое-что объясню и Вам.

Помните, я говорила о путешествии Кэй и Харри, а потом Мэтта и Кэй на плоту? Натурные съемки были организованы не зря, мы действительно снимали на реке. Это делается часто, потому что большой водоворот и тем более порог не организуешь в бассейне студии. Но подобные сцены обычно снимают в самом конце и, конечно, с дублерами, чтобы не рисковать здоровьем и даже жизнью исполнителей.

Мы с этих кадров начали и работали без дублеров! Я понимала, что в случае чего нас постараются вытащить, но сплавляться по бурной реке безо всякой подготовки было страшно. Роберт Митчем и тот поеживался:

– Преминджер явно хочет нас угробить…

Не нас, а меня! Было ощущение, что он мстит за необходимость снимать этот фильм. Когда я подвернула ногу и несколько дней не могла сниматься, Преминджер даже радовался. Думаю, он обрадовался бы еще сильнее, если бы я эту ногу попросту сломала и пришлось взять другую актрису.

Я «непрофессионал». Так научите играть, хотя бы объясните, что именно я должна изображать! На мой вопрос о том, что именно мне предстоит играть в следующей сцене, Преминджер фыркнул, точно рассерженный кот:

– Что вообще можно играть в роли певички?! Старайтесь не высовываться из-за Роберта.

Почти презрение, полное неприятие меня как актрисы. Я и без режиссера не была слишком уверена в своих силах, а после

такого замечания и вовсе почти расклеилась. Хорошо, что меня на съемках опекала Наташа Лайтесс. Именно к ней я бросалась с каждым вопросом, ее, а не Преминджера спрашивала, верно ли сыграла эпизод.

Конечно, Преминджер бесился, только что не топал ногами.

Никто не похвалил меня за смелость при съемках трудных сцен на взбесившейся реке, никто не поддержал, когда болела нога, никто не помогал, если я вдруг забывала реплику. Напротив, кажется, все только и ждали, что я ошибусь, что-то перепутаю, сделаю плохо. Как же, красотка, Блондинка, глупая, как младенец, ни на что не способная!.. Только Наташа Лайтесс пыталась со мной что-то репетировать, хоть как-то проходить текст.

Преминджер не раз повторял, что меня избаловали вниманием, что я не способна дать то, чего ждут. Жестоко, потому что если я и была избалована вниманием, то вовсе не тем, какого ждала. Это было какое-то… злое внимание, ожидание промаха, неудачи, провала. Вместо помощи от режиссера я слышала только критику, конечно, на съемках помогал Митчем, но как-то снисходительно, отчего хотелось не прятаться за него, а, наоборот, блестяще сыграть свою роль, а это не получалось.

Я не такая дура, чтобы не понимать, что играю много хуже своих партнеров, не лучше Тонни. Очень хотелось стать настоящей серьезной актрисой и доказать всем, что я могу играть и драматические роли. Однако следует признать, что лучше всего получились сцены в салуне, где я пою, пусть и тихим голоском, и демонстрирую свою фигуру перед ковбоями. Неужели это и есть мое амплуа – певичка салуна?!

Тогда я твердо верила, что это не так, что надо просто научиться, во всем следовать наставлениям Наташи Лайтесс, стараться, и все получится. Говорил же Михаил Чехов, что я способная…

С Наташей у Преминджера почти сразу начались скандалы. Я знаю, что ее звали черной вороной и терпеть не могли присутствия на площадке. Но когда она умудрилась посоветовать заниматься постановкой голоса и движения еще и Тонни, Преминджер взъярился окончательно и потребовал, чтобы и духа ее не было рядом во время съемок! А уж к мальчику чтобы Наташа не приближалась и близко!

Тогда возмутилась я, потому что Лайтесс была единственной, кто давал мне хоть какие-то советы, как-то меня поддерживал. Я потребовала присутствия Наташи рядом со мной. Удалось добиться своего, зато все решили, что я капризная голливудская дура.

Знаете, нутром я понимала, что Наташа советует что-то не то, но не понимала, почему ее советы, верные в репетиционном зале, не срабатывают на съемочной площадке. Сейчас знаю, что она сценический репетитор, ее советы годятся для театральной сцены, там свои законы. В театре нет крупных планов или, наоборот, слишком общих.

Там роль создается по ходу действия и столько же живет, чтобы умереть, когда опустится занавес, и родиться в следующем спектакле снова. Но она не состоит из кусков, напротив, развивается по ходу спектакля.

В кино иначе, сцены снимаются отдельно не в той последовательности, в которой потом будут смонтированы, любой характер – это лоскутное одеяло, и нужно быть умелым мастером, чтобы не сфальшивить в каждом лоскуте, а еще чтобы все они оказались впору общему замыслу.

Я понятно объясняю?

В кино актеры до самого конца не знают, что же получится в результате. И когда почти финальные сцены снимаются прежде начальных, трудно переключаться с одной на другую. Мне было очень тяжело, но не только из-за этого.

Наташа учила меня четко произносить текст, активно артикулируя каждый слог, для театра это идеально, тем более у меня тихий голос. Как ты артикулируешь на сцене, видят только партнеры и в лучшем случае первый ряд партера, второй уже вряд ли. А вот когда съемка крупным планом, то все движения губ превращаются в нечто невообразимое.

Преминджер был вынужден практически отказаться от крупных планов со мной, ругаясь на чем свет стоит. Тогда я не понимала почему, считая, что он просто придирается и страстно желает сжить со света. Может, я напоминала ему первую жену – Марион Милл, с которой он с шумом развелся? Говорят, она была капризной голливудской красоткой, употребляла наркотики, но после развода уехала куда-то в Африку и теперь работает там в госпитале, помогая больным. Я бы так не смогла… Мне больных жалко, но посвятить всю жизнь работе в госпитале невозможно.

Но дело оказалось не в моей похожести, а в том, что я старательно артикулировала, что производило отвратительное впечатление, к тому же то и дело косила глазами на стоявшую в стороне Наташу, ища у нее поддержку. С Наташей у режиссера шла не просто война, а смертельная битва. Я понимала, что если позволю удалить Наташу со съемок, то проиграю все, и отстояла ее. Что ж, если студия не считается со мной, то пусть терпит мои выходки!

Если честно, то я устала, но не столько от трудных съемок,

сколько от атмосферы на площадке, ведь Преминджер не рисковал повышать тон на Митчема, потому что прекрасно понимал, что получит отпор. А на меня повышал, и еще как! Не в силах наорать в ответ, я мстила по-своему. Но даже когда подвернула ногу на скользких камнях и оказалась вынуждена некоторое время ходить на костылях, режиссер и многие члены съемочной группы считали, что это очередной каприз.

В Канаду приехал Ди Маджио, притащив с собой приятелей и немыслимое количество рыболовных снастей, потому что ему сказали, что там хорошо ловится рыба. Я обрадовалась, надеясь, что уж в присутствии такого защитника никто не посмеет повышать на меня голос и даже вообще косо смотреть. Ошиблась, Джо интересовала рыба, но никак не съемки, ему наплевать, какие замечания делает мне Преминджер и есть ли у меня условия для гримирования. К моменту приезда Ди Маджио самые сложные сцены уже были сняты, и он мало верил моим рассказам о плоте посреди стремнины и окатывающей с головой волне во время прохождения порогов.

Но всему приходит конец, в мучениях физических и моральных фильм был снят, миссис Реттинг удалось сохранить Тонни неиспорченным из-за невольного общения со мной. Фильм прошел незамеченным, да он того и не стоил. Как и «Ниагаре», в «Реке…» «Оскара» можно было давать только природе, но никак не сценарию и всем исполнителям.

А теперь я расскажу, как все же поссорилась с Зануком и плюнула на студию!

Вернувшись с тяжелейших съемок «Реки…», я обнаружила, что меня ждет очередной сценарий с идиоткой-блондинкой – «Розовое трико». Снова поющая дура, с демонстрацией своих статей и умения очаровывать мужчин. Док, это нечестно, они давали роли, в которых я обязана выглядеть глупой и распущенной, а потом приписывали черты героини мне самой! Можно было хоть на каждом перекрестке Лос-Анджелеса кричать о своей любви к книгам Достоевского, к шекспировским пьесам, к героиням Ибсена или о занятиях у Миши Чехова, Голливуд все равно считал меня дурой-блондинкой, не желая признавать никаких иных достоинств, кроме тех, что выпирали из декольте или выпячивались сзади.

Да, я женщина, и это мне нравится, но разве у женщины, кроме красивой фигуры, не может быть ничего другого? Разве высокая грудь или осветленные волосы сами по себе означают глупость? Меня всегда обвиняли в слишком узких и откровенных нарядах, в том, что платья, в которых я прихожу на приемы в

студии, участвую в рекламных мероприятиях или играю роли, слишком коротки, слишком открыты, слишком облегают… Но ведь обычно я не ношу такие наряды, мои собственные платья куда скромнее, особенно в то время, когда я встречалась и была замужем за Ди Маджио, Джо вообще не переносил откровенных декольте. А все, что на мне надето, согласно роли или по необходимости, придумано не мной, а костюмерами студии! Понимаете, мне сначала создают нечто вульгарное, а потом на это же показывают пальцами.

Мне осточертело быть очередной блондинистой приманкой для зрителей, даже моей Блондинке, похоже, надоело, хотя Занук утверждал, что сценарий написан по заказу для Мэрилин Монро. Крашеная певичка, пусть и в паре с замечательным и любимым мной Фрэнком Синатрой? Правда, я снова получала по семьсот пятьдесят долларов в неделю, а Фрэнки по пять тысяч, но главным было не это. Я больше не желала получать роли словно под копирку, да еще и не имея права читать сценарий перед утверждением на роль. Принося студии денег куда больше других актрис, я желала иметь хотя бы часть их прав.

– Нет!

На помощь пришел Ди Маджио:

– Мэрилин, если уж ты все равно пока не снимаешься, может, мы поженимся?

Я не была уверена, что это хорошая идея, помня скучные вечера перед телевизором, а еще что у Джо довольно крепкие руки и он любит их распускать в гневе. Да, Док, признаюсь, синяки по вине Ди Маджио у меня были, ему, как и Джиму Догерти, не нужна жена, на которую пялятся другие. Только Джим предпочел смыться на корабль, а Джо учил меня жить по-своему, приучал к порядку, как он говорил.

Но мне так надоело идти на поводу у студии, что я предпочла Ди Маджио.

Сенсация получилась настоящая: Блондинка взбунтовалась! Репортеры были счастливы разраставшимся скандалом.

– Чего Вы хотите?

– Справедливости. Я хочу играть в фильмах с хорошими сценариями, где есть что играть. И условия контракта тоже не мешало бы изменить, хотя это не главное. Я не буду сниматься по приказу, не прочитав сценария.

Занук ответил, что это противоречит подписанному со мной семилетнему контракту, а потому студия его расторгает.

Интересно, чего они ожидали, что я расплачусь и прибегу просить прощения? В тот момент раздвоения личности на Мэрилин и Норму Джин у меня не было, мы единодушно

согласились на расторжение контракта и предложение Ди Маджио стать его женой.

4 января 1954 года меня в очередной раз выгнали со студии, а через десять дней мы с Джо поженились. Мне было наплевать на контракт и студию, у меня был Джо, который вполне мог содержать хотя бы какое-то время, и то, что заработная плата перестала поступать на мой счет, не испугало ни в какой степени.

Не знаю, что подумали на студии, но в день свадьбы (видно, в качестве подарка) «Фокс» объявила, что возобновила контракт и ждет меня на работу через неделю. Попробовали бы не возобновить. Америка млела от того, что самая знаменитая Блондинка сказала «да» самому знаменитому Спортсмену и Настоящему мужчине! Я официально стала миссис Ди Маджио.

Америка ревела от восторга, газеты наперебой вспоминали, как Джо примчался к моей постели ухаживать после операции аппендицита, как потом приехал в Канаду, чтобы помочь в трудных съемках «Реки…». Ходили даже слухи, что и он снимался со своей героической невестой. Подозреваю, что треть сборов никчемному фильму обеспечило именно желание зрителей увидеть на экране рядом с Блондинкой Героя Америки.

Не знаю, был ли у Занука повторный разлив желчи, но головная боль терзала наверняка. Увольнения самой знаменитой новобрачной Америки ему никто бы не простил. Студия немедленно предложила возобновление контракта на моих условиях.

Но мне наплевать! Я не желала идти на поводу у студии даже на своих собственных условиях и вместо выхода на работу отправилась вместе с мужем в Японию! Просто Джо пригласили по его бейсбольным делам на выставку для пропаганды бейсбола в Азии. Что могло быть для организаторов лучше, чем присутствие там еще и Мэрилин Монро?!

Джо тоже радовался возможности показать, насколько он популярен во всем мире. Ди Маджио ничего не говорил специально, но то и дело проскакивало, что я увижу толпы его поклонников…

Толпы мы увидели уже на летном поле аэропорта Токио. Только моих поклонников! Больше шести тысяч фанатов, прорвав хлипкое оцепление (видно, в Японии не знали о всеобщей любви к Блондинке), высыпали на поле, и пришлось больше часа сидеть в самолете, пока полосу расчистили, чтобы можно было подрулить.

Я очень хотела увидеть Японию, но я ее не увидела. Газеты раструбили о Блондинке, и собирающиеся толпы не позволяли не только пройти по интересным местам или сходить в обычный

японский ресторан на обычной улице, но и просто передвигаться по городу. У меня осталось впечатление рева восторженной толпы, сотен протянутых за автографом рук и недовольного рыка Джо, вынужденного сидеть взаперти.

Ди Маджио немного отдохнул от меня, пока я посещала Корею.

Еще когда мы летели в Токио, в самолете ко мне подошел генерал Кристенберри (Видите, а говорят, что у меня плохая память! Я просто помню то, что хочу помнить) и пригласил выступить перед американскими солдатами, воюющими в Корее.

Вообще-то получилось несколько нелепо, он представился и просто пригласил выступить в Корее. Джо решил, что зовут его, сокрушенно покачал головой:

– Не знаю, смогу ли выкроить время на такую поездку.

– Я приглашаю не Вас, а Вашу жену.

Мне удалось не хихикнуть, хотя и без того довольно вытянутое лицо Ди Маджио стало совсем длинным. Но он справился, хмыкнул:

– Моя жена может делать все, что пожелает.

Сидеть взаперти в гостинице Токио или скучать на матчах, где я ничего не понимала, слушать разговоры об играх, которые никогда не видела, и мучиться оттого, что моего мужа просто отодвигают в сторону, чтобы взять автограф у меня, не слишком здорово. Я полетела в Корею.

О… эта поездка осталась в памяти надолго, думаю, не только у меня! Мы посещали госпитали и тыловые части, а потом решили, что можно на вертолете слетать на фронт.

Прибытие Блондинки, фотографии которой в самых разных видах, вплоть до обнаженки, были у каждого из солдат, означало полную дезорганизацию. Но офицеры справились, и это был один из немногих случаев, когда мне не удалось опоздать с выходом на сцену.

Знаете, в феврале в Корее не слишком тепло, за сценой я стояла в рубашке и джинсах, кутаясь в шерстяное одеяло, зрители сидели в теплой форме, но к микрофону пришлось выйти в открытом платье на тонюсеньких бретельках. Нет, я не хвастаюсь и не изображаю из себя героиню, но представьте: шел снег, дул ледяной ветер, а на сцене Блондинка в шелковом, совершенно открытом платье распевала одну за другой песни о любви и бриллиантах. Петь пришлось долго, солдатам было наплевать, что я замерзла, что вот-вот сорву голос, ревущая от восторга толпа даже мало напоминала военных.

Еще когда мы подлетали к расположению войск, я попросила снизиться насколько возможно и открыть люк. Ко всеобщему

изумлению, улеглась на пол, потребовала, чтобы меня крепко держали за ноги (потом действительно пришлось замазывать синяки от пальцев с перепугу слишком сильно вцепившегося в лодыжку парня), и принялась размахивать руками и посылать воздушные поцелуи. Внизу творилось нечто невообразимое! Мы долго не могли приземлиться, крики «Мэрилин!» заглушили даже шум вертолетных винтов.

Со сцены я ушла, только когда почти сорвала голос, а слушатели также сорвали свои от криков восторга. Это не потому, что я такая замечательная певица, просто истосковавшиеся по женщинам и оторванные от родины солдаты острее чувствуют женскую красоту. Блондинка была на высоте! Норме Джин пришлось признать, что она права, ведь ради одного вот такого выступления и выказанной радости стоило сниматься в глупых фильмах и крутить задницей, проходя вдоль Ниагарского водопада.

В мою честь был дан роскошнейший банкет, на котором я уже куталась в теплую одежду, потому что простыла, причем не просто простыла, а заработала пневмонию и по возвращении в Токио слегла с высокой температурой.

– Джо, ты не представляешь рев десятка тысяч солдатских глоток! – Я захлебывалась от восторга, рассказывая мужу о поездке.

Он криво усмехнулся:

– Мэрилин, меня приветствовали стадионы по пятьдесят тысяч…

Начались проблемы с мужем, становившиеся с каждым днем все серьезнее. Нет, не потому, что он завидовал моей популярности, Ди Маджио действительно хватало своей собственной, она Джо была просто не нужна. Ди Маджио не понимал, как можно восторгаться ревом толпы или невозможностью нормально ходить по улицам.

– Зачем тебе это?

А я не знала, как объяснить, что вот такой прием для меня – свидетельство, что вопреки негативному отношению на студии, вопреки презрению Голливуда я стала популярной и любимой зрителями, что такие приемы заставят Занука сдаться и принять мои условия, а значит, я смогу играть хорошие роли в хороших фильмах.

Знаете, однажды, выслушав мои рассуждения по такому поводу, Джо с сомнением покачал головой:

– Ты ошибаешься, такие встречи окончательно докажут всем, что ты Блондинка, и ты уже никогда не сможешь играть серьезные роли в серьезных фильмах, но не из-за студии, а потому что

зрители просто не захотят видеть тебя иной.

Док, Джо не мастер произносить длинные и умные речи, он выражается коротко и просто, конечно, он сказал не так или не совсем так, но смысл был таков.

Сейчас, по прошествии нескольких лет, я поражаюсь его мудрости, тому, что Ди Маджио, не слишком любя кино и вовсе не уважая ни киношников, ни зрителей, готовых вопить при виде Блондинки (хотя сам любил мое тело), очень точно понял суть проблемы, которая поломала всю мою последующую жизнь и карьеру. Зрители действительно не пожелали видеть меня иначе как Блондинкой независимо от поведения студии.

Ошеломленная, я простила Ди Маджио и заработанные синяки, которые пришлось без конца замазывать, и даже сломанный большой палец правой руки. Горячий итальянец не вынес картинки своей полуголой жены, пожираемой взглядами тысяч солдат. Журналисты сделали вид, что поверили в мое неудачное падение из-за попавшего под ноги уголка ковра.

Ухаживая за своей больной женушкой, Ди Маджио снова выглядел Героем. Мужская половина Америки лежала у моих ног, женская – у его.

Но дома все оказалось не так просто, Джо поставил меня перед выбором: или кино, или он! Я покорно переехала к мужу в Сан-Франциско, приходила в себя после болезни, много читала и маялась от безделья. Отдых – это хорошо, но когда мужа почти каждый вечер нет дома (он считал, что мужчине положено по вечерам общаться с друзьями в баре и только ночами с женой в постели), а если он есть, то сидит перед телевизором, переживая из-за забитого или пропущенного мяча, знакомых мало, выходить из дома невозможно, даже долгожданный отдых быстро осточертеет.

Мы стали все чаще ссориться. Началось как-то незаметно, на вопрос «А как же я?» Джо лишь пожимал плечами:

– У тебя же вон сколько книг, ты у нас умная…

Конечно, на студии не могли не отреагировать на мое выступление в Корее, хотя бы потому, что «Фокс» и Голливуд вообще зрители завалили мешками писем с требованием «почаще снимать красотку Мэрилин, потому что она нам нравится». Думаю, студия пожалела, что не воспользовалась моим пребыванием в Японии и Корее для рекламной кампании фильмов. Я испытывала ехидную радость при мысли, сколько Занук упустил из-за своего глупого упрямства.

Но даже Зануку пришлось пойти на попятный и предложить мне новые условия контракта. То-то же, мы с Блондинкой еще вам

покажем!

Следующая роль была не просто проходной, а все такой же бессмысленной и блондинистой, музыкальные номера бездарны, наряды и макияж вопиюще вульгарны. Роль Вики в фильме «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес» введена нарочно для меня как уступка зрителям, но лучше бы не вводилась! Понимая, что фильм с Дональдом О'Коннором будет провальным, студия выставила меня вроде зазывалы у ворот. Снова приманка, снова полуголая и глупая…

Но за фильм обещали отдельной выплатой сто тысяч долларов, к тому же брали на работу Наташу (с разрешением находиться на площадке независимо от желания или нежелания режиссера), а также моего учителя пения Хэла Шафера и хореографа Джека Кола. Ни Блондинка, ни О'Коннор, ни Наташа, Шафер или Кол не смогли спасти фильм, он получился пошлым, безвкусным и ужасающе пустым, но денег студии принес много.

Однако теперь я могла ставить свои условия и потребовала роль в «Зуде седьмого года» – экранизации очень успешного бродвейского боевика, который должен снимать Билли Уайлдер.

Домашние ссоры набирали обороты, я не могла думать ни о чем другом, как только о разладе с Ди Маджио и о том, что снова играю в бездарном фильме бездарную роль. Нервы ни к черту, в лицо Джо лучше не смотреть, он не мог простить мне возврата к работе, да еще и такой! Я почти не рассказывала ему о фильме, понимая, что будет, когда Ди Маджио увидит мои костюмы и услышит текст, тут сломанным пальцем не отделаешься. Знаете, Док, а ведь тогда у меня даже была тайная мысль, что, серьезно сломав мне, например, нос или челюсть, то есть попросту испортив внешность Блондинки, Джо даже окажет услугу. Может, хоть тогда меня перестанут назначать на роли красивых дурочек?

Однажды, стоя перед зеркалом, задала своему отражению вопрос:

– Ну и чего ты добилась? Рева толпы, которой все равно, есть ли под твоими волосами мозги, читала ли ты что-то серьезнее журналов с картинками, училась ли актерскому мастерству, которой достаточно, что грудь высока, бедра умеют вилять, а ножки стройные? Презрения коллег и откровенной неприязни мужа?

И мне показалось, что Блондинка с усмешкой поинтересовалась в ответ:

– А чего добилась ты?

Она права, Норма Джин не имела и этого.

Я была несчастна, никакой успех Мэрилин Монро или

кассовые сборы глупых фильмов не добавляли мне уверенности или удовлетворения, а откровенная неприязнь Ди Маджио лишала последних сил и надежд. Мне нигде не было места: ни на студии, ни в актерском сообществе, ни даже дома. Я никому не нужна, зрители обожали Блондинку с ее ужимками, студии достаточно кассовых сборов, а Джо терпеть не мог ни то ни другое.

Еще хуже стало, когда мы перебрались в Беверли-Хиллз, чтобы я могла сниматься. Я с ужасом ждала гнева Джо и жаловалась на жизнь всем подряд – Наташе, Бобу Слетцеру, своему агенту Чарльзу Фельдману и даже новому знакомому – фотографу «Лука» Милтону Грину. Наташа, ненавидевшая Ди Маджио (взаимно!), жалела меня, но между нами с наставницей уже пробежал холодок, Слетцер жалел по-своему, норовя по старой памяти приложиться к телу, а Фельдман старался развлечь, но никто не мог просто помочь. Никто, потому что для этого нужно было бы уничтожить Блондинку и начать все сначала, а это невозможно. То есть уничтожить или отказаться от нее я могла, но это означало бы снова безвестность и отсутствие работы. Джо легко мог содержать меня, но становиться вечной Пенелопой, ожидающей по вечерам мужа из бара или взирающей на него, сидящего с пивом перед телевизором, я не хотела.

Из двух зол нужно выбрать одно. Беда в том, что оба вели к гибели, только разными путями. Док, нас во мне двое, но гибель одной непременно приведет к гибели второй. И я должна выбрать, кого уничтожить сначала. Тогда победила Блондинка, Норма Джин была на время придушена, но, как видите, оказалась живучей, дотянув до нынешнего дня.

А помогла мне выбрать одна встреча…

Фельдманы жили почти напротив нас и часто устраивали разные вечеринки, на которые приглашали гостей, далеких от мира кино. Все верно, популярность нужна в разных кругах. Я не раз бывала на подобных приемах у Джонни Хайда и Шенка, знала, что на них может быть интересно, но чаще бывает скучно, боялась попросту напиться из-за отвратительного настроения, а потому приходила изредка.

Но в тот раз мы явились даже с Джо Ди Маджио.

Наверное, это должно было произойти. Джо, как всегда, мрачно наблюдал, как на грудь и бедра его жены откровенно пялятся мужчины, а я – как недовольные женщины скрипят прелестными зубками. Блондинка торжествовала, Норма Джин внутри обливалась слезами. Среди гостей оказалась пара, привлекшая мое особое внимание, – молодой сенатор Джон Ф.К.

с супругой Джеки. Они тоже были молодоженами, но это не слишком бросалось в глаза.

Знаете, бывают люди, при одном взгляде на которых ты чувствуешь их необычную судьбу и их силу. Вот в Ди Маджио мгновенно чувствуется физическая сила и сила воли, ты понимаешь, что этот довольно простой парень способен выручить команду, даже играя со сломанной рукой и ногой, способен вытерпеть любую боль и пожертвовать собой ради других. В нем есть надежность, упорство и простота.

У Джона К. сразу покоряла совсем другая сила, не физическая и даже не моральная, он был Властелином, глядя на него, я понимала, что у этого человека великое будущее, настолько великое, что даже подумать страшно. Если рядом со мной сидел самый знаменитый Спортсмен Америки, то пялил на меня глаза наверняка самый знаменитый политик. Нет, он не был как-то особенно красив или мужественен, скорее наоборот, совершенно обычный внешне, и все же…

А он именно пялил, забыв о своей Джеки.

Нехорошо, некрасиво, непорядочно, но я делала то же, просто не могла отвести глаз от Джона К. Сейчас я могу сказать, что не ошиблась, он стал тем, кем должен был стать, и я приложила для его популярности немалые усилия. Вы поняли, о ком я? Конечно, поняли.

Но тогда до этого было еще далеко. Ди Маджио долго терпеть не стал, видимо испугавшись, что сенатор сломанным пальцем не обойдется, он просто отправился домой один, не позвав меня с собой. Хотя это тоже хорошо, потому что дома Джо побил бы меня наверняка. И за дело, я понимаю, что не слишком приятно видеть, что твоя жена очарована другим.

На следующий день Ди Маджио неожиданно явился на съемки наблюдать за тем, как мы записываем одну из моих весьма фривольных песен. Стоило мне открыть рот и произнести первые слова песни о жарком воздухе Ямайки, как Джо бросился прочь со съемочной площадки и из студии вообще. Мне стоило большого труда взять себя в руки, чтобы не разреветься.

Возвращаться домой я боялась, понимая, что муж в ярости и наверняка побьет посильнее, чем в Токио. К тому же чувствовала себя виноватой из-за Джона К. и из-за новой роли, ради которой бросила спокойную и приятную для Ди Маджио жизнь в Сан-Франциско.

Но сколько ни тяни, а домой ехать пришлось, открывая дверь дрожащими руками, я все придумывала, как оправдываться. Тем, что я снова не читала сценарий и слишком фривольные костюмы

и песни не моя идея? Ди Маджио наплевать на все идеи Голливуда, вместе взятые, он давно требовал от меня полного разрыва отношений со студией, а я вместо этого подписала новый семилетний контракт, пусть и на гораздо лучших условиях.

Да, композитор Ирвинг Берлин, ради его очень популярных песен двадцатых годов и ставился фильм, от моего исполнения был в восторге, заявив, что, если бы песню «Получив то, что вы хотели…» вот так спели тогда, она непременно стала бы настоящим хитом. Да, позже песня разошлась на пластинках огромным тиражом и действительно полюбилась, но для моего мужа это ничто. Оправданий с точки зрения Ди Маджио не было и быть не могло, потому что полуголая, виляющая задом жена, к тому же распевающая весьма «содержательные» песни, его не устраивала совершенно. О молодом сенаторе я вообще старалась не вспоминать, тут прямой повод наставить синяков.

Но оправдываться не пришлось, Джо, видно, побоялся прибить меня, а потому поспешно покинул наш не такой уж уютный дом! Ди Маджио уехал в Нью-Йорк, наплевав на все мои страхи и раскаяния. В тот вечер я была даже рада, потому что избежала разбирательств и выяснения отношений, но прорыдала почти до утра, будучи на следующий день практически не в состоянии работать.

Несколько дней на студии шла запись звука и досъемка неудачных кадров (хотя я пересняла бы весь фильм, а еще лучше выбросила его в корзину), работы хватало, и я старалась не думать о Джо, но стоило остаться одной в пустой спальне, снова накатывала обида и раскаяние…

Приходилось принимать все большие дозы снотворного, которым меня свободно снабжал Милтон Грин. Утром просыпалась поздно, с трудом и с больной головой, временами даже плохо соображая, где нахожусь и что делаю. Джо давно говорил, что из-за большого количества барбитуратов я превращаюсь в наркоманку, но что делать, если организм уже привык и маленькие дозы его не брали?

Док, если у Вас есть пациенты, пользующиеся барбитуратами или прочей гадостью, категорически запретите им делать это, сначала все кажется легким и безобидным, но быстро наступает привыкание, и ты уже ничто. Две таблетки вечером, даже в восемь, чтобы заснуть… потом еще две, потому что сделать это не удается… потом еще… и еще… и с рассветом ты проваливаешься в какой-то омут, чтобы с трудом вынырнуть из него к середине дня, совершенно разбитой, мало на что годной. Заторможенность, ухудшение памяти, плаксивость… все, что угодно, только не то, что нужно для работы. Вокруг не просто косятся или ворчат,

вокруг уже рычат, тебя начинают ненавидеть, а ты в ответ ненавидишь всех.

Эта воронка затягивает быстро и сильно, самостоятельно из нее не выбраться. Нужно бы не принимать снотворное пару недель даже ценой отсутствия сна вообще, но тогда утром под глазами будут страшные мешки и отовсюду вылезут морщины, которые не замажет ни один грим. Я не пила снотворное, пока была в Японии, но не потому, что там ночь, когда у нас день, а потому, что от меня не требовалось спать или не спать в определенное время. Но наступили рабочие будни, и я снова взялась за лекарства. Может, Ди Маджио прав и для меня лучше вообще не видеть этой чертовой надписи «Голливуд»?

Съемки «Бизнеса» закончились, и я сразу же отправилась в Нью-Йорк готовиться к началу съемок «Зуда седьмого года» у Билли Уайлдера.

Сейчас я Вам его нарисую…

Я обожаю Билли и снялась у него не в одном фильме, обожаю его неизменно улыбающееся широкое лицо с чуть съехавшим в сторону носом, немного вздернутый полный подбородок и оттопыренную нижнюю губу. Хотя он объявил меня своим врагом (или себя моим?). А я его все равно люблю!

Во-от… получилось немного похоже, хотя веселый нрав Билли не передает, поверьте, он вовсе не такой озабоченный. А сам фильм стал для меня настоящей отдушиной, хотя привел к окончательному разрыву с Ди Маджио. Сейчас, через несколько лет, мы снова друзья и даже любовники, наверное, Ди Маджио единственный, кто любит меня по-настоящему. Док, даже не так, он единственный, кому не нужна эта самая Блондинка! Он был бы счастлив, чтобы во мне осталась только Норма Джин, а что, у нее же тоже была неплохая фигура?

Господи, неужели рядом со мной столько лет был человек, который мог освободить меня от этой… Блондинки,

поселившейся внутри, и я от него отказалась только потому, что Джо любил смотреть спортивные передачи и не читал Достоевского? Док, какая же я дура! Наплевать на его нежелание интересоваться интеллектуальной литературой, я тоже не сразу стала знатоком Ибсена и Фрейда, Джо мог помочь мне справиться с самой собой, с моим вторым «я», пусть даже ценой потери бешеной популярности. Что дала мне эта популярность, кроме необходимости скрываться под черным париком и постоянно вилять задом? Все равно через несколько лет я попыталась начать все заново, но за это время Блондинка настолько окрепла и приросла ко мне в глазах окружающих, что от нее не избавиться.

Но вместо того чтобы спрятаться от нее за спиной Джо, попросить помочь, я сделала противоположное – избавилась от самого Джо! Рассталась с ним.

Но сначала о фильме.

Знаете, Док, сейчас я скажу страшную вещь, но чем больше я пытаюсь разобраться в себе в последнее время, тем отчетливее понимаю, что это именно так.

Наверное, я не актриса, не драматическая актриса.

Вчера нарочно нашла маленький кинотеатр, в котором показывают фильмы прошлых лет, и посмотрела «Зуд седьмого дня». Там я играю лучше всего, хотя это трудный период развода с Ди Маджио и его дурацкой слежки, над которой потешалась вся Америка, но все равно я была счастлива. Игралось легко, почти весело, не надо было делать никаких усилий.

Но смотрела на экран и понимала, что Девушка сверху, как звали мою героиню (Вы не помните этот фильм? Наверное, нет, он слишком легкомысленный, зато веселый), это и есть Мэрилин Монро. Так, может, Артур Миллер прав, сказав, что за всю жизнь я хорошо сыграла только Блондинку?

Это очень плохо?

Наверное, мои откровения трудно слушать? Я то и дело сбиваюсь, хотя очень стараюсь (скажу откровенно: даже делаю предварительные короткие записи, чтобы быть последовательной и говорить внятно и красиво, но не выдерживаю), перескакиваю с одного на другое… Вот и сейчас начала о фильме и Билли Уайлдере и почти сразу принялась каяться в собственной глупости. Так Вы можете подумать, что Мэрилин Монро настоящая дура. А она и есть дура, только хитрая-хитрая. Это Норма Джин умная, но ее почти не видно…

Ладно, вернемся к фильму.

Что за радость играть безымянную роль? «Девушка сверху»… Глупость? А получилось наоборот. По сценарию у вполне обычного ньюйоркца Ричарда Шермана, рядового редактора

рядового журнала, на летний отдых отбыла жена с ребенком, предварительно взяв с него едва ли не клятву «не пить, не курить и не волочиться за каждой юбкой». И надо же такому случиться, что Ричард, став «соломенным вдовцом», в тот же день вынужден дома читать рукопись о сложностях семейной жизни на седьмом году брака (а у него как раз седьмой год!) и познакомиться с соседкой этажом выше, вселившейся в квартиру ненадолго, одинокой, красивой и нестрогого поведения.

Не понятно, чего в фильме больше – реальных событий обыкновенного человека или его фантазий, даже снов. Ничем не примечательный и тихий в обычной жизни, Ричард оказывается мечтателем, а уж когда его мечты подкрепляются парой незначительных событий или неосторожных фраз жены, ему нет удержу.

В фантазиях Ричарда у него бурный роман с Девушкой сверху, в то время как собственная жена изменяет с их знакомым Томом, случайно оказавшимся попутчиком в поезде. Девушка сверху – это девушка его мечты, непременно красивая и, конечно, блондинка. Но это единственный случай, когда я вовсе не была против Блондинки, потому что роль скорее гротескная, высмеивающая, но очень мягко высмеивающая пристрастие мужчин к этому образу.

Реальная блондинка, живущая этажом выше, то и дело вступает в противоречие с идеальной мечтой Шермана, ее не захватывает Второй концерт Рахманинова, Девушка сверху также далека от фантазий своего соседа, как он сам от реального мачо, каким воображает себя в мечтах. Но при этом она удивительно человечна и добра. Я сама, слушая этот концерт, просто затерла пластинку, а при первых аккордах начинала просто рыдать. Вот оно настоящее искусство, не имеющее ничего общего с тем, что сплошным валом выплескивается со студий Голливуда на экраны!

Впервые я играла Блондинку, у которой перед глазами не мелькали диадемы и не щелкал счетчик купюр. Да, она вовсе не была образцом добродетели, скорее, из тех, с кем священник действительно мог запретить общаться Тонни Реттингу, но не гонялась за выгодой. Но это как-то не слишком отражалось ни на ее поведении, ни на ее внешности. Кроме того, роль, по сути, оказалась двойной, ведь я играла то фантазию главного героя, то реальную девушку. Фантазию следовало чуть утрировать, как утрированы оказывались все фантазии главного героя, и это тоже было замечательно!

Одна только сцена с игрой концерта Рахманинова на рояле чего стоит.

– Ах, я вся дрожу, у меня мурашки бегут по телу!

Ричард воображает себя исполняющим этот концерт, хотя дураку понятно, что это ему не по силам. Но фантазия верит и показывает пупырышки на коже, она обожает концерт, и ее впечатлило мастерское исполнение соседа.

– Вы играете на рояле?

– Да, занимался этим когда-то… – так, словно исполнение Второго концерта Рахманинова – мелочь, которой занимаются между делом по выходным…

В реальности все иначе, девушку не впечатлил концерт, поставленный на пластинке, а сам герой сумел сыграть на рояле лишь общеизвестную песенку, которую легко подыграла и его новая знакомая. «Ах, у меня даже мурашки по коже» теперь относилось вовсе не к Рахманинову.

И так во всем. Фантазия весьма страстна, реальная девушка, напротив, оставляет нового знакомого спать на неудобном диване в одиночестве, правда утром благодаря за доброту и сдержанность. Фантазер мысленно бьет морду сопернику, якобы соблазнившему его жену (тоже в фантазии), и в реальности отправляется на две недели за своей семьей.

Комедия нелепых положений, где вымысел очень тонко переплетается и контрастирует с действительностью. Все очень тонко (это же Уайлдер!), умно и точно. На экранную девушку легко накладывалась моя собственная судьба и мои перипетии, о которых знала вся Америка. Казалось, это Мэрилин, приехав в Нью-Йорк рекламировать зубную пасту, на время остановилась в квартире этажом выше. Когда позже кому-то из журналистов пришло в голову задать вопрос зрителям, как зовут героиню фильма, все опрошенные в один голос ответили:

– Мэрилин Монро.

Никто даже не заметил, что у Девушки сверху нет экранного имени, все уверенно называли мое.

Я действительно играла словно саму себя, да почему словно, я действительно играла Мэрилин Монро. Текст роли очень точно отразил мои интонации, сценарий, написанный Билли Уайлдером и автором бродвейской пьесы Джорджем Эксельродом, был просто подарком, не приходилось делать никаких усилий, хотя без сложностей не обошлось, я просила десятки дублей одной сцены.

Но Уайлдер был терпелив, позже я снималась у него еще. Билли очарователен и очень добродушен. А еще нас роднила неприязнь к Хэмфри Богарту. Незадолго до «Зуда…» Уайлдер снимал Богарта в «Сабрине» с Одри Хепберн и Уильямом Холденом. Богарт, как всегда, вел себя безобразно и страшно оскорблял Уайлдера. Не представляю, как и за что можно

оскорбить Билли, на него даже рассердиться невозможно. Впрочем, когда позже мы снимали «Некоторые любят погорячее» («В джазе только девушки». – *Прим. пер.*), то не обошлось без обид и взаимных обвинений. А после фильма Уайлдер вообще сказал, что не рискнет еще снимать фильмы с моим участием, потому что уже не столь здоров и молод. После «Джаза» Уайлдер даже не пригласил меня на вечеринку по поводу окончания съемок.

Когда я приехала в Нью-Йорк на съемки «Зуда…», Ди Маджио там уже не было, он отбыл в Сан-Франциско, но ближе к окончанию работы над фильмом появился. Отношения между нами были таковы, что даже жить в одном номере отеля оказалось невозможно. Представляете мужа и жену, которые в одном отеле живут на разных этажах, общаются по телефону, и каждый разговор заканчивается швырянием трубки на рычаг!

Разве газетчики могли пропустить такую лакомую информацию? Подогреваемый разными слухами и сплетнями, Джо словно сошел с ума, решил, что у меня любовник, и принялся выслеживать с помощью Фрэнка Синатры. Но окончательно разрушили наш брак съемки знаменитого эпизода, когда ветерок из вентиляционной решетки метро при прохождении внизу поезда поднимает подол моего платья. Поверьте, Док, все было вполне пристойно, это потом на рекламных плакатах изобразили черт-те что, в действительности камера располагалась чуть выше моей головы, и платье слегка приподнималось над коленями. Увидеть трусики можно было только сидя под этой самой решеткой.

Мы назначили съемку на полночь, чтобы избежать ненужного ажиотажа, но это не удалось. Откуда публика узнала о съемках, остается только догадываться, но толпа собралась такая, что после нескольких попыток их пришлось отменить, гвалт собравшихся за оцеплением заглушал наши голоса. Мы

переснимали сцену в студии, это можно было сделать сразу, подозреваю, что ажиотаж создан сознательно. Как и присутствие рядом Ди Маджио. Почему они с друзьями выбрали именно этот ресторан и кто сказал моему мужу, что на улице толпа разглядывает трусики его супруги при вздымающемся платье? Говорят, некоторое время бедный Джо молча наблюдал это безобразие, а потом просто бросился прочь, как чуть раньше со съемочной площадки во время моего пения.

Ну да, Джо не выдержал и снова пустил в ход кулаки… На следующий день пришлось замазывать синяки, правда, никто не требовал объяснений, откуда они появились.

Утром Ди Маджио уже не было в Нью-Йорке, наш брак перестал существовать

А все газеты были заполнены фотографиями красотки с вздымающейся юбкой. Реклама фильму обеспечена. Кто-то постарался, чтобы съемки, в общем-то, безобидной сцены превратились в скандал. Наш с Джо развод тоже оказался частью рекламы.

Я была просто уничтожена, потому что, играя в фильмах по своему выбору, все равно оказывалась достоянием студии, которая могла выдать меня замуж или развести, устроить из моей жизни скандал или рекламный ролик. Даже став звездой, я все равно была студийной вещью, пусть и получше оплачиваемой.

Так не могло продолжаться!

В следующий раз я расскажу Вам, как пыталась стать самостоятельной.

«Мэрилин Монро Продакшнз»

Самостоятельность

Привет, Док!

Я не знаю, что рисовать… Можно я просто расскажу, как объявила войну «Фоксу» и выиграла (или проиграла)?

Еще когда я воевала с «Фоксом», отказываясь играть в «Розовом трико», меня поддерживал Милтон Грин. Милтон – фотограф, очень хороший фотограф, но он в немалой степени авантюрист, снедаемый страстью стать сверхуспешным продюсером. Грин решил, что нашел золотую жилу, вознамерился выпустить целый альбом моих фотографий, но главное, он убеждал меня порвать всякие отношения со студией.

– Милтон, не эта студия, так другая, какая между ними разница? В «Коламбии» нет Занука, так есть Кон, к тому же в каждой студии своя Блондинка.

– Совсем порви со студиями. Давай организуем собственную компанию.

– Самим снимать фильмы?! Ну нет, на это я не соглашусь никогда!

– Не фильмы снимать, а просто самим вести дела, самим продюсировать твои фильмы.

– У меня нет таких денег.

– Найдем.

– Но у меня контракт со студией, я не смогу ничего играть, пока не выполню все обязательства перед ними, а уж Занук постарается, что они были кабальными.

Грин долго убеждал меня, обещая содержать до тех пор, пока не разрешатся все споры со студией:

– Мы включим это отдельным пунктом в контракт.

Я очень не хотела сниматься на «Фоксе», пока там Занук, даже после того как по окончании съемок в мою честь студией был организован роскошный прием (на нем я познакомилась с Кларком Гейблом!). Занук действительно быстро показал, что прием и хвалебные слова в мой адрес для него лично ничего не значат, тут же предложив одну за другой три совершенно пустые роли в пустых фильмах. Я категорически отказалась, поскольку это снова были алчные белобрысые дуры. Хватит с меня! То, что теперь мне давали прочесть сценарий, ничего не меняло.

Кстати, все три фильма были сняты с другими актрисами, и все три провалились в прокате.

Именно на это и рассчитывал Грин. Он утверждал, что из-за

моего отсутствия студия ежегодно будет терять миллионы и быстро согласится с новыми условиями. Меня не слишком волновали деньги, если я и добивалась повышения оплаты, то только потому, что другим платили в несколько раз больше, даже обещанных ста тысяч долларов за игру в «Зуде…» не было. Смешно, звезда, привлекающая толпы любопытных просто из-за съемки эпизода, приносящая студии миллионы, все еще получала по тысяче долларов в неделю, в то время как оплата уже угасших звезд оказывалась в десятки раз больше. Где справедливость?! Не хотите платить – не требуйте от меня игры в чем попало!

Милтон Грин давил и давил, но ему не удалось бы убедить меня сбежать из Голливуда, если бы не… Артур Миллер.

С самого начала нашего брака с Джо Ди Маджио стало ясно, что, кроме постели, нас рядом не держит ничто. Джо ненавидел мою работу, моих друзей, всех, кто мне помогал. Возможно, он и был прав, называя их акулами, которые жируют на моем теле, но я не могла обойтись без Наташи Лайтесс, без того же Милтона Грина, без Сиднея Сколски, много без кого, и далеко не все они жили за мой счет или благодаря работе на меня. Кстати, Занук не раз напоминал, что помимо моих услуг студия щедро оплачивает и моих постоянных помощников, советовал мне просто разогнать всех и забрать себе их зарплату. Что-то в его совете было…

Но как бы ни раздражало Ди Маджио все связанное с Голливудом, а меня, связанное с рекламой ресторанов, открытых им совместно с друзьями (туда приходилось ходить, привлекая публику), а также рекламой бейсбола, развело нас не это. Нас действительно ничего не объединяло, кроме секса, а как раз он никогда не был для меня определяющим.

Иногда, глядя на мужа, уткнувшегося в экран телевизора или сидя в одиночестве дома, я задавала вопрос: что я вообще делаю рядом с Джо? Нет, он очень хороший, надежный (когда не дерется), но нам не о чем даже поговорить. Я всегда любила читать, а познакомившись сначала с Наташей Лайтесс, а потом с Михаилом Чеховым, научилась читать не что попало, а хорошую литературу. Вот этого Джо не понимал совершенно. Если фильмы еще куда ни шло, то книги Ди Маджио интересовали куда меньше. Я пыталась привить любовь к чтению, покупая и подсовывая хорошие книги – они оставались нераскрытыми, ставила пластинки с хорошей музыкой – звук приглушался, приносила альбомы с репродукциями – Джо только морщился в ответ. «Метрополитен»? А что, разве в Нью-Йорке больше некуда пойти?

Думаю, Джо мучился от меня не меньше, ему претили не только мои вульгарные экранные образы, не только ревущие

толпы, готовые вырвать клок волос на память, как было в Гонолулу, не только мое катастрофическое неумение быть собранной или содержать дом в порядке, но и необходимость интересоваться рядом со мной тем, что его совсем не интересует. Я не осуждаю, конечно, можно прожить жизнь, не имея понятия о Достоевском или Стейнбеке, действительно не любя или даже просто не слышав Второй концерт Рахманинова, можно ничего не знать о Гойе и не подозревать о существовании Джойса, но при этом быть хорошим человеком. Но если есть возможность, то почему бы не почитать или послушать?

Я все чаще вспоминала об Артуре Миллере, с которым уж точно есть о чем поговорить, который знает, как именно пишет Джойс и чем хорош Сэндберг. Постепенно стало казаться, что рядом с Миллером я смогла бы раскрыться не хуже, чем на занятиях с Мишей Чеховым. Артур должен понять мою любовь к поэзии, к книгам, он вообще должен меня понять…

Но Артур был в Нью-Йорке, и после развода Нью-Йорк стал ассоциироваться у меня со свободой. Огромный город, в котором легко затеряться, особенно если не подчеркивать свою внешность, где, надев парик или просто косынку, можно ходить по улицам, не рискуя быть растерзанной сумасшедшей толпой. Мне все больше казалось, что время Голливуда прошло, что если уехать в Нью-Йорк, то можно начать жизнь сначала, но только не такую, как предлагал Ди Маджио, – с сидением у телевизора и бесконечными ужинами в определенных ресторанах, а действительно наполненную.

Милтон Грин предложил иначе: не уехать (студия не отпустит, не даст даже отпуск курице, несущей золотые яйца), а удрать, скрыться и некоторое время пересидеть, пока адвокаты будут утрясать дела со студией.

Именно три никчемные роли, предложенные мне Зануком, упорно не желавшим замечать ни моей звездности, ни моих способностей, подбросили хворост, подлили масла в огонь моих сомнений. Я решилась.

В черном парике и широкой одежде я сбежала сначала к своим старым знакомым Кэрроллам, которые приняли бывшего несчастного котенка, а теперь звезду, правда не ставшую от этого счастливее, а потом к Гринам в Коннектикут и в Нью-Йорк.

Боже, какой поднялся скандал! Люсиль Кэрролл ежедневно приносила кипы газет, заголовки которых не отличались оригинальностью: «Куда девалась Мэрилин?!»

Док, понимаете, это была победа не только над студией или Зануком, но и над Блондинкой во мне. Куда девалась Мэрилин?

Нет, она не пряталась, она умерла, ее больше не было! Я приказала, и Блондинка послушно свернулась клубочком в дальнем уголке. Во всяком случае, мне казалось так. Я испытывала настоящую эйфорию от ее послушания, оказалось, что я могу не давать ей воли, действительно прятать и лишь вытаскивать на время, я могу снимать маску Блондинки, как снимают маску клоуна или ослиные уши после спектакля.

Люсиль, которая терпеть не могла Занука, с явным удовольствием пересказывала голливудские новости, ведь главный удар пришелся именно на моего давнего обидчика. Наши с Грином адвокаты нашли слабые места в моем давнишнем контракте, обвинив студию в навязывании мне безнравственных ролей, которые сильно вредят моему имиджу и оскорбляют меня как личность, а ведь каждый человек имеет право на защиту своего достоинства. К тому же мы создали новую компанию, в которой акции распределялись почти поровну. Правда, тут я воспротивилась, когда Грин пожелал иметь 51 %, оставив мне 49 %. Нет, мне надоело быть в положении управляемого, я хотела наоборот. В конце концов Грин согласился, и у меня образовался перевес в два процента. Это смешно, потому что 51 % от нуля – это ноль, а денег у нас не было совсем. Оставалось надеяться, что Милтон прав и нам легко их ссудят при необходимости.

Но пока мы ничего предпринимать не могли, ведь любые съемки грозили бы огромными штрафными санкциями со стороны студии.

У нас не было ничего: ни денег, ни фильмов, ни предложений их снимать, ни права делать это, но все равно это была свобода от студии! Нам казалось, что свобода.

Я разорвала отношения с Наташей, они уже давно тяготили обеих, мне надоело зависеть от каждого ее слова, одобрения или неодобрения. Тем более я чувствовала, что профессионал сцены Наташа мало приспособлена к съемочной площадке, часто не помогала, а мешала съемкам, из-за ее диктата у меня портились отношения с режиссерами, ее ненавидели последовательно все, с кем я жила и дружила. Сама Наташа отвечала тем же, она терпеть не могла Хайда и Ди Маджио, Сколски и Каргеров, Слетцера и, конечно, Гринов. Удивительно, но, нахваливая Мишу Чехова, она очень ревниво относилась и к моим занятиям у прославленного мастера.

Я хотела избавиться от всех и всего, что связывало меня с Голливудом, потому что хотела избавиться от Блондинки. Если бы я объявила об этом вслух и на студии, меня упекли бы в психушку еще тогда. Избавиться от образа, который принес такие деньги и славу?! Правда, деньги он принес студии, а слава часто

выходила не тем боком и мешала мне стать настоящей актрисой.

Док, сейчас мне кажется, что дни, прожитые в Коннектикуте на ферме у Гринов, были одними из самых счастливых в моей жизни. Там не имелось роскошных бассейнов, не было фоторепортеров, камер, противной команды «Мотор!», там был отдых и душевное спокойствие. Никакой косметики, простая одежда, простая еда, прогулки в лесу и по полям, возня с детьми Эми и Милтона Гринов, болтовня с кухаркой, а еще книги… О… это особое удовольствие, потому что у Гринов оказалась прекрасная библиотека.

А еще были поездки в Нью-Йорк на обычной машине в черном парике и темных очках, хотя довольно скоро оказалось, что и без очков меня в музеях и галереях Нью-Йорка мало кто узнает, вернее, не узнает совсем. Я купалась в безвестности, как раньше купалась во всеобщем восхищении. Я снова была Нормой Джин, только теперь знающей цену успеху и славе, я не хотела славы Блондинки, я хотела просто отдохнуть.

Удивительно, но я вдруг поняла, что мне очень нужен… Ди Маджио! Понимаете, странно, но я в равной степени нуждалась и в умном Артуре Миллере, и в грубом Джо Ди Маджио. Мечта о Миллере все больше приобретала реальные очертания, но первым, с кем я связалась, приехав в Нью-Йорк, был Джо.

За это время адвокаты обсудили положение дел со студийными адвокатами, Грин оказался прав, простой Мэрилин Монро слишком дорого обходился «Фоксу», чтобы студия могла себе позволить не обращать на меня внимания. Только фильм «Зуд седьмого года», вышедший на экраны в 1955 году, принес «Фоксу» большие деньги, остальные были убыточными. Это не могло не вызвать уступчивость студии.

Грин ликовал, мы создали свою компанию «Мэрилин Монро продакшнз», контракт такого не запрещал, и выдвинули «Фоксу» собственные условия, которые Занук сначала счел неприемлемыми. Я не желала сниматься на студии более чем в четырех картинах за следующие семь лет, к тому же требовала выбора и утверждения сценария, оплата должна быть не меньше, чем у других звезд, к тому же я требовала права сниматься и в фильмах собственной компании.

Занук над всеми этими требованиями только посмеялся. Он был уверен, что не играть я не смогу, будучи разведена с Ди Маджио, я потеряла источник содержания, а потому нуждалась в работе. Но он не знал, что Грин действительно решил субсидировать меня, пока компания не встанет на ноги.

Пока мой враг в «Фоксе» скрипел зубами, я отдыхала. Занук не учел еще одного: меряя всех своей меркой, он думал, что я очень дорожу образом белобрысой идиотки, принесшим мне такую известность. Даррил Занук забыл о том, что Блондинка – порождение в равной степени мое и студийное, образ вульгарной крашеной особы создали студийные костюмеры, гримеры, сценаристы и сам Занук, растиражировала его студия, а я сама давно мечтала от него избавиться, а потому за такую известность обеими руками не держалась.

Что касалось денег, то и тут Занук запамятовал, студия никогда не платила мне много, даже за последний фильм «Зуд седьмого года» обещанные сто тысяч долларов так и остались устным обещанием, что, кстати, позволило моим адвокатам напоминать о нечестности студии по отношению к актрисе, приносящей такие дивиденды.

Занук стирал себе зубы, а я в Нью-Йорке занималась своими делами. Пока конфликт не разрешен, не определены условия моей дальнейшей работы, я не могла сниматься ни у кого другого, но имела возможность не появляться на студии. «Зуд…» имел грандиозный успех, огромные картонные фигуры Девушки сверху с поднятой порывом ветра юбкой возвышались на каждом шагу, что позволяло мне вздыхать перед репортерами:

– Видите, что они со мной сделали…

К осени, посчитав прибыли и прикинув убытки, на студии были вынуждены признать, что с Мэрилин выгоднее

договориться, причем без обмана. Начались переговоры, приведшие к нашей полной победе. Контракт был заключен на наших условиях: четыре фильма за семь лет, восемь миллионов гонорар, обещанные за «Зуд…» сто тысяч вернуть с извинениями и право на съемки в фильмах своей компании!

Но главным для меня стали даже не деньги и новые права, а известие, что Даррил Занук подал в отставку! Его место занял Бадди Адлер. Победить Занука!.. О таком Норма Джин, обивавшая пороги студии, не могла и мечтать! Я визжала от восторга и скакала по комнате на одной ножке. На таких условиях можно и в «Фокс» возвращаться.

Грин перепугался, решив, что я откажусь от своей компании, пришлось его успокаивать. Если честно, то я была бы не против, но предавать Милтона не хотелось.

К этому времени ему и так стало нелегко. Нет, существовавшая только на бумаге компания пока не требовала никаких забот, и Милтон занимался фотографиями, но не успела у него закончиться война со студией в Голливуде, как началась другая – тайная – в Нью-Йорке, тоже со студией, только актерской, но тоже из-за меня. Схлестнулись те, кто претендовал на меня и мое имя, но не студии, а Страсберги и Милтон. Они просто не переносили друг друга!

Знаете, Док, в чем главная ошибка людей, имевших со мной дело? Меня все считали глупой и неспособной понять, что происходит, а если потом я вдруг поступала как-то «не так», проявляла разумный подход и даже хитрость, поражались. Почему все думают, что я не понимаю, когда меня пытаются использовать, тянут куда-то не туда или загоняют в рамки? Я понимаю, что я слишком пассивна и иногда просто ленива, чтобы давать отпор, заступаться за себя. Именно поэтому мне очень нужен рядом человек, который делал бы это, нужен защитник.

Таким защитником попытался стать Ди Маджио, но он слишком буквально понял свою роль, попытавшись разогнать от меня всех. Защитником мог бы стать Артур Миллер, но он был слишком занят своей собственной персоной, никогда не считая меня равной, а потому не полагая себя обязанным защищать. Но об Артуре и его защите позже, пока о Страсбергах.

У меня началась новая жизнь, кроме смены места жительства я сменила почти всех окружающих людей, я Вам уже рассказывала. В Нью-Йорке познакомилась со многими очень интересными людьми, со многими восстановила знакомство или сделала его более крепким. Но теперь меня окружали не дельцы от кино, а настоящие интеллигенты. Ди Маджио с ними было неинтересно, он предпочитал в таком обществе не появляться,

такие насмешники, как Трумэн Капоте, например, в бейсболе не разбирались совершенно, а на неприятности вполне могли нарваться.

Я познакомилась, например, с Карлом Сэндбергом, чью биографическую книгу об Аврааме Линкольне изучила по совету Артура Миллера почти досконально. В это мало кто мог поверить, но это так.

А вот Карен Бликсен, путешествовавшая по Америке со своей книгой, пожелала познакомиться со мной сама! Очень интересная дама, одни умные темные глаза чего стоят. И книга об Африке у нее великолепная, она столько пережила, столько прочувствовала, столько знает…

(Рисунок утерян, что на нем было изображено, не известно. – Прим. пер.*)*

Это не рисунок моего детства, нет. Мне попала на глаза книга Карла Сэндберга «Рутамята», она детская, но совершенно замечательная.

Уже очень поздно, и я хочу спать даже без горсти таблеток снотворного, но все равно расскажу Вам о Карле Сэндберге. Почему мне в детстве не прочитали его «Рутамяту»? Без этой книги невозможно детство. Если Вам тоже не читали, немедленно найдите ее и прочтите своим детям. Док, у Вас есть дети? Если нет, запомните Карла Сэндберга и его «Рутамяту» и обязательно подарите малышам, когда будут.

Он добрый, он очень, очень, очень добрый. И стихи у Сэндберга замечательные.

Впервые о Карле Сэндберге я услышала от Артура Миллера. Он отзывался о биографии Авраама Линкольна, написанной Сэндбергом, почти восторженно. Если вспомнить, что я сама была в восторге от Миллера, то это лучшая рекомендация. Немедленно по совету Артура купив толстенную биографию, принялась читать. Если честно, то я редко дочитываю всю книгу до конца, для меня главное не то, что произойдет, а как это происходит и почему. Ведь если вдуматься, то к чему знать окончание какой-то истории, интереснее понять ее героев и пытаться представить себе, что же может произойти с ними дальше.

А еще мне нравятся хорошо построенные фразы. Я не знаю, как это называется правильно, но если слова ловко складываются одно за другим в красивую цепочку и при этом фраза осмысленна, это очень красиво. А сюжет… нет, сюжет для меня не главное. Я читаю ради самого чтения. Наверное, это плохо, Артур говорил, что при таком чтении теряется почти вся информация.

Он прав, но заставить себя задумываться над каждой прочитанной фразой не могу. Если начну это делать, то попросту стану учить книгу, как роль, а я «проглатываю» книги, как говорила Наташа.

Но я хотела рассказать Вам о Карле Сэндберге… Мы с ним вполне подружились, Карл даже учил меня декламировать свои стихи и (скажу по секрету) немного хвалил мои!

Для меня Сэндберг – прекрасный пример того, как человек может получить знания сам, ведь он даже не окончил школу и был вынужден работать с 13 лет. Конечно, я не слишком образованна сама, но думаю, что человек должен очень много знать, чтобы написать трехтомную биографию Авраама Линкольна и получить за нее Пулитцеровскую премию.

Но лучше всего Сэндберг умеет представлять себя чем-то и выражать это в стихах, например медным проводом, по которому днем и ночью пробегают человеческие телефонные разговоры обо всем: семье и деньгах, любви и войне, жалости и мечтах… Я попыталась представить таким проводом и себя тоже. Сколько всего можно понять, если размышлять подобным образом, но чтобы писать такие стихи, нужно многое пережить и увидеть самому.

Сэндберг пережил и увидел, он любит фольклорную музыку и со своим банджо в руках объездил всю Америку, он знает, что это такое.

А еще он очень точно описал ад и рай. Я сейчас прочту:

НЕБЕСА И АД
Для каждого небо и ад на других не похожи…
Одним – уютное, чистое, синее небо.
Другие без бурь и не мыслят его.
А ад? Кому одиночка, другим заводские круги,
а третьим дом, кухня и дети.
Что ад для меня?
Это там, где по свету гуляют лгуны,
что набиты битком красивыми, ловкими фразами.
Что ж, каждому в мире свое…

Я не хочу сейчас рассуждать о моем аде и рае, но как-нибудь обязательно это сделаю.

Знаете, как Сэндберг замечательно сказал о внешности: «…ее не сбросишь с себя никогда…» Не помню все стихотворение, хотя стоило бы, в нем есть такие слова: «Не обменивается, пока не износится».

Вот уж верно, внешность дана навсегда, можно только следить за ней или, наоборот, портить, можно, конечно, улучшать

разными операциями, диетами, макияжем. Но все равно основа та, что получена при рождении. Если у человека приплюснутый нос или широкое лицо, то, как бы ни старались хирурги, они не сделают лицо узким, а нос с большой горбинкой. Конечно, мое лицо тоже подправляли, это заставил сделать еще Хайд. Тогда мне убрали «картофелину» на кончике носа и добавили немного морской губки к нижней челюсти, чтобы овал лица был мягче и ровнее. Губку позже пришлось поправлять, потому что она взяла и растворилась.

Но в остальном внешность моя. Я о ней забочусь постоянно, если этого не делать, все быстро придет в негодность. Это только кажется, что красивой быть легко, в действительности очень трудно. И только кажется, что у Мэрилин Монро идеальная внешность. Мне приходится тратить очень много времени, чтобы нанести правильный грим, не доверяю это делать другим, разве только для съемочной площадки, потому что там грим иной, не такой, как всегда. Если не для съемок, все выполняю сама, никто лучше меня не знает достоинства и недостатки моего лица, и никто не жалеет его больше, чем я сама.

Знаете, у актрис так быстро стареет кожа лица, потому что на него наносится большое количество грима, и наносится не всегда бережно. Гримеру, даже самому замечательному, некогда и неудобно осторожно обрабатывать каждый дюйм, в результате морщины… У меня тоже, если хорошо присмотреться в зеркале, их видно, приходится тщательно замазывать каждую, но делать это так, чтобы грим не был заметен со стороны. Это долго, и меня всегда ругают за опоздания.

Если бы больше обращали внимания на мои актерские способности и на мою игру, я тоже меньше бы заботилась о внешности, но все видят только внешность Мэрилин Монро, приписывая мне свои собственные представления о моем внутреннем мире. Я устала доказывать, что я не глупая Блондинка. Приходится выглядеть так, как от меня того ожидают.

Вот так, начала рассказывать о Сэндберге, а закончила собственными морщинами! Просто его стихотворение о внешности напомнило о моей собственной. Это эгоизм, Док? Его надо искоренять?

Я попробую подумать над этим…

Благодаря столь долгим рассказам у меня получается не короткая исповедь, а настоящая автобиография. Я однажды наговаривала Бену Хехту, но там все испоганилось, потому что рассказывать, зная, что завтра каждое слово станет известно всем, очень трудно, то и дело сбиваешься с правды на легенду. Не

думайте, что я и Вам рассказываю все, во-первых, это слишком долго и много, а во-вторых, не все нужно выносить на суд даже такого тайного слушателя, как Вы.

Док, а Вы вообще слушаете мои рассказы? Мне кажется, что нет. Или Вы слишком хороший актер и не показываете свои мысли обо мне.

Но это Ваше дело, Вы сами предложили мне выговориться.

Наверное, не ожидали, что разговор будет столь длинный и обстоятельный? Представляю, сколько денег можно было бы получить за эти разговоры. Если хотите заработать, валяйте, я согласна, но только с одним условием: публиковать после моей смерти! Не бойтесь, осталось недолго, я всегда знала, что проживу короткую жизнь и умру молодой, как Джин Харлоу. Молодость прошла, а я все жива, значит, скоро.

Зачем жить долго? Актрисе нельзя стариться, когда видишь морщинки на лице и понимаешь, что они скоро превратятся в настоящие глубокие морщины, которые невозможно замазать гримом, а с экрана с какой-нибудь старой пленки на тебя будет смотреть твое же молодое и чистое лицо, становится страшно. Нет, актрисы не должны жить долго! Однажды я сказала это вслух, Артур посмеялся:

– А кому же тогда играть старух?

– Никому! Старух хватает в жизни, чтобы их переносить еще и на экран.

Нет, он, конечно, прав, старух тоже нужно кому-то играть, кроме того, есть актрисы, которые старятся как-то красиво, достойно. Но я к таким не отношусь, а потому умру молодой.

Что-то у меня мрачные мысли. Чтобы их развеять, пришлось налить себе шампанское. Вы любите шампанское? Я очень! Могу пить его фужерами и даже лекарство запивать. Все твердят, что шампанское с утра верный путь к болезням желудка, но меня это не берет, разве что поджелудочную пришлось оперировать. И желчный пузырь тоже… И вообще, я куда большая развалина, чем кажусь, когда вспоминаю, что я Блондинка. Видите, и в этом есть своя польза…

Ладно, вернемся в Нью-Йорк. Но только потом, сейчас я хочу еще шампанского. За Вас, Док! Лучшего собеседника у меня еще не было. Вы прелесть!

Привет, Док.

Я вчера была несколько… не в себе…

Вместо того чтобы рассказать Вам о Страсбергах, которые сыграли в моей жизни огромную роль, вдруг начала рассуждать о морщинах, внешности и старении актрис.

Вернемся к Страсбергам, Вы не против? Как Вы можете быть против, если не слышите меня? Это очень-очень удобно, Вы не можете меня заткнуть, простите, вежливо попросить помолчать немного, Вы же вежливый, наверняка вежливый, как Артур Миллер. Джо, если его что-то злило, просто орал, чтобы заткнулась, а Артур морщился и делал вид, что слушает мои

рассуждения, но сам ничего не слышал. Лучше бы заорал, я бы понимала, что ему противно. Хотя я и так знала, когда противно. А вот я на него орала, еще как орала, но вывести из себя так и не удалось. Артур Миллер – интеллигентный кремень.

Ладно, черт с ним, пусть живет, о нем расскажу потом, а то я никогда не доберусь до Ли и Полы. Кстати, надо изменить завещание, потому что я почти все завещала им. Этого всего не так много, но я лучше отдам в приют. Или оставлю Ди Маджио, пусть переведет в свой Фонд помощи нуждающимся. Да, у него есть такой, он у нас благородный, хотя неинтеллигентный. Это лучше, чем быть неблагородным интеллигентом? Или лучше быть благородным и интеллигентным одновременно?

Док, можно я пойду приму ванну и немного приду в себя, а то снова говорю что-то не то… Видите, как удобно, сейчас нажму кнопку и отправлюсь валяться в ванне, а потом вернусь и снова буду болтать все подряд о своей жизни…

А вдруг я не отдам Вам свои записи? Ну и что, что уже несколько пленок отдала, а остальные не отдам, и все тут!

Простите, Док, я еще не проснулась или не протрезвела. Вчера было выпито слишком много шампанского.

Я пришла в себя, извините. Наверное, это неприятно, больше не буду браться за магнитофон, если чувствую себя не очень…

Я хотела рассказать Вам о Страсбергах. Наверняка Вы не знаете Ли и Полу.

Вообще-то меня с ними мог познакомить Элиа Казан, но этого приятеля я интересовала только в постели. К тому же Казан уже познакомил меня с Артуром и решил, что для Блондинки и этого многовато.

У Ли Страсберга знаменитая актерская студия, в которой занимались многие прославленные актеры и актрисы мира.

Я попала к ним в студию, когда жила в Нью-Йорке, сбежав из Голливуда.

Мне очень не хватало занятий и просто умных бесед с Мишей Чеховым, как свежего воздуха не хватало, тем более он умер в 1955 году. Обиженная Наташа осталась в Голливуде, мы расстались не очень красиво, возможно, в этом есть моя вина, нужно было объяснить, что я не намерена тащить за собой в новую жизнь старые грехи. К тому же ее присутствие сильно раздражало всех вокруг меня, просто бесило, да и мне самой Наташа больше не могла ничего дать, она ходила по кругу, в котором я знала уже каждый шаг. Наташа не росла сама, не позволяя делать этого и мне.

Хотя я в те месяцы ничего не играла, наставник, хотя бы

духовный, мне был нужен.

К Ли Страсбергу и его методу погружения относились по-разному. Очень многие считали Ли настоящим шарлатаном, но было немало и тех, кто почти боготворил. Я относилась ко вторым.

Почему «относилась»? Потому что сейчас не отношусь. Страсберги талантливы, но у Ли такой же холодный ум, как у Артура Миллера. К тому же, усердно занимаясь в студии, я окончательно разучилась делать хоть что-то, а все заверения Ли и Полы в моей гениальности и способности стать второй Дузе не больше чем пустышка, даваемая детям, чтобы не плакали. Зато я окончательно потеряла уверенность в себе, ничего не могу без ежеминутной поддержки, стала нервной и даже злой.

Пять лет я во всем подчинялась диктату Ли и его жены Полы, которая ездила со мной на съемки и присутствовала на площадке, как раньше Наташа Лайтесс. И так же, как Наташу, Полу ненавидят режиссеры и играющие со мной актеры. Страсбергов ненавидит Милтон Грин (а они его) и Артур Миллер (тоже взаимно). Я не пытаюсь понять почему, это их дела. Пять лет я пыталась, присутствуя на занятиях студии или слушая советы Ли и Полы, забыть все, чему учила Наташа, забыть о существовании актерской техники и играть методом погружения.

По мнению Ли, нужно настроиться на образ, который ты намерен сыграть, погрузиться в его сущность, только тогда возникает полное слияние с этим образом, тогда придут нужные жесты и интонации. Слова приводили меня в восторг, потому что подобное я слышала у Миши Чехова, ему удавалось погружаться в образ почти мгновенно, несколько секунд, и перед тобой был уже совсем иной человек… Но я-то так не умела и не научилась. Постоянно помня о необходимости погружения, я пропускала все остальное, забывала текст, последовательность действий, жестов, не могла сосредоточиться.

Почему никто не объяснил, что метод не годится для кино, что это театральный метод, а скорее, вообще метод этюдов. Актеру на съемочной площадке некогда и негде погружаться, он должен играть с лета, все вокруг меня это умели, я – нет. Повторяю: в театре можно войти в роль и не выходить из нее до конца спектакля, на съемочной площадке этого не сделаешь. Мои отвлечения и консультации с Полой воспринимались как каприз или простое неумение играть. Каждый дубль становился все мучительнее.

Пола старалась помочь, она очень старалась, но что она могла, если для погружения нужно время, а его нет. Дальше замкнутый круг: нас торопят, я нервничаю, никакого погружения

не происходит, значит, по мнению Ли, играть нельзя, но простаивать тоже нельзя, я снова нервничаю… В конце концов режиссер орет, обещает больше никогда не снимать меня, дубль следует за дублем, и только на двадцатом я чувствую, что погрузилась. Однако к этому времени все остальные уже выжаты как лимоны, никто не хочет и не может не только играть, но и просто держаться на ногах. Виноватой объявляют меня, всеобщая ненависть обеспечена. Капризная Блондинка, не способная сыграть простую сцену несколькими дублями, опять едва не сорвала съемку.

Купаться во всеобщей ненависти совсем не то, что купаться во всеобщей любви. Я долго не понимала, почему это происходит, а когда осознала, удрала из Нью-Йорка так же, как раньше из Голливуда. Нет, метод погружения не для меня, нервов не хватит.

Но пять лет я всецело зависела от Страсбергов и таблеток, которыми меня щедро снабжали Милтон Грин и Пола. Она утешала, кормила снотворным, заслоняла грудью от всех обвинений и невзгод, но вела куда-то не туда.

Док, я безумно благодарна Ли и Поле за учебу, за заботу, за постоянную готовность прийти на помощь, всегда старалась оплатить любые их услуги, но платила не только деньгами, но и своей зависимостью. Я очень зависимый человек, и если опытный наставник говорит перед всеми, что я ничего не смогу без их помощи и поддержки, у меня подкашиваются ноги. После таких заявлений кто угодно не смог бы.

Как избавиться от зависимости? Ведь я же марионетка, действую только по подсказке, только по чьему-то движению руки. Актриса не может быть столь зависимой и беспомощной. Я понимаю, что Вы не актер и никакого отношения к этой профессии не имеете, но ведь Вы же психоаналитик, скажите, как научиться жить самостоятельно, без ежеминутного наставничества не только в игре, но и во всем остальном? Я попала в полную зависимость не только от Страсбергов, но и от психоаналитиков, Гринсону приходится подсказывать, что мне думать, как относиться к тому или иному вопросу.

Но ведь несамостоятельной, неспособной ничего решать самой стала моя мама. Неужели меня ждет такая же участь?!

Артур Миллер. Надежды и потери

Артур Миллер – мой третий муж. И последний? Почему-то кажется, что больше не будет, разве что вернуться к Ди Маджио…

Я не спрашиваю, знаете ли Вы Артура Миллера, кажется, его знает вся Америка, вся грамотная Америка, умеющая читать и считающая себя интеллигентной. У Артура Пулитцеровская премия, его пьесы идут в театрах по всему миру, он умный. Очень умный. У Артура есть все, чего мне так не хватало в остальных мужчинах. Но у него один недостаток – разум сильнее сердца. Может, это достоинство, я не знаю, но для меня недостаток.

Хорошо, когда человек умен, когда он способен разобраться в том, что происходит с тобой или даже с собой, умеет разложить по полочкам чувства и мысли, увидеть их со стороны. Это хорошо для психоаналитиков, но не для мужа, тем более моего…

Было время, когда я еще не полностью надела эту маску и надеялась справиться с ней. Тогда я и встретила Артура Миллера. Он приехал в Голливуд со своей пьесой, не буду утомлять Вас рассказом о перипетиях, в результате которых они с Элиа Казаном оказались в разладе, а пьесу Гарри Кон не взял, испугавшись прокоммунистической направленности. Миллер отказался изменять что-либо, что повлекло немалые проблемы, а

с Казаном они в результате даже поссорились, но это не сразу.

Я тогда была любовницей Казана в надежде, что он найдет мне роль в каком-нибудь своем фильме. Не удалось, и роль не получила, и с Элиа расстались.

Между нами с Миллером в момент первого прикосновения вспыхнула искра, но Артур был женат и, хотя семья уже практически распалась, делал отчаянные попытки что-то склеить и сохранить, даже купил дом и сам принялся пристраивать к нему веранду.

Я не могла представить интеллигентного Артура Миллера, умного очкарика, с молотком в руках и гвоздями в зубах. Но меня меньше всего интересовала веранда Миллера и куда больше он сам. Казалось, вот такой человек сумел бы оценить по достоинству меня настоящую, хотя я прекрасно видела, что он очарован оболочкой.

Но это же только временно, пока он не понял, что за внешностью сексапильной Блондинки скрывается душа Нормы Джин, той, что читает Достоевского и после совета самого Артура спешно купила трехтомник Карла Сэндберга о Линкольне и проштудировала биографию этого президента, как учебник по выживанию. Он увидит, что я интересуюсь серьезными вещами, люблю серьезную литературу, и хотя плохо в ней разбираюсь, но учусь, что я люблю читать и стараюсь наверстать упущенное за годы бесконтрольного чтения….

Казалось, что Артур все поймет, как только мы окажемся рядом.

Он не пожелал стать просто моим любовником, пока существовала его семья, пока у них с Мэри была хоть какая-то надежда сохранить брак. Не вышло.

А я успела за это время побыть женой Джо Ди Маджио.

Когда мы снова встретились с Артуром в 1955 году в Нью-Йорке, я не помнила себя от счастья, у меня начиналась новая жизнь! Понимаете, я развязалась с Голливудом, во всяком случае, мне тогда казалось, что это так. Собственная компания с Грином создавала видимость свободы и заработков. Переезд в Нью-Йорк приближал меня к совсем другой культуре.

А еще роман с Артуром Миллером, который затеял-таки развод, явно намереваясь на мне жениться. Ему понадобилось, как и мне когда-то с Догерти, немного пожить в Неваде, но Миллер устроился не в Лас-Вегасе, а очень скромно подальше от чужих глаз, чтобы писать в тишине и покое.

Артур умный, очень умный, он вращался совсем в иных, чем я, кругах, казалось, что, выйдя за него замуж, я сумею заткнуть рты всем, кто твердил, что я глупая гусыня. Уж Миллер-то увидит

во мне меня, а не Мэрилин!

Это было одним из самых страшных разочарований в жизни. Я мечтала, что он поможет раскрыться моей внутренней сути, начать играть серьезные роли в серьезных фильмах, сменить имидж, соответствовать ему самому. Миллер и Страсберг, кто мог бы лучше помочь развиться Норме Джин, победив Мэрилин?

Все друзья твердили, что мы совершаем ошибку, создавая семью. Понимали это и мы сами. Я как страус прятала голову в песок, как ребенок, не желая видеть страшное, закрывала глаза, но уже понимала, что произошло – Артур влюблен в мою оболочку, он без ума от Мэрилин! У умного, интеллигентного Артура животное начало брало верх при виде красивой обертки, это было сильнее него, он отчаянно боролся, но ничего не мог с собой поделать.

Артур не мог справиться со своей телесной страстью и ненавидел себя за это, за свою неспособность удержаться, за страсть, за пассивность. Я видела эту борьбу и ненависть и тоже ничего не делала. Норма Джин внутри просто обливалась слезами, потому что даже в этом побеждала Мэрилин. Я понимала, что делаю ошибку, выходя замуж за Артура Миллера, внутри понимала, но пока жила надежда, что он сумеет справиться со своей страстью к глупой Блондинке, а когда поймет, что внутри есть Норма Джин, то будет еще и благодарен, что я не она.

Господи, если бы я тогда знала, что, справившись со своей страстью к Мэрилин, Артур вовсе не полюбит Норму Джин! А ведь Миллер с первого дня видел мою двойственность, и это ему нравилось, нравилось видеть, как я сбрасываю оболочку Блондинки, как змея кожу при линьке, как говорил Артур, становлюсь прозрачной. Но позже я поняла, что Миллер не приемлет чужие проблемы, признавая лишь свои, а потому ему вовсе не могли понравиться метания Нормы Джин.

Но хуже всего – он меня стеснялся! Нет, не сразу, сначала даже гордился…

Иногда мне кажется, что лучше было бы не сниматься в Англии, возможно тогда наши отношения сложились иначе?

Сначала, пока Милтон Грин воевал со студией, я бездельничала, много читала, знакомилась с интереснейшими людьми Нью-Йорка и вообще Америки, а то и всего мира, ходила на выставки, концерты… Я развивалась.

А потом появилась идея снять фильм вместе с Лоуренсом Оливье «Принц и танцовщица». Оливье играл в такой пьесе вместе с Вивьен Ли, а Милтон Грин придумал перенести все на экран со мной. И великий Лоуренс Оливье согласился, причем он

сам собирался снимать фильм в качестве режиссера и сам же играть принца.

Казалось, у меня было все, о чем я только мечтала: муж – известнейший драматург, умный, интеллигентный, влюбленный в меня, триумфальное возвращение на студию, деньги, слава, отменная внешность, надежда родить Артуру ребенка и мудрые наставники.

Мы торопились в Лондон, потому медовый месяц был очень коротким, хотелось поскорее приступить к съемкам фильма. К тому же в голове роилось множество планов. Миллер – драматург, что ему стоит написать для обожаемой жены достойный сценарий, чтобы не приходилось играть черт-те что. Впереди только счастье с любимым, способным увидеть меня настоящую мужем. Я была в этом совершенно уверена.

Артур увидел, но как!..

Лондон принял нас с распростертыми объятьями. Мы с Вивьен не стали подругами, оказались слишком разными, но с семьей Оливье и Ли подружились. Да, во время съемок было немало недоразумений и даже обид, Оливье несдержан на язык, а я необязательна, снова и снова изводила всех то опозданиями, то просьбой о новом дубле, то неумением по команде выразить нужную эмоцию… В то время только Страсберги верили или, по крайней мере, говорили, что верят, в мою способность стать актрисой.

Не буду рассказывать о фильме, мне просто не по себе, когда я вспоминаю эти съемки. Оливье трудно со мной, мне не легче с ним, но это производственный процесс, который всегда проходит нервно, найдите режиссера, который не кричал бы, что никогда больше не станет работать с этими актерами, не будет вообще ничего снимать! Найдите актера или актрису, у которых во время очередной проблемы на площадке или после неудачного дубля не появлялась мысль бросить к чертовой матери эту профессию!

Но заканчиваются съемки, фильм выходит на экраны, следуют (или не следуют) аплодисменты, отзывы критиков, режиссеры, актеры и все остальные оживают, и все начинается сначала на такой же площадке, только в несколько ином составе. Кино вечно, и оно бесконечно.

Мучились и мы. Но если бы мучения были только на съемочной площадке!.. Для меня куда катастрофичнее все оказалось вне ее. Кем я была для Лондона? Это зрители и журналисты могли осаждать летное поле или гостиницу, где мы сначала расположились. Для сэра Лоуренса Оливье и ему подобных всего лишь безродная особа из Голливуда, не умеющая работать, как привыкли в Англии! Именно так он представил

меня съемочной группе. С трудом сдержавшись, чтобы не разреветься или не броситься прочь, я лихорадочно придумывала, чем ответить знаменитому актеру, который, приезжая в Голливуд, вел себя совсем иначе – был внимателен и явно мной очарован. Понимаете, с первой минуты перед большим коллективом низвести меня до глупой американочки, ничего не умеющей и ни на что не способной, вообще-то подло. А если вспомнить, что я всегда в себе неуверенна…

Но главное потрясение я испытала не из-за высокомерия Оливье, не из-за своего несоответствия требованиям англичан или незнания некоторых сложностей этикета, а из-за обожаемого мужа. Однажды журналисты спросили, что, по моему мнению, значит любовь. Я ответила, что для меня любовь – это доверие. Артуру Миллеру я доверяла бесконечно, казалось, рядом с ним наконец смогу обрести душевный покой и устойчивость, справлюсь со всеми сложностями, сумею осилить все свои страхи, неуверенность, раскроюсь с лучшей стороны, обуздаю Блондинку и всему миру покажу Норму Джин.

Но этому не суждено сбыться. Однажды утром (Артур явно не ожидал, что я встану так рано, а потому был неосторожен) на столе в комнате увидела раскрытую записную книжку мужа, нечто вроде дневника. Док, я по сей день дословно помню прочитанное! Не буду всего произносить, слишком больно даже через годы, но суть такова. Артур обращался ко мне: «…я думал, что ты ангел, а ты… Оливье прав! Ты просто занудная сучка… Я тебе не слуга…»

В таком духе несколько страниц! Любимый, обожаемый муж соглашался с мнением драгоценного партнера, с которым только-только начались съемки, что я занудная сучка!

Хрустальный дворец мечты о счастливом браке и успешной работе с великим Оливье в одно мгновение разлетелся вдребезги. Любовь – это доверие, но я больше не верила Миллеру, совсем не верила. Последовал очередной выкидыш, природа тоже не желала нашего счастья.

Из огромной ямы депрессии меня вытащил не Артур, он ведь знает только свои проблемы и свои переживания, а Страсберги и Анна Фрейд. Конечно, Страсберги грубо льстили, убеждая меня, что я чего-то стою, но они интуитивно чувствовали, что именно нужно. Я понимала, что это лесть, что в действительности нет и десятой доли вещаемого Полой, но запись Миллера о занудной сучке требовалось чем-то выбить. Артур разрушил во мне все, если до того я просто пила таблетки, которые легко прописывают всем актерам врачи Голливуда (считается, что барбитураты стимулируют творческий подъем), то теперь принялась глотать их

горстями. Пола ругала:

– Ты же можешь умереть от передозировки!

Смешно, к чему этого бояться, если я снова никому не нужна?

А фильм получился и даже понравился. Мою игру хвалили, расчувствовавшийся Оливье целовал в щечку, Артур тоже (поцелуи Иуды), все улыбались и делали вид, что жизнь прекрасна.

Я тоже улыбалась Артуру и тоже делала вид, что все прекрасно, у меня это получалось, я ведь актриса. Но больше не верила мужу, тем более когда узнала, что он за моей спиной довольно часто обсуждал меня и мое поведение и вовсе не защищал при этом. Заступаться за занудную сучку аристократ Миллер считал для себя неподходящим занятием. Артур легко усвоил высокомерный тон Оливье, и только врожденная интеллигентность мешала ему выражать мысли вслух, но теперь я хорошо знала, о чем он думает.

Что ж, сиротке за пять долларов в неделю, конечно, не место рядом с такими личностями, как Миллер или Оливье, сучка должна знать свое место.

Артур предавал меня еще не раз, и дело не в том, что он что-то говорил за моей спиной или писал в дневнике (я дала себе слово никогда не заглядывать в чужие записи!), Миллер предал даже в творчестве. За годы нашего брака он не написал ничего путного, считалось, что мешаю я. Но я же не заставляла Артура ехать со мной в Англию, в конце концов мы и были там недолго, не заставляла уродовать чужие сценарии, как он сделал для фильма с Ивом Монтаном, или переделывать собственный рассказ в скучнейшее произведение для скучнейшего фильма. За сценарий «Неприкаянных» Миллер получил неплохие деньги – 250 000 долларов, а работу выполнил из рук вон плохо.

Но меня никогда не волновали деньги, хуже всего, что у нас распадалась семья, хотя мы еще долго делали вид, что это не так и все прекрасно.

Вот так я чувствовала себя в те дни…

Стоит вспомнить Артура и нашу с ним жизнь, становится очень-очень больно не из-за разладов или предательства, а от сознания, что понимания между нами не было вовсе. Кто я для Миллера? До сих пор не знаю. Думаю, он и сам не понимает.

После Англии и Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в Вашингтоне мы попытались удрать от всех и провести хотя бы одно лето в тишине и отсутствии репортеров. Я решила стать хорошей женой и хозяйкой, а может, и мамой. Небольшой дом (зачем больше для двоих?) в поселке Амагансет на Лонг-Айленде, где не очень интересовались знаменитой блондинкой, был вполне подходящим для этого местом. Артур тяжело переносил назойливое и постоянное внимание журналистов.

Я выбросила из головы дневник, попыталась убедить себя, что ничего не было, что Артур просто сочинял новую пьесу и это роль героини. Да, да, конечно! Конечно, Миллер пишет пьесу, и это в ней такой текст, интеллигентный автор может себе позволить неинтеллигентно выражаться устами героев. Можно спросить Артура, но тогда никакие отношения невозможны, Артур врать не умеет и не стал бы.

Миллер вел себя менторски, даже не замечая этого. Нет, он не делал указующих жестов, не распоряжался, но общался со мной как с маленькой девочкой-недотепой. Мне снова давали понять, что ни на что не способна, ни на что не годна. Все по-

отечески, заботливо, но и отцовская забота бывает разной. Можно, как Кларк Гейбл: «Детка, ты плохо себя ведешь, не возбуждай меня, я старый, больной человек…», а можно, как Артур – снисходительно и свысока, когда отеческий тон только подчеркивает разницу в положении и способностях. Он сам утверждает, что опекает меня, словно малого ребенка. Меня не нужно опекать, меня достаточно просто любить и защищать, а не злословить за моей спиной или заносить в дневник все мои промахи, чтобы потом использовать в новом произведении!

Попытки убедить себя, что Миллер просто использует факты нашей жизни для новой пьесы или новеллы, облегчения не принесли, жить с человеком, чувствуя себя лягушкой на лабораторном столе или зверьком в зоопарке, находящимся под наблюдением круглосуточно или вообще препарируемым для развития науки, тошно. Я не хочу, чтобы мою душу даже ради литературы препарировали, пусть делает это со своей. И без того живу под светом софитов и камер, мне хватает журналистов и их сплетен.

Артур этого не понимает, он считает, что актер, как и писатель, должен быть открытым, способным показать свою душу всем.

– Разве не этого требует твой хваленый учитель Страсберг?

Наверное, этого, но когда душа болит и мучается от раздвоения, вытаскивать ее еще и на общий осмотр слишком тяжело. Я могу копаться в ней сама, но не тащить на всемирное обозрение.

Ладно, хватит об этом!

На Лонг-Айленде очень красиво и очень спокойно. Вокруг зеленые поля и тихий, обычно пустой пляж, а где-то вдали шум океана. Соседи не совали нос в наши дела, рыбаки, которых мы встречали на берегу, вежливо здоровались, приветливо улыбались, но не пялили на меня глаза. Казалось, можно расслабиться и ни о чем не думать.

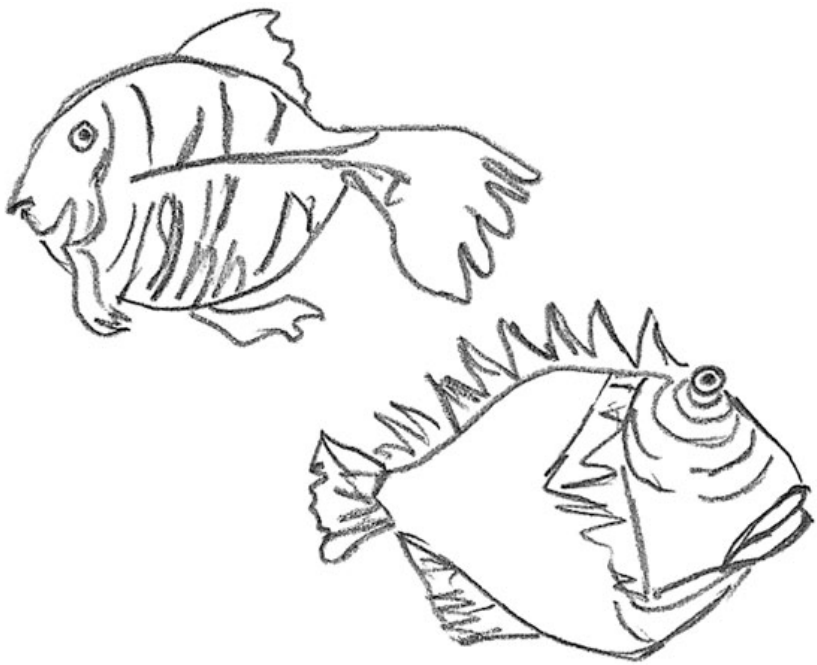
Я немного научилась готовить, старалась сама выполнять домашнюю работу, находя это даже интересным, и втайне мечтала, что Артур сможет там плодотворно писать свои пьесы, у нас родится ребенок, даже несколько, и мы будем большую часть года проводить в этом спокойном раю вместе с детьми своими и Артура от первого брака и его родителями.

Я забыла, что жизнь не дает мне надолго дом и семью, что все временно. Ничего не получилось, беременность закончилась выкидышем, а рай не состоялся, мы умудрились найти несовпадения мыслей и чувств. Наверное, таких людей, как мы с

Миллером, не сможет примирить даже рай.

Мы часто гуляли по пляжу, собственно, это был и не пляж, а просто песчаный берег, на который рыбаки вытаскивали свои сети. Артур тоже ловил рыбу, но не сетями, а удочкой. Я очень любила такие минуты, но однажды обратила внимание, что, когда рыбаки вытащат улов из сетей и уберут в корзины, множество мелких рыбешек бывает просто выброшено на берег. Им нужна лишь крупная, которую можно продать или использовать самим, а запутавшаяся в сетях мелочь остается умирать на солнце.

– Но она же живая!



Меня не понял никто: ни рыбаки, ни Артур. Что делать с мелкой рыбешкой? Часть растащат вездесущие чайки, часть местные приблудные коты, но в основном рыбешки так и останутся на берегу. Я не вынесла вида бьющейся рыбы и принялась швырять мелочь обратно в воду. Но ее много, слишком много, чтобы справиться одной. Начавшийся прилив спас некоторых, только дожили до него не все выброшенные рыбешки.

Так повторялось каждый раз, когда вытягивали сети ржавой, страшно скрипевшей лебедкой. Понимаете, какое жуткое сочетание – скрип ржавого металла и смерть ни в чем не повинных созданий? Они оказались некондиционными, то есть не соответствовали каким-то стандартам, а потому были обречены. Остальной рыбе не лучше, ее отправляли на кухни хозяек, но

меня особенно пугала вот эта – мелкая, посмевшая попасть в сети вместе с крупной.

Рыбаки не могли понять поведения странной женщины, бросавшей рыбешек в воду. Не понимал и Артур. А для меня их гибель была похожей на мою собственную, я тоже, словно мелкая рыбешка, посмела уподобиться крупной рыбе, неужели и меня ждет гибель на берегу?! Артур смеялся, говорил, что всех рыбешек не спасешь, всех дождевых червей, выползших на поверхность, не закопаешь обратно, всех выпавших птенцов не вернешь в гнезда родителям. Он не понимал, что я не могу видеть гибель живого и беззащитного, он снова меня не понимал.

Зато теперь я знала точно – и не поймет.

Но если меня не понимал тот, кого я ценила больше всех людей на свете, что мне оставалось делать – ждать, пока выбросит на берег, как рыбешку, и надеяться, что кто-то пожалеет и вернет в воду? Но я и была такой рыбешкой, а Артур мог бы дать мне жизнь. Но он не захотел…

Особенно тяжело стало после выкидыша, уже второго за недолгое время нашего брака. Первой была внематочная беременность, мой организм отказывался вынашивать детей!

Я могла признаться Артуру во многом, во всем, он знал о моих мужчинах, моих глупостях, даже о том, в чем признаваться не стоило бы, но я молчала об одном своем страхе – оказаться похожей на маму. Я очень боялась повторить ее судьбу, боялась сумасшествия, неспособности быть самостоятельной, боялась не суметь воспитать ребенка.

Артур говорил, что у нас будет столько детей, сколько я захочу и смогу родить. Но ведь наверняка он так же говорил и Мэри Грейс, а потом разошелся с ней. Значит, мог разойтись и со мной? Тогда я осталась бы с ребенком одна. Как мама… А вдруг я не смогла бы воспитать свою дочь (или сына, какая разница?), как не смогла Глэдис?

Этот страх я загоняла внутрь, не позволяя пробиваться даже мыслями, не только словами. Но от этого страх не исчезал, никуда не девался, был внутри и становился еще сильнее. Страх родился еще тогда в Лондоне, когда я прочитала записи Артура о разочаровании во мне, прочитала и поняла, что могу остаться одна со своим ребенком. Я очень хотела детей, но ведь хотела и мама, однако она не смогла воспитать ни одного из троих рожденных, вдруг и я не смогу?! Тогда мой ребенок будет сиротой, конечно, деньги позволят ему ни в чем не нуждаться, но никакие деньги не заменят семью.

Я убеждала себя, что даже если умру при родах, то Артур воспитает нашего малыша, к тому же Исидор и Августа –

прекрасные дедушка и бабушка, но никакие уговоры не помогали развеять страх неспособности самой вырастить ребенка.

Возможно, признайся я в этом Артуру, он сумел убедить меня, что зря боюсь, но это означало бы признание в боязни повторить судьбу мамы, а еще озвучить страх распада нашей собственной семьи. О таком я тоже старалась не только не говорить, но и не думать.

Мысли страшны тем, что, даже не высказанные, они не дают покоя внутри, их бесполезно давить или прятать, потому что разрушительная сила все равно сделает свое дело. Док, я поняла, мой организм, напуганный моей же неуверенностью в способности создать нормальную семью и вырастить счастливого ребенка, просто избавляется от плода. Поэтому то внематочная беременность, то выкидыши.

У нас с Артуром не было шансов на рождение ребенка, потому что не было шанса на семью. Все по кругу, потому что именно ребенок мог бы эту семью сохранить.

Значит ли это, что своим сиротским детством, своей ненужностью я попала в круг, который нельзя разомкнуть? Ведь точно так же со снотворными: я принимаю таблетки вечером, потом поздно вечером, потом ночью, потом под утро и, наконец, засыпаю совершенно измученная и нервная. Но сон не приносит облегчения, только оставляет заторможенность на весь день. Вокруг недовольство, потому что я опаздываю, плохо соображаю, медленно двигаюсь и всем мешаю. На меня злятся, заставляют нервничать еще сильнее, и к вечеру становится понятно, что без таблеток заснуть не удастся. Все начинается сначала – таблетки, сон до обеда, заторможенность, всеобщее недовольство, нервные срывы.

Этот порочный круг как-то может быть разорван? Я пыталась не пить снотворное совсем и не спать тоже, получилось еще хуже, потому что к утру выглядела просто ведьмой, была злой и измученной.

Знаете, тогда на Лонг-Айленде, перенеся выкидыш, решила, что жить не стоит, и наглоталась снотворных до комы. Артур вовремя понял, что произошло, а врачи оказались достаточно опытными, меня вытащили на свет, только зачем, чтобы я снова и снова пила эти таблетки?

Помню глаза Миллера, когда я пришла в себя, он был в ужасе одновременно от того, что я едва не погибла, и от того, что могу повторить попытку в любой день. Думаю, он сам не смог бы сказать, чего боялся больше. Бедный Артур, он жаждал получить в постель на супружеских правах самую знаменитую Блондинку, мечту миллионов мужчин мира, а когда это удалось, вдруг

выяснил, что от этой Блондинки проблем больше, чем удовольствия. Я понимаю его разочарование.

Но я-то разочаровалась тоже… Ум Артура оказался холодным, он рационально раскладывал по полочкам свои и мои эмоции, описывал их в рассказах вместо того, чтобы просто любить меня. Даже его отец Исидор Миллер любил меня больше, чем Артур. Я люблю их обоих, Исидора как собственного отца, которого у меня никогда не было. А он гордится своей пусть и бывшей снохой и не считает меня пустышкой. Хорошо бы объяснить это и Артуру тоже…

Брак со знаменитым драматургом, с самым умным (как я считала) человеком не дал ничего: ни семьи, ни любви, ни детей, ни уважения (как могли уважать супругу Артура Миллера, если сам Миллер меня не уважал?). Что мне оставалось? Вернуться в мир кино, там меня не уважали, но хотя бы было дело…

В Голливуде не было Занука, у меня новый контракт с хорошей оплатой, но сценарии все равно один другого глупее.

– Артур, напиши для меня сценарий. Обо мне.

Он написал, но лучше бы этого не делал!

Все! Не хочу больше о Миллере!

Я нарисовала это прямо в ресторане, там танцевали мужчина невысокого роста и рослая женщина. Очень похоже на нас с Трумэном Капоте.

Вы не знаете Трумэна? Даже если знаете, то не так, как знаю его я.

Чертов гомосек! Никогда не прощу ему, что не настоял на моих съемках в роли Холли Голайтли в его «Завтраке у Тиффани»! Пусть не врет, что «сделал все, что мог…». Неужели автор произведения не сумел настоять? Его, видите ли, поставили в жесткие рамки, у «Парамаунт…» любимая актриса Одри Хепберн. Мог бы сказать, что у него любимая актриса Мэрилин Монро.

Хотя от этого мерзавца можно ожидать всего, он мог меня и разлюбить. А я его все равно люблю. Мы с Капоте духовные родственники, оба уроды. Он тоже нарывается на пощечины. Зачем? Словно все время испытывает судьбу или играет роль. Есть какое-то родство душ, и с каждым годом оно все больше чувствуется. Трумэн Капоте играет Трумэна Капоте так же, как я играю Мэрилин Монро.

Нас сфотографировали, когда мы танцевали совершенно пьяные. Мне пришлось снять туфли, чтобы Капоте не оказался под мышкой. Он маленький, как кукла, но в этом уродце такая внутренняя сила, что самые красивые женщины падают к его ногам. Нет, вовсе не хотят стать любовницами, все знают, что он гомосек, но все равно обожают Трумэна. О… у этого малыша с кукольным голосом такой резкий и язвительный ум, что только держись! Когда-нибудь он припечатает своих «лебедушек», как Капоте называет женщин, которые его содержат.

Странно, красивые, очень красивые и умные женщины, имеющие богатых мужей и состоятельные сами, у которых прекрасные дети, роскошные дома, завидные любовники, обожают Трумэна Капоте, который мал, странен и язвителен. Но главное – он абсолютный гомосек, со стажем чуть ли не с рождения. Капоте рассказывал, что еще в детстве просил гадалку, чтобы та превратила его в девочку. С мужьями понятно, пусть лучше под боком будет Капоте, чем мускулистый ковбой, но сами красавицы-то?

Мы с Трумэном приятели, а зачем он нужен роскошной Бейб Палей? Когда вижу фотографии Бейб, то понимаю, что я сама просто лахудра. Чертов Капоте в небольшом рассказе написал о том, что я сказала резче: «халда». Он придумал, я так не говорила, но подумала похоже.

А вот это его слова: «У Бейб Палей только один недостаток – она идеальна», это точно его слова. Но всякий, кто видел Палей, с Трумэном согласится. Какая дружба может быть между Бейб Палей и Трумэном Капоте? Но этот языкатый гомосек прекрасно знает, чем взять любую женщину, тем более не ожидающую никакого подвоха (он же гомосек). Лучше Капоте никто не умеет слушать, он делает это так, что невольно выложишь все начистоту даже о своих женских проблемах, откровеннее, чем гинекологу. Лучше Капоте никто не умеет делать комплименты, он кого угодно может в чем угодно уверить, рядом с ним начинаешь верить в сказку, которая вот-вот начнется.

Такое я слышала от многих, но мне этот малыш никогда не обещал золотых гор или долгой, богатой жизни. И счастья никогда не обещал. Зато взял и рассказал о предчувствии Констанс Колльер. С этой великой актрисой меня тоже познакомил Трумэн, подсунув, точно щенка, которого некуда девать на выходные. А потом поинтересовался, будет ли из меня толк.

Обычно хитрый Капоте не говорит гадостей в лицо, но мне сказал как раз в тот вечер, когда была сделана эта фотография. Привычным для близоруких людей жестом поправил очки,

которые всегда сползали с его маленького носика, серьезно посмотрел на меня и вдруг заявил:

– Констанс сказала, что готовит тебя к роли Офелии, а еще хочет, чтобы ты сыграла у Греты в «Дориане Грее».

Мы действительно репетировали, во всяком случае, проходили с Констанс некоторые шекспировские сцены, в том числе и монологи Офелии. Кто-то скажет, что это смешно – старая уже Констанс подавала мне реплики Гамлета, но ведь она учила и звезд – Вивьен Ли, обеих Хепберн, много с кем из звезд дружила… Ее мнение для меня много значило. Думаю, не только для меня (жаль, что не для руководства студии!).

Но Трумэн не остановился, тогда-то он мне и объявил, будто Колльер предчувствовала, что я долго не проживу.

Вот уж спасибо! Но я и без Капоте и Колльер знаю, что это так.

– Значит, надо выпить за мою короткую и яркую жизнь!

Мы выпили, потом еще за его долгую и еще за нас обоих, потом еще… даже не помню сколько, а потом пошли танцевать, и мне пришлось сбросить туфли, чтобы Капоте не оказался мне по плечо. Хватка у Капоте крепкая, со стороны можно подумать, что Трумэн меня подцепил. Чертов гном, он был совершенно пьян, это видно даже на фотографии, я куда меньше, но как он танцевал! Со своим карликовым ростом вел так, словно я игрушка в его руках, крутил и заставлял выписывать пируэты, пьяным голосом уговаривая:

– Детка, только не упади, я не смогу тебя поднять…

– Плевать, будем лежать, пока не протрезвеем!

Мы не упали, просто перестали выделывать немыслимые па и долго-долго топтались на месте, уже обнявшись. Господи, представляю, что это была за сцена – Капоте, обхвативший своими маленькими ручками пышные стати Мэрилин!

Если бы я так танцевала с кем-то другим, назавтра бы все газеты показывали пальцем, а рядом с этим малышом все сходило с рук.

Стоит вспомнить, и губы невольно расплываются в улыбке. Я видела его детские и юношеские снимки. Очень даже симпатичный мальчик – большие, широко посаженные глаза, в которых тоска и насмешка одновременно; если не знать о миниатюрном росте, тоненьком, как у ребенка, голосе и наклонностях, то можно решить, что это преуспевающий молодой человек из богатого особняка. Постепенно симпатичный мальчик растолстел и превратился в желчного, въедливого насмешника, правда немыслимо талантливого и обаятельного.

Если кто-то говорил, что его Холли Голайтли из «Завтрака у

Тиффани» – это он сам, Капоте загадочно посмеивался. Только мы с ним знали, что это объединенный портрет, кое в чем он срисовал Холли с меня, а в чем-то с себя.

И после этого допустить, чтобы Холли Голайтли сыграла тощая Одри Хепберн? Я не спорю, она талантливая и сыграла прекрасно, но ведь это МОЯ РОЛЬ! Удивительно, мне столько твердили, что ничего другого, как только секретарш и проституток, играть не могу, а когда подвернулась стоящая роль именно проститутки, ее отдали другой!

Я позвонила Капоте и сказала все, что о нем думаю. Трумэн, внимательно выслушав, поинтересовался:

– Ты можешь повторить это еще раз мне прямо в лицо?

– Зачем?

– Хочу увидеть Мэрилин в гневе.

На него невозможно разозлиться. И все же я думаю, зря «лебедушки» слишком доверяют этому малышу, у меня ощущение, что он складывает все их секреты в большую тайную копилочку, а потом выплеснет все это наружу, и получится куда более забористо, чем «Завтрак у Тиффани».

Другое дело я – у меня нет секретов, я вся на виду, поэтому Капоте ничего и не выпытывает. И комплиментов тоже не говорит, не считать же таковыми фразы «Милая, ты прекрасно выглядишь!». Во-первых, если я действительно выгляжу хорошо, то сама знаю об этом, а если плохо, то в голосе Трумэна звучит такое ехидство, что хочется не улыбаться в ответ, а спрятаться.

Интересно, придет ли этот очаровательный мерзавец на мои похороны, ведь о себе он сказал, что ему нагадали долгую жизнь. Пусть только попробует не прийти, я ему на том свете устрою хорошую встречу! Мы с Капоте оба попадем в ад. Или в рай. Или еще куда-нибудь, но обязательно в одно место, мы похожи. Хотя я красивая и фигуристая, но он талантливее, это несомненно.

Но главное – я для Трумэна Норма Джин, он прекрасно понимает разницу между мной и ролью.

Я Вам вот что хочу сказать:

– Кертис – мерзавец!

Когда его спросили, каково это – целоваться с Мэрилин Монро, он ответил:

– Словно целоваться с Гитлером!

Сам Тони клянется, что сказал репортерам совсем иначе, но это тот редкий случай, когда доверять лучше журналистам.

Вы поняли, о ком я? Да, о Тони Кертисе, с которым мы снимались в фильме «В джазе только девушки». Газеты вовсю болтали о том, что брак Кертиса и его красавицы Джанет Ли не выдержит испытания съемками с Мэрилин Монро, словно Мэрилин – монстр, только и делающий, что разрушающий семьи. Подозреваю, что это из-за самого Тони, он трепался, что у нас роман. Док, не верьте, роман был только на площадке! Если ему противно целовать меня, словно Адольфа Гитлера, то мне и того меньше. К тому же я была беременна и мечтала сохранить ребенка, чтобы попытаться сохранить брак с Артуром. Если честно, я не уверена, что этот брак стоило сохранять, но это другие могут запросто выходить замуж или жениться и так же легко разводиться, для меня (какой бы легкомысленной меня ни считали) это трагедия. Не потому, что я до смерти любила своих мужей, просто развод – это всегда отказ, отказ от меня, моя ненужность. Это как в детстве, когда говорили:

– Норма Джин, завтра ты пойдешь жить к…

Но давайте я лучше расскажу о фильме и противном Кертисе.

Фильм вы наверняка видели, его видели все в Америке. Легкая комедия с множеством нелепых ситуаций, много музыки, шуток, были фразы, которые стали летучими. Помните? «И

вообще, я мужчина!» – «Неважно, у каждого свои недостатки».

Но когда мне показали сценарий, я была в ярости. Даже за гонорар в миллион долларов я категорически не желала играть новую Блондинку. Нет, нет и нет! Белобрысая крашеная дура, только и умеющая бренчать на гавайской гитаре и мечтать о свадьбе с миллионером, до того тупая, что не заметила, как под нелепым макияжем и ужимками ее приятельниц скрываются два мужика, любительница выпить и готовая ради призрака богатства на все…

Никакое замужество за Миллером ничего не изменило, меня все равно воспринимали глупой Блондинкой. Но, Док, ужасно даже не это, а то, что уговаривал меня принять предложение… Артур! Мой умный муж, за которого я цеплялась, как за последнюю надежду выбраться из образа глупой Блондинки, почти заставил согласиться именно ее и сыграть.

Я рыдала, говорила, что отвыкла от камеры, боюсь, что не выдержу… К тому же режиссер снова Билли Уайлдер. Я с удовольствием снималась у него в «Зуде…», прекрасно относилась к Билли, но теперь он вдруг стал казаться монстром, требующим невесть что! В голове поселилась мысль, что съемки «Зуда…» с Уайлдером разрушили наш с Ди Маджио брак, и теперь съемки нового фильма разрушат брак с Миллером. Я прекрасно понимала, что съемки «Зуда…» ни при чем, знаменитая сцена с вздувающейся юбкой над решеткой метро лишь поставила точку в том, чего уже не было, но все равно упорствовала.

Но нам были нужны деньги… Артур настаивал, студия требовала, и я сдалась. Уайлдер привез в Нью-Йорк двух актеров, которых я должна не заподозрить в принадлежности к мужскому полу, а героя Тони еще и не узнать, стоило тому переодеться из женского платья в мужское. Парни красавчики, что и говорить, особенно Тони Кертис. У Леммона уже был «Оскар»… А кто я? Глупая блондинка, неудачница и в работе, и в личной жизни.

Я стала обузой для Артура и хорошо это понимала, уже не верилось, что мы сможем сохранить пусть ненастоящую семью, но хотя бы видимость брака, и моя беременность что-то спасет. Но мой муж настаивал на съемках, и я послушно согласилась. Миллион долларов на траве не валяется…

Диета, уход за собой, занятия со Страсбергами, примерка костюмов… и вот перед съемочной группой новая Мэрилин, вернее, прежняя – сияющая, очаровательная, немного лукавая. А на душе творилось черт-те что! Хотелось выть, зарыться с головой в подушку и реветь с утра до вечера или с вечера до утра.

Артур писал нежные, добрые письма, рассказывая, какая я замечательная, как он меня любит, как счастлив моей любовью к

нему. Я не верила, потому что помнила ту самую запись в его дневнике. Меня не устраивала любовь на расстоянии, причем чем дальше, тем крепче. Стоило Миллеру оказаться со мной рядом, как вся его страсть, весь пыл проходили, Артур начинал меня презирать. Это не любовь, Док, это патология.

Мне никто не мог помочь. Теперь я сознаю, что Страсберги ни черта не понимают в комедиях и игре на съемочной площадке, Ли – театральный режиссер и учитель, хотя и гениальный. Но его метод, как и наставления Полы, а до них Наташи Лайтесс, в кино не работает, потому что полностью погружаться в роль на несколько минут съемки очередного дубля невозможно, невыносимо, бессмысленно, особенно если это роль вроде Душечки из «Джаза…». В комедиях нужно уметь играть, а не погружаться! Какая разница, что чувствовала в детстве Душечка или Девушка сверху, если их биографии начинаются практически с первыми кадрами фильмов?

Я понимаю, что на съемках «Гамлета» погружение нужно, но я не играла Офелию, мне такие роли никто не доверял, а Блондинкам погружение и метод ни к чему. Знаете, на площадке столько раз вступали в конфликт советы моих театральных наставников с режиссерскими требованиями… Но без поддержки и помощи Полы я чувствовала себя совершенно беспомощной, словно маленький ребенок, которого оставили одного на проезжей части широкой улицы, заполненной машинами. Если бы Наташа или Страсберги поняли, что мне нужны не наставления, а просто присутствие со словами: «Мэрилин, ты все сможешь сама!» Но они наставники, считающие себя ответственными за каждый мой шаг.

Док, у Вас были наставники? Не в детстве, а когда Вы начинали работать профессионально? Ведь ни один человек, как бы он хорошо ни делал свое дело, не может быть сразу опытным, всех кто-то учит. Актеров тем более.

Сначала меня учила мисс Снайвли:

– Распрями плечи, не сутулься. Голову выше. А теперь слегка разверни корпус. Норма Джин, я сказала слегка, а не повернуться всем телом.

Потом я долго никому не была нужна и пыталась учиться сама, наблюдая, сравнивая, анализируя. Но одно дело – видеть, как движутся, жестикулируют, слушать, как произносят текст другие, понимать, что лучше, а что хуже, и совсем другое – делать самой. Себя со стороны не видишь, никакие зеркала не отразят твои движения, например со спины, а голос и интонации со стороны слышатся совсем иначе, чем кажутся тебе самой.

Было что-то неосознанное, что мне не нужно репетировать, нарочно играть, но этого оказалось мало, за мою ауру, которую потом так хвалили, меня не приглашали сниматься. Я поняла, что нужно серьезно учиться актерскому мастерству.

Мою первую настоящую наставницу актерского мастерства Наташу Лайтесс ненавидели все, с кем я работала: режиссеры, продюсеры, Джонни Хайд и Джо Шенк, даже мои мужья Джо Ди Маджио и Артур Миллер. Удивительно, но не легче оказалось и со Страсбергами. Почему? Их тоже ненавидели режиссеры, работавшие со мной актеры и Артур Миллер.

Когда-то я считала, что это простая ревность, потому что я слишком много времени уделяю занятиям с ними, слишком доверяю их мнению обо всем на свете, слушаю их советы… Так было и с Наташей, и с Ли и Полой Страсбергами.

Понимаете, Док, я зависимый человек, легко попадаю в эмоциональную зависимость от тех, кому доверяю, особенно если не уверена в своих силах. Меня никто не может переубедить, если я что-то знаю или умею сама или если я в чем-то уверена, но таких областей мало, обычно приходится полагаться на знания других. Это очень трудно, потому что я либо не доверяю человеку с первой минуты, либо вешаюсь на шею.

Я поняла, я сейчас поняла! Я зависима тогда, когда не уверена в себе, а это бывает часто, когда общаюсь с людьми, которые знают и умеют больше меня, умеют непринужденно общаться, образованны, начитаны, состоялись профессионально. Если такие люди презирают меня или относятся настороженно, я замыкаюсь в себе, становлюсь потерянной. Я очень боюсь осуждения, боюсь, что на меня покажут пальцем и скажут:

– Смотрите, она мало знает и ничего не умеет!

Ожидая такую реакцию, либо теряюсь и замолкаю, либо надеваю маску Мэрилин, которой наплевать, что о ней думают!

Если же умные, образованные люди относятся ко мне со вниманием и пониманием, то я доверяю им полностью и становлюсь зависимой. Но тогда мне нужно от них одобрение, постоянное, ежеминутное. Те, кто это дают, не всегда сознавая, что делают, становятся моими хозяевами, если отказывают в такой поддержке, начинаю их ненавидеть. Это нелепо? Но это так!

Вот посмотрите, от Занука я зависела, но он меня не поддерживал, и в ответ получил просто ненависть. Джонни Хайд любил меня и поддерживал, но он учил тому, что я знала и умела сама, – я не попала к нему в зависимость. Наташа учила тому, чего я не умела, и поддерживала, поэтому я зависела от нее полностью, от ее одобрения или неодобрения, от ее мнения, пока Наташа не влезла в область, где я сильнее, тогда зависимость прошла.

Я очень зависела (и завишу) от Страсбергов, потому что они знают, как воспитать актеров, как научить играть, как должна играть я сама. И Страсберги поддерживают, Пола все время твердит, что я способная, что все смогу сыграть, нужно только точно выполнять их указания. Ли учит Полу, Пола учит меня.

Я очень завишу от своих психотерапевтов, потому что они знают, как выбраться из состояния депрессии, поддерживают

меня.

Теперь я понимаю, что такого ожидала и от Артура Миллера. Артур много умнее, образованнее, интеллигентнее меня, он из той элиты, в которую я так мечтала попасть. Казалось, стоит мне стать женой Миллера, и все перестанут считать меня ни на что негодной, глупой гусыней. Артур – моя главная жизненная неудача.

Он наставник? Мог таким стать, но не захотел.

А еще я безумно завишу от медицинских препаратов. Понимаю, что это плохо, гибельно, приводит к потере памяти, особенно в сочетании с выпивкой, все понимаю! Но когда вечером накатывает одиночество, когда остальные с кем-то, тоска из-за своей ненужности, рука сама тянется сначала к упаковке снотворного, а потом к бутылке шампанского или виски. Последнее время виски стало слишком часто заменять шампанское. Я спиваюсь? Ну и пусть! Если я никому не нужна, то пусть буду не нужна и себе тоже!

Док, я и правда спившаяся белобрысая дура, да? Пытаюсь рассказывать внятно, но перескакиваю с одного на другое, путаюсь и, кажется, рассказываю несколько раз об одном и том же. А какая разница, если Вы все равно не слушаете? Ведь Вы же не слушаете мои рассказы, я это знаю… Вот и Вам я тоже не нужна… Вы просто терпите меня, потому что совестно отказаться, сами напросились… И денег не берете.

Док, почему Вы не берете у меня денег? Все берут, а Вы нет. Я всем нужна из-за денег, даже Артуру. И студии, и режиссерам, они меня терпеть не могут, но снимают, потому что фильм с Блондинкой означает кассовые сборы… Нет, Ди Маджио мои деньги не нужны, ему нужна Норма Джин в оболочке Блондинки, только он никак не может выбить из меня эту чертову красотку. Скажу Вам по секрету, рука у Джо очень тяжелая… Обидно, что он не понимает, что именно нужно выбивать.

Простите, Док, я пьяна, я Вам потом расскажу о фильме. Хотя

что о нем рассказывать? Вы его видели… его все видели… смеялись… Смеялись ведь?

Нет, я расскажу сейчас, а то потом забуду, я стала забывать все: реплики, планы, даже саму себя.

Никогда не ставьте знак равенства между экраном и жизнью на площадке. Часто они противоположны. На экране комедия и любовь, на площадке кошмар и ненависть. Уайлдер не хотел снимать меня, совсем не хотел. Он уже наслушался рассказов о моем пьянстве и почти сумасшествии, а о необязательности еще не успел забыть. Да, я замучила всех, страшно опаздывала, действовала на нервы требованием сделать еще дубль, нервными срывами… Но я была беременна и, хотя все это знали (я даже растолстела), никто не желал учитывать.

Фильм получился легкий и искрометный, даже моя Душечка не столь уж мерзка, но ненависть ко мне у всех просто зашкаливала, Уайлдер даже не пригласил меня на вечеринку по поводу окончания съемок! Док, меня снова вышвырнули! Я снова была безродным, никому не нужным щенком! Меня обвинили в непрофессионализме, неспособности вообще что-то играть на площадке, создать образ, связать вместе два слова или просто прочесть реплику по подсказке… Билли Уайлдер наговорил репортерам обо мне столько таких гадостей, что сравнение меня с Гитлером, которое сделал Кертис, на этом фоне было детской шалостью по сравнению с уголовным преступлением.

Я ничтожество, только из-за попустительства студийного руководства и собственной хитрости и алчности занесенное на съемочную площадку! Пустоголовая белобрысая курва, все достоинства которой внутри бюстгальтера и пониже талии! О… чего только не говорили обо мне, правда дипломатично стараясь, чтобы обвинения, попав на страницы газет, звучали более интеллигентно, ведь единственной неинтеллигентной курвой во всем Голливуде, как известно, являюсь я.

Но хуже всего, что сразу после окончания съемок в середине декабря на пятом месяце беременности я снова потеряла ребенка! Лужа крови на полу ванной, невыносимая боль, физическая и душевная, и полная опустошенность…

Отношения со всеми отвратительные, Артура я просто ненавидела, ведь это он настоял на съемках, а потом пальцем не пошевелил, чтобы защитить честь своей жены или уберечь меня от физических нагрузок. Почувствовав, что теряет лицо, Миллер вступился, написал обвинительное письмо Уайлдеру, но слова уже были сказаны. У всех на слуху и в головах, что я неуправляемая стерва-пьяница, от пяток до макушки накачанная

наркотиками, почти впавшая в маразм, и от такой держаться нужно как можно дальше.

Первым от меня сбежал Артур, он просто подло бросил жену – после выкидыша в состоянии нервного срыва, оскорбленную и униженную всеми – и смылся в Роксбери, оставив меня наедине со своей болью, тоской, страхами, со своими мыслями. Я проглотила две упаковки снотворного, беречь здоровье ни к чему… Однажды, после смерти Джонни Хайда, меня спасла Наташа, потом Миллер, теперь один из работников, что-то делавших по дому.

Очнувшись, я поняла, что просто умереть не удастся, а еще поняла, что ненавижу Артура Миллера больше, чем кого-либо на свете. Нет, больше я ненавижу только Блондинку. Она в фильме на высоте – очаровательная, сияющая, обожаемая миллионами, полнейший контраст со мной – уничтоженной, раздавленной, никому не нужной.

Фильм имел оглушительный успех, но никому не пришло в голову поблагодарить за это меня, словно я и не снималась в одной из трех главных ролей. Было пять номинаций на «Оскара» – за режиссуру, сценарий, художника и даже Леммона за мужскую роль (хотя он играл женскую). Обо мне не вспомнили.

Критики могли называть меня лучшей актрисой Америки, зрители могли хором подпевать моим песенкам или плакать, слушая о конце любви, толпами валить на киносеансы, просматривая фильм ради Душечки по несколько раз, но ни Голливуд, ни актеры, ни режиссеры не считали меня достойной упоминания, кроме как стервы, всем мешающей жить. Казалось, не будь меня в фильме, он получился бы во сто крат лучше, хотя все прекрасно понимали, что это не так. Голливуд не просто не принял меня, он меня ненавидел, причем в полном составе, даже без Занука (я зря думала, что главный ненавистник на студии именно он).

Нет, ненавидели Блондинку, и никому не приходило в голову, что уничтожают прежде всего Норму Джин. Блондинке наплевать, она явилась на премьеру под ручку с Миллером, как прежде, красивая, сияющая и не замечала ничьих злобных взглядов! Уайлдер скрипит зубами? Да черт с ним! Кертис жалуется журналистам на мои поцелуи? Пусть целуется с Уайлдером или крокодилом из зоопарка! Гримерам надоело поправлять мой грим, а осветителям заново выставлять свет? Ну и хрен с ними!

Норма Джин притаилась внутри и обреченно наблюдала, как Блондинка справляет триумф, как от нее, словно град от крыши, отлетают любые обвинения, оскорбления, нападки. Господи, как я

завидовала сама себе, завидовала ЕЕ умению обратить любую неприятность в победу, выдержать любые отзывы, вынести любые обиды. Блондинку не задевало ничто, она словно показывала мне: вот как надо жить! У меня не получалось.

Закончились праздники, а в будни крашеная дрянь внутри меня затихала, словно набираясь сил для новой демонстрации своего великолепия и умения владеть людскими душами. Я поняла ее тактику, теперь Блондинка не лезла напролом, понимая, что я могу в очередной раз уехать на ферму в Коннектикут или найти еще какого-нибудь Артура Миллера в качестве супруга и заняться спасением гибнущих рыбешек на берегу. Нет, она сидела тихо, выжидая, когда мне будут нужны деньги (если честно, то не мне, а мужу, мне достаточно крошечной квартирки и пары бутербродов в холодильнике) и придется согласиться на очередную пустышку с демонстрацией пышных форм. Тем более за мной был еще долг студии.

Я понимала, что могу изменить положение дел только одним – поскорее сняться в какой-нибудь очередной поделке и разорвать контракт со студией окончательно. Мне миллиона на счету хватит, я долго не проживу, а Артур пусть как хочет, он же обо мне не думает? Речь о восстановлении отношений уже не шла, я не верила мужу и хорошо знала, что Миллер может бросить меня в самую трудную минуту, бросить как собачонку, которая надоела. Если честно, то само пребывание с Артуром под одной крышей стало настоящим испытанием, а идея снять фильм со мной в главной роли по его же новелле «Неприкаянные» приводила в ужас!

Иногда слава обременительна

Мне не нравилось все: сам текст, моя предполагаемая роль, режиссер Хьюстон, который не слишком меня жаловал, его решение снимать фильм в пустыне в самую жару… Но Артуру были нужны деньги, свои, не мои, он желал превратить свою новеллу в сценарий и получить за это 250 000 долларов. И Миллер нашел выход, вернее, то, чем можно меня соблазнить – актерами. На главную роль Артур уговорил… Кларка Гейбла! На роли второго плана моих приятелей Монтгомери Клифта и Илая Уоллака, с которыми конфликтов вроде Тони Кертиса не

предвиделось.

Играть с Кларком Гейблом… Док, Вы понимаете, ЧТО это значило для меня? Норма Джин и Кларк Гейбл!.. О таком нельзя было даже мечтать. Артур знал, чем меня взять. Даже если бы он потребовал весь бюджет «Мэрилин Монро продакшнз», я бы отдала за такую возможность.

Миллер хотел поставить свое произведение и выбраться из безденежья. А чего хотела я? Конечно, я очень хотела сыграть с Кларком Гейблом, но еще я хотела развязаться наконец со всеми. Казалось, сыграв еще в одном, последнем по контракту, фильме у «Фокса», спродюсировав «Неприкаянных» Миллера и сыграв с Гейблом, я выполню все обязательства – перед Голливудом, перед мужем и перед мамой и Грейс. Все, тогда у меня не будет долгов.

А еще отдать остальные деньги Страсбергам на развитие студии, Анне Фрейд на развитие ее центра, Гринсону, чтобы не мучил пациентов, и еще всем-всем, если что-то останется…

Казалось, что, отдав все эти долги, я стану свободной не только как актриса, но и от Блондинки тоже. Только бы выполнить… Иногда становилось страшно, что не хватит сил, Пола Страсберг, слыша такие вздохи, убеждала, что хватит (она же не знала, на что именно). Мне требовалась ее поддержка хотя бы на время съемок, конечно, Пола согласилась помочь (еще бы, она получала хорошую зарплату!).

Я жила в состоянии тягостного ожидания: скорее, ну, скорее же! Никто не мог понять этой нервозности, особенно Миллер, которого я уже просто ненавидела, причем взаимно. Пусть сколько угодно рассказывает о своей любви ко мне и сверхтерпении, не было такого! Мы жили как два скорпиона в банке, пока опасаясь сделать неосторожное движение, чтобы не вызвать ответную агрессию, если случалось неловко повернуться, сразу предупреждали партнера, чтобы не пустил в ход ядовитое жало.

На студии решили, что пока я не окочурилась, надо срочно снять фильм со мной – «Займемся любовью». Я согласилась, даже не заглянув в сценарий, только бы скорее! Но начались задержки в подготовке, во-первых, Артур, посмотрев сценарий, заявил, что его надо переделать, иначе звезда сниматься не будет. И ничего, что на вторую роль согласился Грегори Пек, сняться с которым мечтала каждая актриса. «Фокс» согласился, переделки, конечно, поручили самому Артуру. Миллер снова пользовался спросом, очистившись от обвинений в антиамериканской деятельности и найдя золотую жилу в виде кошмарной супруги.

Пока он уродовал сценарий, мне сделали операцию. Зачем?

Не знаю, обещали, что теперь я смогу выносить и родить ребенка. Хотелось крикнуть:

– Какого ребенка?!

Мне шел тридцать пятый год, и семья существовала только на бумаге. Мы просто терпели друг дружку, пока было выгодно. Нет, Артур терпел меня, пока я была выгодна ему. Вот и все.

Переделанный Миллером сценарий категорически не устроил Грегори Пека, его роль была урезана почти до эпизодической, все ради увеличения моей роли, в этом немедленно обвинили капризную звезду, даже умному Пеку не пришло в голову, что Миллер мог сделать все по собственному почину. На «Фоксе» с переделками согласились (когда это там обращали внимание на сценарий?), оставалось найти актера на главную роль. Подозреваю, что никто из американцев не согласился бы, уж слишком много разговоров ходило обо мне, разве какой-нибудь из неудачников, как я когда-то, мечтающих выбиться на большой экран.

Мне было все равно, только скорее. Находиться рядом с Артуром становилось все тяжелее. Он демонстрировал христианское смирение (хотя христианином никогда не был), всему миру показывая, как терпит свою супругу-фурию, несдержанную, злую истеричку, и этим бесил меня еще больше. Он терпел!.. Ничего он не терпел, он просто использовал мое имя и мою компанию! У Артура прошли времена, когда его пьесами зачитывались, просто Миллер всегда рассказывает о себе и только о себе, а когда ничего не происходит или нет возможности выставить себя героем, не пишет ничего. За все время нашего брака он создал лишь несколько мало кому интересных рассказов и тех самых «Неприкаянных». Времена «Смерти коммивояжера» прошли, и не я тому виной, Миллер исписался еще до встречи со мной. Пусть говорит, что хочет, но это так.

Артур непотопляемый, он выплывет, еще будет писать, например, напишет слезливую пьесу о том, как его терзала полусумасшедшая супруга, возомнившая себя гениальной актрисой. Но пока он либо сидел на моей шее (мне не жалко, но не стоило тогда выживать из компании Милтона Грина, чтобы брать все в свои руки), эксплуатировал то, что создано до него, либо использовал мое имя и мою популярность, мне же доказывая, что я ничтожество!

Все! Ненавижу и вспоминать не хочу!

На съемках «Неприкаянных», которые погубили Кларка Гейбла и едва не погубили меня, Артур закрутил роман с Ингой Морат, на которой женился тотчас после нашего развода. Вот Вам хороший пример супружеской верности человека, который за

полгода до этого жаловался всем подряд, что его супруга изменяет с Ивом Монтаном!

Ведь это была идея Миллера – пригласить на роль Клемана в «Займемся любовью» Ива Монтана, при том что Артур прекрасно знал, как мне нравится такой тип мужчин. Ив чем-то напоминает Ди Маджио – сильного, яростного, не всегда сдержанного. В нем много от Джо, но есть то, чего у Ди Маджио не хватает – умения общаться с женщинами (француз все-таки!) и нравиться им. Монтан галантен, этого не отнимешь.

К тому же у нас нашлось много общего. Было забавно, что он совершенно не знал английского, но за время пребывания в Америке вместе с его очаровательной супругой Симоной Синьоре заметно улучшил произношение и выучил многие фразы. Ив страстно желал завоевать Америку, а потому легко согласился сниматься с чертовой Блондинкой в Голливуде. А Симона приехала получать свой «Оскар» за роль в фильме «Путь в высшее общество».

Артур и Симона поступили просто нечестно: сначала они сквозь пальцы смотрели на появившуюся между нами с Ивом симпатию, даже поощряли ее, особенно Артур, а потом уехали в Европу, конечно, по отдельности, но какая разница? Когда Миллера спрашивали, почему он не желает замечать роман своей супруги и Монтана, он только пожимал плечами:

– Наш брак все равно разваливается.

Надо ли говорить, что эти слова тут же донесли до моих ушей? Мой муж считал наш брак оконченным, но я была нужна ему ради постановки его мерзких «Неприкаянных»! Вот Вам супружество!

У нас был роман с Ивом Монтаном, я не отрицаю, трудно играть, если не испытываешь симпатию к тому, в кого по роли обязана быть влюблена. Это Кертис мог считать меня Гитлером и при этом делать вид, что обожает, я такой наглой лжи на экране не выношу. Играть любовь с человеком, которого переносишь с трудом, значит обманывать зрителей. И хотя кино все равно обман, но не такой же!

Ив был последним моим разочарованием в мужчинах. Знаете, Док, почему последним? Потому что я больше не верю ни мужчинам, ни в любовь. Вы можете напомнить роман с Фрэнки Синатрой и с Д.К., но это не любовь, это именно сексуальные романы. А в Ива я была влюблена. Знаете, Хедда написала в своей газетной колонке, что я втрескалась, как школьница! Прочитав, я долго хохотала, потому что она права. Но не влюбиться невозможно. Кьюкор, который был режиссером фильма, то и дело орал на меня, все вокруг злились, а Ив Монтан помогал,

поддерживал, подбадривал. Он помогал даже больше Полы, твердил, что у меня все прекрасно получается, что я все могу, а иногда даже устраивал хорошую встряску, если я того заслуживала. Казалось, Ив единственный понял, как именно надо обходиться со мной – терпеливо подбадривая, если я неуверенная в себе птичка, и попросту встряхивая за шиворот, когда превращаюсь в капризную кошку. Конечно, я боготворила партнера. Тем обиднее было разочарование.

Ив Монтан оказался еще худшим предателем, чем Артур Миллер. Мой муж демонстративно удалился, чтобы создать все условия для измены, но это хоть как-то понятно, при разводе меня легче обвинять, а вот Ив крутил роман вовсю, совершенно меня очаровав, а потом просто смылся! Причем сделал это почти тайно!

Если бы он сказал мне прямо в глаза, что не готов бросить свою Симону, что любит ее, а со мной просто спал ради удовольствия, я разбила бы о его голову фужер для шампанского или расцарапала лицо, но не больше. Ни бросаться на него с ножом, ни нанимать убийцу, ни сама прыгать с балкона я бы не стала, а порезы заживают быстро, я знаю, у меня они бывали часто. Я бы просто обозвала его мерзавцем и плюнула вслед. Но Монтан бежал, до последнего часа обманывая меня относительно своих планов и своих чувств. Меня снова предали и вышвырнули из своей жизни.

Что бы я ни делала, какой звездой ни становилась, всегда одно и то же – предательство и одиночество.

И фильм получился отвратительным, и роли хуже некуда, и я получила новую порцию унижений. Разве Голливуд мог пропустить такую возможность посмеяться и показать пальцем на незадачливую дурочку? Блондинка внутри меня вовсю хохотала над влюбившейся и брошенной Нормой Джин. Я не спорю, Симона Синьоре лучше, умнее, у нее нет той скандальной известности, как у меня, зато есть «Оскар», но можно же было сказать мне честно, что наш роман всего лишь приятное времяпровождение, наверняка Ив с самого начала понимал, что вернется к Симоне.

Я была даже рада, что фильм с треском провалился в прокате. Но он не мог не провалиться. Я не читала начального сценария, потому не знаю, испортил ли его Артур, но что не улучшил – это точно. Бездарная история, где у моей героини, вынужденной выглядеть почти комически, нет ни одной забористой реплики, все до умопомрачения скучно, не спасали даже песни мои и Ива. Было понятно, что публика попросту свернет челюсти, без конца зевая.

После провала и «Неприкаянных» я поняла, что Артуру нельзя писать ничего веселого и тем более комического, он не способен. Занудный, холодный, как медуза, интеллигент с холодным разумом не может делать комедии, в лучшем случае серьезные пьесы для таких же зануд!

Подспудно, нутром я понимала, что такая же участь ждет и «Неприкаянных», что Миллер снова сделает нечто тягучее и для меня неприемлемое. Он делал вид, что перерабатывает пьесу, чтобы максимально приблизить образ главной героини ко мне. Я уже догадывалась, во что превратит образ ненавистной женушки обиженный муж, но старалась не сдаваться. Хотя тогда впала в такую депрессию, из которой с трудом выбралась. Артур не пришел на помощь даже в самый критический момент. У него был козырь – супружеская неверность, теперь на меня можно наплевать, и никто не осудит. Что Миллер и сделал.

Нет, я не напилась снотворного, не стала резать себе вены, я обратилась к психиатрам и через некоторое время жестоко поплатилась за это.

Док, а почему Вы меня не спрашиваете о моем детстве? Это первое, с чего начинали все психоаналитики и даже Ли Страсберг. Все старались, чтобы я вытащила из детства все плохое, вспомнила все обиды и тем самым развязалась с ними. Это по Фрейду: все наши неприятности и опасения будущего идут из детства.

Мы очень много говорили о моем детстве и с Хохенбергом, и с Крис, и с Страсбергами, и с Гринсоном. Только зачем это все? Одни и те же вопросы о поступке матери, подбросившей меня другим людям, отца, не желавшего признавать свою дочь, тоска по семье и дому… Это якобы нужно для понимания моего места в нынешнее время. Может, это и нужно, только меня куда больше интересует не то, где я нахожусь, а на что годна и что могу сделать, чтобы состояться уважаемым человеком, хорошей актрисой, способной играть не только Мэрилин Монро, но и серьезные драматические роли.

Я никак не могла объяснить свои метания и сомнения психоаналитикам, а они заставляли и заставляли ходить по кругу:

– Расскажите о своей матери. Не стали ли Ваши первые браки проекцией отношений Ваших родителей?

Но я не знаю, о чем думала моя мама, когда ее забирали в психушку, уж наверное, не о том, каково будет жить мне у чужих людей. Я не знаю, какие отношения были у моих родителей, потому что они не жили вместе, я никогда не видела отца и не

знаю, почему они не стали семьей. Может, в этом была ошибка всех работавших со мной? Я придумывала, и мои страхи никуда не девались, потому что эти страхи вовсе не связаны с отношениями между родителями.

Нет, не так, есть два, которые точно связаны с детством. Я очень боюсь одиночества, потому что в детстве была страшно одинока и такой осталась до сих пор. Именно поэтому я просто цеплялась в тех, кто хотел хоть чем-то помочь, как-то поучаствовать в моей судьбе, даже если делал это за мои же деньги. Поэтому цеплялась за статус замужней женщины с Артуром Миллером, мне казалось, что этот брак сможет вытянуть меня из одиночества.

А еще я боялась и боюсь, что так ничего и не смогу, останусь просто крашеной блондинкой с хорошими формами, которую ценят только за эти формы. Боюсь, что меня больше не за что ценить, что сама по себе я ничего не стою и ни на что не способна.

Эти страхи из детства, но чтобы такое сообразить, не стоит долго ходить по кругу, достаточно одного сеанса. Мне не жаль денег, потраченных на лечение, хотя в случае с Крис оно едва не привело к катастрофе – я оказалась в психиатрической больнице (вот третий страх из детства – закончить свою жизнь, как родственники, в психушке).

Марианна Крис стала моим психотерапевтом в начале 1957 года. Уже тогда было ясно, что снова ничего не складывается. Из Англии мы с Артуром вернулись почти врагами, он откровенно презирал меня, с Милтоном Грином тоже началась почти вражда, фильм «Принц и хористка», на который я так надеялась, снимался настолько тяжело морально, что я чувствовала себя развалиной. К тому же Милтон основательно «посадил» меня на всякие таблетки. Он сам пил их горстями – вечером, чтобы уснуть, а утром, чтобы проснуться. Я не рискнула пить по его примеру дилантин, который заставлял мозг усиленно работать, это страшно, но ежевечерне глотала барбитураты и нембутал. Заснуть удавалось редко, никакого облегчения от сна не чувствовалось, словно это не отдых, а проваливание в темную яму…

Не хочу сейчас об этом говорить, но как-нибудь расскажу, что чувствую, пытаясь заснуть, и потом, когда пытаюсь проснуться. Ненавижу ночи, они страшны, а спать днем не могу, достаточно лучика света в комнате, чтобы я проснулась.

Но сейчас не об этом, я хочу рассказать о докторе Крис и своем пребывании в психушке. Мы очень долго топтались на месте, рассуждая о моем детстве, у меня было страшное ощущение, что я хожу по кругу, причем в глубокой, глубокой

колее, а она становится все глубже, и скоро за ее краями не станет видно не только остального мира, но и неба тоже.

От меня требовались рассказы о детстве, они были болезненны, якобы эта боль, как нарыв, должна была прорвать, созрев. Нарыв становился все больше, но прорывать не собирался, а во мне росла неуверенность и страх на всю жизнь остаться в этой колее. И я… придумывала события детства, которых не было и быть не могло! По словам доктора Крис, выходило, что, вытащив все негативное, что только могло быть в те годы, я смогу освободиться и разом разорвать все свои страхи и сомнения, чего бы они ни касались.

Не знаю, поняла ли она, что я выдумываю, кажется, не поняла, но я пересказывала страшные случаи, которые происходили с моими знакомыми или о которых просто слышала. Сказались годы, проведенные на съемочной площадке, я легко входила в роль и принималась играть обиженную девочку, которую в восьмилетнем возрасте изнасиловал состоятельный старик-постоялец, или еще что-то подобное, как когда-то в детстве рассказывала о своем отце – Кларке Гейбле. Но тогда надо мной смеялись, а доктор Крис верила…

Никакие страхи и негатив мы не уничтожили, я по-прежнему боюсь одиночества, сейчас еще больше, чем раньше, по-прежнему боюсь психушки и боюсь не состояться.

Зато бесконечные тягостные разговоры пять раз в неделю, не принося облегчения, полностью подчинили меня влиянию доктора Крис. Я уже не могла и дня обойтись без этих тяжелых бесед, беспокойство вместо того, чтобы рассеиваться, только усиливалось. Усиливалась моя зависимость от доктора, боязнь оценки. Кроме ожидания оценки от Страсбергов за какие-то этюды, сыгранные у них на занятиях, я начала переживать и из-за оценки работы над собой со стороны доктора Крис.

Глупо, да? Я платила немалые деньги психоаналитику, чтобы она освободила меня от беспокойств, помогла обрести себя, стать свободной и уверенной женщиной, а Марианна Крис, напротив, ввергала в еще больший страх и зависимость.

Чтобы стать увереннее в себе, я старалась забыть те годы, когда у меня не было ни дома, ни семьи, когда я от всех зависела, должна была всегда и всем угождать и улыбаться. Мне нужно было подтверждение, что я смогу добиться чего-то сама, создам дом и семью, а меня заставляли снова и снова возвращаться в те страшные годы. Наверное, у кого-то и происходило освобождение от страхов и проблем при использовании такого метода, но у меня нет, я все больше замыкалась в своих страхах и выхода не видела.

Кроме того, был страх осуждения и со стороны Крис, и со стороны Ли Страсберга. Я страшно неуверенный в себе человек, чтобы я играла или раскрепостилась, нужны либо полное погружение в роль, как было в «Зуде седьмого года», либо чья-то поддержка. У меня ничего этого не было. Но и сидя перед доктором Крис, я чувствовала себя словно на сцене. Это из-за необходимости «играть» свое детство. Почему-то было боязно не оправдать ее ожидания и сказать что-то не то.

Закончилось все очень плачевно. День за днем оказываясь в ловушке ненужных и тяжелых размышлений, я скатывалась в какую-то пропасть самоедства, самобичевания и самоуничтожения.

Знаете, во что все вылилось? Это произошло позже, но произошло.

Доктор Крис испугалась того, что происходило, и попросту отправила меня в больницу! Они солгали, накачали меня наркотиками и дали подписать какую-то бумагу. Я мало что понимала в том состоянии, цеплялась за Марианну Крис, как за последнюю надежду вылезти из ощущения провала в темноту, и готова была ради этого на все. Но даже сейчас я помню, что разговоры были об отдыхе в больнице, никто не говорил, что меня поместят в психушку!

Как могла доктор Крис, прекрасно знавшая, что моя мать именно в таком заведении провела половину жизни, что мои бабушка и дедушка тоже страдали сумасшествием, что я до смерти боюсь свихнуться и попасть в психиатрическую лечебницу, отправить меня туда, как буйную больную? Да, после известия, что многие считают меня виновницей смерти Кларка Гейбла (хотя он умер просто от перенапряжения), у меня была мысль выброситься из окна. Но разве не дело психиатра помочь пациенту выйти из такого состояния, внушить надежду на жизнь, а не изолировать его в четырех стенах без окон и с прозрачной дверью? Наверное, доктор Крис просто испугалась ответственности и торопилась переложить ее на других, но не лучше ли было просто оставить меня в покое?

Я очень смутно помню то, как оказалась в стенах больницы, зато помню, как меня долго вели какими-то коридорами и за нами с грохотом закрывались двери.

– Где я?

Думаете, ответили? Нет, я для них помешанная, с которой разговаривать не стоило.

Док, это камера, настоящая камера, где окна зарешечены, а дверь стеклянная! И никаких ширм, чтобы спокойно сходить в туалет или помыться, все на виду у персонала. Я никогда не стеснялась наготы, но только не вынужденной. Когда сквозь стеклянную дверь видишь, как по ту сторону собирается персонал, чтобы посмотреть, как я буду сидеть на унитазе или биде, как я сплю или не сплю, но мучаюсь посреди голых стен… очень хочется запустить чем-нибудь в эту стеклянную дверь.

Меня охватил настоящий ужас, ведь случилось то, чего я так боялась, – психушка! Немного придя в себя и осознав, где

нахожусь, я просто впала в панику. Найдите человека, даже никогда не бывавшего у психиатра и не имеющего больных родственников, который не испугался бы на моем месте. Перестало хватать воздуха, показалось, что не просто проваливаюсь в черную яму, но и задыхаюсь.

Идиоты-врачи считали меня сумасшедшей. Персонал таращился на меня сквозь стеклянные двери, как на диковинку. Потом я узнала, что доктор Крис поместила меня туда под вымышленным именем как Фэй Монро, но это не помогло, скоро все поняли, что я Мэрилин Монро, и любопытных у двери прибавилось, всем интересно посмотреть на сумасшедшую звезду.

Кажется, я устроила настоящую истерику, требовала выпустить меня: запустила в окошко стулом, чтобы привлечь к себе внимание не любопытного персонала, а хотя бы врачей. Разбитые в кровь кулаки, запущенный в стекло стул привели только к тому, что у меня отобрали все: одежду, сумочку, книги, которые Крис позволила взять с собой, обещая, что я смогу почитать во время «отдыха».

Больничная рубаха (с обещанием связать рукава за спиной, если не перестану буянить), круглосуточный надзор и снова лекарства, после которых впадаешь в состояние прострации.

Сколько дней или ночей прошло? Не знаю, получается, что двое суток. Двое суток непрекращающегося кошмара и состояния действительно близкого к помешательству. Док, знаете, каково это – бороться за собственный разум, когда тебя поместили в каменный мешок безо всякой связи с внешним миром и надежды выйти, да еще и уверяли, что ты уже свихнулась? Чтобы действительно не потерять остатки способности воспринимать действительность, я принялась рассуждать: просто это я играю помешанную. Для того чтобы ее играть, вовсе не обязательно и впрямь быть таковой. Меня поместили в декорации палаты для умалишенных и забыли там на некоторое время. Беситься и бить стекла бессмысленно, я должна вести себя как нормальный человек.

Я принялась мысленно читать стихи, вспоминать, но совсем не свое детство или больных родственников, а лучшие моменты своей жизни, интересных людей, тех, с кем я общалась с удовольствием. Артура не вспоминала.

А идиот-доктор все задавал и задавал один и тот же вопрос:

– Почему вы чувствуете себя такой несчастной?

– А вы были бы счастливы, окажись запертым в камере-одиночке с зарешеченными окнами?!

Он чуть улыбнулся:

– Но ведь я тоже здесь…

– Сидите? Лежите? Нет! Вы можете выйти, так выпустите и меня тоже. Я буду счастлива.

Помню еще один дурацкий вопрос:

– Как вы полагаете, почему и что с вами происходит?

Я взорвалась:

– Я плачу огромные деньги врачам, чтобы вы разобрались в этом, а вы спрашиваете меня?!

Кажется, после этой фразы он задумался. Во всяком случае, мне разрешили написать записку, а потом позвонить.

Получается, они вовсе не были уверены в моем сумасшествии, но поместили сразу в каменный мешок, как буйную.

Я написала Страсбергам. Кому же, как не им, моим самым близким друзьям и наставникам? Умоляла вытащить меня оттуда, потому что, оставаясь, я наверняка свихнулась бы и действительно.

Казалось, Страсберги должны примчаться и немедленно доказать лечащим врачам, что я нормальная, хотя очень нервная и способная впадать в депрессию. Док, но ведь депрессия и сумасшествие не одно и то же?

Мне стоило огромных усилий справиться с собой и удержаться от еще одной истерики в ожидании ответа от Страсбергов. Я понимала, что если начну снова бить стекла или демонстративно раздеваться, чтобы устроить шоу для персонала, то не выйду оттуда никогда. Старалась вести себя как можно спокойнее и сдержаннее.

Но ответа от Страсбергов не было. Как знать, может, им и вовсе не передали мою записку? Знаете, какое это отчаянье, когда те, кому ты веришь и на кого рассчитываешь, не приходят на помощь? Что я могла думать: что они поверили в мое помешательство и отказались от своей сумасшедшей приятельницы или что просто ничего не знают обо мне? И то и другое ужасно, потому что отказ самых близких людей, которым доверяешь, означает гибель. Но и то, что, позволив для вида написать кому-то, эту записку не передают, означает, что выбраться из каменного мешка невозможно.

Понимаете, оба варианта означали гибель! Наверное, я никогда не была такой собранной и решительной, как тогда, когда там, в психушке, пыталась добиться своего освобождения. Осознав, что требовать подобное бесполезно, напротив, это приведет только к ужесточению содержания, я принялась осторожно просить, чтобы мне позволили позвонить хоть кому-то.

Среди персонала нашлась добрая душа, разрешившая воспользоваться телефоном. Но как назло нью-йоркских друзей

не оказалось дома, хотя я не представляла, что им скажу, ведь никто не знал, где я.

И тогда я разыскала во Флориде Джо Ди Маджио! Это нечестно – прибегать к помощи Джо, с которым мы давно расстались и столько не виделись? Может быть, но тогда мне показалось, что только крепкое плечо Джо может защитить меня, только он может вытащить из этого кошмара.

Я не ошиблась, Джо Ди Маджио примчался в тот же день, бросив все свои дела, он осадил больницу, пообещал доктору Крис, что если меня немедленно не выпустят под его присмотр, то он разнесет всю клинику по кирпичику и поднимет такой шум, какого Нью-Йорк еще не видел! А самой доктору Крис, кажется, обещал, что я буду ее последней пациенткой, потому что все узнают, что она делает с теми, кто обращается к ней за помощью. Он не сделал этого и больше не упоминал о своей угрозе, но однажды вскользь проговорился. Вообще-то правильно, потому что доктор Крис сначала долго выкачивает деньги за пустую болтовню, доводя до тяжелой депрессии, а потом сплавляет в психушку, вместо того чтобы из этой депрессии помочь выбраться.

Если честно, то сейчас происходит нечто похожее – я снова привязана к психоаналитику, как когда-то к Крис, мы снова обсуждаем мое детство и мои детские страхи и снова встречаемся ежедневно. Неужели грядет повторение?! Нет, тогда уж лучше сразу спрятаться за спину Джо Ди Маджио!

Но я вернусь к своему выходу из больницы.

Джо поднял на ноги всех, кого знал в Нью-Йорке, и сумел добиться, чтобы меня выпустили. Я должна была уехать оттуда вместе со своим массажистом и другом Ральфом Роберте и с доктором Крис. Но я категорически запротестовала, боясь, что просто наброшусь на Крис и меня вернут обратно, как буйнопомешанную. Ненавижу эту женщину, она монстр, которого нельзя подпускать к людям, а тем более к детям, которых она пытается лечить. Представляю, скольких малышей эта доктор изуродовала, скольким отравила всю их жизнь!

Терпеть ее пришлось, потому что эта преступница привезла меня в больницу, она должна была и забрать. Я стиснула зубы и молчала, пока мы не сели в машину и не выехали за ворота клиники. Доктор Крис всю дорогу с ужасом повторяла, что она сделала страшную вещь.

– Почему же вы не исправили ее за столько дней?! Видеть вас больше не желаю!

Я не знаю, действительно ли она переживала из-за того, что едва не погубила меня, сомневаюсь и не верю Крис больше. Ради

своих экспериментов она чуть не упекла меня в психушку навсегда. Не возьми я себя в руки и не приди мне на помощь Ди Маджио, не будь он столь настойчив, все могло закончиться очень плохо.

Меня все же поместили в Неврологический институт Колумбийского университета, но не в палату к психам, а просто чтобы привести в себя после «лечения» доктора Крис. Отвез туда сам Джо Ди Маджио и каждый день навещал, чтобы убедиться, что я в порядке. Джо превратился в мою сиделку. Как я ему благодарна за спасение!

Однажды он спросил, почему я не позвонила Артуру, ведь у Миллера достаточно много знакомых в Нью-Йорке. Артуру? Нет, ни за что! Миллер потребовал бы, чтобы в моей камере поставили тройные решетки, а на меня саму надели смирительную рубашку! Артур считает меня впавшей в детство и ни на что не способной. Но об этом я Вам уже рассказывала, не хочу повторять.

Я пробыла в той клинике почти месяц, и все это время Ди Маджио опекал меня, как мог. Там никто не предлагал отправиться на трудовую терапию, как в первой больнице. Трудовая терапия – это шитье, вязание, игра в шашки. Когда я заявила, что никогда не занималась такими делами и делать этого не собираюсь, потому что не такая, как все, это сочли еще одним признаком безумия.

Но разве это не так? Ведь если вдуматься, каждый человек не такой, как все. Почему все должны любить шить, вязать или играть в шашки? Я люблю читать Фрейда, хотя Артур однажды сказал, что Фрейд тяжеловат для моего ума. Это подразумевало, что я умственно не доросла до Фрейда. Артур никогда не считал меня достаточно умной для серьезных книг, ролей или занятий. Неужели он прав?

Я устала… Сегодня больше не могу… Еще потом, потом…

Худшего подарка, чем сценарий «Неприкаянных», Артур мне сделать не мог. Он привык анализировать, копаться в своих чувствах, раскладывать все по полочкам. Я тоже люблю копаться в своих мыслях и ощущениях, но это совсем другое. К тому же Артур не пытается понять, почему пришли такие мысли или что они означают, а фиксирует и оценивает. Я всегда боялась услышать негативную оценку, потому что за ней могло последовать изгнание, ненужность, одиночество. Еще с детства привыкла: для того чтобы остаться в семье, нужно быть приятной, нравиться, поэтому любое осуждение вызывает либо панику, либо отчаяние.

Страсберги и все мои психотерапевты говорили о низкой

самооценке, думаю, она именно из-за этой боязни. И Блондинка тоже боится, но она умеет скрывать за показной бравадой и почти наглостью. Я не потому заставляю себя ждать часами и столь необязательна, что не могу с собой справиться. Справиться действительно не могу, но больше со страхом быть осужденной, отвергнутой теми, к кому должна выйти, прийти, с кем должна работать. Не лень и не капризы причина моей необязательности, а страх. Это поняла Джейн Рассел, просто беря меня за руку и выводя на площадку. Это понял и Ив Монтан, за шиворот вытаскивая на съемки, но с Рассел мы давно не встречаемся, а Ив меня предал.

Артур сделал еще хуже, он вытащил все мои страхи, облек их в действия и слова и даже продумал дальше. Но он не понял меня и эти страхи, в образе Розлин Миллер показал меня такой, какой видит сам. Получилось нечто тягучее, неудобоиграемое, непригодное для фильма. Артур – прекрасный писатель, когда дело касается передачи чувств и мыслей на бумаге, но он никудышный кинодраматург, то, что блестяще выглядит в повести и даже театральной пьесе, никуда не годится в кино. Даже пьесы переделывают, а уж новеллы тем более. Но переделывать должен тот, кто в этом смыслит. Можно поставить «Старика и море», гениально сыграть, но для этого нужен опытный сценарист, опытный режиссер, опытный оператор и гениальный актер.

Но и гениальный актер не сыграет, если играть нечего. Даже телефонный справочник играть легче, чем написанное Артуром якобы в качестве сценария. Реплики скучны и вымучены, все затянуто; создавая сценарий, Миллер имел в виду нас двоих, нам он и был понятен, а остальные просто скучали. Артур может писать гениальные пьесы, новеллы, рассказы, романы, все, что угодно, но только не киносценарии. Новелла в сотни раз лучше, к чему переделывать уже созданные образы? Артур переделывал до самого конца съемок, доводя образ Розлин до полной негодности. Остальные получились не лучше.

Почему согласился играть Кларк Гейбл, зачем ему, актеру, уже имевшему славу, деньги, огромный опыт, понадобилась вялая, точно подыхающая от жары роль Гая? Не знаю, чем его взял Миллер, но даже участие Гейбла не спасло фильм от провала.

Сами съемки стали кошмаром. Хьюстон, согласившийся снимать фильм, зачем-то потащил нас в пустыню, хотя все понимали, что работать на жаре будет очень тяжело, а у актеров возникнут проблемы со здоровьем. Кларк уже в возрасте, у него больное сердце, но актер глотал виски, невзирая на запреты врачей. Монтгомери Клиф накачивался наркотиками не меньше меня, правда, его за это никто не осуждал… От жары страдали все, даже сам Артур.

Но куда больше мы страдали от того, что вынуждены играть, ведь роль Клифа просто списана с его собственной судьбы, и это жестоко, потому что Клиф несколько лет назад попал в автокатастрофу и у него изуродовано лицо, так же изуродован на родео герой Клифа.

В общем, было ужасно, не хочется даже вспоминать. Артур просто показал нам всем, как он наблюдателен и как умеет этим пользоваться. Скучнейший, тоскливый конфликт пары, которая парой быть просто не может, – Розлин и Гай, настолько они разные, настолько каждый занят своими жизненными ценностями. Вымученное примирение в конце не убедило никого. Понятно, что в образе Розлин Миллер вывел меня, такую, какой видел сам (ни Мэрилин, ни Норма, ни то ни се). А кто тогда Гай? С одной стороны, это сам Артур с его измышлениями и менторским подходом к жизни и людям, несмотря на всю его интеллигентную терпимость, он именно таков. С другой – Кларк Гейбл, играющий роль. И это для меня страшно, Артур словно показывал, что между моей детской мечтой Кларком Гейблом и мной самой нет и не может быть ничего общего! Вот твое место, глупая Блондинка, если хеппи-энд и написан, то звучит фальшиво.

Миллер растоптал мою последнюю иллюзию, доказав, что даже детские мечты Нормы Джин ничего собой не представляют. Нет, он всем твердит, что заботился обо мне, старался ободрить, поддержать, оградить от людей вроде Страсбергов. Если хотел оградить от Страсбергов, то нужно было просто за руку увести из их студии, а не смотреть молчаливо, как я попадаю в полную зависимость от Ли и Полы. Но Артур сначала отстраненно наблюдает, ни во что не вмешиваясь, а потом разводит руками, мол, я же говорил, что будет плохо…

Так во всем, он позволил Хьюстону окончательно выхолостить сценарий, а потом сокрушался по поводу упущенных возможностей. Интеллигент чертов! Сначала долго смотрит, как мне колют наркотик, а потом вздыхает, что это вредно. Если ты понимаешь, то гони в шею всех врачей, собственноручно выброси лекарства, дай пинка Поле, а не сокрушайся. Я ненавидела

Миллера за это невмешательство и последующее осуждение! Мне кажется, он будет стоять на берегу, глядя, как я тону, а потом долго рассказывать всем, как советовал покрепче держаться за спасательный круг (хорошо, чтоб его еще и кинул кто-то другой). Он готов поддерживать тех, кто способен идти сам, а тем, кто на костылях, всегда даст дельный совет:

– Не оступись, не поскользнись, ставь костыль ровнее.

Меня обвиняли в смерти Кларка Гейбла, мол, своими опозданиями я заставляла его ждать на жаре по несколько часов, ему якобы было смертельно скучно. Но это не так! То есть я не хочу сказать, что не опаздывала или Гейбл не скучал, просто он был даже доволен затяжкой съемок. Понимаете, по контракту съемки с Кларком Гейблом всегда начинались, а главное, заканчивались минута в минуту, все сверх того оплачивалось отдельно и по сумасшедшему тарифу. Кларку, видно, подсказали, и в контракте он оговорил такое условие, как стоимость сверхурочных, если приходится работать не по его вине. Гейбл талант, он работал прекрасно, был очень пунктуален и получал за мои опоздания 50 000 долларов еженедельно. Согласитесь, неплохая компенсация необходимости дремать в кресле первую половину дня.

Да, в Неваде было очень жарко, всем приходилось потеть и мучиться, но Гейбл же не сидел на солнце, он отдыхал в своей гримерке под вентилятором. Просто не нужно было изображать из себя ковбоя и работать наравне с каскадерами, все же Кларку не двадцать лет.

Конечно, это вовсе не оправдание, в его смерти обвинили меня, а уж Артур и Хьюстон особенно. Миллер выплеснул на меня всю свою ненависть, словно я собственноручно придушила Кларка Гейбла в Неваде. Неужели нельзя просто и спокойно развестись? Он разочаровался во мне? Но ведь и я в нем тоже, почему его разочарование стоит принимать во внимание, а мое нет?

Но если бы жена Кларка Гейбла Кэй считала меня виновной в его гибели, разве позвала бы на крестины их младенца Джона Кларка, родившегося уже после смерти отца? Она молодец, сумела переступить через все нашептывания и сплетни, своим приглашением Кэй показала всем, что не считает меня ни в чем виноватой. Я готова просто носить и маму, и малыша на руках, задарить их подарками, но не только из чувства благодарности, я вообще обожаю детей, а уж сына Кларка Гейбла чувствовала своим младшим братишкой. Глупости? Ничуть, он продолжение обожаемого мной человека.

В этом обожании не было ничего дурного, никакой сексуальности или попытки завести с ним интрижку. С Кларком Гейблом очень легко и душевно работать, несмотря на все тяготы съемок «Неприкаянных». Он безумно талантливый и тактичный человек, вот Гейбл ни за что не сказал бы, что целовать меня все равно что целовать Гитлера, даже если ему это было просто омерзительно. Нет, Кларк сумел бы скрыть свои негативные чувства, чтобы не портить мне настроение и жизнь.

Я не могу говорить о Кларке Гейбле в прошедшем времени. Он просто уехал на съемки и скоро вернется. Когда я сказала об этом Кэй, она расплакалась:

– Мне кажется так же. Хотя и похоронила Кларка…

– Ничего подобного! Это был его экранный образ в «Неприкаянных». Омерзительный фильм, который стоило бы похоронить вместо Кларка.

Удивительно, Док, люди, которые близко знакомы или знакомы со мной едва, делятся на три категории. Одни, и таких большинство, считают глупой фигуристой блондинкой, ни на что не способной, которая только и годна, чтобы демонстрировать свое тело и вызывать сексуальное возбуждение.

Другие, их много меньше, они знакомы со мной ближе, знают, что я на многое способна, но при этом считают, что не способна сама, без чьего-то руководства и опеки. Такие воспринимают меня маленькой, заблудившейся в жизни девочкой, которую нужно крепко держать за руку и вести за собой. При этом хорошо бы и глаза завязать, чтобы не задавала лишних вопросов вроде «куда ведет эта тропинка?», «почему она узкая?», «мы движемся вверх или вниз?». Мои наставники сначала долго и серьезно учат меня, как делать каждый шаг, а потом презирают за то, что поступаю только по их подсказке. Иногда они даже сами не понимают, что крепко берут за руку, не позволяя шагнуть хоть чуть в сторону, но при этом требуют самостоятельности и корят за ее отсутствие. Откуда возьмется самостоятельность у человека с завязанными глазами, вынужденного на каждом шагу спрашивать, туда ли он ставит ногу? Только если шагнуть, забыв об осторожности, пусть и в пропасть.

Но если я только заношу ногу, чтобы сделать такой шаг, раздаются крики:

– Остановись! Ты не знаешь, куда идти!

Я инвалид, мои ноги переставляют, мои руки передвигают, мне подсказывают слова и действия, поступки и мысли. Нет, я не инвалид, а марионетка, вынужденная каждую минуту поступать

по воле моих кукловодов. Когда понимаешь это, становится страшно. Получается, что я ни на что не способна сама по себе? Я не способна играть без подсказки сначала Наташи Лайтесс, потом Полы Страсберг, не способна сама понять роль, сама произнести реплику, сама почувствовать, что именно должна выразить в сцене.

Постоянная опека породила жуткую зависимость в постоянном наставлении и похвале. Если я не слышу одобрения Полы или Ли, подтверждения, что произнесла фразу без запинки с нужной интонацией и сделала нужный жест, я теряюсь. Глупо, потому что при одной мысли, что сделаю что-то не так, неправильно, собьюсь или сфальшивлю, я тут же запинаюсь, забываю текст и фальшивлю или вообще останавливаюсь.

Все считают, что я не способна выучить даже маленький текст и произнести его без ошибок, но это не так. Просто я жду этих ошибок, жду запинки, жду, что забуду. Если чего-то боишься или ждешь, оно обязательно происходит. Почему ни Наташа, ни Пола никогда не внушали мне, что я все смогу сама, без поддержки, что я взрослая женщина и вполне способна, отрепетировав сцену заранее, больше не обращаться взглядом к наставницам во время съемки?

Простите, Док, я снова принялась говорить на тему, о которой уже рассуждала. Я не так глупа и забывчива, все прекрасно помню, что говорила и делала, просто я не уверена в себе, а потому иногда повторяюсь, хожу и хожу по кругу.

Мне кажется, что если бы мои наставники поняли то, что я поняла сама о себе, они бы работали со мной иначе.

Да, я начала рассказывать Вам о трех типах отношения ко мне. Первые – это люди, считающие меня глупой блондинкой, вторые думают, что я неглупа, но ни на что не годна сама по себе. Но есть третьи, их очень-очень мало, так мало…

Это те, кто считает, что я пусть не все, но многое могу сама. Сама, понимаете, без опеки, без ежеминутного присмотра и наставлений, что я на что-то гожусь без подсказки, могу думать, выражать свои мысли, играть роли, писать стихи, жить, наконец!

Эти люди тоже делятся на две группы. Одни знают меня очень мало, потому что встречали редко, но успели поверить в мои способности и не успели разочароваться. Другие знают обо мне все, но все равно верят в меня. Док, у меня на глазах слезы, потому что один из таких людей, самых дорогих мне, это Вы. Это не комплимент. Знаете, чем Вы поразили меня с первой же встречи, хотя и совершенно не представляла, как будут развиваться наши отношения дальше? Помните, Вы спокойно спросили, что случилось? И я вдруг почувствовала, что Вы

спрашиваете не из вежливости, увидев одиноко стоящую на берегу несчастную женщину, а потому что Вам действительно не все равно, брошусь я вниз или нет.

Док, я помню наш диалог.

– Что случилось?

– Я потерялась…

– В городе?

– Нет, в жизни…

– Это серьезно.

Куда уж серьезнее. Я не знала, кто Вы, да и сейчас толком не знаю. Но Вы в тот первый вечер поверили в то, что я, Мэрилин Монро, глупая блондинка, способна разобраться в своих проблемах сама, и не просто разобраться, а выпутаться из них. Очень хочется думать, что Вы все же читаете мои магнитофонные записи, а не просто складываете рисунки в мусорную корзину.

Но даже если это так, я все равно буду думать, что Вам небезразлично мое состояние, если Вы уже столько времени встречались со мной и забирали то, что я приношу. Конечно, это все куда нужнее мне, чем Вам, да и денег Вы не берете… Если честно, то была мысль, что записи можно будет использовать в корыстных целях (видите, я откровенна), но какая разница, я ничего не скрываю, используйте, если понадобится. На моем имени так много людей делают деньги… Я уже привыкла.

Док, есть еще один человек, который любит меня такой, какая я есть, и верит в меня. Которому не нужен грим, правильно произнесенная фраза во время съемки, до него не нужно тянуться, вставая на цыпочки, чтобы соответствовать интеллектуальному уровню, ему не нужны мои деньги, моя поддержка в качестве музы, ему не нужно мое имя, не нужна слава Блондинки… Джо Ди Маджио нужна только я сама, я Норма Джин, даже основательно растолстевшая, ни на что не способная, безвестная и всеми презираемая. Джо нужна я, и какая же я дура, что не поняла этого раньше!

Да, он бил меня, мешал сниматься, не позволял фривольные сцены на площадке, но Джо любил меня всегда. Поверьте, мои слова не благодарность за то, что он вытащил меня из каменного мешка психушки, это благодарность за его всегдашнюю любовь ко мне. С Джо бывает скучно и не о чем говорить? А разве есть о чем говорить с Артуром? То есть мне есть, но он не желал опускаться до моего уровня и презрительно встречал все попытки подняться до его. Разве легче со Страсбергами, которых я люблю и уважаю?

Конечно, Джо Ди Маджио несопоставим с Д.К. и его братом Р.К., но для братьев я тоже всего лишь эпизод в жизни, а для Джо единственная.

Дура! Дура! Дура! И Фрэнк с его безумной страстью мне тоже

не нужен! Мне нужен Ди Маджио, хотя бывают минуты, когда я совсем в этом не уверена.

Снова запуталась. Ну почему я путаюсь, как только пытаюсь разобраться в себе и окружающем мире?!

Джим Догерти сказал бы:

– Детка, живи проще.

Джимми прав, но у меня не получается… Мир такой сложный, в нем слишком тяжело жить просто, особенно если все время приходится играть какие-то роли. Я имею в виду не только роли на съемочной площадке, но и в жизни.

(Пленка № 8 либо стерта, либо намеренно испорчена, восстановлению не подлежит. На бобине нацарапано: «Фрэнки» и инициалы «Д.К.» и «Б.К.», это позволяет предположить, что записи касались Фрэнка Синатры и братьев Кеннеди. Возможно, запись стер сам Генри Уолтер, ведь хранить откровения Мэрилин Монро, близко знавшей Синатру и Кеннеди, действительно опасно. Пленка могла быть испорчена позже. – Прим. пер.*)*

Я никому не могу доверять, Док. Это так больно – понимать, что любой, кого ты допускаешь ближе к себе и в свое сердце как друга, вдруг может предать, продать тебя, чтобы заработать деньги.

Хотите расскажу, почему я вдруг вернулась из Нью-Йорка? Да, Голливуд – страшное место, но здесь ты по крайней мере знаешь, чего ждать. Мне казалось, что в Нью-Йорке я затерялась в толпе, что там я такая, какой хочу быть. Конечно, меня караулили журналисты, при любой возможности фотографировали, но просто вспышки камер привычны. Другое дело, если тебя некрасиво подставляют под фотокамеры, нарочно создавая скандальную ситуацию.

Что может быть со мной скандального, если мое тело уже видели обнаженным, о моей семейной жизни знают всё и все, моя биография известна и обсуждена до мелочей?

Но кому-то понадобились жареные факты. Скандалами с опозданиями на съемки никого не удивишь, развод уже обсудили, злословить по поводу возможного возрождения моего брака с Джо Ди Маджио тоже надоело… И тогда придумали лесбийскую любовь.

Как делаются сенсации? Если нет ничего подходящего, его нужно придумать и организовать. Одна из моих приятельниц по актерской студии попросила помочь ей с проработкой сцены. Меня это удивило, но не насторожило. Вообще-то странно, потому что я лучшей ученицей у Страсбергов не была, сидела

тихонько в уголке, больше слушая, чем высказываясь, но помочь согласилась.

Почему меня не насторожило место, где приятельница собиралась читать сцену – в ресторане, – не знаю. Более нелепой обстановки для театральных занятий не придумать, но я не ожидала подвоха. За столиком она уселась не напротив, а рядом, якобы для того, чтобы не говорить громко. Сцена оказалась любовной и страстной. Сначала мы немного выпили, потом принялись обсуждать, как передавать волнения страсти голосом и телом, а потом… приятельница (теперь уже бывшая) вдруг притянула меня к себе и буквально впилась в мой рот своими губами.

Я настолько растерялась, что в первое мгновение даже не осознала, что происходит! В чувство меня привели вспышки камер – сидевшие в засаде журналисты принялись щелкать фотоаппаратами, запечатлевая лесбийский поцелуй Мэрилин Монро! Вырвалась я быстро, отшвырнув в сторону «подругу», но немало кадров сделать все же успели.

Гадко было даже не то, что она вдруг стала прилюдно выражать свои чувства (думаю, их и не было), даже не то, что защелкали фотоаппараты (я привыкла, что меня ловят на каждом шагу), а то, что столь предательски поступила та, которой я доверяла.

Вот Вам и город Нью-Йорк, где среди толпы можно затеряться и жить своей жизнью! Даже если на Вас перестанут обращать внимание соседи или продавцы местных магазинов, перестанут узнавать таксисты и аптекари, то всегда найдется «подруга», готовая продать за тридцать сребреников и организовать безобразную сцену ради газетной утки.

Я не представляла, как смогу встретиться с ней снова, а потому позвонила Поле Страсберг и со слезами сказала, что больше не буду заниматься в студии. Конечно, пришлось рассказать Поле о причине, она уговаривала не бросать занятия, обещая изгнать мою обидчицу, но я отказалась. Это нелепо, словно мы маленькие девочки, одна из которых отобрала у другой любимую игрушку или насыпала песок в волосы. Нет, мне не нужно такое заступничество, тем более эта «подруга» при случае обязательно расскажет, что это я сама к ней приставала.

Я решила вернуться в Голливуд, который ненавидела и любила, проклинала и боготворила, в котором было трудно и легко одновременно. Я вернулась в Лос-Анджелес.

Не верьте тому, что я говорю, я вернулась не из-за дурацкой выходки приятельницы, вовсе не из-за нее. Кроме предательства,

я уже ничего ни от кого не жду, а одним скандалом больше… мне не повредит, испортить мою репутацию невозможно, она уже испорчена.

Я попыталась бежать от прежней жизни, в которой не удалось ничего, а еще бежать от диктата.

Черная полоса продолжалась… Умер Кларк Гейбл, это было ужасно, потому что меня в его смерти обвиняли все. Для меня его смерть была особенно тяжела (хотя я понимаю, что жене еще тяжелее), потому что умерла последняя связь с прошлым, с детством, умерла последняя моя мечта, словно оборвалась еще одна нить…

Док, все мои мечты, стремления одно за другим разрушались.

Кажется, к чему жаловаться, мечты сбылись. Док, есть такой совет: бойтесь своих желаний, они могут сбыться. У меня сбылось, но счастья нет и не было, все не так.

Я хотела играть в Голливуде – играю, но Голливуд меня ненавидит, даже за роль в «Джентльменах…», которую все признали звездной, меня не подумали номинировать на «Оскар», я получала награды в Европе, но только не в Америке. Голливуд, скрепя сердце, признал кассовость моих фильмов, но не признал меня как актрису. Оказалось, что проклятый Занук тут ни при чем.

Я мечтала о славе, об известности – популярной стала, но слава принесла больше обид и разочарования, чем радости. Постоянные сплетни, ложь, скандалы, в которых я и не была виновата, если толпа, пусть даже восторженная, то готовая растерзать, если осуждение, то полное…

Мечтала стать высокооплачиваемой актрисой Голливуда. Высокой оплаты добилась только в последние годы, когда сниматься уже не хочется.

Мечтала о хорошей семье, своем доме, о детях… Ничего этого нет, в доме пусто и неуютно, я сама никому не нужна, меня бросают все – от мужей до любовников.

Мечтала сыграть с Кларком Гейблом – сыграла и никогда себе этого не прощу, хотя не виновата.

Мечтала… мечтала… мечтала…

Я не сидела, сложа руки, я все годы работала, но ни одна мечта не сбылась. Я сама виновата? Конечно, но есть одно, что мешало мне всю жизнь, – мной всегда управляли, я никогда и ни в чем не поступала самостоятельно.

Есть только одно, что я сделала сама, хотя мне помогали, – создала Мэрилин, создала Блондинку, с которой теперь отчаянно борюсь. Что это, почему?!

От таких мыслей есть только одно спасение – наркотики. Сдохну? Ну и что, едва ли найдется десяток человек, которые пожалеют.

Или все-таки стоит за себя побороться, жизнь-то продолжается?

Это катастрофа. У меня катастрофа, Док.

Посмотрите на рисунок, и Вы поймете. Да, я, как кукла-марионетка, обрезала держащие нити и, как она же, погибла.

Думаете, это свобода? Нет, это оказалась гибель. Меня нет, меня просто нет. Такая, как я сейчас, я ни на что не способна и никому не нужна. Без Мэрилин Монро не существует Нормы Джин! Я это она, а она это я, и я совершила страшное – уничтожила Мэрилин.

Я не брежу и не сошла с ума, хотя, скажи я кому-то другому то, что говорю сейчас, снова оказалась бы в камере со стеклянной дверью и без возможности выйти оттуда или кому-то позвонить. Хотите убедиться, что Мэрилин больше не существует? Посмотрите «Неприкаянных».

Я Вам уже рассказывала и о фильме, и о съемках, и о смерти Кларка Гейбла после них, и даже о том, как сама оказалась в психушке. Но тогда я не понимала главного – я всему миру показала, что Мэрилин умерла. У толстой бледной тетки, которая есть в фильме, нет и сотой доли Мэрилин! И дело не в потере формы, не в том, что сильно поправилась или плохо загримирована, в ней нет искры. Потухла, понимаете?

В глупых голливудских фильмах, где приходилось произносить ничего не значащие, пустые реплики, улыбаться,

улыбаться и улыбаться, ходить, покачивая бедрами, чтобы вызвать слюноотделение у мужской половины зрительного зала, где я изображала глуповатую блондинку, было какое-то свечение, там я жила. А в «Неприкаянных», где роль Розлин якобы писалась для меня, я деревянная кукла, не вызывающая не только вожделения, но и каких-то других чувств, кроме разве досады или разочарования.

Я была в ужасе оттого, что все воспринимают мою маску за меня саму, но когда маску сбросила, оказалось, что Норма Джин мало кому интересна и даже скучна.

Пятнадцать лет назад я начала свой путь к славе в Голливуде. Известность в качестве фотомодели у меня уже была. Пять лет из них я как Норма Джин штурмовала студии, почти вымаливая ничтожные роли, готовая на все, только бы услышать эту команду «Мотор!» и знать, что кадры со мной не вырежут. Пять лет я училась не только играть, я училась быть Блондинкой, я создавала ЕЕ, пестовала походку, внешность, манеру вилять бедрами, взмахивать ресницами, говорить, смотреть, я создавала ЕЕ ауру, хотя говорят, что ауру создать невозможно.

Создала и очень недолго упивалась этой ролью, купаясь в лучах славы, пока не поняла, что все не так просто и Блондинка становится сильнее меня самой.

Еще пять лет я доказываю всем, просто кричу на весь белый свет, что я это не она! Доказываю, что Блондинка только маска, пусть привлекательная и приносящая много денег, но роль, что я способна на большее.

У меня ничего не получается, Док, никто не верит, никто, даже Артур. Все считают, что если и есть раздвоение личности, то между целеустремленной, талантливой, хотя и вульгарной Мэрилин и той же Мэрилин, но бестолковой, мало на что способной и мятущейся. «Чего тебе не хватает?» – самый частый вопрос от моих друзей.

Страсберги решили его по-своему – поддержки, и поддерживают, вернее, просто диктуют, как жить, что делать, что говорить, что думать… Я благодарна за поддержку, но ее мало, мне нужно понимание моей настоящей двойственности, понимание, что Норма Джин еще жива и она куда умнее и лучше Блондинки.

Док, я не могу больше носить ЭТУ МАСКУ, я так хочу от нее освободиться!

И одновременно страшно, до животного ужаса… боюсь. Да, боюсь, потому что под маской может ничего не оказаться, совсем ничего. Вы уверены, что там еще есть Норма Джин? Вдруг ее нет, как в зеркалах, в моем отражении?!

Это… я?!

Док, не уезжайте, пожалуйста, не уезжайте. Вы не можете меня сейчас бросить! Подождите хотя бы немного, пока я попытаюсь сбросить эту маску. Вот только увижу, что за ней есть

прежняя Норма Джин, пусть заикающаяся, неуверенная, пусть даже неудачница, но есть, и все встанет на свои места.

Вы ведь верите, что там не пустота, а живой человек, верите?

Знаете, почему я, ненавидя воспоминания о своем детстве, все же терплю расспросы психоаналитиков? Потому что в непростом, исковерканном, лишенном материнской любви в нем есть Норма Джин, и пока живы эти воспоминания, есть надежда не вытащить из детства мои страхи или негативные эмоции, а вернуться в него. Какая разница, богат ты или беден, прославлен или безвестен, пока у тебя есть будущее, есть надежда на что-то. Когда у меня не осталось надежды, я почти умерла.

Я согласилась на роль в новом фильме. Снова блондинка и снова Кьюкор. Мне претит роль, не меньше режиссер. Сначала была надежда, что он сам откажется, помня предыдущую работу над «Займемся любовью», но Кьюкор почему-то согласился. Роль ужасна: в дом возвращается жена, которую все считают давно умершей. Она отсутствовала семь лет, а муж именно в тот день женился на другой. Дети, конечно, не узнают мамашу, и муж пытается сделать все, чтобы как-нибудь убрать ее с глаз долой.

Играть оживший труп, не так давно побывав в психушке, малопривлекательно. Я как могла старалась увильнуть от роли. Плевать на то, что обо мне подумают, плевать, что могут просто выгнать из студии (мне не привыкать). Я не хотела играть восставшую покойницу! Чего я только не творила – привычно опаздывала, только теперь на все большее время, капризничала по любому поводу, делала вид, что категорически не способна запомнить и пару фраз, нарочно произносила не то, заставляя переснимать по полсотни раз один и тот же простейший дубль, прикидывалась больной или вообще пропускала съемки…

Знаете, какой вывод сделал Кьюкор (и подбросил его журналистам на потеху)? Что у меня начинается помешательство. Вполне резонно, если учесть, что этим страдали мои родственники, а меня саму не так давно выписали из больницы.

Мм… какая вкусная сенсация! Хотя тут же сделали вывод, что никакой сенсации нет, всё все давно подозревали. Бедный Артур Миллер, ему приходилось жить с чокнутой женой! Теперь понятно, почему Мэрилин втрескалась во француза, как девчонка! Понятно, почему разошлась с Ди Маджио и вообще снималась во многих ролях полуголой (кого интересовало, что костюмы придумываю не я?).

Как весело…

Д.К. стал самым важным человеком Америки, я не

сомневалась, что это случится, он обязательно должен был им стать. Я знаю, Кьюкор будет в бешенстве, но я полечу поздравлять Д.К. с днем рождения. Я сделаю это, и плевать, что они вышвырнут меня со студии в очередной раз! Ведь правда же плевать, Док? Меня же все равно нет, никакой нет – ни Блондинки, ни Нормы Джин. Блондинка еще сопротивляется, она пытается доказать всем, что хороша, что может играть, что существует.

Глупо, правда, Док, мы-то с Вами знаем, что ее нет, она как мыльный пузырь, она вот-вот лопнет и исчезнет брызгами во все стороны! Смешно, я столько лет создавала ее, столько лет мучилась ради того, чтобы теперь придушить.

Док, она хитрая, Вы даже не представляете, какая она хитрая! Она снялась обнаженной! Я понимаю, что это, чтобы заставить меня и остальных признать ЕЕ существование. Не получится, я сильнее. ЕЙ все труднее пробиваться на поверхность, Док, теперь она внутри, а я снаружи, теперь ЕЙ приходится прилагать множество усилий, чтобы хорошо выглядеть, чтобы кто-то поверил, что ОНА еще жива. Оболочка не в счет, неплохая оболочка и у Нормы Джин, а вот поведение…

А я загнала ее в невыносимые условия – перестала следить за собой, даже валяться в ванне, что раньше делала часами, я стала просто мерзкой, но ОНА не сдается.

Док, я придумала – устрою ЕЙ пышные похороны! На дне рождения Д.К., это запомнят надолго. И все, она будет не нужна.

Неправда, Док, меня не было не потому, что я спилась или скурвилась, хотя есть и то и другое. Ну, Вы же не можете не знать, что я поздравляла Д.К. с днем рождения. Это был неслыханный скандал, но мне доставило удовольствие только одно – я представила своего свекра (бывшего) Исидора Миллера президенту:

– Господин президент, это мой свекор, мой любимый свекор Исидор Миллер.

Миллер прослезился. Хороший подарок, тем более новая жена Артура Инга Морат готова подарить им ребенка. Но дети у Артура уже есть, а вот представить отца президенту он не может. А я могу.

Господи, о чем я?! Если в этом и есть заслуга, то только Блондинки, а не моя собственная.

А знаете, я ЕЙ помогу, мы еще докажем всем Кьюкорам и остальным, вместе взятым, что мы живы! Может, так и надо? Да, мы докажем. Скажу по секрету: я решила сняться в сцене у бассейна голышом, пусть весь мир увидит, что Мэрилин Монро

жива и по-прежнему красива! Это заткнет рты всем на студии и вокруг нее.

Вы не хотите прийти посмотреть на такую съемку? Назовите мне вымышленное имя, и Вам выпишут пропуск, только возьмите с собой фотоаппарат, даже если не снимаете совсем, мы скажем, что Вы репортер, мой любимый репортер. Можете надеть парик и наклеить усы.

Док, Вы поняли, что, разговаривая с Вами по телефону, я держу магнитофон включенным? Нет, Ваш голос не записывается. А Вы что, связаны с мафией или ФБР, что боитесь записи своего голоса? Не бойтесь, у меня везде друзья. Правда, правда! Фрэнки и Боб защитят нас от любых неприятностей, они так сказали. Но только если я буду послушной девочкой. Док, что значит быть послушной девочкой – спать со всеми подряд и держать язык за зубами? Я не хочу быть послушной девочкой, я просто хочу жить.

Знаете, Джо снова въехал мне в глаз, и синяк пришлось замазывать большим количеством грима, а потом вертеться перед камерой, чтобы в кадр не попала эта сторона лица. Смешно? Когда-нибудь он убьет меня и правильно сделает.

Ладно, перестаю болтать.

Как «завтра последний раз»? Я еще так много не рассказала Вам.

Что?! Что?! Как… уезжаете?..

Док, Вы не можете уехать и бросить меня! Тогда я совсем подчинюсь Гринсону. Он очень хороший, даже допустил меня в свою семью, Ральф не считает меня опасной для своих детей и жены.

Но я хочу сама, и Вы нужны мне, очень нужны… Ну почему меня все бросают именно тогда, когда мне тяжелее всего? Все бросают… все!

Предчувствие близкой беды…

Блондинка снова доказала, что пока она есть, со мной считаются. Ну и что, зато я знаю, как с ней справиться. Вот Вы уедете, а я снова пойду на тот пирс… Я плохо плаваю, это Вам известно?

Фрэнки сказал, чтобы я ничего не боялась, он защитит меня в любом случае. Глупый, он защищает Блондинку и не знает, что защищать нужно меня. Но Фрэнки не нужна Норма Джин, совсем не нужна, он любит красивых женщин, а не заикающихся трусих.

Док, знаете, как называется фильм, в котором я снимаюсь?

«Что-то должно случиться»…

Студия и тут обыграла меня.

Я отдам Вам все пленки, только никому не рассказывайте о

них, это опасно.

Не уезжайте, Док… я пропаду…

Принцесса Диана. Жизнь, рассказанная ею самой

Ненужная…

Я мешала всем и всегда, я была ненужной…

Только два человека в этом мире действительно любили и любят меня – Уильям и Гарри. И я люблю только их двоих.

Восторг и приветствия огромных толп, которые собираются посмотреть на меня, – это не любовь, вернее, любовь, но не ко мне самой. Люди любят созданный образ принцессы, которая была Золушкой, и не хотят замечать, что бывшая Золушка несчастна.

Из всего сонма окружающих меня родственников и знакомых меня любят только мои мальчики, причем именно меня, со всеми моими недостатками и достоинствами, просто за то, что я их мама. И я люблю их потому, что они мои сыновья, а не потому, что принцы.

Очень надеюсь, что у них будут жены, которые будут любить просто их, Уильяма и Гарри, а не принцев – наследников короны.

Я часто предчувствовала беду до того, как случалось что-то дурное, могла напророчить чью-то болезнь или даже гибель. Иногда этого побаивались.

Теперь я не чувствую, я ЗНАЮ. Бывает такое, когда нет никаких предпосылок, все почти спокойно, а ты точно знаешь, что сейчас, вот в следующую минуту, произойдет что-то страшное…

Так я знаю, что совсем скоро гибель. У моей машины откажут тормоза, и я получу смертельную травму. Если и выживу, то больше не смогу быть действительно живой, потому что существование под аппаратами на медицинской кровати не для меня.

Чарльз часто спрашивал меня, чего мне не хватает? Действительно, чего мне не хватает для счастья? Постепенно размышления вылились в попытки осмыслить, как можно быть несчастной, имея все – двоих прекрасных сыновей, семью, причем королевскую, всеобщее восхищение, здоровье и весьма привлекательную внешность.

Трагедия детства

Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому двору. Эту близость обеспечили принадлежность отца к роду Спенсеров и дружба бабушки Рут Фермой с королевой-матерью. Рут Фермой дружила со старшей Элизабет еще тогда, когда никто не предполагал, что та станет королевой, а потому никто не мог заподозрить мою бабушку в низкопоклонничестве.

Все Спенсеры своенравны, а все Фермои строптивы и властны. О моей маме Фрэнсис говорят, что, когда пристально смотрит своими синими глазами, кажется, будто она больше королева, чем сама королева. Да, из мамочки вышла бы куда лучшая супруга принца, чем я. Будь она на моем месте, Камилла отправилась бы куда-нибудь в Австралию или вообще на Южный полюс уже через пару дней, а не отравляла жизнь столько лет.

Хотя ее собственная мать, наша бабушка Рут Фермой, от неверности мужа претерпела немало. Бабушка была всегда уверена в правильности своих поступков и мысли не допускала о возможности ошибки. Мне бы ее уверенность! Брак бабушки по сути был кошмаром, но она женила на себе дедушку по расчету и жила, прекрасно зная о побочных связях и даже детях своего супруга.

Возможно, поэтому бабушка была крайне возмущена и маминым, и моим поведением. Подумаешь, муж неверен и имеет многолетнюю любовницу! Разве это причина, чтобы страдать булимией, ревновать и тем более разводиться?! В конце концов, можешь поплакать в подушку, но так, чтобы даже горничная не догадалась, а уж за пределами собственной спальни об этом вообще никто ничего не должен знать!

Я сделала все наоборот – вынесла свои страдания на суд общественности, рассказав о неверности царственного супруга, и этим совершенно испортила отношения с бабушкой. Ничего другого ожидать было нельзя, потому что задолго до этого она также вычеркнула из своей жизни мою маму, свою обожаемую дочь Фрэнсис, когда та посмела уйти от мужа к любимому человеку.

Я тоже осуждала маму, сейчас мы с ней в ссоре по другому поводу, но осуждала за то, что она бросила меня. Бабушка же выступила против собственной дочери даже в суде, когда определяли, кто должен опекать детей. При этом бабушку меньше всего волновали чувства детей, для нее было главным, что Фрэнсис, для которой она устроила столь блестящий брак,

посмела его разорвать!

Бабушка действительно устроила сначала роман между моими родителями, а потом и их свадьбу. Ей было неважно, что маме всего пятнадцать, что она еще школьница, что у папы тогда была другая, почти невеста. Она решила заполучить для дочери самого завидного к тому времени жениха – Джона Спенсера, который должен со временем стать восьмым графом Спенсером, она его заполучила.

Папа был влюблен в маму по-настоящему, несмотря на ее молодость и разницу в их возрасте в двенадцать лет. Когда маме исполнилось семнадцать, они наконец смогли пожениться. О… это была поистине королевская свадьба, конечно, не такая, как у меня, но бабушка всегда умела блеснуть.

Я больше похожа на маму моего отца леди Синтию, и внешне, и во многом характером. Леди Синтия была удивительно доброй и обожала заботиться о других, ее часто видели в семьях Нортгемптоншира с помощью и утешениями. Но она и слова не могла сказать против дедушки – графа Спенсера. Дедушку Джека боялись мы все, и папа тоже. Мама не очень, но жить в его огромном Элторпе с его 120 комнатами и суровыми условиями без нормального отопления не хотела. Мама говорила, что чувствует себя там так, словно нечаянно осталась в музее, который закрыли на выходной. Именно поэтому мы перебрались к бабушке Рут Фермой в Парк-Хаус в королевском поместье в Сандрингэме. А сама бабушка окончательно переехала в Кларенс-Хаус к своей подруге – королеве-матери Элизабет. Их многолетняя дружба казалась нерушимой. Она таковой и была.

Сначала родители были счастливы, как могут быть счастливы молодые люди, у которых есть любовь, семья, родилась первая дочь и имелись средства на пусть и не королевское, но вполне сносное существование.

Я иногда думала: неужели именно долгое отсутствие сына так испортило их отношения? Когда, будучи уже совсем взрослой, узнала, что отец заставлял маму пройти обследование, чтобы выяснить, может ли она вообще рожать сыновей, не сразу поверила. Но потом, когда мой Гарри родился совершенно рыжим (а он как две капли воды похож на мою сестру Сару) и Чарльз засомневался в своем отцовстве, я поверила, что такой поступок мужа возможен.

Мама родила Сару, нашу рыжую красавицу, крестной матерью которой стала сама королева-мать.

Потом родилась Джейн – умница и отличница, ее крестным отцом стал герцог Кентский.

Потом родился Джон, и это стало сначала радостью, но тут же горем. Джон умер почти сразу. Мама рассказывала, что была в ужасе, потому что ребенка унесли, а ее саму заперли и не выпускали, пока Джона не похоронили. Потом была неудачная беременность, а потом на свет появилась я.

Отец позже мог говорить все, что угодно, но в момент рождения я оказалась для него полнейшим разочарованием. Едва родившись, я была никому не нужна. Снова девчонка! 1 июля 1961 года в семье Спенсеров не стало праздником, они даже не могли целую неделю выбрать мне имя, и никаких звездных крестных у меня не было тоже.

Вот тогда папа и заставил маму пройти обследование.

Через три года родился наш братик Чарльз, его крестной была сама королева Елизавета II, но отношения родителей это уже не спасло. Мама, подарив роду наследника, видно, посчитала свою миссию выполненной, а себя свободной.

До развода родителей у нас было счастливое детство, огромный парк Сандрингэма, достаточно удобный Парк-Хаус, обожаемые родители, готовые делать для нас все, постоянные праздники… Даже няни были добрыми и веселыми, во всяком случае, мне так казалось. Я очень любила и маму, и папу. Разве можно было предположить, что они когда-то станут делить нас?!

Гром грянул среди ясного неба: мама влюбилась! У меня очень красивая мама, длинные ноги у меня от нее, только она рыжая, как Сара, и очень уверенная в себе. Сара в нее характером, но моя сестра тоже очень красивая.

Начались родительские скандалы. Папа при всех делал вид, что они хорошая семейная пара, а когда гостей не было, родители страшно кричали друг на друга, хлопали дверьми. Сара умней, она уходила в свою комнату и включала погромче музыку, а я, наоборот, подходила к самой двери их спальни и пыталась подслушать, что же не так.

Почему они ссорятся, ведь за день не случилось ничего страшного? В пять лет я не понимала, в чем именно родители обвиняли друг дружку, но где-то в голове это засело. Позже Чарльз удивлялся тому, что я устраивала скандалы с криком и хлопаньем дверьми. Для королевской семьи это было немыслимо, там голоса не повышали, а я просто не представляла, что можно ссориться иначе!

Я страшно боялась, чтобы папа не ударил маму, потому, стоило им повысить друг на друга голос, оказывалась тут как тут, но появляться на виду не решалась, просто стояла за дверью, постоянно ожидая чего-то страшного.

А потом они развелись совсем…

Мы виделись с мамой только по выходным, для этого нужно было проехать немалый путь с няней, потом видеть слезы мамы и слышать ее причитания, что завтра детей заберут обратно…

Эти воскресные встречи только озлобляли меня. Конечно, в свои шесть лет я ничего не понимала, кроме того, что мама нас бросила.

Сара была почти взрослой, ей исполнилось тринадцать, за ней тянулась отличница Джейн, они уже учились и чувствовали себя почти самостоятельными, залихватски рассказывали о выпивках и разных школьных проказах, вернее, рассказывала Сара, а Джейн только кивала. Казалось, развод родителей их почти не задел, они не желали ездить к маме в ее новый дом. Конечно, это только казалось, но старшие сестры хотя бы понимали, что именно происходило, а мы с братом нет.

Брат Чарльз был еще совсем мал, а я пыталась разобраться, но не понимала одного: как могла мама нас бросить?! Она уехала в Лондон, обещая вернуться, и не вернулась. Позже я узнала, что маму не пустили в дом, когда она приезжала нас проведать, но тогда это было настоящим горем – мама нас бросила!

Сара фыркала, что я дура, потому что развела слезы, мол, нужно не плакать, а сделать свой выбор. Но я не могла делать выбор между мамой и папой.

Ну почему нужно выбирать между мамой и папой?! Я не хотела выбирать, я любила обоих одинаково сильно и хотела жить с обоими!

Они сначала разводятся и делят нас, словно столовое серебро, а потом требуют, чтобы мы были счастливы. Я не могла быть счастлива. Однажды к празднику они прислали мне каждый по платью – белое и зеленое, и я вместо того, чтобы радоваться, рыдала и даже не хотела никуда идти, потому что оба наряда были красивыми и мне нравились, но выбрать один означало отвергнуть другой, а я не хотела никого отвергать!

Разве можно в таких условиях не вырасти строптивой? Знаю, у многих родители развелись, но не у всех так тяжело и позорно, к тому же не всех заставляли жестоко выбирать и не всем потом приводили в дом таких мачех, какой была Рейн.

Однажды я умудрилась отказаться от чаепития… с королевой! Отцу прислали приглашение на чай в королевскую резиденцию в Сандрингэм, причем именно со мной. Что заставило меня вдруг заявить, что не пойду, не знаю сама.

– Нет, у меня болит голова!

– Дач?! Тебя королева каждый вечер приглашает попить чайку? К Ее Величеству и с мигренью можно пойти.

– Не пойду!

Ни переубедить, ни заставить отцу не удалось, он был вынужден отправить Ее Величеству извинения, объясняя отказ моей болезнью.

Потом я пожалела, но тогда главным было настоять на своем.

Сара о выходке отозвалась коротко:

– Дач просто дура!

Бабушка не просто заняла сторону отца, но и выступила против собственной дочери, осудив маму публично. Так мы получили еще один урок: положение при королевском дворе важнее даже любви к собственной дочери, ведь бабушка поступила так, прежде всего чтобы сохранить дружбу королевы-матери.

Если бы мама нас выкрала или хотя бы попыталась сделать это, я бы ее простила, но мама сразу после развода вышла замуж за своего любовника Питера Шенда Кида. Даже если это была горячая любовь, дети не виноваты.

Мы остались с папой и хорошо видели, как он изменился. Особенно это чувствовала я. Сара и Джейн были уже достаточно взрослыми и учились далеко, а мы с Чарльзом пока оставались рядом с папой. Он стал нелюдимым, грустным, словно, уехав, мама забрала из него жизненные силы. Я не могла не пытаться утешить папу, мне так хотелось вернуться в те времена, когда в Парк-Хаусе устраивали счастливые праздники в дни рождения! О, наши праздники помнили в графстве, весь парк Сандрингэма превращался в настоящий детский рай!

Но все это закончилось… Иногда я думала, что и детство закончилось тогда же.

Мама со своим Питером уехали на остров Сейл на западе Шотландии. Конечно, ни мы туда, ни мама оттуда ездить каждые выходные не могли.

Мне было восемь, когда мы остались только с отцом, няни не в счет, с ними я воевала так, словно это они виноваты в уходе мамы. Мы Спенсеры, но как же нам было одиноко! Конечно, папа отвозил нас с Чарльзом в школу и забирал обратно, он старался зайти в детскую, чтобы пожелать спокойной ночи, интересовался нашими делами, но папа – это не мама. Ели мы всегда только в детской с няней, беседы вели с ней или друг с другом… Чарльз, видно, чувствовал одиночество еще сильней меня, а потому часто плакал и всегда жался ко мне, словно ища защиты. Я заботилась о нем как могла, ведь Чарльз не получил даже той любви мамы и папы, которая досталась нам, он был слишком мал, чтобы что-то понимать, когда они разводились.

Нянь я просто выживала. Все говорили, что я упрямая, строптивая, иногда просто невыносима. Они ничего не понимали! Чаще всего я упрямилась не из-за того, что была действительно упряма, а потому, что меня не замечали!

Да, да, и пусть говорят что угодно. Потом порасскажут, что это не так, что я была у отца любимица и он многое готов сделать для меня… Да, назло всем я сказала, что хочу на день рождения живого верблюда, и когда праздновали мой седьмой день рождения, отец раздобыл настоящего верблюда. Ох и посмеялись мы тогда! Но все равно, верблюд – это признак родительской любви? Нет, я была им не нужна!

Лучше бы они сохранили семью, чем приводили верблюдов.

Мне всегда нравилось танцевать, ах, как мне это нравилось! Так хотелось выйти на сцену в роли Одетты-Одиллии в «Лебедином озере». Обожаю Чайковского, особенно этот балет. Я даже выучила его переложение на клавир и с удовольствием играла перед домашними.

Но какая из меня балерина? Я высокая, толстая и ленивая… Возможно, не будь я такой неуклюжей пышкой в детстве, займись серьезно балетом, во мне бы воспитали упорство, трудолюбие, уверенность… Но этого не случилось, танцы танцами, а в балет не взяли совсем.

А еще я любила плавание и прыжки в воду. Вода – это чудесно, в воде я чувствовала себя уверенно, в плавании нужна сила и стремление вперед, чего у меня вполне хватало. В воде я ловкая, легкая, не то что на суше, где нужно следить за осанкой, за тем, чтобы не косолапить или не загребать ногами.

Постепенно я научилась быть красивой и на суше, но вот сутулость осталась. Нелегко не сутулиться, если все вокруг хоть немного, но ниже тебя, высокий рост хорош, когда ты среди высоких людей.

Куда хуже обстояли дела со всякой зубрежкой, а вернее, экзаменами. Я совершенно не понимала, зачем мне все это знать. А если мне неинтересно или я не понимаю, зачем это нужно, могу зубрить сколько угодно, никакого толка не будет, все равно к экзамену все вылетит из головы. Я не понимала и того, почему все переживают из-за несданного предмета. Не сдала? Ну и что, разве я от этого стала хуже или просто другой?

После экзамена я могла спокойно рассказать все то, что была не в состоянии ответить перед преподавателями. Мне просто не казалось это важным. Сара сдала шесть экзаменов, а наша отличница Джейн и вовсе одиннадцать, я ни одного даже после

второй попытки. И это им пригодилось? Ничуть. Все, что нужно узнать, они узнали сами. И я так же.

Если мне было интересно или действительно нужно, я легко выучивала большие тексты за короткий срок. Это не касается речей, так и не научилась подолгу и легко их произносить, больше чем на десяток минут меня никогда не хватало. Но стоило уйти с трибуны, и я могла разговаривать с людьми на любые темы.

Когда мы отправлялись в новую страну, я, которая ничего не знала из географии или истории (в этом не вина преподавателей, они старались вложить нужные знания), спокойно прочитывала большой текст и легко его запоминала. Но стоило закончиться визиту, как этот же текст легко исчезал из моей памяти, словно влажной губкой стирали написанное на доске. Так уж устроена моя память, она цепкая и крепкая, но недолгая и не желает подчиняться правилам. Чарльза временами это приводило в ужас или в ярость.

Мне было четырнадцать, когда положение нашей семьи вдруг изменилось: отец стал восьмым графом Спенсером, а мы соответственно леди Сара, леди Джейн и леди Диана. Я – леди Диана Спенсер!

И наш родовой замок – огромный Элторп. Конечно, в нем оказалось не все так здорово, то есть было помпезно и страшно неудобно, но ведь это родовое поместье. Я ходила по залам, приседала в реверансе перед каждой картиной, важно поворачивала голову налево и направо, милостиво кивала, словно разрешая что-то своим пажам…

Какая девочка не мечтает стать принцессой в таком возрасте? Хотя, думаю, Сара не мечтала, она всегда знала, чего хочет, и смотрела на меня свысока.

Но тогда у нас еще был отец, хотя няни менялись то и дело. Просто они были противные, я воевала с этими тетками и одну за другой выживала из Элторпа. Зачем нам няни? Может, маленькому Чарльзу и были нужны, но не мне же! В школе мне постоянно указывали, что делать, и на каникулах чужая тетка тоже норовила заставить поступать по-своему.

На меня глядя, капризничал и Чарльз. Одна из нянь хватала нас с братом за шиворот и… била лбами друг о дружку! Но я тоже расправлялась с ними: закрывала в ванной, выкидывала в окно их вещи… Нам не нужны няни, нам нужна мама.

Лучше бы я этого не говорила! Я понимаю, что не мои слова повлияли на отца, он принял решение сам.

Мы только освоились в Элторпе, когда отец решил жениться. Это было просто немыслимо. У нас будет мачеха?! Хотелось крикнуть:

– Нет!

И все же я бы промолчала, если бы не Сара. Старшая сестра была уверена в себе, к тому же ей уже исполнился двадцать один год и она жила собственной взрослой жизнью. Она с первых минут знакомства дала понять будущей мачехе, что терпеть ее не может.

Самое удивительное – нашей мачехой оказалась Рейн Легги, дочь моей обожаемой писательницы Барбары Картленд. Насколько я любила романы Картленд, настолько же ненавидела ее дочь. Мы ненавидели Рейн потому, что она хотела отобрать у нас папу!

Мало того, эта дама попыталась сразу продемонстрировать свое особое положение, она настолько по-хозяйски вела себя с нами, что Сара не выдержала и нагрубила. Я поддержала.

Нас можно понять, Саре был двадцать второй год, мне пятнадцатый, а нам как детям предлагали миндальный торт с обещанием дать еще кусок тому, кто съест больше. Как она это представляла: мы должны, как на глупых соревнованиях, влезть с головами в тарелки, поглощая свои куски в сумасшедшем темпе? А потом с восторженными вымазанными физиономиями требовать еще кусок? Глупее ничего не придумать! Конечно, мы не стали соревноваться. Если я захочу миндальный торт, я просто попрошу мне его испечь или купить.

Сара нагрубила, я поддержала, в результате за столом остались только папа, наш смущенный брат Чарльз и эта дама. Я вдруг поняла, что она просто отберет у нас папу. Саре, может, это не столь важно, как и Джейн с Чарльзом, а для меня очень серьезно. Я папина дочка, но теперь он принадлежал не мне, а ей. Могла ли я любить эту даму?

Позже стало еще хуже, потому что в июле 1976 года, ни слова не сказав нам, отец женился на этой мегере! И узнали мы об этом… из газет! Мало того, в нашем семейном замке в Элторпе состоялся бал на тысячу приглашенных. Знаете, кого не было на этом балу? Детей графа Спенсера – Сары, Джейн, Дианы и Чарльза! Кто мы такие, чтобы нас звать на такое важное мероприятие?

Я знаю, что Сара заявила журналистам, мол, там не было ничего важного, чтобы нас приглашать. Но я знаю и то, как была возмущена, шокирована сестра. Я вообще проревела целый день. Отец женился, не просто не спросив нас, нравится ли нам эта мегера в качестве мачехи, но и вообще не поставив в известность,

даже не пригласив на свадьбу! Интересно, чего они ожидали в ответ? Ответом могла быть только ненависть! Разве можно любить ту, которая подло забрала у тебя любимого отца, так пренебрежительно отнеслась к тебе, словно ты вещь в кладовой, которую можно задвинуть подальше и забыть.

Рейн ненавидели мы все. А отцу я даже дала пощечину!

Мало того, эта мерзавка начала хозяйничать у нас в Элторпе, словно у себя на кухне, она принялась распродавать фамильные вещи Спенсеров, будто это было ее старое барахло. Даже сейчас, через много лет, меня трясет при воспоминании, что эта мерзавка натворила с Элторпом!

Конечно, она спасла отцу жизнь, когда у того случилось сначала обширное кровоизлияние в мозг, а потом синегнойная инфекция. Но это все потому, что понимала, что с ней будет, если муж умрет. Тогда отец выжил, однако эта мерзавка с первых лет полностью оградила его от нас. У нас не было матери, потому что мама предпочла другого мужчину отцу и других детей собственным (у ее второго супруга было трое детей), теперь у нас не было и отца, который тоже предпочел чужих троих детей этой Рейн своим собственным. У нас никого не было! Могли ли мы любить эту женщину? Ничуть, мы ее ненавидели!

Даже сейчас, когда мои с ней отношения стали куда более спокойными и мы даже нашли общий язык, стоит вспомнить первые годы – обиды из-за свадьбы, отчуждения отца, наглого хозяйничанья в Элторпе и разбазаривания фамильных ценностей – и меня захлестывает даже не обида, а ненависть! Очень трудно простить, когда у тебя отнимают любимого отца и унижают на каждом шагу. Я стала мудрее, но внутри все равно сидит эта всепоглощающая обида, которая никогда не закончится, боль, которая никогда не утихнет.

Мой брат Чарльз все время молчал, но оказалось, что он переживал не меньше, во всяком случае, сразу после смерти отца, став девятым графом Спенсером, он буквально вышвырнул мачеху из Элторпа! Я с удовольствием помогала. Мы запретили ей выносить любую вещь, если она не куплена лично ею, а все ее личные вещи засунули в мешки для мусора и выкинули вниз с лестницы. Я лично проследила, чтобы в нашем семейном замке не осталось никаких следов пребывания этой женщины и ее мерзких отпрысков. Когда через несколько месяцев в каком-то углу обнаружилась книга, забытая кем-то из ее детей, я буквально растерзала несчастный предмет, чтобы сжечь его в камине!

Такой ненависти, как к ней, я не испытывала ни к кому, даже к Камилле. Эта женщина отняла у меня отца тогда, когда он был мне больше всего нужен, она отняла у меня понятие дома, потому

что считать домом Элторп, где хозяйничала эта тетка, я не могла. В результате в пятнадцать лет у меня не было ничего – ни семьи, ни дома, ни любви родных…

До учебы ли мне было и могла ли я быть послушной и хорошей девочкой? Они сначала ломают судьбы детям, а потом удивляются, что те растут строптивыми и нервными.

В моих резких сменах настроения, приступах булимии и неспособности к усидчивой учебе виноваты мои родители и эта женщина! В шесть лет почувствовать себя брошенной матерью, в пятнадцать преданной отцом и затем выкинутой из дома чужой женщиной и остаться спокойной и уравновешенной едва ли возможно.

Булимия – ужасная вещь. Сейчас уже не секрет, что я ею страдала. Это когда вас мучает неудержимый голод и вы за один прием поглощаете столько, сколько в обычном состоянии могли бы съесть за неделю, а потом организм отторгает все поглощенное. Булимия – болезнь не желудка, а нервов, у тех, кто живет спокойно и уверен в себе, такого не бывает. Это болезнь ненужности, переживаний, заброшенности. И пусть вокруг меня крутилось множество людей, пусть я никогда не бывала одна – сначала девочки в школе, потом слуги, камеры видеонаблюдения, фотокорреспонденты, охрана, – все равно это было одиночество, я понимала, что никому не нужна! И никто, никто не станет страдать, если я вдруг умру!

Наверное, у всех детей бывают такие моменты, мои подружки тоже обливали слезами подушки, если родители не приезжали подолгу или забывали их поздравить с каким-то праздником, но если такое отчаянье надолго, оно становится болезненным. А потом перерастает в сильнейшую потребность, чтобы тебя любили и постоянно говорили об этом.

В такой потребности, наверное, одна из причин нашего с Чарльзом непонимания. Если бы муж хоть раз в день говорил мне, что он меня любит, а не отделывался даже нарочно выбранными подарками по какому-то поводу, если бы мы говорили об этом в королевской семье, я бы просто расцвела. Но в королевской семье просто не принято выражать чувства, тем более без особой надобности.

Особенно трудно, если мама вас бросила, ты была папиной дочкой, а папа женился, даже не поставив тебя в известность! Разве можно простить такую узурпаторшу?

Нашу мачеху называли Леди, Которая Умеет Добиваться Своего. Она действительно умела, вопреки воспитанию, вопреки немыслимому давлению своей матери Барбары Картленд, вопреки

всему. Ее девиз: «Совершать невозможное!» Она не только умела добиваться, чего хотела, прежде всего она знала, чего хочет! И потому совершенно не могла понять меня, считая размазней.

Сейчас я думаю, что если бы она тогда нашла со мной общий язык либо я не поддалась бы давлению Сары и не стала воевать с мачехой, я выросла бы совсем другой, и многих проблем моей жизни удалось бы избежать. Рейн умела очаровывать тех, кого желала очаровать, умела найти подход, найти точки соприкосновения. Например, Рейн просто влюбила в себя нашего дедушку – старого графа Спенсера, возила ему шоколад, разыскивала для коллекции уникальные трости… Но главное – она искренне интересовалась историей Элторпа.

Я не могла допустить и мысли о том, что когда-либо помирюсь с Рейн! Мы столько лет почти враждовали… Что же произошло? Однажды Мохаммед Аль-Файед, который был дружен с моим отцом, обратил мое внимание, что за все время только Рейн не наговорила журналистам обо мне ничего дурного, а ведь могла бы… Конечно, я посмеялась:

– Просто ее не спрашивали!

– Не думаю. Просто она не желает зла ни тебе, ни отцу. И твоего отца искренне любила, даже если от этого вам было плохо. Но ведь не Рейн развела ваших родителей…

Конечно, я не сразу приняла слова Мохаммеда, не хватало еще мне восхищаться Рейн или благодарить ее за приличное поведение! Пусть она не разводила маму с папой, но самого папу она у меня отняла!

А потом Аль-Файед все же сделал так, чтобы мы встретились.

И при упоминании о папе я увидела в глазах у Рейн настоящие слезы. Когда он перенес инфаркт, а потом синегнойную инфекцию, именно Рейн сумела добиться, чтобы применили лекарство, еще не прошедшее испытания. Другого шанса не было, и она сумела заставить использовать один-единственный.

Папа выжил и даже смог отвести меня к алтарю, но мачеха не услышала от нас и слова благодарности. Тогда мы с Сарой были убеждены, кажется, даже в том, что саму синегнойную инфекцию папе подсунула Рейн!

Теперь, подумав, я поняла, что Рейн действительно не воспользовалась возможностью заработать на воспоминаниях о моем детстве, а ведь могла бы наговорить репортерам уйму всяких гадостей о моем поведении.

А вот я, рассказывая Мортону о нашей семье, наговорила о Рейн немало гадостей. В общем-то было за что, Элторп она

испортила основательно и основательно же разбазарила. Но Рейн в ответ не сказала обо мне никому и ничего.

Мне бы поучиться у нее тогда, в Элторпе, но я ее ненавидела. Все мы, дети Джона Спенсера, Рейн ненавидели.

Человек меняется, возможно, я когда-нибудь стану мудрее и на многое и многих посмотрю иначе, но для этого должно пройти время. Понять значит наполовину простить. Я уже смогла понять Рейн, неужели я когда-нибудь смогу понять и Камиллу? Ну уж нет! НИКОГДА!

Невеста принца

Сара встречалась с принцем Чарльзом. Ах, как же я завидовала сестре!

Старшая сестра всегда отличалась завидной самоуверенностью, способностью схватывать нужное на лету и поддерживать разговор о чем угодно. Она лучше нас с Джейн и Чарльзом сознавала, что такое Спенсеры, и умела пользоваться именем. У Сары был роман с Джеральдом Гросвенором, пожалуй, самым богатым наследником, который ее почему-то вдруг бросил. Сара считала, что из-за женитьбы отца на Рейн, что не добавляло ей любви к Рейн.

Сара очень переживала, у нее даже начались проблемы с едой. Только если я позже ела все подряд и в огромных количествах, то сестра, наоборот, перестала есть совсем и стала тощей как спичка.

Не знаю, что с ней было бы, не появись принц Чарльз. О… это было совершенно немыслимо, Сара снова на высоте! Рассталась с самым богатым наследником Англии, зато получила самого завидного. Чарльз умный, спортивный, вежливый, сдержанный, но главное – он принц! Никакие Гросвеноры не могли годиться ему в подметки уже из-за одного этого. У Сары всегда и все было лучше всех, она молодец.

Кому я все это пишу? Сама себе рассказываю о себе? Я научена печальным опытом общения с прессой и с Мортоном, когда сказанное вдруг выглядит совсем не так, как написанное. А написанное на листе бумаги, в книге вдруг приобретает совершенно иной смысл.

Кому? Уильяму и Гарри я могу рассказать сама, да они многое и так знают.

Внукам! Да, когда-то и у моих мальчиков будут дети, а значит, у меня – внуки. Я постаралась, чтобы жизнь моих детей не была похожа на мою собственную и чтобы при разводе, раз уж он неизбежен, они пострадали как можно меньше. Постараюсь внушить им свои мысли и о воспитании их собственных детей. Наступит момент, когда я смогу дать наставления невесткам или вообще внучкам, и, клянусь, я ни за что не стану подталкивать их к браку, напротив, честно расскажу обо всех своих ошибках. Или отдам почитать вот эти записи.

Интересно посмотреть лет через двадцать пять – тридцать на то, что пишется сейчас, наверняка многое будет видеться иначе, ведь иначе выглядит многое, что произошло всего десять лет

назад… Опыт бесценен не только тем, что благодаря ему мы узнаем что-то новое, но и тем, что заставляет пересмотреть свое прошлое. Если бы это еще и ограждало от ошибок будущего!

Сейчас смешно думать о внуках, я считаю себя способной еще рожать детей и надеюсь на это. Но время летит так быстро, этого не замечаешь, когда тебе пять или пятнадцать, а вот когда взрослеешь… Бабушка говорила, что с годами время летит все быстрей. Поэтому надо поторопиться.

Первая встреча с Чарльзом лично у меня состоялась благодаря сестре. В Ноуботтлском лесу возле Элторпа состоялась охота на лис. Одним из приглашенных был принц Чарльз как приятель Сары. Узнав об этом, я сделала все, чтобы отпроситься из школы и тоже присутствовать в это время в Элторпе. Если бы меня не отпустили, я бы все равно сбежала. Сидеть в школе, когда в нашем имении принц?! Нет, это невозможно.

Принц был таким грустным… Может, мне, конечно, показалось, потому что потом Чарльз не помнил своей грусти. А может, ему было просто скучно рядом с моей сестрой? Наверняка. Иначе он не попросил бы меня показать ему картинную галерею Элторпа. Сара разозлилась и почти не дала нам ничего посмотреть. Это даже хорошо, потому что я не сумела бы ничего путного рассказать об изображенных персонажах, во-первых, потому, что слишком волновалась, во-вторых, потому, что просто почти ничего не знала. Но Сара хороша: она просто вешалась на шею Чарльзу, и этим только оттолкнула его. Наверное, я привлекла принца своей молодостью рядом с сестрой.

Время пролетело так быстро, буквально промелькнуло. В школу я вернулась на крыльях, рассказывая всем и каждой, что познакомилась с принцем! Но тут подоспели экзамены, до них ли мне было, если в голове царил принц Чарльз, и только он. Боясь на любой вопрос ответить именно так: «Принц Чарльз!», я вообще молчала и благополучно провалила все до единого экзамена. Какая ерунда эти экзамены, я не придавала им никакого значения.

В апреле следующего года наша Джейн вышла замуж за Роберта Феллоуза. Роберт, конечно, хороший человек, он симпатичный парень, но мои мозги были заняты только одним человеком на свете – принцем Чарльзом. Это своего рода помешательство определило и мое поведение, я всем только улыбалась, но от молодых людей почти шарахалась, потому что берегла себя для принца.

Уверенности в своем блестящем будущем непременно с

принцем мне добавляло то, что шли месяцы, а наследник престола жениться не торопился. Внутри приятно млела мысль, что он просто ждет меня. В романах Барбары Картленд так и бывало.

Я обожала романы Барбары Картленд! Мне очень нравились ее героини – застенчивые, обаятельные, не обладавшие напористым характером, но все обязательно замечали их неповторимость и душевные качества. Особенно это касалось прекрасных принцев, которые с первого взгляда понимали, что смущенно улыбающаяся девушка лучшее, что они могут встретить в жизни.

Я даже научилась улыбаться так же – чуть склонив голову к плечу, немного опустив ее, чтобы взгляд слегка исподлобья получался более загадочным. Смущалась я по-настоящему, в этом не было игры. Но оценивать меня почему-то не спешили, и прекрасные принцы тоже. Но я твердо верила, что оценят!

У Роберта Феллоуза имелось одно неоспоримое преимущество перед всеми остальными молодыми людьми – он был помощником личного секретаря королевы. Я была одной из трех подружек невесты и умудрилась попасть на глаза королеве-матери, когда подошла к своей бабушке леди Фермой, которая была ее придворной дамой и подругой. Королева-мать внимательно оглядела меня, поинтересовалась, сколько мне лет, почему-то благосклонно кивнула, услышав, что скоро семнадцать, и попросила позвать отца.

Папа не рассказывал мне, о чем они говорили, но подозреваю, что две бабушки уже прикидывали возможность нашего более близкого знакомства с принцем Чарльзом.

Во всяком случае, на бал по поводу тридцатилетия принца меня пригласили, как и Сару. Мою сестру это вовсе не обрадовало, зато я готова была порхать от счастья.

Принц был великолепен, он танцевал всю ночь, причем не только и даже не столько с Сарой. Я тоже танцевала, и немало, но ни разу с принцем, он меня не замечал! Потом, стоя наверху в картинной галерее, я наблюдала за Чарльзом. Он веселился и без меня, кружа то одну, то другую партнершу. Чаще всего это была веселая блондинка, не стеснявшаяся откровенно хохотать. Помню, тогда еще подумала: вот бы мне так! Как она может столь непринужденно держаться в обществе принца, я просто язык проглотила бы…

В такой момент я вдруг заметила свою сестру, пристально наблюдающую за этой парой. Сара вовсе не выглядела довольной излишним вниманием принца Чарльза к этой раскованной блондинке. Я не знала, что передо мной будущая соперница

Камилла, тогда еще Шенд, которая позже стала Паркер-Боулз, многолетняя любовница Чарльза. Да, тогда они жили вместе уже лет восемь… Хороший стаж, чтобы либо жениться, либо прикипеть друг к другу навсегда.

Когда после бала я попыталась спросить у сестры, кто эта девушка, та лишь огрызнулась:

– А еще хотели, чтобы я вышла за него замуж!

К тому времени отношения Сары и Чарльза уже ни к чему их не обязывали, моя сестра умудрилась расстроить саму возможность брака с принцем, неосторожно выболтав всякую всячину журналистам. В порыве откровенности она наговорила лишнее и о себе, и об отношениях с Чарльзом, после чего продолжение отношений стало просто немыслимым. Конечно, Сара не винила в этом себя, зато обвиняла любовницу принца.

Сара не рассказывала мне, что даже тогда, когда их отношения считались весьма перспективными, то есть мою сестру воспринимали самой серьезной претенденткой на сердце и звание супруги Чарльза, тот не ставил ее ни в грош. Принц мог на вечеринку прийти с одной красавицей, а уйти с другой. Так однажды он поступил и с Сарой, пригласив ее на вечеринку и протанцевав весь вечер с какой-то колумбийкой, а потом взялся отвезти ее в Лондон, не смущаясь тем, что вообще-то приехал с Сарой и именно ее должен доставить обратно. Саре пришлось скрипеть зубами от злости, пока они подвозили новую пассию Чарльза, при этом принц даже не нашел нужным поинтересоваться, согласна ли Сара совершить такой «круг почета» из-за его желания услужить колумбийке.

Принц бывал не слишком вежлив со всеми своими подружками: когда у тебя их много, к чему обращать внимание на переживания очередной?

На меня Чарльз не обратил никакого внимания, думаю, что не обратил бы и дальше, если бы его не заставили.

Любимый дядюшка принца лорд Маунтбэттен, научивший Чарльза многому, чему вовсе не следовало бы учить, старательно подталкивал племянника к женитьбе на своей внучке Аманде Нэтчбулл. Все сходилось на том, что принц должен жениться на красавице Аманде. Никто не ожидал, что девушка откажет. Помню, Сара фыркнула:

– Правильно сделала!

Я не могла понять почему?!

– Да у него многолетняя любовница!

Я все равно не понимала: любовница до свадьбы, а когда

женится, принесет клятву у алтаря, все закончится.

Сара посмеялась над моей наивностью, но, думаю, ей и в голову не пришло, что когда-нибудь принц Чарльз может сделать предложение мне, ведь я была самой незаметной, самой глупой, самой никчемной. Таких не выбирают в будущие королевы!

Наверное, если бы Сара ожидала такого поворота событий, она бы поговорила со мной серьезней. Но меня никто не воспринимал всерьез, кажется, даже сам Чарльз. Кем я была для него? Только удобной девушкой для выполнения долга перед Британией. При чем здесь его личные чувства и прежние привязанности?

Чарльзу на меня указала его бабушка, королева-мать. А ей наверняка помогла моя бабушка, бывшая у королевы-матери фрейлиной и задушевной подругой. Две бабушки постарались, чтобы я получала приглашения всюду, где только бывал принц Чарльз. Похвальное старание, тем более оно привело-таки к тому, что принц меня заметил.

Представьте себе состояние девушки, не имевшей даже парня для романтических встреч в надежде, что таковым обязательно станет именно принц, которая этого принца, причем настоящего, сына королевы Великобритании, встретила. И принц ею заинтересовался!

Сказать, что я была потрясена, значит ничего не сказать! Принц Чарльз разглядел во мне ту самую принцессу, какой я себя всегда представляла!

Боже, ради него я готова была на все! Позже оказалось, что я не готова к его изменам, но это было позже, а тогда… Можно поставить тысячу, миллион восклицательных знаков, описывая мое состояние.

От постоянных обмороков меня спасало только то, что я не вполне верила в реальность происходящего.

Я много лет твердила всем, что я особенная, что выйду замуж за принца (подружки даже смеялись, выбирая мне принцев из самых крошечных и малоизвестных стран). И вдруг получила в будущие мужья самого-самого главного принца в мире! Британская монархия самая сильная, а Чарльз самый завидный принц на свете. И вдруг это сватовство достается мне!

Конечно, до сватовства было еще далековато, но если уж я попала в поле зрения принца и он меня заметил, то как не поверить в собственную мечту стать женой принца? Чарльзу немало лет, и он не женат, хотя вокруг столько уверенных в себе красавиц. Это могло означать только одно: он тоже чувствовал предопределенность нашей встречи и потому не разменивался.

Он не мог не чувствовать, что где-то есть будущая принцесса для него, что мы обязательно встретимся и обязательно полюбим друг друга!

Казалось, что достаточно просто встретиться – и все решится само собой.

Я, наивная дурочка, полагала, что Чарльз, хорошенько меня разглядев, влюбился. Или по крайней мере откликнулся на мое чувство.

А меня просто выбирали, как очередную лошадь для конюшни!

«Лошадка» подходила – была крепка, здорова, родовита и, что очень важно, девственна. Это надо умудриться – сохранить девственность почти до двадцати лет! Никому не приходило в голову, что я всерьез собиралась замуж за принца. Заручившись при помощи бабушки – леди Фермой, что взбрыкивания вроде Сариного не будет, решили действовать.

Экзамен на знания устраивать не стали: кому нужна умная принцесса, обладающая солидным запасом знаний, умеет пользоваться столовыми приборами – и достаточно. В остальном я подходила, главное – блестела на Чарльза глазами и с трудом дышала от счастья.

Я действительно влюбилась. Чарльз мог иметь какую угодно внешность, быть вообще мне по плечо, заикаться, хромать или скакать на одной ноге, я бы все равно в него влюбилась! Он был принцем из сказки, тем самым, который с первого взгляда увидел в Золушке с веником и в фартучке будущую принцессу. Я не могла не влюбиться…

Когда Чарльз уже ухаживал за мной, я еще продолжала работать няней у Робертсонов. Мэри, относившаяся ко мне весьма доброжелательно, пару раз осторожно заводила разговор по поводу моих отношений с принцем, но вовсе не пытаясь что-то выведать. Вернее, Мэри выведывала, но не для себя, а скорее для меня самой. Она пыталась навести меня на размышления о том, что же я люблю в Чарльзе и люблю ли его самого. Мэри осторожно намекала, что принц может оказаться несколько не таким, каким видится в грезах, что не мешает присмотреться к нему поближе.

Мэри, пожалуй, была самой толковой моей советчицей, как жаль, что я ничего не слушала, вернее, из вежливости слушала, но не слышала. Я жила в мире грез, в мире героев романов, и у меня самой в жизни все тоже складывалось согласно законам жанра. Принц встретил почти юную, привлекательную, почти бедную девушку и влюбился.

По законам жанра следовала свадьба. Неужели у меня будет свадьба с наследником престола?! Боже мой, от одной мысли об этом голова шла кругом, и я почти теряла сознание!

Меня все чаще приглашали туда, где бывал Чарльз, и хотя он далеко не всегда вообще обращал на меня внимание, я придумала себе, что принц так испытывает свои и мои чувства.

Большую глупость придумать было трудно, потому что «проводивший испытания» Чарльз вовсю танцевал со своими любовницами, прошлыми и нынешней – Камиллой, а я, его тайная любовь (надо же в такое поверить!), маялась, глядя на это со стороны.

Но за дело взялись бабушки – его и моя. Если чего-то желает королева-мать, она этого добивается или просто получает. Элизабет-старшая и Рут Фермой – дамы весьма активные и решительные. На всяких вечеринках в Лондоне Чарльза отвлекают другие вертихвостки? Значит, Диану надо пригласить туда, где не будет никаких танцев, зато появится возможность побыть наедине. Не может быть, чтобы принц в таких условиях не обратил внимание на красивую, молодую и влюбленную в него девушку.

Решено – сделано, меня пригласили в королевскую резиденцию Балморал! Там ежегодно проводятся соревнования, придуманные шотландцами еще в древности. Рослые, сильные мужчины поднимают огромные бревна, быстро-быстро несут их и подбрасывают так, чтобы бревно, сделав кувырок, упало как можно дальше. Это называется Бремарскими играми. За состязаниями следят прекрасные дамы, обычно бывает и королева с ее гостями.

Меня пригласили на Бремарские игры! Это означало, что я хотя бы неделю пробуду в Балморале в королевском обществе. Туда приглашались только старинные приятели и те, кто был очень нужен.

Я наивно полагала, что в Балморале, на природе можно пожить в свое удовольствие с бесконечными пикниками (мы же видели со стороны, что члены королевской семьи часто отправляются на пикники), сельскими развлечениями, мало подвергаясь разным ограничениям, особенно ритуалу. На всякий случай я взяла с собой всего одно вечернее платье, да у меня и не было десятка, во всяком случае, подходивших для королевского приема не было.

Мой чемодан был довольно скромен, к тому же я просто полагала, что сумею съездить в ближайшие магазины и что-то купить в случае необходимости. Мэри с сомнением качала

головой, но я только отмахивалась. Сама возможность побывать сначала на королевской яхте «Британия», а потом в замке Балморал превращала жизнь в сказку, и я не собиралась разрушать ее грубыми размышлениями о том, сколько и каких платьев брать.

Моя голова была забита другим. Я приехала всего на три дня и за это короткое время просто обязана была очаровать всех присутствующих, от королевы до ее своры собак корги. Это очень трудная задача, потому что у принца Чарльза гостили друзья, привыкшие к определенному стилю общения, а потому мне следовало как можно лучше заранее изучить пристрастия этих самых друзей, ведь очаровать принца еще полдела, нужно очаровать и его подсказчиков. У Чарльза было слишком много девушек, чтобы даже понравившаяся закрепилась рядом с ним навсегда против воли его приятелей и приятельниц. Принц из тех, кто слушает бабушку, маму, папу и друзей.

Я готова была очаровывать и корги. Вообще-то я к собакам почти равнодушна. Больше люблю хомяков, морских свинок, всех тех, кого можно взять на руки и прижать к себе. Но в Балморале, если бы разрешили, собственноручно таскала бы в обнимку и всю свору корги. Не пришлось, меня не заставили (или не доверили) возиться с корги, этим занимались слуги. Баррелл твердил, что голосистую свору выгуливал он, я такого не помню, но это не важно.

Я в Балморале в качестве гостьи в королевском семействе! В замок ездили только те, кого изволили пригласить члены королевской семьи.

Я бывала в Балморале, но не как его гостья, а как член семьи помощника секретаря Ее Величества, причем весьма любопытный член. Моя сестра Джейн была супругой того самого помощника секретаря. И все же в замок нас никто не пускал, мы жили в коттедже для гостей и старательно не попадались на глаза обитателям самого замка: там это не принято.

Но одно дело смотреть на королевскую семью со стороны и совсем другое – оказаться внутри ее! В Балморале не менее строгий распорядок, чем в Букингемском дворце, королева просто не умеет жить вне жесткого распорядка дня: как все вещи должны лежать на своих местах, так и происходить все по минутам.

С другой стороны, это понятно, потому что без конца сталкиваться в коридорах огромного замка, рискуя оказаться в дурацком положении, тоже неприятно. Был и свой дресс-код, вернее, есть. Он не изменится, пока будет существовать монархия. В Балморале женщинам категорически запрещено

носить брюки, спортивно можно одеваться, только собравшись на охоту или рыбалку, а на ужин обязательно являться в вечернем наряде.

Вот теперь я была в ужасе, потому что вечернее платье всего одно, а отправиться в магазин, даже ближайший (в котором, конечно, ничего подобного не имелось), означало на целый день выпасть из жизни поместья. Спасло меня только то, что вся неделя, которую я там пробыла, оказалась очень теплой, вместо вечерних ужинов у нас были посиделки в летнем домике, где длинные вечерние платья не нужны. Даже погода помогала мне!

Я старалась заразить весельем всех, в конце концов, даже гулять с принцем по болотам или подолгу стоять в ледяной воде, пытаясь закинуть удочку, лучше, чем чинно сидеть на скучных ужинах, с замиранием сердца ожидая обращения к себе кого-то из королевской семьи и смущенно соглашаться:

– Да, Ваше Королевское Величество… Да, Ваше Королевское Высочество…

Там, на берегу реки Ди (однажды я даже попыталась убедить принца, что реку назвали в мою честь! Он с удовольствием смеялся над такой глупостью) Чарльз был не столько принцем, сколько обычным человеком, которого очаровать много легче. Пытаясь научить меня правильно выбирать наживку, надевать ее и забрасывать удочку, он хохотал вместе со мной просто оттого, что я страшно боялась брать мух в руки, мне было жаль их прокалывать, а потом, когда клевало, я вопила с таким восторгом, что, по словам принца, распугивала всю рыбу в округе.

Я резвилась, как настоящая школьница, отправившаяся в скаутский поход. Провалиться по колено в болото? Так даже забавней! Какая прелесть эта вымазанная грязью хохочущая Диана! Не правда ли, она очаровательна?

– Ваше Королевское Высочество, позвольте я вам помогу?

Принц Филипп с удовольствием соглашался, и мы вместе жарили бифштексы для королевы и гостей.

– Нет, нет, сидите, я соберу посуду, мне нетрудно…

Мне действительно нетрудно быстро собрать посуду после пикника, к тому же я самая молодая из собравшихся. Это нравилось всем, мне активно помогали, но проявленная готовность услужить приводила общество в восторг. Королева заметила, что я воспитанная девушка.

Я очень старательно соблюдала все правила Балморала, даже считая многие дурацкими, если чего-то не знала, обращалась за помощью, смущенно объясняя, что не знаю, как принято именно здесь. Это тоже очень нравилось. Я постоянно обращалась за помощью то к членам королевской семьи, то к приятелям или

приятельницам Чарльза, даже к слугам. Знаю, что ничто не обезоруживает так, как обращение «помогите мне, пожалуйста, я здесь впервые…». Это одновременно и просьба о помощи, после которой некрасиво не помочь и можно простить какую-то оплошность, во-вторых, намек на то, что в первый, но не последний, значит, просто отмахиваться не стоит, мало ли что.

Но больше всего мне нравилось быть с Чарльзом! На любой вечеринке он мог запросто уйти танцевать не с той, которую привез, и даже уехать с другой; здесь, стоило уйти на берег Ди, он был только со мной.

Я быстро оценила разницу между охотой и рыбалкой. Охотница из меня плохая, для этого нужно хорошо держаться в седле, уметь стрелять, даже если охота на куропаток, все равно каждый сам по себе. Там нельзя попросить помочь, объяснить, никто во время охоты не станет советовать, как лучше подкрасться, всему надо учиться заранее.

Совсем другое дело рыбалка. У Чарльза так ловко получалось закидывать удочку! Мне казалось, что вся рыба косяками собирается к месту, где мы стояли по колено в ледяной воде, только чтобы попасть на крючок именно принцу.

– О, Чарльз, у меня самой так никогда не получится!

Не называть же его Вашим Королевским Высочеством, если мы только что препарировали большую муху, надевая ее на крючок, и он охватывал мои плечи, помогая правильно размахнуться удилищем?

Это было здорово! Принц учил меня ловить форель! С супругом королевы мы жарили бифштексы! Ее Величество принимала из моих рук чашку с горячим чаем, сидя на складном стульчике на пикнике!

– У Дианы уже неплохо получается забрасывать удочку…

– О нет! Разве можно научиться делать это так, как вы, сэр?! Если мне что-то и удается, то только с вашей помощью! А я так неуклюжа…

Я смущалась, Чарльз обещал, что у меня все получится, все были в восторге. Надо мной посмеивались из-за моего откровенного обожания и восхищения принцем.

– Вас послушать, так лучше моего сына рыбака нет!

– Да, Ваше Королевское Высочество, для меня нет.

Меня опекали, как школьницу, прощали мелкие оплошности и учили, как не только стрелять или забрасывать удочку, но и как вести себя в более официальной обстановке. Я чувствовала, что понравилась. Конечно, мы бывали с принцем даже наедине, но все это в пределах приличий, если объятья, то только когда забрасывалась удочка, если лишнее прикосновение, то только

привалившись от хохота к его плечу… Нет, нет, что вы, я не подружка на вечер. Да, я влюблена в принца, очарована им, но это не значит, что я доступна.

Дальше приглашения следовали одно за другим. Меня позвали в Биркхолл. Королева-мать лично внесла мое имя в список приглашенных! Теперь предстояло не ударить в грязь лицом перед бабушкой Чарльза.

Биркхолл – место рождения Роберта Бернса, его именем проникнуты, кажется, все окрестности. Пришлось срочно сменить романы Барбары Картленд на томик Роберта Бернса. Хотя я и признавалась, что тупая как бревно (просто так было принято между теми, с кем я общалась вне королевской семьи), но таковой совсем не была и прекрасно понимала, что для себя можно читать дамские романы, а для принца нужно нечто поумней.

В Биркхолле он был мною очарован.

Тогда мне немало помог камердинер принца Стивен Барри, который позже стал почти моим врагом. Пока я была просто подружкой принца, его камердинер легко рассказывал забавной глупышке о предпочтениях принца, а когда я стала претендовать на более заметное место в жизни Чарльза, хорошее отношение ко мне со стороны Стивена быстро закончилось.

Но тогда он еще помогал мне, подсказывая, когда следует умерить свой пыл и отойти в сторону, потому что принцу хочется посидеть молча, когда он расположен шутить, а когда, напротив, не в настроении. Я обожала Чарльза (я и сейчас его люблю, что бы там ни было в моей жизни и что бы ни говорили недоброжелатели), а потому следовать желаниям моего кумира было очень легко. Если он хотел веселиться, я смеялась, он хотел тишины, я превращалась в невидимку с книгой в руках. Конечно, в королевских замках не было романов Барбары Картленд, потому мне поневоле пришлось переключиться на другую литературу, и это понравилось. Правда, я так и не научилась любить философствования Лоуренса Ван дер Поста или Карла Юнга, которых обожал Чарльз.

Я обожала принца, училась, стараясь во всем ему нравиться. А сердце сладко млело: вот если он влюбится в меня, женится на мне, то предпочтет меня всем, даже своим многолетним друзьям, и тоже будет стараться соответствовать мне.

Сейчас я понимаю, что нужно было быть такой глупой восторженной девятнадцатилетней девчонкой, какой была я, чтобы надеяться, что Чарльз даже после свадьбы переключит свое внимание с Ван дер Поста на меня, будет придавать моим словам больше значения, чем мнению многолетних приятелей по поло

или охоте, и тем более перестанет спать с Камиллой! Он и не собирался ради какой-то там Дианы, пусть и влюбленной в него, пусть даже родившей двух прекрасных сыновей, отказываться от любовницы или своих занятий.

Дети? Камилла важней! Нет, если бы ему пришлось открыто выбирать между мальчиками и любовницей, тогда он выбрал бы сыновей, но Чарльз достаточно умен, чтобы избегать таких ситуаций, он выбирал только между мной и ею, и всегда в ее пользу.

Мне бы понять это раньше… Боюсь, что в глубине души я понимала, но надеялась, что все переменится после свадьбы. Ведь я берегла для Чарльза самое важное – саму себя, я была неприкосновенна для других в те времена, когда отсутствие секса у незамужней девушки казалось чем-то ненормальным. Но мне не хотелось растрачивать себя, давным-давно, еще со времени охоты в Элторпе влюбившись в Чарльза, я не мыслила принадлежать никому другому. Обидно, что этому он предпочел потрепанную временем и многочисленными любовниками Камиллу…

Даже в последний день перед нашей свадьбой он поступил так же – сбежал от меня и гостей к любовнице.

Но до этого еще произошло немало всего…

С одной стороны, все неумолимо двигалось к помолвке, ни с кем из прежних подружек принца не обращались так, как со мной. Правда, никто из них, включая мою собственную сестру Сару, не вел себя похоже на меня. Все его любовницы прыгали в постель по первому требованию, а Камилла не пожалела даже собственного мужа Эндрю, которого по-настоящему любила. Но меня соблазнить свиданием наедине не удалось. Нашлись идиоты, написавшие о том, что я тайно посещала поезд Чарльза. Это смешно, потому что тогда я лишилась бы главного своего козыря – невинности и недоступности до брака. Не затем я столько лет себя оберегала, чтобы вот так легко это потерять.

Поцелуи не в счет, это признак влюбленности… и даже самые страстные, они все равно достаточно невинны…

Я понимаю, что на Чарльза давили со всех сторон. Бабушка королева-мать, отец принц Филипп и, наверное, сама королева требовали, чтобы он решился наконец. Друзья, наоборот, всячески убеждали не торопиться, потому что я слишком молода и из совершенно другого мира. Друзья были правы, но как же я тогда их ненавидела! Каково было по уши влюбленной девушке, которая в шаге от исполнения романтической мечты всей жизни, понимать, что кто-то убеждает ее возлюбленного не делать

предложение.

Я не подозревала, что моей неожиданной сторонницей стала… Камилла. Просто ее вполне устраивала молодая влюбленная девочка в качестве жены любовника, Камилла надеялась, что я не смогу конкурировать с ней в постели и буду вести себя тихо как мышка. Моя соперница называла меня серой мышкой!

Легко представить мое состояние, когда Чарльз вместо того, чтобы провести Рождество со мной, вдруг отправился с визитом в Индию! Крушение моих надежд, всей моей жизни было так близко, что я не выдержала и отправилась в Элторп. Если честно, мне в ту минуту очень хотелось поплакать на груди у своей мачехи Рейн, если бы она сделала хоть шаг навстречу, я бы так и поступила. Но Рейн всегда была сгустком энергии, вместо того чтобы просто пожалеть меня, мачеха старалась подбодрить совершенно неуместными фразами. Я даже не помню, о чем она говорила, но точно знаю, что невпопад.

Папа болел, Чарльз уехал, и я снова была совершенно одна…

Меня не пригласили праздновать Рождество с королевской семьей, я еще была никем, мне просто не с кем оказалось встретить Новый год! Хороша ситуация для той, вокруг которой толпами вьются репортеры, стараясь запечатлеть каждый шаг, каждый жест, старательно выпытывая:

– Принц намерен сделать вам предложение?

Сара послала бы всех к черту или… к самому принцу. Очень хотелось так и поступить. Чарльз просто ломал мне жизнь, ввергая в настоящий ад неизвестности и крушения надежд.

Конечно, можно сказать, что меня никто не заставлял надеяться, но ведь тогда честнее было просто дать понять, что роман закончен… Позже я поняла, что это цветочки, настоящий ад меня ожидал впереди!

Когда в начале февраля Чарльз все же позвонил мне с предложением встретиться, я была настолько измучена ожиданием и самыми разными слухами и предположениями, что не сразу поняла даже то, что он делает мне предложение! Чарльз твердил, кажется, о необходимости понимания, что я со временем стану королевой, а я, влюбленная дурочка, отвечала ему, что люблю. Разве могло быть что-то важнее любви моей к принцу и его ко мне?!

Почему-то мелькнула мысль, что никакой королевой я никогда не стану, но я отогнала ее как нелепую. Чарльз наследник престола, значит, будет королем, а я его супруга,

значит, буду королевой! Но это было совершенно не важно, главное – принц, в которого я по уши влюблена, предлагал мне стать его супругой!

– Да! Да! Да!

Подружки дома визжали от восторга, Рейн, которой я сообщила по телефону, чтобы она передала отцу, сказала нечто вроде «наконец-то!», зато большое ведро ледяной воды вылила мне на голову мама. Она попыталась остудить мое разгоряченное воображение, а я не могла понять, чего она боится. Принц сказал, что очень скучал без меня, что хочет, чтобы я стала его женой! Маме бы радоваться, а она была почти в ужасе.

– Диана, кого ты любишь, Чарльза или принца?

Я не понимала:

– Какая разница, он же принц!

Много позже я поняла, чего именно боялась мама: что я влюбилась в образ Чарльза как принца, а не в него самого. Но здесь она была не права, я действительно обожала своего жениха, просто не разделяя его и его статус. Я интуитивно понимала то, чего не понимали многие своим разумом: Чарльз неотделим от своего статуса, он родился принцем и вырос наследником престола, без этого статуса, без сознания своего положения Чарльз не был бы Чарльзом. И нельзя полюбить Чарльза, не полюбив принца.

Куда лучше было бы объяснить, что меня вообще ждет в семейной жизни, приучить к мысли о супружеской неверности, к тому, что у него есть и будет любовница, что все увлечения женщинами никуда не денутся после женитьбы, просто вместо множества разных теперь будет одна Камилла. Меня нужно было подготовить к реалиям жизни, помочь заранее подготовиться к войне с любовницей, помочь завоевать сердце мужа настолько, чтобы его не тянуло к другой.

Мама этого не могла, Рейн могла, но не сделала. Хотя, думаю, если бы она и стала что-то объяснять, я бы не послушала, решив, что это зависть. И Сара могла, но не нашла нужным, в этом тем более играла роль зависть.

И вообще, влюбленная Диана едва ли услышала бы чьи-то советы: я летела, как мотылек на огонь, зажмурив глаза и не чувствуя беды… Нет, что-то я чувствовала, у меня всегда заранее предчувствие неприятностей, но я так хотела выйти замуж за принца, что отгоняла любые сомнения. Принц полюбил меня, иначе просто быть не могло, так всегда происходило в романах Барбары Картленд, скромных девушек всегда оценивали высоко именно принцы!

Все будет хорошо – это я твердила себе, как заклинание. Меня поддерживала бабушка, а уж она-то точно знала, как надо жить при дворе.

А ведь отрезвляющие моменты были, но тогда уже было поздно. Пока мы просто ездили в Хайгроув и соседнее поместье Боулхайд, где Камилла, то и дело напоминая, что они с Чарльзом старинные друзья, а она сама счастливая жена Эндрю Паркер-Боулза, советовала, как вести себя с принцем (чаще всего намеренно говоря неправильно), я просто морщилась. Ничего, придет время, и я удалю всех подруг вроде этой старой ротвейлерши, обойдусь без ее советов.

Потом состоялась официальная помолвка и объявление о ней журналистам. Для этого мероприятия мне был куплен «подобающий» костюм – голубой с дурацкой блузкой, делавший меня старше лет на десять. Выбирали костюм придворные дамы соответственно своему вкусу. Я не удивилась бы, узнав, что принимала участие Камилла, но обошлось. Когда я вижу фотографии или съемку этой встречи с журналистами, меня коробит не ответ на вопрос, что мы чувствуем, а именно то, что меня совершенно намеренно состарили.

Интервью тоже получилось ужасным. При упоминании о любви мой будущий супруг умудрился перед всем миром заявить: «что бы ни подразумевали под этим словом». Мне бы обратить внимание, поскольку оказалось, что мы действительно подразумеваем разное: Чарльз – светскую любезность по отношению ко мне, а я – настоящую влюбленность.

Но даже если бы я поняла, повернуть назад нельзя. Даже до помолвки нельзя! Девушка, которую несколько раз пригласили в королевские резиденции, которая столько времени провела в королевской семье, должна либо выйти замуж за принца, либо вообще исчезнуть. Если бы Чарльз не сделал мне предложение, представляю, сколько и какой грязи вылили бы на меня во всех газетах.

Едва ли я понимала это тогда, просто летела, как влюбленный мотылек на огонь. А Чарльз явно понимал, он-то сознавал, что ошибаться нельзя, что берет на себя слишком большую ответственность, выбирая по сути будущую королеву для Англии. Никто же не подозревал, что наша семейная жизнь может закончиться разводом.

Протестовали его друзья, они-то видели, что мы совсем разные и моя влюбленность ничего не спасет. Удивительно, но с таким выбором была согласна Камилла: как потом оказалось, ее вполне устраивала в качестве супруги Чарльза «серая мышка», как

звала меня ротвейлерша. Камилла считала, что сможет быстро поставить меня на место, что я подобно своей бабушке буду терпеливо сносить измены мужа и делать вид, что ничего не происходит.

Потом я узнала, что человек, в которого я была влюблена по уши, просто очень хотел совершить правильный поступок во имя страны и королевской семьи, но очень боялся, что даст обещание и будет всю жизнь жалеть об этом! Чарльз оказался прав: он дал обещание у алтаря и жалел об этом. А ведь нужно было всего-навсего отказаться от Камиллы.

Узнала не только я, это стало известно всему миру, потому что Чарльз позволил Димблби заглянуть в свои дневники. Если бы он написал о своих чувствах через несколько лет после пережитого, это выглядело бы как попытка оправдаться или отомстить, но в дневник записывалось в то время, когда думалось…

Глупая яркая бабочка летела на ледяной свет, чтобы погибнуть. Неожиданность только в том, что я не погибла, умудрилась уцелеть, когда меня пытались лечить от паранойи, умудрилась выстоять, когда была унижена любовницей, сумела найти себя и даже в какой-то степени противостоять фирме под названием «королевская семья».

Удивительно, но я сумела.

Однажды я задумалась, что было бы, представляй я свою будущую жизнь? Нет, то, что со мной произойдет, не несколько попыток суицида, даже не рождение двух моих замечательных мальчиков, а просто жизнь, которая меня ожидает в золотой клетке.

Что бы я сделала – отступила, бежала сломя голову, покорилась заранее… И вдруг поняла, что ничего, все прошла бы снова.

Во-первых, просто не поверила бы, потому что все связанное с Чарльзом видела сквозь радужные очки, была влюблена, а потому не слушала никого и ничего, даже собственное сердце, которое подсказывало, что я никогда не стану королевой, что ничем хорошим это замужество не кончится.

Во-вторых, выбора у меня просто уже не было, с той минуты, как я оказалась в королевском кругу, не было. Сара встречалась с Чарльзом, но не стала принцессой, выйдя замуж за скромного сквайра. Нельзя попасть в орбиту принца и не поплатиться за это. После того как я побывала в Балморале в качестве гостьи принца, у меня не было обратного пути, только замуж!

Но главное – я свято верила, что предназначена для Чарльза,

недаром он столько лет не женился! Верила, что если я влюбилась в него по уши, то и он ответит мне тем же. Я же не знала о Камилле, вернее, не хотела знать (что совсем не одно и то же), считая сердце моего принца свободным, а значит, предназначенным для меня. Я столько лет просто берегла себя для него, Чарльз обязательно должен оценить мою недоступность для других.

Была где-то в глубине мысль, что именно в этом мое преимущество перед Камиллой.

Своим сыновьям могу посоветовать: прежде чем делать предложение, убедитесь, что у вашей избранницы нет на глазах радужных очков, что она все видит в истинном свете, иначе самая искренняя любовь может принести беду.

Чарльз виноват в том, что, будучи много старше меня и опытней, видел эти самые радужные очки на моих глазах, понимал, к чему это приведет, но не снял их. Лучше бы он честно рассказал все до свадьбы, до помолвки, я бы все равно вышла за него замуж, но уже не пряча голову в песок и не закрывая глаза перед трудностями. Принц поступил наоборот, он сам спрятал голову в песок, и мы поженились, словно несясь на огромной скорости с закрытыми глазами. Аварии не быть не могло.

Но я не виню Чарльза, он меньше всего интересовался тогда мною самой, куда больше выполнением долга перед Британией и устройством жизни, и после женитьбы мало отличающейся от прежней холостяцкой.

Виновата… Камилла, именно она ошиблась, выбирая меня в качестве глупой подсадной утки, именуемой супругой принца Чарльза, она подсказала Чарльзу неверный ход, а он, как послушный мальчик, выполнил указание двух мамочек – королевы и секс-мамочки Камиллы, превратив нашу совместную жизнь в ад.

И все равно я благодарна, потому что у меня есть мои мальчики – Уильям и Гарри! Мои два чуда, моя вечная и нерушимая, ни с какой другой не сравнимая любовь, ради которой стоило пережить все, что пережито, и выстрадать то, что выстрадано.

Сейчас я надеюсь только на одно: развязавшись с королевской семьей, я должна суметь найти свой путь, за который моим мальчикам не будет стыдно за свою маму, как было, когда звучали гадкие записи подслушанных телефонных разговоров, когда газеты пестрели множеством не менее гадких статей о наших с Чарльзом делах.

Я постараюсь, мальчики, я очень постараюсь. Я исправлю все ошибки, которые натворила, и вы еще сможете гордо сказать:

– Наша мама – принцесса Уэльская.

Остановить меня может только гибель, которая уже столько времени снится мне и видится почти наяву. Я не параноик, я просто предвижу…

Супруга принца

Состоялась помолвка, объявлено о свадьбе, причем я не могла понять, почему принц тянет теперь-то. Для меня каждый день, каждый шаг был мучителен, хотя я уже жила в Кларенс-Хаус у королевы-матери.

Начали прибывать свадебные подарки. Это нелепо – получать подарки задолго до свадьбы, но королевская свадьба необычна, а потому я ничему не удивлялась. Однако я страшно скучала. У всех свои дела, все заняты либо чем-то серьезным, либо привычным бездельем, но бездельем в своем окружении, ведь даже раскладывать пасьянс или что-то наигрывать на рояле у себя дома – это одно, а в чужом доме, страшно боясь сделать что-то не то, – совсем другое.

Почти пять месяцев сидения в своей комнате с редкими выездами на примерки платья, и скука, скука, скука… К принцу нельзя, он все время занят, поговорить не с кем, звонки из королевской резиденции прослушиваются…

Чарльз часто уезжал, потому что для него дела – самое важное. Наверное, таким и должен быть будущий король, но в таком случае следовало бы просто поторопиться со свадьбой и все, а не заставлять меня маяться без дела пять месяцев. К тому же мой жених умудрился сокрушенно намекнуть, что я слишком полненькая! Никто не может понять, каково это, кроме тех, кто прошел через такое. У меня начались приступы булимии. Как следствие, я начала худеть, даже свадебное платье пришлось несколько раз ушивать в талии.

Неудивительно, что я просто прилипла к секретарю Чарльза Майклу Колборну, разбиравшему подарки. Кстати, Майкл сказал мне просто изумительную вещь! Я спросила его, изменюсь ли я со временем, ожидая услышать, что стану взрослее и сумею наконец запомнить всю эту чертову прорву официальных вещей. А услышала… Майкл обнадежил, что я превращусь в настоящую стерву, поняв, что люди ради меня готовы пойти на все!

Я была настолько потрясена обещанием превратиться в стерву, что даже не поинтересовалась, что это за «все» и кто эти люди.

После очередных посиделок в кабинете Колборна разразился скандал. Нет, с Майклом у нас ничего не было, я даже в мысли не допускала никого, кроме Чарльза, напротив, неприятность исходила от моего будущего мужа! У Колборна на столе лежал очаровательный пакет, какие во множестве приносили в последние месяцы во дворец, решив, что это еще один подарок от

тех, кто приехать не сможет, да и не был приглашен на свадьбу, но «отметиться» хотел бы, я решила сверток вскрыть. Майкла в это время куда-то вызвали. Он отсутствовал недолго, но я успела открыть пакет. То, что я увидела, повергло в шок.

Нет, это не был свадебный подарок, это был подарок Чарльза… Камилле! За две недели до нашей свадьбы мой будущий супруг делал подарок своей любовнице! Я с трудом справилась, чтобы не порвать в ярости этот браслет. Даже сейчас, через много лет у меня темнеет в глазах и их застилает туман. Так унизить меня можно было, только пригласив ее третьей в нашу постель. Тогда я не знала, что и это будет.

Я метнулась к Саре, больше не к кому, мама никогда меня не поняла бы, Джейн тоже. Сара только усмехнулась:

– А чего ты ждала? Я тебя предупреждала.

– Я не выйду за него! Это просто немыслимо!

Сестра пожала плечами:

– Теперь поздно. Вашими портретами полон Лондон и вся Англия. Ты сказочная принцесса и не можешь обмануть всеобщие надежды. Это жестоко по отношению к людям.

Я не простила Чарльзу такой подлости по отношению к своей будущей жене. Можно не любить меня и любить другую, но надо быть добросердечным и чутким, понимая, какие раны наносишь своим поведением.

При нашей первой встрече очаровательная Грейс Келли «ободрила» меня:

– Не бойтесь, дорогая, дальше будет еще хуже.

Как часто в последующие годы я вспоминала ее слова!

Но я впрямь не могла обмануть надежды множества людей. Конечно, далеко не все в Британии и в мире желали этой свадьбы, вернее, меня в качестве невесты, но большинство все же желало. Я продолжила подготовку к свадьбе…

В Букингемском дворце устраивали предсвадебный бал, на который были приглашены восемьсот гостей, в том числе представители всех царственных домов Европы, весь цвет высшего общества Британии и Европы. Больше могло собраться только на само венчание.

Я очень переживала, чтобы не ошибиться в выборе наряда, но, слава богу, этого не произошло. Всем понравилось мое платье цвета фуксии и ожерелье из жемчугов и бриллиантов. Когда Мэри Робертсон увидела меня в таком наряде, она воскликнула:

– Великолепно! Ты самая красивая невеста на свете!

Мне были так нужны слова поддержки!

Очень хотелось увидеть восторг и в глазах будущего супруга,

но Чарльз был серьезен и чем-то озабочен. Позже я поняла, чем именно, вернее, услышала, как один из гостей с усмешкой сказал другому:

– У несчастного принца последнее вольное свидание…

Я пришла в ужас, но Чарльз действительно исчез, и довольно надолго. На предсвадебном балу мой жених покинул меня, чтобы повеселиться… и с кем?! Я вдруг почувствовала, что со страшной скоростью падаю, качусь куда-то вниз и остановиться невозможно. Вокруг были веселые лица, я все время танцевала, улыбалась, старалась не думать о Чарльзе, просто чтобы не расплакаться. Хотя, если бы это и произошло, все приняли бы мои горькие слезы за слезы счастья. Сейчас мне кажется, что я чувствовала, будто засунула голову в петлю, которая с каждым годом станет затягиваться все туже.

Но, наверное, я сомневалась недолго, завтра моя свадьба с принцем, самым завидным принцем на Земле! Так не хотелось думать о его прошлых любовницах, казалось, что завтрашний день отсечет все прошлое, мы останемся на свете вообще одни – только я и он. Я готова была преподнести себя Чарльзу на блюде в любом виде – жареной, пареной, разделанной на куски… Я была без памяти влюблена в принца Чарльза. Даже если больше в принца, чем в самого Чарльза, которого, по сути, почти не знала, то все равно в него и только в него!

Я оглядывала огромную толпу радостных, возбужденных гостей, каждый из которых старался улыбнуться мне как можно шире, подбадривая. Все они искренне веселились, и никто меня не ненавидел, среди приглашенных не было Камиллы Паркер-Боулз, ее вычеркнули по моему настоянию. И я не позволяла мыслям о проклятой сопернице омрачить мои счастливые мгновения. Чарльз отправился к Камилле? Тем хуже для нее, потому что он должен сказать бывшей любовнице последнее «прощай» в преддверии завтрашнего венчания со мной.

Тогда мне казалось, что их свидание действительно последнее, что я победила, с завтрашнего дня Чарльз будет принадлежать только мне. Ну, еще королевской семье и короне, но это как принц, а как мужчина – только мне.

Как же я ошиблась! Он и не собирался принадлежать только мне, Чарльз не намеревался бросать Камиллу и говорить ей последнее «прощай», что бы они там позже ни твердили. Сейчас я понимаю, как эти двое любовников смеялись надо мной, пока я улыбалась толпе восторженных гостей в зале, смеялись над моей глупой наивностью, и принц наверняка обещал своей любовнице почаще охотиться, чтобы видеться с ней…

Наивная девушка полагала, что, став супругой принца

Чарльза, получит и его самого? Ничуть не бывало, я была просто выполненным долгом. Конечно, Чарльз относился ко мне тепло, по-своему даже любил, как любил определенные вещи или даже слуг, но не больше.

Я не опозорилась на предсвадебном балу, сумела сделать вид, что не замечаю отсутствия того, с кем должна пойти завтра под венец, старательно думала только о том, что завтра моя свадьба! В какой-то миг даже поймала себя на том, что думаю о СВОЕЙ, а не о нашей свадьбе. Все было просто: если вспоминать о Чарльзе, значит, придется думать о том, куда он сбежал от своей невесты и с кем проводит время. А это непременно означало бы слезы.

Слез не было! Я справилась, но оказалось, это только начало, мне придется справляться с собой много лет, и далеко не всегда я сумею это делать. Просто тогда у меня была надежда, что это в последний раз, позже я поняла, что просто в очередной… Через много лет я откровенно сказала в интервью, что в браке нас всегда было трое. Нас было трое даже у алтаря, и понадобилось немало сил, чтобы выбросить эти мысли из головы.

После бала я отправилась в Кларенс-Хаус. Мы поднялись ко мне наверх только с Джейн, я не хотела видеть Сару, потому что Сара напоминала о неверности моего будущего супруга. Я старательно держалась, Джейн не заметила моего жуткого состояния…

Но когда ушла Джейн, меня скрутил приступ булимии.

А потом вдруг принесли подарок от Чарльза – перстень-печатку с теплой запиской, в которой он обещал ждать меня у алтаря и просил привести всех в полный восторг!

Я выпрямилась, разбитое состояние мгновенно улетучилось! Чарльз будет ждать меня у алтаря, завтра для меня начнется новая жизнь. Принц обвенчается с принцессой – что может быть лучше и красивей? Платье с огромным шлейфом уже ожидало меня, оно было великолепно, я буду самой красивой невестой в мире, к тому же выходящей замуж за самого завидного принца!

Но я была не в состоянии ни заснуть, ни оставаться одна, еще чуть – и начнутся слезы, значит, завтра будут красными глаза и бледным лицо. Я почти бросилась вниз. Перепуганный паж королевы-матери Уильям Тэллон невольно произнес:

– Что с вами, Ваше Высочество?

Едва ли он сам заметил оговорку, ведь никаким Высочеством я тогда еще не была, но именно эти слова вернули меня к жизни. О чем я думаю?! Завтра моя свадьба, завтра я стану из просто

Дианы Спенсер принцессой Дианой, женой наследника престола! При чем здесь какая-то Камилла Паркер-Боулз?! Ее больше не будет, она просто исчезнет, испарится, как злая волшебница из сказки, которую облили ведром воды. Этим волшебным ведром воды станет наша с Чарльзом свадьба!

Без пяти минут Высочество вдруг улыбнулось:

– Грустно…

В кабинете у пажа я вдруг увидела велосипед. Ему там совсем не место, как и мне во дворце, но мы были, и с этим приходилось считаться! Почему-то наличие велосипеда привело меня в восторг! Мы выпили – паж и конюший коктейли, а я какой-то сок, – потом я вдруг принялась кататься по комнате на велосипеде и почти вопить:

– Завтра моя свадьба! Завтра я стану принцессой!

Не знаю, что подумали королева-мать и ее гости и слуги, но если посмеялись, то замечание мне не сделали. Вся Англия ждала эту свадьбу не меньше меня самой!

Мне казалось, что заснуть в ночь перед венчанием просто невозможно, а если уж такое случится, то сны будут радужные… Заснула и снов не помню. Утром состояние было странное, словно я всеобщая жертва, которой не сбежать, даже если бы и хотелось. Мне не хотелось, но понимать, что через пару часов ты окажешься в центре внимания тысяч человек, довольно волнительно. Я не представляла себе истинных размеров интереса к нашей свадьбе, хотя понимала, что интерес велик.

Все получилось как надо. Я была хороша в платье от Эммануэль. Волосы легли как надо, тиара в них сидела крепко, не угрожая свалиться при неосторожном движении, как я того боялась. Когда я появилась в платье перед подружками невесты, все дружно ахнули! Я едва сдерживала слезы восторга, вид действительно был впечатляющий, и огромнейший шлейф не мешал двигаться.

Отец, который должен вести меня к алтарю и передать принцу, не так давно перенес инсульт, от переживаний, связанных с предстоящим венчанием дочери, он выглядел неважно, и я очень боялась, что папа не выдержит нагрузки.

– Как ты?

Он вымученно улыбнулся:

– Я все выдержу, даже если после этого придется умереть…

– Не смей! Ты должен понянчить внуков.

Это требование развеселило его, папа улыбнулся уже радостно:

– Да, Ваше Высочество!

– Опирайся на мою руку крепче.
– Должно бы наоборот…

Мы с трудом втиснулись в узкую карету, нет, ни я, ни папа не были толстыми, но с нами ехал еще и огромный шлейф. Я старалась не думать о том, что он помнется. Да у меня и не было возможности думать.

Такого наплыва народа я не видела никогда! Приветственные крики восторженной толпы заглушали даже наши с папой голоса. Я боялась одного – разрыдаться от счастья и все напрочь забыть.

Шлейф, конечно, помялся, его пришлось долго расправлять, потому мы немного затянули церемонию. Но никто не сказал и слова против. У меня в памяти остались смутные воспоминания того, как мы с отцом поднимались по ступенькам собора Святого Павла и ему приходилось крепко опираться на мою руку, чтобы не упасть. Но папа держался молодцом, хотя чувствовал себя явно плохо.

Я забыла все свои сомнения, я не могла не быть счастливой, потому что от самого выхода из Кларенс-Хауса до собора Святого Павла стояла не просто толпа, а море народа, люди восторженно приветствовали нашу с отцом карету, словно самим своим появлением я осчастливила каждого из них.

Плохо помню происходившее, в ушах стоял восторженный рев толпы, перед глазами море цветов, флажков, улыбающихся лиц… Англия была счастлива, и я тоже. В тот день я забыла все свои сомненья, все страхи, я была невестой принца, и свадьба была волшебной!

Длинный шлейф моего свадебного платья в карете немилосердно смялся, но Дэвид и Элизабет так ловко умудрились расправить его, что говорили, будто нарочно труднее придумать. Толпа просто ревела от восторга, глядя, как мы с отцом медленно поднимаемся по ступенькам храма навстречу моей новой жизни. Папе было очень тяжело, и он основательно опирался на мою руку.

Медленно шествуя в соборе по проходу к алтарю, подле которого меня ждал принц Чарльз, я все же заметила Камиллу в грязно-сером наряде и нелепой шляпке под небольшой вуалью, словно под вуалью можно спрятать ее массивную челюсть. Она была со своим сыном Томом. Я знаю, что Камилла называла меня серой мышкой. Но в тот день серой мышью была она, а не я. Серой грязной крысой, надувшейся оттого, что ее мужчина венчался с молодой красивой юной девушкой! И ее челюсть ротвейлера была крепко сжата. Тогда мне показалось, что я

победила, это подняло настроение, и все вокруг засверкало яркими красками…

Мы много раз репетировали церемонию и слова, которые должны произнести, но оба ошиблись, я перепутала имена, а Чарльз пообещал всем моим имуществом делиться со мной же. Позже, много раз просматривая эту запись, мы хохотали до колик.

Моя ошибка была более заметна, но она привела зрителей в полный восторг, все оценили степень моего волнения и счастья! Когда вышли на балкон для традиционного поцелуя в знак любви, у меня от вида многотысячной толпы, запрудившей все вокруг, даже закружилась голова. Сара права, разве можно обмануть ожидания всех этих людей, а также тех, кто смотрел наше венчание по телевизору? Нет, я очень любила своего мужа и намеревалась быть самой счастливой женой, матерью, в будущем королевой!

Обещая это себе, я забыла добавить «любовницей», потому что нельзя быть счастливой женой, не будучи счастливой любовницей.

Мы целовались при всем народе, а толпа счастливо ревела. И я совершенно уверена, что, оставь тогда Камилла в покое нас с Чарльзом, мы стали бы самой счастливой королевской парой на Земле. К сожалению, не оставила, ротвейлер, вцепившись зубами, не отпускает. Но тогда я не думала ни о Камилле, ни о ком другом, у меня был Чарльз, который только что стал моим мужем!

Но мне быстро пришлось понять, что невеста – главное действующее лицо только на свадьбе, недаром все сказки свадьбами заканчиваются и ни одна не начинается. Верить в то, что моя сказка закончилась, я не желала, будучи готовой вытерпеть все, чтобы превратиться из самой счастливой невесты в самую счастливую жену.

Сложности начались уже во время свадебного путешествия.

Вы представляете медовый месяц в обществе экипажа яхты «Британия» и слуг? Поднимаясь на борт, я даже не подозревала, что ждет меня в последующие дни. Не знаю, о чем и о ком думал Чарльз, организовывая такое свадебное путешествие, но только не обо мне!

Муж взял с собой на борт собрание сочинений своего обожаемого писателя-философа Лоуренса Ван дер Поста и намеревался в очередной раз его проштудировать. Нашлась еще пара книг его обожаемого Карла Юнга с изложением концепции о психологических типах людей. Тоже весьма поучительно, главное,

очень соответствовало моменту…

На яхте из женского общества только горничные, которые делали передо мной легкий реверанс и шарахались в сторону при любой попытке заговорить о чем-либо, кроме их профессиональных обязанностей.

Заходить в порты нельзя, яхта королевская, принц – наследник короны, а потому лицо государственное, любой заход в порт означал, что нас должны встречать первые лица государства. Поэтому огни всех городов мы видели только на горизонте. Скука неимоверная.

Все могло быть иначе, если бы мы действительно были романтической парой, вдвоем хорошо и в бунгало на берегу среди джунглей. Но бунгало не было, была чопорная команда, которой даже запретили болтать со мной запросто, были строгие чинные ужины под музыку военного оркестра со строжайшим соблюдением этикета, и была скука! Позже, слушая мой рассказ о свадебном путешествии, Ферджи сказала, что она бы сдохла от такого медового месяца!

Я выжила, но, кажется, начала понимать, во что влипла. Мой муж читал философские труды и пытался обсудить со мной какую-нибудь животрепещущую тему. Например, необходимость заглянуть в свою душу, чтобы поднять мгновение, узниками которого мы пребываем, на тот уровень, где вершится великий акт творения, или то, как распознать определенный психологический тип у человека по его мнению о соотношении личного и общественного в повседневных поступках… Великолепная тема для обсуждения с юной супругой, не правда ли?

Я пыталась читать Ван дер Поста, честно пыталась, тихонько взяв в стопке книг роман «Семя и сеятель». Наверное, это великая книга, но свадебное путешествие – не место, чтобы погружаться в перипетии английского военнопленного в японском лагере. Осознав, что мне совсем не хочется следить за противостоянием начальника лагеря самурая и британского майора, я тихонько вернула книгу на место.

Пришлось искать развлечения самой. Но где?! На верхней палубе в шезлонге сидел с очередным томом Поста Чарльз, ни бассейна, ни даже нормальных условий для загара не было. Просто валяться в таком же шезлонге надоело на третий день, никаких книг для меня не было, захватить с собой плеер не догадалась, кроме того, я просто не ожидала, что мы не зайдем ни в один порт, где можно было бы купить все для себя.

Через несколько дней, случайно задев, я уронила записную

книжку Чарльза, из которой выпали… фотографии смеющейся Камиллы! Я лично вычеркнула ее из списка гостей свадьбы, но она сумела попасть на венчание, правда, не сумев мне его испортить. Я уже понимала, что Чарльз не сможет сразу забыть свою многолетнюю любовницу, но брать с собой в свадебное путешествие фотографии Камиллы?! Это было уже не просто доказательством, что он не ставит меня ни во что, это было издевательством!

– Чарльз, что это?

Он спокойно поднял фотографии и вложил обратно в записную книжку.

– Фотографии Камиллы, но теперь все в прошлом.

Сейчас я понимаю, что хитрая женщина на моем месте попыталась бы подластиться к мужу и лично порвать чертовы снимки или выбросить за борт, но я была слишком молода и неопытна, к тому же верила Чарльзу, перед алтарем и миллионами зрителей обещавшему быть верным и любить меня, пока смерть не разлучит нас. Я разрыдалась и принялась что-то кричать, обвиняя его в неверности и подлости. В ту минуту я чувствовала именно это.

Чарльзу с трудом удалось меня успокоить. Но ничего не изменилось, и фотографии он тоже не выбросил, что подтвердило мои опасения, что муж лжет и будет лгать дальше.

В Порт-Саиде к нам на борт поднялись президент Египта Садат с супругой Джейхан. В их честь был дан торжественный ужин. Но о чем я могла говорить с женщиной, годившейся мне в матери, да еще и привыкшей держаться как первая леди? Она красивая, уверенная, настоящая леди, но я для нее девчонка, недостойная внимания.

Ужин получился скучнейшим, мужчины обсуждали политические проблемы, а мы, перекинувшись несколькими ничего не значившими фразами, вымученно улыбались. С женой президента Египта даже о погоде не поговоришь, погода в Каире всегда прекрасная. Зато я заметила ее пристальный взгляд на запонки Чарльза. Заметила и едва не выругалась вслух. На золотых запонках были переплетены две буквы «С» – Чарльз и Камилла! Едва ли это поняла Джейхан, просто ее привлекло красивое украшение, а я теперь только и ждала, во-первых, чтобы она не сделала комплимент по поводу запонок, во-вторых, окончания ужина, чтобы высказать свое возмущение Чарльзу!

Я имела на это право – насколько же нужно не считаться со мной, чтобы во время свадебного путешествия носить запонки, подаренные любовницей!

Буря действительно была серьезной. Чарльз недоумевал, мол, он и не заметил, рубашки готовит камердинер Стивен Барри, а он сам даже не обратил внимания.

– Ты вообще должен был вышвырнуть эти запонки! Выброси их в море сейчас же!

– Не говори глупостей, Диана!

Так я осознала, что, женившись, мой муж не намерен расставаться с любовницей. И тогда испытала первый серьезный приступ булимии после свадьбы. Болезнь была и раньше, но на сей раз я чувствовала себя очень плохо… Никому не пожелаю такого свадебного путешествия!

Когда оно подошло к концу, я была счастлива, но оказалось, радоваться рано.

Теперь мы отправились в Балморал, где должны прожить до середины октября вместе со всей королевской семьей. Боже мой, эта скука была еще невыносимей! Придворный церемониал хорош только в ограниченном количестве и тем, кто к нему приучен. Я приучена не была совсем.

Мы в Элторпе не присутствовали на парадных обедах, не слушали и сами не вели чинные светские беседы ни о чем, во-первых, потому что терпеть не могли мачеху Рейн и старались убраться с ужином в свои спальни, а во-вторых, потому что это неинтересно. Отец не заставлял.

Зато теперь я ежевечерне была вынуждена часами слушать рассуждения на политические темы принца Филиппа или рассказы принцессы Анны об охоте. Рядом обычно находились придворные в весьма солидном возрасте, ни пошутить с которыми, ни просто поделиться своим собственным мнением я не могла. Все говорили о том, чего я просто не знала и в чем совершенно не разбиралась! Я не помнила все родословные, не могла рассуждать на тему очередных происков профсоюзов, не любила разговоров о политике или охоте, плохо разбиралась в достоинствах лошадей… И ни о чем говорить тоже просто не умела.

А еще важным оказался возраст королевской семьи и гостей, все они гораздо старше меня, с ними невозможно обсудить последний фильм или понравившуюся мне книгу, они таких просто не видели или не читали, они жили в своем особом мире (и до сих пор живут), где события и вкусы отстают на столетие, где темы разговоров не меняются от поколения к поколению, где немыслимо проявлять свои чувства, зато приветствуется сдержанность. Даже если принцесса Анна ругалась, то делала это как-то по-королевски.

Но я-то так не умела! Я была не просто белой вороной, я была белым страусом, причем в клоунской шляпе. Страшно скучая в обществе пожилых и почти пожилых людей, я если и улыбалась, то вымученно…

Во время моего предыдущего пребывания в Балморале стояла теплая погода, мы много гуляли, рыбачили, устраивали пикники. В замке холодно, противно, снаружи лил дождь, всюду сырость, и у меня было страшно плаксивое настроение.

Не знаю, кому раньше надоело, Чарльзу или все же Ее Величеству, но мы перебрались в Крейгоуэн – один из гостевых коттеджей.

Крейгоуэн был лучше дворца только тем, что я не была ежеминутно на виду. В остальном такой же серый, скучный, холодный, вернее, зеленый, но все равно скучный. Чарльз жил своей жизнью, поутру он отправлялся на охоту, а после обеда на рыбалку. И вовсе не намеревался менять свои привычки ради какой-то там жены!

На вопрос, зачем он убивает несчастных куропаток, отвечал, что в этом и есть смысл охоты. Я не видела смысла. Пойманного лосося хотя бы отпускали обратно в реку Ди, думаю, он все равно погибал, потому что ему разрывали все внутри крючками.

– Диана, но в прошлый приезд тебе так нравилось насаживать наживку и закидывать удочку!

Нравилось… Может, и нравилось, но тогда я старалась понравиться Чарльзу, а потому была готова увлекаться почти всеми его увлечениями. А теперь он должен стараться нравиться мне, значит, должен быть со мной, а не мотаться по болотам и не сидеть с удочкой на берегу, пока его жена скучает. Он так не считал, остальные тоже. В Балморале каждый находил себе занятия сам, присоединяясь к той или иной группе. Для меня группы не было, и я страшно тосковала.

Я не желала стрелять в куропаток или любоваться, как трепещет вытащенный из воды лосось. Чарльз смотрел на меня с сожалением и даже пренебрежительно. Я категорически не вписывалась в его привычный круг, а менять круг ради меня он не собирался, да и что принц мог изменить? Ему, а вместе с ним и мне, полагалось ежегодно с середины августа до начала октября проводить время в Балморале, охотясь и рыбача, а также философствуя во время королевских ужинов.

Принцесса Анна гоняла по окрестностям верхом, стреляла и не понимала, как это может не увлекать меня. Осознав, что не увлекает, тоже стала считать меня никчемной. Я не умела ничего: ни поговорить на умные темы, ни охотиться, ни жить интересами королевской семьи. С детства любила животных, у меня даже

были грамоты лучшей смотрительнице за морскими свинками, но не станешь же заводить разговоры о морских свинках с придворными. А королевские собаки, кстати, весьма дурно воспитанные (своим любимцам Ее Величество позволяет то, чего позволять иногда не стоит), меня интересовали мало.

Я пришлась буквально не ко двору, я была в Балморале не нужна. Даже мужу не нужна, прежде всего мужу. Когда гостей не было за столом, он никогда не интересовался мною. Я наивно полагала, что стала главной женщиной в жизни своего мужа. Ничего подобного, главной была королева, потом королева-мать (бабушка), а мне вообще не отводилось никакого места.

Удивительно, но я не была нужна и остальным. Они словно выполнили все свои обязательства по отношению ко мне, формально включив в свою семью, и ни в малейшей степени не намеревались помочь мне действительно в ней освоиться. Я каким-то чудесным способом должна была постичь все их премудрости, влиться, вжиться, причем никому не помешав и никого не задев даже случайно.

А еще лучше, если бы я как-то стала незаметной, невидимой, тенью рядом с мужем, всегда на полшага сзади и молча… Чтобы я ничего не требовала и не ожидала, чтобы с пониманием относилась ко всему, в том числе и к его изменам… Вовремя открывала рот и вовремя его закрывала, улыбалась только когда это позволено, была вежлива и нетребовательна.

Ничего этого не было, и я просто провалилась в Балморале. Я оказалась никчемной, неумной, несветской, нетактичной, неинтересной… какие еще вспомнить «не»? Главное – Нелюбимой, причем не любимой никем. Никому не нужной, всех раздражавшей.

У меня и без того было полно комплексов из-за собственного несовершенства и ненужности, а теперь они выросли до невероятных размеров.

Кто бы смог справиться на моем месте? Наверное, кто-то смог бы, но я не справилась. После поистине сказочной свадьбы, после того, как меня полгода боготворили репортеры, как едва ли не несли на руках в церковь на венчание, когда восторженная толпа почти плакала при виде нашей счастливой пары, вдруг понять, что ты никто…

Еще на яхте мы не один раз смотрели видеосъемку нашей свадьбы, и всякий раз Чарльз изумленно пожимал плечами:

– Почему они так радуются?

Мне очень хотелось, чтобы он заметил, что приветствуют меня, но муж снова пожимал плечами:

– Просто свадьба была организована фантастически.

Моей привлекательности Чарльз замечать не желал. Он просто не видел, что люди махали руками мне лично, что я понравилась. Это было так обидно!

– Чарльз, им нравится твоя супруга.

– Им нравится девушка, в одночасье ставшая принцессой.

Вот и все, знай, Диана, свое место!

И все же я думаю, он понял, что меня приветствуют из-за меня самой.

Но тогда жизнь в Балморале становилась день ото дня невыносимей, пока Чарльз охотился или рыбачил, я тосковала, маясь от безделья. Дома я просто взялась бы за уборку, сбегала в магазин, почитала книжку, послушала музыку… Даже в Букингемском дворце до свадьбы было веселей. Здесь все делали слуги, общаться не с кем.

Чарльз спрашивал, почему я не приглашу своих родственников или друзей. Но кого? На несколько дней приезжали мама и сестры. Они и раньше бывали в Балморале, Джейн даже жила там целый сезон, но теперь статус у моих родных стал иным. Приглашать маму на королевские ужины я не могла, да и королева не слишком интересовалась моими родственницами, а показывать всем, что я в королевской семье никто, не хотелось. Приглашать папу не желала из-за Рейн.

И снова одиночество, тяжелое, гнетущее, особенно на фоне счастья всех остальных обитателей Балморала. Может, они и вовсе не были счастливы, но старательно делали вид, что это так, я верила и все больше считала себя неудачницей.

Но самым тяжелым стало понимание, что Чарльз вовсе не порвал с Камиллой и не намерен этого делать. Кто бы стерпел, если даже во время медового месяца муж носил запонки с инициалами любовницы и писал ей письма! А из Балморала начались еще и звонки. Конечно, Чарльз не изменял во время медового месяца, но это лишь потому, что не было никакой возможности! Балморал далеко от ее поместья.

Чарльз твердил, что это просто многолетняя дружба, я, конечно, не верила и была права. Женское чутье подсказывало, что никакой дружбой их отношения никогда не были, они любовники и таковыми останутся. Время показало, насколько я права. Видимо, эта моя правота и то, что я все понимала, злило Чарльза больше всего. Он приходил в ярость, стоило упомянуть Камиллу!

– Почему ты злишься, если она просто друг?

– Ты ничего не понимаешь!

Я понимала все, и понимала правильно. И он тоже понимал. Мы уже оба знали, что совершили страшную ошибку, но исправить ничего не могли.

Я страдала и худела, в конце концов Чарльз отвез меня в Лондон к врачу. Психиатры прописали кучу успокоительных, от которых я категорически отказалась и снова была права, потому что это обязательно сказалось бы на здоровье Уильяма. Мне не были нужны успокоительные таблетки, мне нужна была любовь мужа и моих новых родственников. А еще отсутствие подозрений в неверности Чарльза.

Но ни того, ни другого не было, я мучилась, подозревала, считала себя никчемной и мешающей теперь уже мужу, страдала от приступов булимии и худела.

– Диана, ну что еще я сказал не так?

Этот вопль отчаянья из уст Чарльза слышался все чаще. Чего он не понимал? Неужели нужно объяснять, что мне нужна его любовь, просто любовь и все. Нужно, чтобы он почаще смотрел на меня, почаще обнимал, просто брал за руку, чтобы говорил, что я молодец, что со всем справлюсь, всему научусь… Чтобы почаще спал со мной, в конце концов!

Но этого я была лишена, мужа раздражали мои слезы, он кричал, я плакала еще горше, Чарльз сердился еще больше, хлопали двери, муж торопился куда-нибудь исчезнуть. Мне оставалось свернуться калачиком и плакать…

Красивая сказка с тысячами восторженных зрителей быстро превратилась в тоскливую правду, я снова не была никому нужна, я снова была одна.

Не знаю, что было бы, не окажись я в положении.

Я переносила беременность довольно тяжело, снова тошнило, кружилась голова, но сознание, что внутри меня зародилась новая жизнь, наполняла гордостью. Возможно, я ношу будущего наследника!

Когда меня уже основательно мутило, но еще не было видно животика, нам пришлось совершить трехдневную поездку в Уэльс. Это было очень важно для Чарльза, потому, даже плохо себя чувствуя, я не отказалась от поездки. Наследник престола с супругой! Народ собрался посмотреть, у многих еще была в памяти наша роскошная свадьба.

Я не сумела воспротивиться выбранному наряду, как когда-то не сумела отказаться от взрослого голубого костюма при помолвке, который старил меня лет на десять.

Теперь тоже был отвратительный костюм в красно-зеленых тонах, что совершенно мне не идет, нелепая шляпка с пером…

Добавьте к этому нудный мелкий дождь, холодный ветер и тошноту и получите мое состояние. Да, еще добавьте неуверенность в себе и желание вернуться домой в свою холостяцкую квартиру в кресло с ногами.

И вдруг… Этого не ожидал никто, тем более Чарльз. Принц привык, что его встречают в Уэльсе как доброго знакомого, даже машут флажками, но на сей раз собравшаяся толпа Чарльза словно и не заметила. Произошло то, что потом много раз повторялось в разных уголках мира, – люди кричали мне, они протягивали руки, чтобы только прикоснуться, задержать на мгновение, чтобы я улыбнулась и им тоже.

Так началась наша семейная и моя жизнь в королевской семье. Пройдет пятнадцать лет, прежде чем я стану свободной и смогу сама решать, что мне делать и как себя вести. Или свободной я так и не стала?

Именно это я сейчас и пытаюсь понять. Чтобы понять, освободилась ли, нужно понять, от чего должна освободиться.

Интересно, что, размышляя сейчас над событиями прошлых пятнадцати лет, я отчетливо вижу все свои и чужие ошибки. Ну почему, чтобы их увидеть, нужно сначала совершить, почему ошибки нельзя предвидеть. Моя беда, кажется, в том, что рядом со мной никогда не было человека, который мог за руку провести меня по минному полю, называемому жизнью, или хотя бы указать проход по нему, чтобы я не подрывалась на каждой встреченной по пути мине.

А как у остальных, неужели всех ведут за руку? Наверное, нет, но советуют. Мне советовать некому, единственный человек, который пытался меня предостеречь, Мэри Робинсон, у которой я работала няней, слишком недолго была рядом. Все остальные либо молчали, как мои мама, сестры, либо осуждали, как королевская семья и бабушка, либо просто ахали, как подружки, либо давали вредные советы, как Камилла, либо по долгу работы окончательно запутывали, как многочисленные психологи и экстрасенсы, либо называли истеричкой, как муж.

Чарльз

Чарльз замечательный человек, очень ответственный, дотошный, серьезный, интеллектуально развитый, начитанный… я могу еще долго перечислять его достоинства. Он замечательный отец, который очень ответственно, дотошно, серьезно, интеллектуально подходит к воспитанию детей, проштудировав по этому вопросу множество книг…

Чарльз всегда был взрослым. Мне кажется, что он и родился сразу взрослым и серьезным. На детских фотографиях у него не видно шаловливой улыбки или лукавства, не видно детской непосредственности или просто открытой радости. Его улыбка даже в три года сдержанна и приятна ровно настолько, чтобы ее не сочли откровенным проявлением чувств.

Ему всегда было шестьдесят, даже в двадцать лет! Даже когда он соблазнял девушек в юности, когда танцевал с ними, ухаживая. Он всегда был стариком, умудренным опытом, много знающим о жизни и одновременно не знающим о ней ничего за пределами дворцов, скачек и его обожаемого Хайгроува. Да, еще можно упомянуть Балморал.

Но везде Чарльз в коконе, все до мельчайших деталей происходит по заведенному порядку, каждое действие его слуг расписано, каждая вещь должна лежать на своем месте, быть определенной марки и ни в коем случае не заменяться другой без его на то распоряжения. Чтобы у слуг не возникло искушения самовольничать или сказать, что чего-то не поняли, распоряжения отдаются письменно.

Держать предметы на полочке в ванной в определенном раз и навсегда заведенном порядке – это вполне в духе королевской семьи.

Чарльз очень вдумчивый, он любитель философии, причем с психологическим уклоном, недаром два его любимых автора – Карл Юнг и Лоуренс Ван дер Пост. Исследование глубин личности никогда не сделает характер легким и веселым, Чарльз всегда чем-то озабочен и задумчив, даже когда улыбается. Мне кажется, что он ровесник своему любимому Ван дер Посту, а ведь тот родился в начале века!

При этом принц на удивление беспомощен в быту. Как такое может быть? Из-за уверенности, что за тебя все сделает штат слуг, даже пасту из тюбика на зубную щетку выдавит. Помню свое потрясение, когда увидела вот такую щетку с готовой пастой.

– Зачем?!

– Так удобней.

К этому легко привыкаешь, я, любившая домашнюю работу, тоже быстро отвыкла от нее во дворцах.

Как при этом принц умудрился полюбить прополку сорняков и возню в саду и на конюшне, удивительно.

Первое время меня страшно удивляла его несамостоятельность, вернее, привычка, чтобы абсолютно все делалось слугами. Он был настолько зависим от камердинера Стивена Барри, что не способен сам себе принести рубашку из гардероба, который просто являлся частью большой спальни. Все обязан обеспечить Стивен – принести на выбор несколько комплектов одежды, если не понравилось, принести еще, в выбранную рубашку вставить запонки, завязать галстук, проверить, целы ли пуговицы, не нужно ли что-то почистить, погладить, пришить…

Мне претила такая зависимость, конечно, хорошо, когда вокруг суетятся, но самостоятельность тоже должна быть. Причем отношение к слугам иногда просто неприличное.

Чарльзу страшно не нравилась моя привычка подолгу беседовать со слугами, тем более спускаясь в буфетную или вообще на кухню. В Букингемском дворце мне просто указали на дверь, мол, ваше место вон там, а наше здесь. В Хайгроуве гораздо проще, а привычка ходить вниз в буфетную даже помогла мне понять, когда там бывает Камилла.

Внизу лежала тетрадь с пометками, сколько человек будет на обед или ужин, ужинают ли хозяева, кто именно из гостей приезжает. Это помогало слугам и накрывать на стол, и учитывать расходы тоже.

Сунув любопытный нос в эти записи, я быстро поняла, что означают их сокращения и цветные полосы, после этого не составило труда выяснить, что Камилла почти каждое воскресенье приезжает на ужин после того, как уезжаем мы с детьми. Либо Чарльз заказывает ужин наверх, быстро его проглатывает и устремляется к любовнице в ее поместье.

Теперь мне было достаточно спуститься вниз в буфетную, просто поболтать с дворецким и мимоходом полистать книжку, чтобы я знала, что происходит в доме. Чарльз не мог понять, откуда я все знаю, он бесился, допрашивал слуг, пока однажды не догадался сам дворецкий Пол. С тех пор в книге значились только скупые цифры количества присутствующих на обеде или ужине, безо всяких цветных полос или инициалов.

Но от меня уже ничего нельзя было скрыть, я знала, что Чарльз видится с любовницей при любой возможности, а если таковой нет, то звонит ей и разговаривает буквально часами…

Накатывали злость, обида, жизнь казалась невыносимой…

Почему я не вписалась в жизнь рядом с Чарльзом, а он так и не смог мне помочь сделать это?

Чем больше я размышляла над этим, тем больше осознавала, что не смогла бы вписаться никогда, а Чарльз, не понимая, что происходит, просто приписывал все моей истерии. «Истеричка Диана» стало таким же постоянным определением, как и «тупица Диана».

Сначала мне нужно было просто объяснить, почему увлекаться оперой более приемлемо, чем обожать балет. Почему нужно любить определенную классическую музыку, а не, например, Рахманинова или Чайковского? Чем убийство животных и птиц, именуемое охотой, лучше ухода за ними? Почему считается достойным ежедневное издевательство над лососями во время рыбалки, когда их сначала вытаскивают из воды, потом снимают с крючка, раздирая губы и внутренности, а потом к концу дня замученных выпускают в воду умирать медленной смертью? Почему загонять лошадей до кровавой пены на губах лучше, чем гонять на автомобиле? Почему любить собак и терпеть их шерсть на диванах и креслах лучше, чем ухаживать за морскими свинками? Почему носиться по полю на лошадях, сталкиваясь и раня их, называя это поло, лучше, чем плавание? Почему заумные философствования лучше дамских романов?

Почему все, что делаю я, глупо, а все, что я не могу терпеть, достойно восхищения?

Да, я не люблю охоту, потому что убивать оленей и потом мазать лицо их кровью достойно наказания, а не восхищения. Я не люблю мертвую рыбу, у которой крючок засел где-то глубоко внутри. Я не люблю поло, потому что стременами одного всадника при столкновении больно ранят бока другой лошади. Я не люблю скачки с препятствиями, потому что на лицах у всадников совершенно зверские выражения, с них слетает весь светский лоск и даже дамы ругаются крепче портовых грузчиков. Я не верю в вежливость дамы, которая полчаса назад выкрикивала отборные ругательства, пытаясь взять препятствие.

Возможно, я не права, охота – это адреналин, а не убийство животных, но тогда не нужно объявлять себя их защитниками… Не нужно говорить, что это твоя любимая лошадь, если вчера порвала ей уздечкой губы до крови…

Я не вписалась в придворную жизнь еще и потому, что не приняла их увлечения, по сути очень жестокие и грубые. Когда позже проходила всевозможные тренинги, пытаясь восстановить душевное равновесие, поняла, что, сдерживая свою природную

грубость, хамство и ненависть ко всем, в том числе и тем, кто считается ее друзьями, та же Камилла выплескивает все это, когда безжалостно пришпоривает лошадь и кричит ругательства на все поле. Там это считается нормальным, это не жестокость и грубость, это адреналин, и она «свой парень», до которого мне далеко.

Далеко, и правда, очень далеко… Я уж лучше буду помогать тем, кто нуждается в моей помощи, кто болен, кому требуется жизненная поддержка, чем стану загонять бедную лошадь стременами и хлыстом.

И адреналин получу на минном поле, а не в седле. Там его, кстати, не меньше. Сомневаюсь, чтобы Камилла рискнула пройти по узкому проходу только что разминированного поля, чтобы привлечь внимание к проблеме противопехотных мин. Или что она протянула дрожащую руку в защитной перчатке больному проказой.

Я даже знаю, что именно сказала бы эта ротвейлерша, считающая себя смелой. Она объявила бы, что это ненужный, неоправданный риск.

Возможно, но когда я отправилась в Центр по лечению больных СПИДом, я не проводила популистскую акцию, мне и правда жалко этих изгоев, и ребенка со страшными ранами на голове качала не ради красивой фотографии, а потому что мне понятна его боль и боль его матери.

Потому что я хочу не просто перечислять деньги в разные фонды или участвовать в благотворительных балах и приемах, чтобы средства перечисляли другие, но хочу участвовать в спасении сама. И сидеть на диване в Хайгроуве, осуждая «истеричку Диану», которая снова рыдает в госпиталях Азии или Африки, куда проще, чем поднять свой толстый зад и отправиться туда же. Носиться по полю на лошади, которую потом обслужат другие, легче, чем прижать к своей обвислой груди хоть одного несчастного ребенка, согревая теплом своей души.

Мы разные, мы совсем разные и никогда не поймем друг друга.

Я нашла себя. Не на роскошной яхте или под вспышками папарацци, нет, я настоящая среди тех, кому нужна моя поддержка, как бабушка Синтия Спенсер. Когда я наклоняюсь к больному или беру на руки несчастного ребенка, когда пытаюсь приласкать, ободрить, поддержать даже тех, кто совсем не понимает английского, когда протягиваю руки приветствующей меня толпе, вот тогда я чувствую себя нужной и живущей, а не существующей. Такое ощущение мне дает только общение с моими мальчиками.

У Чарльза с его отцом принцем Филиппом герцогом Эдинбургским отношения хуже некуда. Они могут кричать друг на друга не только в присутствии членов королевской семьи, которые ко всему привыкли, но и при совершенно посторонних и даже на официальных мероприятиях.

Впервые услышав, как сначала герцог Эдинбургский громогласно, как он разговаривает обычно, когда вокруг слишком шумно, делает замечание сыну по поводу чего-то не слишком значительного, я вся сжалась. Такое замечание было настоящим унижением для Чарльза, он же не мальчишка, чтобы вот так указывать на ошибки! Кроме того, можно высказать после и один на один, а не при всех.

Но принца Филиппа это не смутило, он поступил так, как считал нужным, а Филипп считал, что может делать замечания сыну, даже если тому четвертый десяток и он наследник престола. Чарльз, конечно, так не считал, он взорвался и в ответ накричал на отца, требуя прекратить советовать ему, будущему королю Англии!

Все вокруг дружно оглохли, а королева, неподалеку беседовавшая с каким-то послом, даже не повернула голову, лишь поведя в нашу сторону глазами. Я поразилась выдержке Ее Величества! Чарльз бросился вон из зала, а герцог Эдинбургский фыркнул, обращаясь ко мне:

– Видите, как дурно воспитан ваш муж, Диана.

Я с трудом сдержалась, чтобы не хихикнуть:

– Кто его воспитал, если не вы?

Пришлось сказать нечто обтекаемое:

– Вы должны извинить его, принц очень устал сегодня…

Герцог неисправим, он тут же фыркнул еще раз:

– От чего устал, от ползанья на коленках в навозе среди грядок или от чтения философских глупостей? Не защищайте своего мужа!

Теперь едва не зарыдала я, потому что получилось, будто в их ссоре есть моя вина.

Стычки малые или покрепче повторялись то и дело, обычно королеве удавалось предотвратить перепалку, всего лишь сурово сдвинув брови.

Я быстро поняла, что и принц Филипп, и Чарльз побаиваются королеву, и попыталась этим воспользоваться. Однажды, когда была готова разгореться очередная перепалка, я шепнула Чарльзу:

– На нас смотрит Ее Величество.

В первый раз это помогло, но во второй принц резко оборвал

меня:

– Королева стоит к нам спиной! А ты не вмешивайся, чтобы не демонстрировать свою глупость!

Вместо принца Филиппа досталось мне.

Поэтому, когда я слышу, что принц Чарльз исключительно сдержан и интеллигентен и никогда не позволит себе грубости к кому бы то ни было, я сразу вспоминаю их стычки с отцом, летящие на пол дорогие часы, разбитые рамки для фотографий, зеркала, вырванную раковину…

Неужели я причина этих вспышек агрессии? Сначала меня мучило опасение, что так и есть, но постепенно поняла, что все просто привыкли и стараются не обращать внимания.

Дурной пример заразителен, немного погодя и я уже позволяла себе то, чего недавно не могла и представить. Я кричала на горничную и на мужа тоже. Хуже всего, что мы скандалили, не замечая, что нас слушают.

Чарльз не раз говорил, что рядом с Камиллой чувствует себя не принцем, а человеком, потому ему так хорошо.

Я очень, очень хотела бы, чтобы он был не принцем, а человеком! С первой и до последней минуты нашего неудачного брака хотела. Он бывает таковым, но с детьми или с Камиллой, только не со мной.

Со мной с первой минуты – принц! С первой минуты твердил об обязанностях, о том, что долг превыше всего, что и он, и я должны думать о долге… Чарльз все время, пока мы были даже не вместе, а просто рядом, внушал мне, что он не простой смертный, что не простой человек, что принц, наследник престола!

Начал внушать это еще до помолвки, а потом удивился, почему я его не воспринимаю просто человеком.

Как могла двадцатилетняя девчонка, не имевшая никакого сексуального опыта, относиться к мужу почти по-матерински?

Большой проблемой стала моя растущая популярность. Сначала она меня пугала, я не знала, как держать себя на людях, видела, как строго и спокойно держится королева, как сдержан сам Чарльз, мне казалось, что я никогда не смогу вот так – строго и по-королевски. Муж усиленно поддерживал мои опасения, советуя взять себя в руки, собраться, говорить четко и спокойно…

Лучше бы он этого не говорил! Возможно, людям, с самого рождения привыкшим к множеству людей, к восторженным приветствиям, к фотовспышкам, к вниманию прессы, это и легко. Но когда ты становишься объектом внимания масс-медиа в

девятнадцать лет и по такому поводу, как «сделает ли вам предложение принц?», то поверить в свои силы, если никогда в них не была уверена, тяжело.

Я еще в Уэльсе поняла, что ни за что не смогу сдержанно улыбаться, кивать и помахивать рукой, я не такая. К моему и всеобщему восторгу, оказалось, что это необязательно. Людям вовсе не нужно, чтобы я лишь раздвигала губы в улыбке, помахивала рукой и держалась подальше. Наоборот, все хотели, чтобы я была настоящей.

И тогда началось удивительное, потому что на наше появление слетались, как пчелы на мед, не только журналисты, но и простые люди. Сначала Чарльз считал, что это из-за блестяще организованной свадьбы, мол, меня до сих пор видят невестой. Потом стал выражать неудовольствие.

Мне здорово досталось в нашу первую поездку в Австралию и Новую Зеландию.

Чарльз был в ужасе от размеров моего багажа, пришлось взять с собой больше двух сотен нарядов, чтобы не появляться в одном и том же.

– Ты собралась демонстрировать моду или совершать официальный визит?

Если честно, то первое. Это Чарльз понимал, с какими политическими трудностями мы можем там столкнуться, ведь и Австралия, и Новая Зеландия поговаривали если не о выходе из Содружества, то о том, что им вовсе не нужна английская монархия. Меня пытались убедить, что от этого визита зависит многое, потому что за Австралией могут последовать и другие… Кто другие, не говорили.

Чарльз готовился очень серьезно, он был доверху набит сведениями об Австралии, ее политических деятелях и раскладе сил. Мне не отводилось в этой поездке никакой роли, достаточно просто улыбаться рядом с мужем и помахивать рукой, приветствуя раздраженных австралийцев, чтобы убедить, что монархия не так уж страшна и отказываться от нее не стоит.

Принц успокаивал:

– Не бойся, это не Уэльс, и вообще не Англия, там не будет таких толп.

Он сильно ошибся, это были даже не толпы, а что-то невероятное! И рев:

– Ди-а-на! Ди-а-на!

Я сразу почувствовала, как напрягся Чарльз.

– Из-за глупого восторга толпы может быть сорвана важнейшая программа встреч.

Ничего не сорвалось, но двухсот платьев не хватило,

пришлось просить, чтобы прислали из Лондона еще. Я просто обязана оказалась все шесть недель в каждом следующем месте появляться в новом облике и ни разу не ошибиться с выбором туалета.

А сколько было пожато рук, сколько сделано фотографий, сколько произнесено слов приветствий, сочувствия, поддержки!

– Как у тебя это получается?

– Что – это?

– Как ты умудряешься сообразить, с кем именно надо начать разговор?

А я не соображала и не высчитывала, я просто сердцем чувствовала того, кто, как и я, не уверен в себе, чем-то обижен, кому плохо и больше других требуется поддержка. Самый маленький, самый слабый, самый пожилой, самый больной… что тут вычислять? Кому же помогать, как не им? Что заумного в том, чтобы, разговаривая с ребенком, присесть перед ним, чтобы не просто наклониться к старику, а коснуться его руки, погладить по голове малыша у матери на руках…

Я ничего не придумывала, наоборот, я забывала все наставления, как только выходила из машины, временами даже забывала о муже. Там было столько желающих поговорить, просто коснуться руки, поймать взгляд…

Чарльз возмущался тем, что пресса не желает писать ничего серьезного, что все газеты уделяют внимание только тому, во что была одета, как выглядела и как пожимала руки принцесса! Я понимала, что он ревнует к моей популярности, потому что не раз ему приходилось ждать, пока меня отпустит очередная толпа.

Конечно, он гордился тем, что его жена и сын прекрасно выглядят, что я популярна, что австралийцы вдруг поняли, что они обожают принцессу, а заодно и всю монархию тоже, что никто уже не заявляет о желании отказаться от королевы. Но для Чарльза и для всей королевской семьи осталось загадкой, почему двадцатиоднолетняя глупышка смогла легко добиться того, на что мало рассчитывали дипломаты, планируя турне.

Я вернулась из Австралии другим человеком, я почувствовала силу своей популярности и свои возможности. Конечно, поездка с маленьким ребенком создала множество проблем, но она же того стоила! Девятимесячный Уильям был отличным политическим подспорьем своим родителям, разве могли не прийти в восторг все видевшие мать и отца с очаровательным малышом, разве можно поверить, что вот эта счастливая семья представляет какую-то угрозу Австралии?

Мы победили! Но и на сей раз я не услышала криков восторга со стороны своих родственников в Букингемском дворце. Было

сказано всего лишь, что мы справились, под этим «мы» подразумевались мы с Чарльзом. Нечестно, справилась прежде всего я, ведь мне было куда трудней.

Но теперь я хоть немного знала себе цену.

Наверное, Чарльзу было нелегко сознавать, что глупышка Диана вдруг так легко перетянула внимание всей прессы на себя. Теперь это уже нельзя объяснить волшебно организованной свадьбой, слишком много прошло времени, два года восторгаться свадьбой никто не будет, теперь восторгались уже мной.

Но чем больше восторгались мной за стенами дворцов, тем более холодным становилось отношение ко мне внутри. Я понимаю, что Чарльз испытывал разные эмоции, он не мог не гордиться своей женой, когда толпы ревели от восторга, не мог не получать удовольствия, когда хвалили мой вкус и умение общаться с людьми, но он не мог не испытывать раздражения, когда я затмевала остальных дам королевской семьи.

Это для королевы выступление в парламенте важно словами, для меня было важно просто появиться. В тот год, когда родился Гарри, я пришла на открытие сессии парламента в изящ– ной шапочке от Веры Линн. Это для меня было словно приз за рождение Гарри, ему еще не исполнилось двух месяцев, но на сей раз я уже не так страдала от послеродовой депрессии и позволила себе появиться в изящном головном уборе.

Нет, в шапочке не было ничего такого уж экстравагантного, просто она удерживалась на моей голове при помощи пары не менее изящных гребней. Если бы я стояла, мало кто заметил бы такую прелесть, но я сидела почти рядом с королевой, произносившей умную речь, уличающую правительство Маргарет Тэтчер в бездеятельности.

Правительство было спасено, потому что все разглядывали мою шапочку и мало кто слушал королеву!

Дамы королевской семьи были возмущены моей «бестактностью» до глубины души.

– Как долго Диана будет превращать открытие сессии парламента в показ мод?!

– Как она могла поставить королеву в столь неудобное положение?!

Чарльзу тоже выговорили за то, что он не остановил свою супругу, не имеющую представления о приличном поведении.

Да, пожалуй, сейчас я понимаю, насколько ему было тяжело лавировать между своей супругой, становившейся все более заметной и притягивающей взгляды, и собственной семьей.

Но принца и самого начала раздражать моя популярность, особенно когда приходилось стоять в сторонке, пока я беседовала

с собравшимися, или когда репортеры все материалы посвящали моим нарядам и умению танцевать, вместо того, чтобы заметить старания Чарльза по установлению нужных отношений.

Что делать, мир больше интересуют наряды принцессы, чем переговоры принца…

Также Чарльзу пришлось стоять в сторонке, когда я танцевала в Белом доме с Джоном Траволтой. Танец получился на славу, на следующий день газеты, казалось, забыли, что мы прибыли в США вместе с принцем, что Чарльз тоже был на этом обеде, даже о чете Рейган вспоминали только потому, что на фотографиях они оказались на заднем плане!

Чарльз считал это пустой суетой, недостойной внимания, он уже злился, что мои наряды и моя популярность превращают любой визит не в деловое мероприятие, а в демонстрацию принцессы Дианы.

Ах, если бы эта популярность еще помогала мне завоевать собственного мужа! Я могла сколько угодно убеждать Чарльза, что любая на моем месте притягивала бы взгляды репортеров и была им интересна, потому что публика хочет знать, как одевается принцесса, но Чарльз прекрасно понимал, что толпы и репортеров притягиваю я сама.

Серьезный принц никак не мог смириться с тем, что его несерьезная жена интересна людям куда больше, что я куда популярней и за пару часов добиваюсь того, чего они со своим Форин-офисом не в состоянии добиться месяцами уговоров и нудной работы.

Чарльз не мог понять, почему многие усилия королевской семьи не находят никакого отклика и официальные приемы или визиты, если в них не участвовала я, проходили весьма скучно и слабо освещались прессой.

– Наша пресса явно поглупела, если только и знает, что описывать наряды принцессы!

Конечно, отговорка хороша, но не мешало бы вспомнить, что принцесса при этом наряд продумала, а не вырядилась на благотворительный рок-концерт «Live Aid» («Живая Помощь») в строгий темно-синий костюм, превратив себя в посмешище.

Просто Чарльз от природы очень умный и очень скучный (и все равно я его люблю, даже сейчас, когда он окончательно принадлежит Камилле). Не заметить эту скучность невозможно, особенно когда принц демонстрирует ее словно нарочно.

Жить в коконе очень тяжело, а покинуть его страшно.

Я знаю, чего боится Чарльз. Того, что за пределами кокона его могут не оценить, что он потеряет привлекательность

окончательно. Боясь потерять свою оболочку, он становится резким и даже грубым. Так же защищается герцог Эдинбургский Филипп, но у принца Филиппа в качестве защиты грубые шутки, часто обижающие тех, по отношению к кому они произносятся, а у Чарльза резкость по отношению к близким.

Мне пробить этот кокон оказалось не под силу, мало того, чем популярней становилась я сама, тем больше рядом со мной заматывался в оболочку Чарльз.

Я действительно не понимала, почему его разумные предложения никогда не встречали отклика. Позже стало ясно, что это из-за того, как он все преподносил. Чарльз просто не умеет очаровывать людей ни своими идеями, ни самим собой. И слушать советы от «глупой» Дианы тоже не желал.

Чарльз не заметил, что я умнела. Я не так глупа, как обо мне думали в королевской семье, и прекрасно понимала недостатки своего образования, вернее, полное его отсутствие. Конечно, до университетских знаний Чарльза и его приятелей мне не дотянуть, но я старалась интересоваться всем, что только было возможно. Да, я любила легкую музыку, но ведь неплохо играла на фортепиано и знала классическую тоже. Готовясь к первому визиту в Австралию, я с трудом вспомнила столицу, но когда оттуда уезжала, знала об Австралии столько, что едва ли знает та же Камилла.

Готовясь к визитам в какие-то страны, старательно изучала о них все, что возможно, старалась не пропускать выставки и просила рассказать мне о художниках или скульпторах подробней.

Чарльз не смог понять одного: мы могли бы вместе создать великолепную пару, очень полезную для британской монархии, я могла бы во многом ему помочь.

Не хотят слушать об экологических проблемах и сокращении использования гербицидов? Неправильно все преподносишь. Если убеждать с таким видом, словно присутствующие категорически виноваты во вреде, приносимом гербицидами, они никогда с тобой не согласятся. Нужно улыбнуться и попросить:

– Не используйте, пожалуйста, гербициды, это вредно для насекомых и животных, а значит, и для нас с вами…

Это, конечно, шутка, но Чарльз и правда не умеет доносить свои идеи, он вообще не умеет ладить с людьми, кроме своих старинных друзей, которые за много лет привыкли к его тяжелому характеру.

Разве можно месяцами не отвечать на корреспонденцию, потому что тебе интересней читать Ван дер Поста? Разве можно кричать на многолетнего секретаря только за то, что он обсуждал

со мной предстоящие официальные мероприятия? Я попросила Колборна сделать это отдельно со мной, потому что меня интересовали несколько другие вопросы, чем Чарльза. Что в этом было предательского? Чарльз кричал на бедолагу так, словно тот выдал все секреты Англии ее врагам!

Разве можно все, что не нравится тебе самому, объявлять глупым и недостойным внимания, даже если этим увлекается половина Англии?

Так можно продолжать долго, но и без объяснений ясно, что глупая Диана училась и умнела, а умный Чарльз оставался таким же занудой, что вовсе не делало его для всех краше.

Чарльз просто трус! Он может твердить, что угодно, меня в этом не переубедит.

Конечно, принц разыгрывал из себя героя, даже носил награду за прыжок с парашютом. Но прыгнуть с парашютом еще не значит быть смелым, второй-то раз он не решился. Да и в первый, подозреваю, ему просто надели за плечи парашют, сунули в руку кольцо и вытолкнули ногой из самолета! А внизу лежал слой соломы высотой с дом.

Зато когда из Миддлсекской больницы в Букингемский дворец пришло приглашение принять участие в церемонии открытия первого в Британии отделения для лечения больных СПИДом, Чарльз побоялся за свое бесценное здоровье. Отправили меня как менее ценного члена королевской семьи. И правда, зачем я нужна? Принцев уже родила, можно жертвовать.

Но дело не в том, мне было просто противно, что Чарльз боится за свою шкуру и думает только о себе, но не о больных, которым нужна помощь.

Я много интересовалась тем, как передается эта зараза. Меня сумели убедить, что в обычной жизни больные люди безопасны, но все общество думало иначе. От несчастных, далеко не всегда виноватых в заражении (как, например, дети), отворачивались все, им оставалось умирать безо всякой помощи. В Букингемском дворце ужасались даже при мысли оказаться в одном помещении с больным СПИДом.

Я не ужаснулась, и ничего страшного не случилось.

Просто Чарльз предпочитает лишь те визиты, что хорошо подготовлены и ничем ему не грозят, а все рассказы о том, что во время выступления в Австралии на него бросился какой-то человек, стреляя холостыми патронами, а сам принц даже бровью не повел, только игра. Наверняка он был предупрежден о таком нападении, потому что у любого непредупрежденного человека сработает инстинкт и он хотя бы пригнется. А вот зная, что там

холостые, можно остаться неподвижным. Почему этого не замечают те, кто поет принцу осанны?

А после моего возвращения из больницы было самое неприятное. Думаете, меня похвалили за смелость? Как бы не так: услышав, что я снимала перчатки и протягивала руки зараженным, Чарльз осторожно поинтересовался, хорошо ли я вымыла потом руки? А еще посоветовал всю одежду сжечь и перчатки тоже.

Позже он прочитал мне целую лекцию о том, что бравировать презрением к опасности вовсе не означает быть смелым. Хороша только разумная смелость, а вот такая, когда бездумно подвергают собственную жизнь и жизнь окружающих опасности, никому не нужна.

– Чарльз, я сделаю анализ, прежде чем подходить к тебе. Тебя это успокоит?

Он обиделся. Я понимала, что муж прав, но ведь я не рисковала бездумно, доктор Люк Монтанье убедил меня, что зараженных зря боятся, словно прокаженных. Нужно только соблюдать кое-какие условия… К тому же не думаю, что профессор Майкл Адлер стал бы рисковать здоровьем королевской семьи, приглашая нас на церемонию.

Чарльз проворчал что-то невразумительное, но я мысленно окрестила его трусом. И помогать больным СПИДом не перестала, напротив, через некоторое время посетила Медицинский центр в Гарлеме и, не испугавшись, взяла на руки зараженного ребенка. И это не была глупая бравада, мне и впрямь захотелось взять невинного ребенка на руки. Ведь если взрослые могут быть виноваты в болезни сами, то дети не виноваты ни в чем!

Неудивительно, что Чарльза всегда тянуло от меня к Камилле. Ко мне нужно было искать подход, я молодая, меня многому нужно было обучать, помогать осваиваться во всем – от придворного этикета или правил официальных приемов до умений в постели. А Камилла была уже ко всему готова, она умела пожалеть, поплакать вместе над выходками «глупой истерички Дианы» и взять все в свои руки. Для Чарльза это так легко и просто…

Если бы только с самого первого дня рядом со мной в Букингемском дворце оказался мудрый наставник, готовый объяснить не только мои промахи, но показать, каким путем идти, что читать, чем интересоваться, как себя вести, я быстро стала бы не просто принцессой Дианой, но и прекрасной женой и любовницей.

Но Чарльзу вовсе не хотелось возиться с девчонкой, нет, он

был заботлив, иногда даже очень. Он очень переживал из-за моих страданий, правда, недолго, пока Камилла не убедила его, что это простая истеричность натуры, от которой никуда не денешься. Но возиться с девчонкой, образовывая мой вкус и пробуждая интерес к знаниям, Чарльзу не хотелось вовсе.

Он искренне не понимал, как можно не любить философию, не интересоваться биологически чистыми способами выращивания растений, как можно испытывать тошноту при виде крови убитого животного и так далее, и так далее… Убедившись, что я совершенно не готова обсуждать идеи Юнга в медовый месяц, муж не стал популярно объяснять мне теорию психотипов и то, чем отличаются экстраверты от интровертов, а скорее предпочел записать меня в глупышки. Так проще: Диана глупа как бревно, что с нее взять?

Тем неприятней для Чарльза был мой успех у людей. С самого первого визита в Уэльс, когда я чувствовала себя дурно из-за беременности, а муж вместо того, чтобы тепло поддержать меня в первой поездке, строго произнес:

– Ты возьмешь себя в руки и выйдешь из машины! Все будет в порядке.

Мне было двадцать, предстояло появиться на глазах огромной толпы там, где самого Чарльза хорошо знали и всегда приветствовали – в Уэльсе, меня тошнило, одежда была крайне неудобной, я страшно боялась, а муж… он просто скомандовал. Я подчинилась.

Если бы не приветствия собравшихся жителей, я больше никогда не смогла бы выйти на люди. Мне помог не муж, мне помогли уэльсцы, они кричали, махали флажками, протягивали руки, только чтобы я подошла и поздоровалась, улыбались, бросали цветы… Они заставили меня забыть о страхе и тошноте, они вернули меня к жизни. Они, а не Чарльз. Муж морщился:

– Это все из-за свадьбы, которая была организована просто роскошно.

Эту фразу Чарльз повторял еще несколько раз, когда нас так же приветствовали через два года в Австралии, куда я отправилась с Уильямом на руках. Принцесса с малюткой вызвала такую бурю восторга, что о принце почти забыли. Чарльз был взбешен, но вида старательно не подавал, даже пытался шутить, что в поездке сопровождает супругу. Это был мой маленький реванш!

Я не понимала одного: за реваншем последует новый провал. Стоило вернуться в Лондон и в Хайгроув, как я снова стала истеричкой Дианой, а главное место заняла Камилла.

И так бывало всегда и везде. На всех приемах, во время всех поездок меня приветствовали куда больше, чем Чарльза (возможно, будь он королем, было бы иначе, а он только принц, и, думаю, вечный), это вызывало его завистливое раздражение, которое выливалось на меня иногда просто неприличным потоком.

С каждым годом, с каждой поездкой раздражение становилось все сильнее, а его нападки на меня все более жестокими. Чарльз, вежливый и сдержанный, мог вдруг скомандовать, чтобы я держалась на два шага позади него! Окружающие спешно делали вид, что забыли английский язык… Или потребовать, чтобы я вошла в лифт вместе с ним, хотя в той толпе, в которой мы оказались, это было почти невозможно.

Кому могло прийти в голову, что славящийся своей сдержанностью принц может вести себя столь же резко, как и его отец герцог Эдинбургский Филипп? Все знали Чарльза иным, и если уж он так несдержан, значит, это его вывела из себя супруга.

Чарльз милый и мягкий только тогда, когда все идет так, как он хочет. Он очень вежлив и приятен в общении с друзьями, он никогда и ни на кого не повышает голос… кроме меня! На меня можно кричать прилюдно, не стесняясь. Не для того ли, чтобы все решили, что я ничтожество, а потому нечего на меня обращать слишком много внимания, приветствовать, улыбаться, очаровываться, в конце концов?

В Ванкувере на Экспо-86 мне стало дурно и я потеряла сознание. Последними были слова:

– Дорогой, мне кажется, я исчезаю…

Первое, что я услышала от мужа, придя в сознание… требование не устраивать больше таких сцен публично!

Заботливый? Как бы не так! Сдержанный? О… вы не знаете Чарльза, способного запустить чем-нибудь!

Я мешала мужу во всем – в постели, в поездках, в самой жизни! Если бы не было меня, он мог бы сколько угодно жить с Камиллой, без меня везде приветствовали бы Чарльза, не будь меня, Чарльз вообще жил бы согласно собственным интересам и распорядку, в котором досадными вкраплениями остались обязанности наследника престола.

Вообще, если возможно, Чарльз отказался бы и от них, он совершенно домашний и непубличный человек, подозреваю, что, будь его воля, дальше выступлений в команде по поло он не двинулся бы. Книги, огород, поместье, охота, классическая музыка, философия… Из Чарльза вышел бы прекрасный Джонни Спенсер с его жизнью в Элторпе, а не наследник престола.

Хайгроув – прекрасное место, но я его ненавижу, потому что этот дом был свидетелем моих постоянных унижений. Это красивый и уютный дом (если, конечно, не загаживать диваны собачьей шерстью и не раскидывать куда попало свое белье), там великолепный сад, созданный во многом руками Чарльза, его заботами окультурены окрестности, там выращивают экологически чистые овощи, в Хайгроуве все замечательно, кроме одного. Для меня он с первого дня был кошмаром из-за присутствия Камиллы. Их поместье совсем рядом, в любую минуту можно увидеть ее машину, подъезжающую к дому, услышать ее хриплый голос.

У меня создалось впечатление, что у Камиллы вовсе не было собственной семьи, она постоянно в нашей. То они вместе охотились, то она просто навещала принца, то приезжала что-то узнать о его планах или о новых сортах моркови, то привозила показать собаку, словно беспокоясь, все ли с той в порядке… И все это так, словно меня самой вообще в Хайгроуве нет.

Зачем приезжать к соседям с предложением прополоть какую-нибудь грядку, если знаешь, что хозяйка тебя просто не любит? Зачем без конца напрашиваться на совместную охоту, понимая, что отрываешь хозяина от жены и детей? Но Камилла приезжала, Камилла приглашала, и Чарльз бросал нас с мальчиками и отправлялся с любовницей.

Что мне оставалось, кроме как беситься от злости, увидев рано поутру в субботу Чарльза в полном охотничьем облачении? Я хорошо знала, где и чем заканчивается эта «охота». Мы с мальчиками ничего не значили для принца, как только на горизонте появлялась ротвейлерша.

Я попыталась уговорить Чарльза продать Хайгроув и взамен купить поместье подальше от Паркер-Боулзов – в Линкольншире продавалось поместье седьмого лорда Браунлоу. О… что я выслушала в ответ! Забудьте рассказы о сдержанности принца. Самым мягким был укор в том, что поместье слишком дорогое, что подразумевало, что я транжира.

Королева намекала, что я тоже могла бы ползать на коленях, пропалывая цветы, или носиться по окрестностям за дичью.

Не могла! Потому что оставлять детей одних на попечении няни просто подло, я хорошо помнила собственное одиночество рядом с отцом. Во-вторых, копаться в земле рядом с ротвейлером означало бы испортить себе не только выходные, но и всю предстоящую неделю. Я предпочитала прогулки с мальчиками и возню с ними. Лучше играть с Уильямом и Гарри, чем развлекать Камиллу, лучше общаться с сыновьями, чем с ротвейлером.

Чарльз так не считал, он любит сыновей, но всегда выбирал

не нас с ними, а Камиллу.

Наши отношения ухудшались после рождения Уильяма все следующие годы, я даже удивляюсь, что Гарри вообще родился. Но когда Гарри родился, я испытала и вовсе удар.

Чарльз хотел девочку, а родился мальчик, но главное было не в том.

– О боже! Мальчик, да еще и рыжий!

Хорошее восклицание счастливого отца вместо поздравлений матери? Это не все, друзья тут же принялись со всех сторон шептать в уши принцу (подозреваю, что самым настойчивым был шепот Камиллы), что Гарри мало похож на самого Чарльза, зато рядом со мной есть те, кто столь же рыж! Несложно представить состояние молодой матери, только что родившей очаровательного рыжика, которой говорят такие слова.

Муж сомневался в своем отцовстве! После таких сомнений я не покончила с собой только потому, что остались бы сиротами двое славных мальчишек. Сама в детстве оставшись без матери (правда, живой, но бросившей нас), я знала, что такое мачеха, и своим сыновьям такого не желала.

Со временем Гарри все больше становился похож на мою сестру Сару, словно она, а не я его родила. И характер у него Сарин – беспокойный, задиристый… Они с Уильямом совсем не похожи нравом, Уильям очень серьезный, ответственный и при этом очень добрый мальчик. Гарри тоже добрый, но суматошный, он может быть очень ответственным, но как я, только когда понимает, зачем это нужно.

Прошло время, и я с радостью убедилась, что Чарльз одинаково хорошо относится к обоим мальчикам, а рыжее чудо стало похоже и на своего деда герцога Эдинбургского тоже. Но неприятный осадок остался, рубцы на сердце заживают очень трудно.

У нас уже было двое прекрасных сыновей, в которых мы оба не чаяли души, но отношения не только не наладились, они становились все хуже. Рождение Гарри никак не изменило Чарльза.

Меня особенно возмущала и приводила просто в ярость его ложь. Эта ложь, конечно, касалась Камиллы! Муж лгал, что у него с любовницей все давно закончилось и ничего нет.

А после этого я находила свидетельства присутствия любовницы даже в нашей спальне! Телефон, у которого определенная кнопка означала вызов Камиллы напрямую, разговор в ванной с обещанием любить всегда, что бы ни

случилось, ее машина у нашего дома в Хайгроуве сразу после того, как уехали мы с детьми, ее письма, которые Чарльз умудрился хранить просто в ящике столика в нашей общей спальне! Я могла бы продолжать еще долго, никакие уговоры, скандалы, истерики, даже рождение двоих детей – ничего не помогло, Камилла продолжала быть третьей в нашей постели.

Вернее, после рождения Гарри она осталась второй, а ушла я. После того как горничная обнаружила ее белье в кармане его пиджака и по ошибке принесла мне, Чарльз и Камилла стали встречаться вне стен нашего дома (до тех пор, пока я не переехала в Кенсингтонский дворец, тогда Камилла воцарилась в Хайгроуве окончательно и бесцеремонно).

Пока я устраивала истерики или ругалась с Чарльзом, меня считали просто глупой истеричкой, одержимой манией Камиллы. У всех, кто знал об этой проблеме и моих страданиях, сложилось впечатление, что глупая Диана придумала себе пугало, потому что муж ее не любит. Мол, я «назначила» невинную Камиллу на роль злодейки-любовницы, а та ни в чем не виновата, они просто друзья.

Больше всего меня возмущало то, что это говорили люди, в домах которых Чарльз и Камилла действительно занимались любовью, те, кто предоставлял им кров для супружеских измен, даже герцогиня Вестминстерская, в дом которой звонил в тот злополучный день Чарльз, страдая от невозможности стать прокладкой Камиллы немедленно.

Даже когда я все рассказала, а Мортон опубликовал, ахнула Англия, но никак не приятели Чарльза и Камиллы. Они были всего лишь встревожены необходимостью некоторое время прятаться от вездесущей прессы.

И только когда была опубликована расшифровка телефонного разговора между любовниками с позорными фразами о тампаксе, прятаться пришлось и Камилле тоже.

Чарльз называл меня истеричкой, но по сути был таковым ничуть не меньше, просто он наследник престола, которому прощалось все. Вокруг принца всегда и все, кроме королевы и принца Филиппа, ходят на задних лапках. Чарльз всегда прав, даже если не прав совершенно. Каждое его желание угадывается, каждый каприз обязан быть выполнен. Никто в королевской семье не мог позволить себе таких выходок, какие легко прощались Чарльзу.

Воспитанный Чарльз легко обзывал меня и даже швырялся чем-нибудь в ответ на мои истерики. В Элторпе даже есть пострадавшее зеркало и кресло, которым принц запустил в окно!

А в Кенсингтонском дворце вырванная из стены раковина… Бывали разбитые дорогие швейцарские часы, порванная книга, множество испорченных безделушек.

Принца могло взбесить все, что угодно, – слишком высокая температура в комнате (Чарльз любил спать с открытым окном, что страшно мешало мне), отсутствие нужной газеты, замена стаканчика для полоскания зубов, забывчивость слуг, которые что-то не уложили в его дорожный багаж…

Человек, прочитавший столько книг по философии личности, должен бы понять причину собственных нервных срывов или хотя бы посоветоваться с обожаемым Ван дер Постом вместо того, чтобы показывать ему меня. Но Лоуренс Ван дер Пост не видел в припадках гнева своего подопечного ничего особенного (или Чарльз ничего не рассказывал о них, считая, что так и должно быть). Зато этих приступов как огня боялись слуги.

«Заботливый» Чарльз даже не счел нужным лично сообщить мне о смерти моего отца, когда ему самому сказали об этом. Мы в это время были в Австрии в Лехе, где катались на лыжах с детьми.

Мой муж отправил ко мне с этим печальным известием нашего телохранителя Кена Уорфа! Трудно представить себе черствость и бездушность супруга, который вместо того, чтобы прижать жену к груди и утешить ее из-за смерти отца, уезжает в очередной раз на склон, а к жене посылает своего слугу?! И после этого кто-то может говорить о душевности этой королевской куклы! Да у него никогда не было души, души не живут в трусах у любовниц, они обычно в сердцах у людей. Впрочем, если сердца нет или оно ледяное… тогда конечно.

Конечно, потом принц сообразил, что это будет неправильно воспринято, и вознамерился участвовать в погребении своего тестя. Какое ханжество, какое беспримерное ханжество! Даже перед лицом смерти Чарльз демонстрировал свое истинное ко мне отношение.

Если у меня еще и оставались какие-то надежды и сомнения, то своим ханжеским презрением к смерти моего отца Чарльз их все разрушил. Я больше не верила ни единому слову мужа. Вот теперь я не сомневалась, что книга Мортона нужна! Пусть этот ханжа получит по заслугам, хватит разыгрывать из себя заботливого мужа, сокрушающегося из-за покупки женой американской, а не английской машины. И это при том, что он тратит огромные деньги на содержание любовницы!

Речь о том, что против меня была организована целая кампания в прессе, с обвинениями в транжирстве, а главным

обвинителем выступил… мой муж! Давая интервью по поводу сокращения расходов на содержание королевской семьи, Чарльз пожалел королеву-мать, объяснив, что старость надо уважать и у внука рука не поднимется урезать старой женщине содержание ее многочисленных животных.

Сам принц в интервью выглядел просто образцом экономии, ведь в Хайгроуве он выращивает овощи для стола, ловит рыбу и охотится. Все это было так, но после этого Чарльз указал на меня как чуть ли ни главную растратчицу средств всей Британии! Почему? Я обожаю наряды, а еще купила себе американскую машину вместо английской, значит, не желаю поддерживать отечественных производителей. И наряды на мне часто заграничные.

Не может быть, чтобы Чарльз не понимал, во-первых, подлости того, что делает, обращая огонь газетной критики в мою сторону, во-вторых, он прекрасно знал, что я трачу на одежду очень мало, здесь была своя хитрость.

Я тут же организовала ответное интервью, в котором объяснила, что большую часть одежды получаю в качестве подарков либо рекламной акции модельеров или журналов мод. Одно упоминание, что я была в платье от такого-то, увеличивает продажи у этого модельера втрое, а фотография на обложке журнала заметно повышает его тираж.

Что касается машины, то она и впрямь американская, но куплена за двадцать процентов стоимости на распродаже выставки. Единственный упрек, который я принимала, что автомобиль не отечественный, но я бы не отказалась купить и английский… за двадцать процентов стоимости.

Победа была полной, но хороши отношения между супругами, если они воюют вот так – с привлечением средств масс-медиа?

Я не могла понять, как может обвинять меня Чарльз, который лучше любого другого знает, что еженедельно в Хайгроув или Кенсингтон привозят подарки от универмагов, модельеров, журналов, для них это все рекламная кампания… Мы выбирали то, что нравилось и подходило, остальное разбирали слуги, а то, что не взяли слуги, отправлялось в приюты и центры помощи.

Мое появление в Хайгроуве и вообще рядом с Чарльзом, а потом появление мальчиков увеличивало объемы подарков в разы. Супермаркеты и производители бились за право одеть Уильяма или Гарри в футболку их фирмы, чтобы завтра такие же смели с полок.

Даже просто разобрать все, что привозилось, трудно, чаще всего целые мешки сразу увозились в центры помощи бездомным

или еще куда-то. То, что прекращали носить мы, обязательно сжигалось, чтобы не было спекуляций по поводу одежды с плеча принца или принцессы.

Почему Чарльз обвинил меня в транжирстве на одежду? Было больно и неприятно…

Я все чаще вспоминала совет Мэри Робинсон хорошенько подумать, кого я люблю – настоящего Чарльза или придуманного.

Сейчас я могу ответить: я влюбилась даже не в придуманного Чарльза, а в саму возможность выйти замуж за принца. Потом я придумала себе Чарльза, а потом, как ни парадоксально, чем больше он меня игнорировал или пытался унизить, тем больше я влюблялась в настоящего Чарльза со всеми его недостатками. Только ему все это было не нужно ни в каком виде.

Но ведь мы могли быть счастливы!

Я уже была на пятом месяце первой беременности, когда нам с Чарльзом позволили отдохнуть на Багамских островах. Багамы не Балморал с его бесконечными дождями и толпой придворных. Но самое главное – там не было Камиллы! О, как бы я хотела отправиться жить с мужем куда-нибудь подальше от Англии или отправить туда Камиллу! Без ротвейлера мы были счастливы, даже если сейчас Чарльз вдруг станет уверять, что это не так.

Мы счастливо провели время у лорда и леди Брэберн, гуляя, купаясь, загорая, жаря всякую всячину на решетках барбекю, даже катались на водных лыжах, хотя я осторожничала. Я видела перед собой совсем другого Чарльза, не того, который мог спокойно уйти, оставив меня валяться упавшей с лестницы. Да, было и такое: мы в очередной раз поссорились, и я, не задумываясь, в отчаянье шагнула вниз. Летела, кувыркаясь, очнулась у ног королевы-матери. Пришлось вызвать «Скорую», поскольку я очень боялась за малыша, но все обошлось. А Чарльз… он просто ушел по своим делам, как всегда привычно фыркнув, что я истеричка! Конечно, он рассказывал репортерам, что немедленно сбежал вниз и даже вызвал врача…

Но тогда на Багамах мы были действительно счастливы, и нам было хорошо!

Я считаю, что все это только из-за отсутствия проклятой Камиллы.

Еще раз мы смогли почувствовать себя настоящей семьей, когда родился Уильям. Чарльз был так счастлив! И снова рядом не было Камиллы и ее мерзкого смеха!

Но очень быстро все рухнуло снова. Сначала мы отправились

в Балморал, который я просто не выносила. Балморал совсем не место, где можно отдохнуть после рождения ребенка. Но этого не понимал никто. Женщины королевской семьи созданы из стали и бетона, они не переживают, не болеют, не имеют нервов, они готовы выполнить свои обязанности через полчаса после родов или перенесенного инфаркта! Будут стоять, принимая парад, даже на костылях и с перевязанной головой. А уж о слезах вообще говорить нельзя! Плакать?! Это нечто за пределами понимания королевской семьи.

Я плакала, и поводы у меня были.

Один из них все та же Камилла. Услышать, как муж в ванной разговаривает с любовницей по телефону, жалуясь на идиотку-жену и обещая любить, что бы ни случилось, разве это не повод для слез?!

Мой муж не только не стал меня обнимать и успокаивать, он сделал много хуже – объявив, что мне нужна психологическая помощь, пригласил в Балморал… Лоуренса Ван дер Поста! Услышав о таком приглашении, я едва не лишилась сознания совсем. В такой трудный момент позвать ко мне человека, который своими произведениями и так испортил свадебное путешествие, мог только совершенно бесчувственный болван!

И тем не менее Ван дер Пост приехал и безапелляционно заключил, что у меня паранойя, потому что я слишком много подглядываю в замочные скважины. Если до этого я Лоуренса Ван дер Поста просто не понимала и не любила, то теперь возненавидела и думаю, не много нашлось бы женщин, у которых столь лестная характеристика в данной ситуации вызвала другое чувство.

Но Чарльз во всем слушал наставника. Он повез меня в Лондон показывать психиатрам. Я почувствовала простую угрозу собственной жизни. Мне удалось избавиться от опеки психиатров и не позволить перекормить себя всякими успокаивающими средствами до полной потери соображения. Чарльз был недоволен моим отказом «нормально лечиться». Я рыдала:

– Нормально не означает кормить меня психотропными средствами, чтобы потом упечь в психушку.

Я перестала доверять мужу и окружающим. И поддержать меня в семье было просто некому. Бабушка вела себя так, словно я ей совершенно чужая, наблюдая за моими мучениями со стороны, мама наговорила журналистам кучу гадостей об их с папой разводе. Удивительно, но, выдав меня замуж за принца, моя собственная семья словно отреклась от меня, будто я в этом замужестве чем-то виновата.

О королевской семье и говорить не стоило.

От настоящей истерии меня тогда спас не муж, а поездки по странам. Я самостоятельно отправилась в Монако на похороны Грейс Келли, а потом мы полетели в Австралию уже всей семьей.

Единственное, что связывало нас, – дети. Но и здесь мы быстро оказались словно на разных берегах, а мостик над бурной рекой весьма хрупкий. И дело не в разном подходе к воспитанию, я просто так и не смогла простить.

Маховик нашего отдаления друг от друга раскручивался все сильней. Для меня привычными стали слезы, а для Чарльза вопрос, заданный тоном надрыва:

– Ну что, Диана, что я еще сделал не так?! Что сказал не так?!

В том-то и дело, что ничего. Ничего не сделал и не сказал!

Приехав в Хайгроув, вечером просидел с любимыми философскими трудами в библиотеке, включив музыку, а рано поутру уже был готов отправиться на охоту до самого вечера, чтобы в воскресенье, немного поскучав, проводить нас с мальчиками в Лондон и тут же отправиться к Камилле!

Разные спальни, даже ужины отдельно:

– Я поужинаю в библиотеке…

Я не нужна! НЕ НУЖНА! Все мысли о любовнице и о том, как поскорей удрать к ней. Если погода хорошая, можно повозиться с мальчишками на газоне или покатать их на пони. Крайне редко при хорошем настроении обед перед включенным телевизором и обсуждение того, что на экране.

Так не ведут себя даже с соседями, к ним обращаются чаще.

Я чувствовала себя ненужной, брошенной, обманутой женщиной! Снова никчемной, снова ни на что не способной. А совсем недалеко жила та, к которой стремились сердце и мысли моего мужа. Она ничем не лучше, откровенно некрасива, неаккуратна, старше на четырнадцать лет, не обладает фигурой или длинными ногами, но она любима. Любима МОИМ мужем, тем, для которого я ничто, ко мне в спальню он приходил… даже не буду вспоминать, насколько редко.

Могла ли я воевать против Камиллы?

Наверное, могла, но чем и как, если я не понимала, чем она берет. Красива? Ничуть, напротив, почти страшна. Образованна? Нет, школа, как и у меня. Развита интеллектуально? Нет, эта женщина легко употребляет крепкие словечки и едва ли разбирается хоть в одном термине из теории Юнга.

Камилла хитра, она, ничего не понимая, тем не менее просила прочитать текст предстоящей речи. И вдохновленный

Чарльз читал. Как ей при этом удавалось скрывать зевки, не знаю.

И Чарльз видел только то, что хотел видеть, воспринимал только то, что хотел воспринимать. Он считал Камиллу умной только потому, что она выслушивала его собственные речи и размышления, но при этом не желал замечать, что мои выступления, изначально написанные помощниками, все больше включают мои собственные мысли, что я учусь, что с каждой поездкой становлюсь все более самостоятельной и даже умной.

Если, отправляясь в первую поездку по Австралии, я даже не сразу вспомнила ее столицу (пусть простят глупую девчонку австралийцы, я их очень полюбила и многое знаю об их стране), то в США я уже уверенно разговаривала с членами конгресса о преимуществах и недостатках политического устройства наших стран, а в Непале вообще устроила настоящую, очень трудную политическую дискуссию, в которой моим соперникам пришлось нелегко.

Я училась, но муж этого не замечал. Мои программы во время визитов становились все более сложными и насыщенными, из них просто исчез шопинг, но мой супруг открыто заявлял, что я ничем иным не интересуюсь (при этом все хорошо знали, что это не так).

В чем дело, Чарльз ревновал меня к моей популярности? Возможно, но это было просто жестоко: вместо того чтобы поддерживать девчонку, отчаянно старающуюся стать умнее и успешней, он продолжал внушать, что я никчемная, что ничего не знаю и ничему не научилась, что слишком проста…

Да, я не люблю философских размышлений Юнга, но я не тупа, да, я неважно училась в школе, но я легко наверстывала нужное. Да, я не любила верховую езду и охоту. Но, как оказалось позже, научить меня хорошо держаться в седле не так уж трудно, нужно только захотеть. Джеймсу Хьюитту это удалось за несколько недель, принц Чарльз ни разу даже не попытался.

Я не очень люблю поло, но почему я должна его любить?

Давно прошли времена, когда я обожала романы Барбары Картленд и жила по ним, теперь меня интересовали другие книги, но никто этого не заметил.

Но главное, чего так и не заметил мой муж, теперь уже бывший муж, – что я его люблю! Даже сейчас, после столько пережитого, я люблю Чарльза, уже не принца, в какого влюбилась в девятнадцать лет, а просто Чарльза со всеми его достоинствами и недостатками.

Я не сумела сделать так, чтобы он полюбил меня или хотя бы заметил, в этом мне всегда мешала Камилла.

Камилла

Есть человек, которого я обвиняю во всем, – Камилла. Даже на Страшном суде буду обвинять!

Когда-то, устав от связи Чарльза с Камиллой, я пожаловалась на принца королеве. Ее Величество только вздохнула:

– Я ничего не могу с ним поделать.

Она не могла, никто не мог, могла только Камилла. Камилла и делала, только в свою пользу.

Я не верю в то, что это любовь, достаточно просто посмотреть внимательно, а не вздыхая: «Она веселый и доброжелательный человек!» Она доброжелательна только по отношению к себе. Остальным этот ротвейлер улыбается так, будто готова вцепиться в горло. У Камиллы не улыбка, у нее зверский оскал. Этого не видят друзья, потому что им она не наносила своих смертельных укусов. Я испытала, я вижу.

Я никогда не поверю, что умный, сдержанный, прекрасно понимающий, что любой его разговор, любое слово могут быть услышаны, записаны и проданы (он лучше меня знал, что вокруг много желающих заработать на скандалах в королевской семье!), такой человек, как Чарльз, мог открыто говорить о своем желании жить в трусиках любимой женщины. Меня коробит при одном воспоминании об их несвежести, Камилла чистоплотностью никогда не отличалась.

А уж говорить о том, чтобы превратиться в коробку гигиенических тампонов…

И это все не на ушко в спальне, куда плотно закрыты двери, а по телефону!

Он мог тысячу раз повторять такое, когда они наедине, но насколько нужно быть неосторожным, потерять простое чувство самосохранения, чтобы так откровенничать…

Чарльз не тот человек, чтобы даже в страсти это могло произойти. Такое возможно только под воздействием каких-то специальных средств. Я не хочу сказать, что Камилла поит его какой-то гадостью, чтобы столько лет при откровенно лошадиной внешности держать принца при себе (в своих трусиках), нет, скорее какое-то зомбирование. Она, несомненно, зомбировала Чарльза.

Может, потому королева сказала, что неспособна что-либо поделать с сыном?

Кто такая эта ротвейлерша с лошадиной челюстью?

Камилла выпячивает все, что нормальная женщина стала бы скрывать: свою тяжеловесную, поистине бетонную нижнюю челюсть, отвратительные зубы (неужели нельзя посетить стоматолога и исправить кривой забор во рту и неправильный прикус?), полное отсутствие фигуры (была ли у нее талия в юности?), обвисшую грудь (в конце концов, существует пластика и корректирующее белье), грубый, прокуренный голос и особенно дурной вкус и вопиющую неряшливость.

Бедные горничные, с какими усилиями им приходится отстирывать заношенное из-за нелюбви к принятию душа белье! Вечно немытые волосы, пятна пота под мышками, запах разгоряченного тела и запах табака изо рта. Не могу вспоминать дальше, иначе снова вернется булимия.

Как может чистюля Чарльз вдыхать эту смесь запахов? Как Чарльз, для которого перестановка стаканчиков в ванной равносильна преступлению и в беспорядке валяться могут только книги и журналы, может терпеть ее разбросанное нестираное нижнее белье и пятна на одежде? Его наглаженность рядом с ее вечной помятостью, его подтянутость и ее неряшливость, его чистоплотность и ее мокрые подмышки, его пресловутая сдержанность и ее болтливость…

Может, в этом секрет, в их разности, ведь разное притягивает? Вовсе нет, ни у кого другого он такого не потерпел бы. Не любит меня, но детей-то Чарльз обожает, однако попробовал бы Уильям не принять душ после верховой езды или не сменить футболку, выпачканную травой или потом! Никому нельзя быть болтливыми, вонючими, некрасивыми грязнулями, только Камилле можно.

Я завидую? Когда-то было и такое. Из-за этой женщины я прошла через ад: безумную ревность, неимоверные унижения, попытки суицида, отчаянье… и наконец освободилась. Камилла ничто! Теперь она просто действительно вонючая грязнуля, которая при помощи каких-то манипуляций держит Чарльза в своих трусиках, и никто не способен вытащить его оттуда.

Чарльз и Камилла меня просто недооценивали, считая серой мышкой во всем. Теперь я могу сознаться, что знаю о Камилле столько, сколько едва ли знает о себе она сама. Даже когда брак рухнул, я продолжала интересоваться всем, что связано с этим ротвейлером. Я уже понимала, что она вцепилась в горло Чарльза навсегда, не важно, на ком он женат и женат ли вообще, Чарльз мог взять себе целый гарем самых разных женщин, но он все равно бы мечтал о трусиках Камиллы.

Камилла умеет ждать, она очень хорошо умеет ждать. Виндзоры скоро это поймут. Камилла не станет, как истеричка Диана, устраивать скандалы, нет, она действует, как питон. Однажды в фильме я с ужасом наблюдала, как питон заглатывал жертву: он ее словно облекал собой, обволакивал, усыпляя медлительностью и спокойствием.

Камилла – питон, она медленно-медленно заглотила Чарльза, а потом проглотит также и всех остальных. Это все будет тихо и спокойно, без скандалов и битья посуды, Виндзоры даже не заметят, что они уже в желудке Камиллы и перевариваются.

Об учебе Камиллы в Дамбреллсе написано столько ужасов, что можно подумать, будто бедная девочка героиня, если выжила. Но никто не говорит, что все школы с полным пансионом таковы, если не хуже. Везде дети живут во вполне спартанских условиях и вынуждены защищать себя от сверстников сами или дружить с ними.

«Школа без ковров» в Дамбреллсе ничем не отличалась от моей собственной, у нас тоже не было пушистой подстилки под ногами и отдельного душа у каждой комнаты. И нас тоже немилосердно наказывали за разбросанные в беспорядке вещи. Но почему-то у всех остальных это воспитало аккуратность и чистоплотность, а у Камиллы совсем наоборот. Ее пресловутая неряшливость скоро войдет в поговорку.

Плохо наказывали или это настолько в ее натуре, что ничем не исправить? Наверное, привычка раскидывать свое нижнее белье неистребима, как и отсутствие привычки мыться.

Она ведь была симпатичной девочкой со светлыми кудряшками, неплохой чистой кожей, что же такое надо делать, чтобы превратиться черт знает во что?! Единственное место, где Камилла выглядит хоть как-то прилично, – охота. Охотничий костюм вечно в собачьей шерсти, как и все остальное вокруг нее, но все же имеет довольно сносный вид. В остальном это помятая, потрепанная жизнью женщина, словно только что проснувшаяся и натянувшая первое попавшееся под руку в шкафу платье, хорошо если не наизнанку.

Заполучить Камиллу в любовницы? Это не так уж сложно, до Чарльза она не отказывала никому, кого не оттолкнули запах табака изо рта и откровенная неопрятность. «Свой парень» легко становилась своей в постели. Одиннадцать любовников в 23 года – немалый опыт. Со времени ее связи с Чарльзом многие приятели вздохнули с облегчением, больше не приходилось

опасаться атак неряхи, теперь любые отказы могли мотивироваться нежеланием причинять неприятности принцу.

В то время, насколько мне известно, Камилла была любовницей своего будущего мужа Эндрю. Одной из… красавчик Эндрю себя никогда не ограничивал. Для экзотики можно завести и ротвейлера.

Но хранить верность этому бульдогу в юбке Эндрю не собирался, такой красавчик не мог быть верен одной женщине, особенно если та не так уж хороша собой и весьма доступна.

Обнаружив, что в постели Эндрю другая, Камилла устраивала сопернице такой скандал, что бедолага обычно предпочитала поспешно ретироваться. Правда, бывали упорные, отвечавшие Камилле тем же, тогда перепалка становилась совсем яркой. Эндрю это нравилось, он с удовольствием наблюдал, как две женщины выясняют из-за него отношения, а потом просто уходил к третьей.

Но сколько бы и кого бы он ни приводил к себе в квартиру, упорней всего в ней присутствовала Камилла.

Эндрю Паркер-Боулзу было легче: он никогда не любил Камиллу, ему просто приказали жениться, и он выполнил королевский приказ. Возможно, самого приказа не было, Паркеру просто дали понять… Он понятливый…

Зачем это нужно королевской семье? Здесь убивали двух куропаток одним выстрелом: во-первых, убирали от принца Чарльза нежеланную любовницу, имевшую слишком заметный хвост любовных связей, к тому же не подходившую на роль супруги наследника престола. Во-вторых, связывали узами брака Эндрю Паркер-Боулза, в которого была влюблена принцесса Анна, но который по тем же причинам, что и Камилла Чарльзу, не подходил Анне. У Паркера тоже были многочисленные связи и слишком легкомысленная репутация.

Камилла была влюблена в Эндрю как кошка и жила с ним давным-давно. При этом Чарльз относился к их связи спокойно, как и Паркер к связи своей любовницы с принцем.

По замыслу Камиллы, я должна была стать четвертой в этом браке, просто мы с Эндрю Паркером, получив каждый по своему куску пирога, должны сидеть в сторонке, наблюдая, как милуются эти двое. Паркер сидел, я не захотела!

Правда, когда опубликовали телефонный разговор Чарльза и Камиллы, не выдержал даже Эндрю Паркер-Боулз: он все же развелся со своей неверной женой, словно только что заметив ее неверность. Но это мало расстроило Камиллу, она уже не любила

Эндрю.

Я сомневаюсь в том, что она любила Чарльза. Во всяком случае, долгие годы начала своего брака с Эндрю Паркер-Боулзом не любила.

У них образовалась странная четверка: принц любил свою Камиллу, Камилла – красавчика Эндрю, принцесса Анна тоже любила Эндрю, а сам Паркер-Боулз сегодня одну, завтра другую. Он флиртовал с Камиллой, но, хорошо зная ей цену, не торопился осчастливливать предложением. Долгих шесть лет она осаждала Эндрю, но тот не сдавался.

Тогда, видно, в знак протеста или желая заставить упорного Паркера хотя бы ревновать, Камилла принялась флиртовать с Чарльзом. Она рассказывала, что поинтересовалась его пони, Чарльз оглянулся и влюбился раз и навсегда. Мне больше верится в вопрос, который задала Камилла в первую же минуту знакомства:

– Моя прабабушка была любовницей вашего прадедушки. Как вам это?

Такой вопрос вполне в духе Камиллы, один из ее приятелей рассказывал (конечно, не мне, ее приятели меня терпеть не могут!), что ему Камилла предложила посмотреть наполнение ее декольте. Весьма говорящий способ заводить знакомства! Правда, в декольте было что посмотреть, это позже все повисло. Удивительно, она никогда не была красавицей, но была весьма привлекательной, почему же превратила себя черт знает во что?!

Я вполне поверю в более жесткий вариант знакомства потому, что Камилла так же жестко познакомилась с Эндрю, атаковав его с первых минут и настолько активно, что красавчик даже не смог толком защититься. Тогда челюсть Камиллы еще не выпячивалась так сильно и она не производила впечатления ротвейлера, однако вцепиться все равно умела. Камилла просто жила у своего приятеля, и родителей это нимало не беспокоило.

Но Эндрю вовсе не был столь влюблен, жить с доступной девушкой – это одно, а хранить ей верность – совсем другое. Никакой верности, если привлекательная и доступная девчонка предлагает себя, почему бы не взять, но при чем здесь какие-то обязательства?

Ротвейлеровская хватка Камиллы уже тогда проявлялась во всей красе: единожды вцепившись, она никогда не отпускала.

Камилла билась за своего любовника как могла. Заметив очередную его пассию, она просто подходила к девушке и интересовалась, что та делает рядом с ее парнем. Находились те, кто отвечал подобающе:

– Когда он мне надоест, можешь получить его обратно…

Девушка с массивной нижней челюстью ждала, терпеливо ждала своего неверного любовника обратно. Иногда мне ее бывает даже жалко, потому что по сути она не видела ничего хорошего, любовники сбегали, Эндрю, которого заставили на ней жениться, с первого дня не был верен, Чарльз, хотя и прилип к ней сразу, не нашел сил даже просто сделать предложение…

Меня всегда удивляло то, что Чарльз прилип к этой женщине, прекрасно понимая, через сколько рук она прошла и со сколькими делила своих любовников. Конечно, это нормально в обществе тех, с кем общался Чарльз, но это было совершенно неприемлемо для меня. Я могу понять связь, даже внебрачную, когда есть любовь, но спать сегодня с одним, завтра с другим… это смахивает на нечто не слишком красивое…

Около семи лет Камилла не могла заставить Эндрю сделать себе предложение: наставляя рога сам, он не желал быть рогоносцем, к тому же внешность Камиллы откровенно портилась с каждым годом, и Паркер, видно, подозревал, что дальше будет хуже. Если это так, то он прав, женившись на просто несимпатичной двадцатипятилетней девушке, он получил основательного ротвейлера через некоторое время.

И все же жениться пришлось…

Эндрю – бравый военный, серьезно понравился принцессе Анне. Но капитан с таким шлейфом связей и нагрузкой в виде Камиллы совершенно не устраивал королевскую семью. Паркер-Боулз в виде супруга принцессы даже не рассматривался, несмотря на то что королева была его крестной. Но Ее Величество крестила многих, даже моего брата Чарльза, и следить за всеми крестниками, а тем более помогать, не собиралась. А вот приказать – пожалуйста.

Когда стало ясно, что Камилла затащила Чарльза в постель основательно, во избежание неприятностей королевская семья приняла меры. Конечно, жениться без согласия монарха принц просто не имел права, это означало бы потерю права на трон, но боюсь, что потерявшего голову Чарльза это мало испугало, каким бы послушным сыном он ни был. Видимо, это поняла и королевская чета, потому что принца срочно отправили в полугодовое плаванье, а Эндрю Паркер-Боулза вызвали для решительной беседы.

Закончилось все вполне предсказуемо, Эндрю красив, но не глуп, он сразу понял, что стать супругом принцессы ему не позволят, а потому решил помочь королевской семье, взяв на себя заботу о страшно мешавшей Камилле. Когда Чарльз вернулся из похода, он обнаружил, что его любовница замужем.

Камилла получила то, что хотела, хитрым маневром с Чарльзом поставив себе на службу королевскую семью. Удивительно, но Их Величества даже не поняли, как их использовали.

Однако, получив Эндрю в супружескую постель, Камилла вовсе не собиралась отказываться от принца в качестве любовника. Такая связь давала многое, а прогнав Чарльза от себя, она многим рисковала. Полагаю, что королева была согласна с такой ситуацией по причине того, что одна постоянная любовница, к тому же счастливо выданная замуж, гораздо лучше толпы девушек с амбициями.

Сложилось вполне приемлемое для королевской семьи положение – принц перестал бегать за юбками (во всяком случае, умерил свой пыл, ограничившись парочкой), у него была связь с замужней женщиной, муж которой вполне согласен с такой связью, и скандала не предвиделось. Наверняка женитьба на ротвейлере и терпимость к ее изменам (хотя к изменам с принцем) и были условием повышения по службе Эндрю. Не могу его осуждать, Паркер-Боулз, вынужденный расстаться с принцессой Анной и жениться на той, на которой не собирался делать этого добровольно, просто выторговал себе плату за такую жертву.

Когда они с Камиллой наконец развелись после грандиозного скандала с признанием принца в изменах и публикации книги о нашей с ним семейной жизни, Эндрю быстро женился на прекрасной женщине и вполне счастлив. Это доказывает, что он много лет вынужден был носить колпак рогоносца не по собственной воле, а по принуждению. По сути, Камилла испортила жизнь не только нам с Чарльзом, но и человеку, которого действительно любила, по крайней мере в молодости.

Паркера мне жаль не меньше, чем себя. Но я хотя бы боролась, а Эндрю просто терпел. Не думаю, что красивому, сильному человеку были приятны постоянные намеки и откровенная связь его жены с принцем. Ведь однажды Камилла и Чарльз принялись открыто обниматься и целоваться прямо перед мужем на какой-то вечеринке. Чувствуя себя облитым грязью, Эндрю сумел «сделать лицо», посмеявшись:

– Похоже, принцу нравится моя жена. Как и он ей.

Едва ли это способствовало хорошему настроению и отношению к Чарльзу, хотя Эндрю никогда ничего открыто не выражал. А может, ему было на руку, что принц занимает его супругу, иначе она заставляла бы обниматься с собой мужа? Только опостылевшей или никогда не любимой жене можно простить столь откровенные измены.

В обществе лошадников Камиллы такое поведение не было чем-то постыдным или осуждаемым. За фасадами улыбок и светской болтовни скрывается такое, что обычным людям может показаться развратом и полным крахом моральных устоев. Супружеская измена? Что тут такого? Это только наивная дурочка Диана могла считать, что в браке надо быть верными, если уж дал слово у алтаря, то старайся полюбить спутника или спутницу жизни.

Ничего подобного, Чарльз, имея перед собой пример семьи Паркер-Боулзов, считал, что и в его собственном браке так же. Будет изменять супруга или нет, не важно, только чтобы не мешала его собственной связи. Главное, чтобы не пронюхали газетчики, а свои друзья не выдадут. Да и как выдать, если у самих творится это же.

У них «типично английский брак». Почему это называется так? В английских семьях принято изменять еженедельно? Неужели это действительно нормально – жизнь вчетвером, когда у мужа любовница, а у жены любовник и все всеми довольны?

Я так не хотела, я не хотела английский брак, подобный Паркерам.

«Славная» Камилла, как ее называли в своих интервью приятели, не понимала таких проблем. Позже она спросит меня, чего же мне не хватает?

Мне не хватало нормальной жизни, когда люди, поклявшись перед алтарем быть верными, эту клятву соблюдают!

После замужества Камиллы ее связь с Чарльзом не только не прекратилась, она окрепла. Теперь у ротвейлера было положение замужней дамы, свой дом, муж, отсутствующий пять дней в неделю, и любовник из королевской семьи, живущий в соседнем поместье, куда четверть часа езды на автомобиле. Чего же лучше? Любовь? Эндрю можно больше не любить, он уже женился. А Чарльзу нужна секс-мамочка, он ее получил. Принц, который не мог никому ни на что пожаловаться в своей семье, это сочли бы признаком слабости, с удовольствием плакал на массивной груди своей замужней любовницы.

Кажется, я наконец поняла секрет притягательности Камиллы для Чарльза!

В семье Чарльза воспитывали как наследника престола, требуя с него, как с наследника. Он все время должен был соответствовать: требованиям Ее Величества быть сдержанным, вдумчивым, серьезным, без этого будущему королю нельзя; требованиям отца – герцога Эдинбургского, принц Филипп ждал от сына физической и моральной крепости, способности

противостоять любым невзгодам и проблемам; бабушки – королевы-матери, которая желала видеть внука умелым ловеласом, для которого нет никаких проблем ни в общении с девушками, ни в их соблазнении, ни в сокрытии этих фактов от общественности; сами девушки желали видеть в Чарльзе блестящего танцора, любовника, наездника; и даже в его команде по поло ожидалось, что самым лучшим игроком будет именно принц (а кто же еще!)…

Я понимаю, каково это, когда все вокруг требуют стать лучшим, самым сильным, ловким, умным, умелым… И только Камилла ничего не требовала, она принимала Чарльза таким, какой он есть. Не критиковала оттопыренные уши, как отец, не хмурилась при малейшей неудаче, как мать, не ожидала спортивных побед, и даже постельных тоже, она позволяла Чарльзу быть слабым, несчастным, но при этом чувствовать себя ее защитником! Если у принца была малейшая возможность, он помогал несчастной Камилле, утешал, когда у нее что-то болело, дарил подарки, оплачивал счета, привозил новые сорта растений, лечил лошадей…

Удивительно, но Камилла никогда не способствовала укреплению характера Чарльза. Принц не был нужен ей сильным и уверенным в себе, способным не только флиртовать с девушками, но и настаивать на своем в семье. Куда проще с неуверенным Чарльзом, который прибегает поплакать на груди у мамочки, подолгу послушно ждет на кухне, пока разъедутся ее гости, или вообще ужинает с подноса в детской, потому что Камилла занята.

Такой Чарльз послушен и ест с руки, он никуда не денется. А потом мамочка Камилла приласкает, погладит по волосам и выслушает долгие жалобы на трудную жизнь наследника престола. Нет, она не посоветует, потому что у Камиллы образование не выше моего, а интересуется она мало чем, но пожалеет, даст выговориться, выплакаться, прочувствовать собственную уникальность и неповторимость, отрешенность от жестокого мира.

Чарльз всегда знал, что у него есть вот эта грудь, уткнувшись в которую можно пожаловаться на всех: королеву, герцога Эдинбургского, жену, газетчиков… Помочь не поможет, но пожалеет и выслушает.

В этом наша с Камиллой разница – я считала, что вышла замуж за принца, сильного, взрослого человека (Чарльз старше почти на тринадцать лет), мне самой была нужна помощь и защита, нужен совет и пусть не грудь, но плечо, в которое я могла бы поплакать, ища защиты. Но Чарльз не мог мне дать его.

Что было бы, избери и я грудь Камиллы для жалоб? Забавно…

Теперь я знаю, что это не Чарльз выбрал меня и даже не королевская семья или наши бабушки. Меня выбрала Камилла. Заметив юную глупышку, полную сказочных иллюзий и надежд, ротвейлер поспешил вцепиться изо всех сил. Я устраивала не только королеву-мать, я прежде всего устраивала любовницу будущего мужа.

Камилла справилась бы даже с моей идеализацией брака, с тем, что я не желаю делить мужа ни с какими любовницами, не желаю измен. С этим она могла бы что-то поделать, Камиллу подкосило другое, то, с чем не справилась вся королевская семья.

Никто не мог ожидать, что «глупая Диана» вдруг станет всеобщей любимицей настолько, что затмит самого принца, что это он, а не я будет стоять в стороне, пока мне пожимают руки… Популярную принцессу не задвинешь просто так на задний план не только на фотографии, но и вообще в жизни. К тому же глупая Диана в какой-то момент вдруг начала умнеть, быстро учась и набираясь не только нужных для поездок знаний, но и опыта общения с самыми разными людьми.

Камилле это должно было нравиться, ведь у Чарльза появился основательный повод для жалоб, причем какой! Этот повод объединял любовников куда основательней, чем взаимное чувство, – они сочувствовали друг дружке из-за меня!

Но до сочувствия было далеко, Камилла знала свою власть, и она сразу постаралась показать мне мое место. Любовница мужа пыталась дать понять, что мешать ей не следует, однако я была настолько ослеплена Чарльзом, что умудрилась ничего не заметить. Это было очень трудно, потому что все вокруг прекрасно знали об отношениях моего жениха и его давней «подружки», одна я, как маленький ребенок, закрывала руками глаза, стараясь спрятаться от темноты вокруг.

Если бы королева с самого начала сделала решительный шаг и просто потребовала от Эндрю приструнить свою супругу, а от Чарльза прекратить отношения с замужней женщиной, которые компрометировали всех (сослуживцы Паркер-Боулза даже жаловались королеве, что офицерам очень не нравится эта связь), послушный сын со вздохом принялся бы искать новую грелку для рыданий.

Но королева упустила время, когда можно было что-то исправить или предотвратить, она лишь приказала вычеркнуть Камиллу из списка приглашенных на все мероприятия, где

присутствует она сама. Никто этого запрета не соблюдал, даже вычеркнутая лично мной из списка гостей нашей свадьбы Камилла все равно была на венчании, видно, пытаясь смутить меня. Не удалось.

Когда пришло время действительно прекратить эту связь, королевская семья уже ничего не могла поделать с Чарльзом, он слишком привык плакать на мощной груди любовницы. Камилла становилась с каждым годом все больше похожа действительно на ротвейлера, а Чарльзу пора спешно подыскивать невесту.

Вот тут снова сказалась хитрая расчетливость Камиллы, она подтолкнула Чарльза ко мне, и не ее вина, что дальше все развивалось не так, как она задумала, вернее, я повела себя не так, захотела нормального мужа безо всяких нагрузок в виде подержанных любовниц, захотела верности, семьи, счастья. Фи, какая глупость с точки зрения ротвейлера! Не для того она меня выбирала, чтобы я вот так портила ей столь изящный план!

Для начала любовница мужа попыталась выяснить, чего же я стою и чего от меня ждать. Заодно можно было показать мне мое и ее место, чтобы не вздумала перепутать.

Камилла предложила мне помощь. Она решила ввести меня в светский круг, в котором вращался принц, научить тому, что можно и чего нельзя делать в этом обществе, о чем можно и о чем не стоит говорить. Наставница действительно нужна, нужно знать запретные темы для каждого, нежелательные в каком-то определенном кругу, и то, как можно шутить.

Шутить я пока не собиралась, изучить бы, кто есть кто. Конечно, абсолютное большинство членов этого общества внешне мне были известны, но только внешне, сложные взаимоотношения между ними и пристрастия каждого еще предстояло изучить.

Камилла убедила меня, что она многолетний друг Чарльза, а потому и моя подруга тоже. Мне была нужна подруга, очень нужна. Но какой же нужно быть наивной дурочкой, чтобы взять в наставницы собственную соперницу!

Сколько раз Камилла с улыбкой, больше похожей на оскал, ставила меня в неловкое положение! Посоветовать в качестве темы для разговора с леди N достоинства йоркширских терьеров перед другими собаками, прекрасно зная, что леди начинает рыдать при упоминании этой породы, потому что у нее погиб под колесами автомобиля любимый пес… Предостеречь, чтобы ни за что не говорила с лордом M о балете, а только об опере, хотя, оказывается, он, как и я, предпочитает именно танец и терпеть не может оперные арии… Намекнуть, что леди и лорд NN не против

поболтать о новых средствах борьбы с гепатитом, в то время как их родственница умирала именно от этой болезни…

Конечно, Камилла широко раскрывала глаза и утверждала, что советовала совсем наоборот! Это глупая Диана все неправильно поняла!

О, Камилла внесла свою посильную и очень весомую лепту в убежденность королевской семьи, что Диана глупа, что вечно говорит невпопад, лезет со своими глупостями в любой разговор, словно слон в посудную лавку… Однажды Чарльз даже огрызнулся:

– Лучше помолчи, чтобы не ставить себя и остальных в неловкое положение!

Мне была очень нужна помощь, а я получила насмешки…

Прошло немало дней, пока я осознала, что ровно половина советов Камиллы из тех, которые лучше давать врагам, и перестала им следовать совсем. Тогда она принялась советовать через Чарльза, мол, Диане сколько ни тверди, либо пропускает мимо ушей, либо делает наоборот, попытайся хоть ты… Получалось, что умница-подруга никак не может привести в соответствие с нормой дурочку-невесту. Пока все списывалось на молодость и неопытность, но постепенно внушалась мысль, что, возможно, свою роль играет и природная глупость. Позже добавится и утверждение: «Истеричка!»

У нас еще не состоялась свадьба, а я уже чувствовала, что рядом враг, настоящий, безжалостный, готовый вцепиться и в мое горло своей ротвейлеровской хваткой.

Камилла попросила о встрече, оставив для меня приглашение позавтракать вместе. Мне бы насторожиться, поскольку письмо ждало меня в Кларенс-Хаус, когда я туда переехала, и было датировано двумя днями раньше сделанного мне предложения. Это означало то, что Камилла знала, что Чарльз его сделает раньше, чем узнала я. Значит, он делал мне предложение с разрешения своей любовницы!

Каким же нужно было быть страусом, чтобы так спрятаться от всего в песок! Я так старательно закрывала на все глаза, что грешно было бы не обмануть.

Мы встретились за ланчем, Камилла задавала на первый взгляд странные вопросы:

– Ты собираешься охотиться?

– Что? Как?

– Верхом? Ездить на охоту верхом?

– Нет, я неважно держусь в седле после того, как в детстве упала и сломала руку.

– То есть ты не ездишь на охоту?

– Нет.

Я не понимала, при чем здесь охота, если я невеста принца!

Интересно, что было бы, стань я вдруг настоящей охотницей и начни также носиться по полям и лесам в погоне за дичью?

Но тогда это совершенно не грозило, Камилла с удовольствием кивнула, ее вполне устраивала супруга Чарльза, которая будет тихо сидеть дома, ожидая, пока они намилуются где-нибудь в лесной чаще.

Охота – очень удобный повод отсутствовать дома и уединяться, предварительно договорившись, а то и безо всякого уговора. Кто знает, куда именно заехали и почему никого не подстрелили эти двое? Чем они занимались, почему их одежда грязна или, напротив, на ней ни пятнышка влаги, хотя весь день шел дождь? Все прекрасно понимают, но никто не возражает. Главное – соблюдены приличия, есть повод отсутствовать и оправдание отсутствия.

Долгое время я пыталась, честно пыталась поверить, что Камилла просто друг и нет ничего странного в том, чтобы держать ее фотографии в своей записной книжке, чтобы по-дружески дарить браслеты или еще какие-то украшения, часто приглашать в Хайгроув, и даже старалась не замечать, что после моего отъезда в Лондон к дому почти сразу подъезжает машина Камиллы. Вот такая дружба… вполне по-королевски. Только меня она не устраивала.

Однажды, случайно нажав кнопку вызова на телефонном аппарате в кабинете у Чарльза, я услышала в трубке… голос Камиллы! То есть они не просто часто переговаривались, у Чарльза с его «подругой» даже была выделенная линия!

Когда-то, будучи еще невестой, я вышла из комнаты, чтобы не мешать разговору жениха с его подругой, но теперь мириться с таким положением дел не желала. Чарльз в ответ на скандал недоумевал:

– Что в этом неприличного?

– У тебя с каждым из друзей такая линия? Назови еще хотя бы одного друга, с кем тебя соединяли бы вот так!

Конечно, меня душили обида и отчаянье. Сейчас я уже все это пережила, хотя часть боли все равно осталась, мне до сих пор не все равно, что мне предпочли ротвейлера, но по крайней мере об изменах мужа можно говорить без истерики.

А тогда истерика привела даже к попыткам самоубийств. Да, мне, отверженной, никому не нужной, вовсе не хотелось жить, тем более так, как жили мы с Чарльзом, – когда на приемах, в

поездках, перед объективами мы должны были изображать любовь и счастье, а за закрытыми дверьми я понимала, что я никто.

Я так ненавидела Камиллу, что по-настоящему боялась увидеть ее в постели мужа, проснувшись утром. Мы уже спали врозь, и я едва сдерживалась поутру, чтобы не спросить, нет ли в спальне у Чарльза его любовницы.

Выходные в Хайгроуве превратились в настоящий ад для меня именно из-за этого ожидания. Однажды, отправившись в Лондон, я через полчаса езды вдруг попросила развернуть машину, якобы забыв что-то важное. Вернувшись, обнаружила то, что ожидала, – у дома стояла машина любовницы мужа! Понимая, что если войду в дом, то застану ее там и натворю что-нибудь страшное, я попросила посигналить. Вышедшему слуге сказала, чтобы вызвал принца, а самому принцу пообещала, что в следующий раз вернусь с толпой журналистов, чтобы они увидели, как развлекается наследник престола, стоит его супруге покинуть дом!

Но что бы я ни делала, Камилла была сильней. Теперь я понимаю почему – она все просчитала с самого начала, она сразу увидела мои слабые места и воспользовалась ими.

Камилла никогда не допустила бы женитьбы Чарльза на моей сестре Саре. Ей не нужна была Аманда Нэтчбулл или кто-то другой из приятельниц Чарльза, потому что ни одна из прежних подружек принца не допустила бы присутствия Камиллы в жизни мужа. Кроме того, любая из прежних любовниц Чарльза могла дать фору ротвейлерше не только внешне, но и в том, в чем сильна она сама, – в постели и в седле. А я не могла и потому устраивала Камиллу в качестве супруги ее любовника.

Я была неопытной девчонкой, не имевшей любовников и страшно стеснявшейся. Я не была завзятой охотницей и даже плохо держалась в седле. Нет, ротвейлерша не собиралась демонстрировать свое преимущество перед девчонкой, выкрикивая ругательства во время преодоления очередного барьера, она куда хитрее. То, что любовница может скакать часами или ругаться, как портовый грузчик, Чарльз уже знал. Камилла взяла другим. Она не зря интересовалась, стану ли я ездить верхом и охотиться.

Конечно, я не ездила и тем более не охотилась. Во-первых, охоту не люблю вообще, от одного воспоминания о том, как мне вымазали лицо кровью убитого оленя, посвящая в охотники, становится дурно. Камилла выяснила, что я не собираюсь носиться по округе, гикая и вопя, и сосредоточилась на этом.

Ротвейлерше помогла и моя беременность. Осенью, когда стало ясно, что я беременна, вопрос о верховой езде отпал сам собой, это окончательно развязало любовнице руки. Условия создавались весьма подходящие: дома беременная жена, которую без конца тошнило и у которой капризы и нервный срыв, а на охоте любовница, у которой никаких проблем и которая готова услужить в любую минуту.

А дальше замкнутый круг: чем меньше на меня обращали внимания, тем хуже я себя чувствовала, тем больше раздражала мужа и королевскую семью. «Истеричка Диана» просто не могла конкурировать со «своим парнем» Камиллой. Чарльз мог говорить перед Димблби, что он вернулся к Камилле, только когда наш брак стал трещать по швам. Это неправда, это грандиозная ложь! Они были вместе до нашего брака и с первого же дня во время него.

Фотографии в записной, отдельная линия телефона, звонки из ванной: «Дорогая, я буду любить тебя, что бы ни случилось…», ее постоянное пребывание в Хайгроуве, ну и, конечно, тот знаменитый разговор с желанием стать ее гигиенической прокладкой!

Я не ошибалась, понимая, что с первого дня нас в браке трое. Сначала чувствовала сердцем, потом получила доказательства. Не важно, чем она его очаровала и держала – охотой, верховой ездой, сексом, тем, что жалела по-матерински, Камилла совершенно сознательно все эти годы занимала мое место и не имела ни малейшего намерения его освобождать или хотя бы дать мне шанс завоевать это место.

Я знаю, что истеричкой меня прозвала она (а я ее ротвейлером!), знаю, что Камилла постоянно обращала внимание Чарльза на мои недостатки и мое несоответствие их кругу. Понимаю, что она не столь глупа, чтобы делать это открыто, ведь Чарльзу едва ли понравились бы откровенные насмешки над своей супругой, во всяком случае, в самом начале нашей семейной жизни, потом он позволял себе такие насмешки тоже.

Нет, думаю, Камилла была тоньше, вернее, хитрей. Достаточно несколько раз сокрушенно вздохнуть, что с ними на охоте нет принцессы, которая, увы, не любит такое прекрасное занятие, как убийство животных. Можно лишний раз напомнить, что я слишком молода, что мало образованна, что не люблю философию и не ценю Юнга, что не разбираюсь в огородных премудростях, мало смыслю в правилах игры в поло, в конце концов, не люблю обожаемый всеми Балморал!

О, сколько у меня имелось недостатков, которые достаточно просто подчеркнуть, но если делать это изо дня в день, намекая,

что несчастному Чарльзу досталась истеричная, глупая супруга, интересы которой не простираются дальше собственной ванны или супермаркета, и принц почувствует себя несчастным из-за своей неудачной женитьбы.

А куда устремится несчастный принц? Туда, где его понимают и пожалеют, – к обвислой груди ротвейлера. Диана не любит верховую езду? Ну ее, эту Диану, поездим без нее! Не ценит Балморал? Слава богу, и без нее есть кому! Капризничает и даже падает в обморок? Не обращай внимания, помогут встать и без тебя.

И главное – неопытна в постели? Зачем учить, если есть опытная любовница, которая сама может научить кого угодно.

В какой момент Камилла поняла, что ошиблась в выборе? Наверняка тогда же, когда и Чарльз, когда в Австралии стало ясно, что я популярна, что хороша собой, уже родила очаровательного сына, значит, полна сил… Оставь тогда Камилла нас с Чарльзом в покое – и счастливая семья могла бы состояться на долгие-долгие годы. Чарльз, хоть и беспокоился по поводу моей растущей популярности, значительно перехлестывающей его собственную, все же смотрел на меня с восхищением. Приятно сознавать, что твоя супруга хороша.

В одном Камилла просчиталась: она не ожидала, что я уйду со сцены, предпочтя самостоятельную жизнь, и что ее Эндрю тоже не выдержит. Сначала все казалось прекрасно, любовникам уже никто не мешал, главное – не попадаться на глаза любопытным фотографам.

Но это, дорогая Камилла, не все. Твои ротвейлеровские челюсти слишком долго сжимали горло принца, он привык, и теперь уже ты от Чарльза не отделаешься. Мальчики выросли, Британия забудет неудачную женитьбу принца и простит ему адюльтер, даже церковь забудет, что во главе ее намерен встать человек, нарушивший данную у алтаря клятву уже буквально через неделю.

А что будет с Камиллой?

Чарльз замечательный отец, хотя сначала сомневался в своем отцовстве (без малейших на то оснований!). Но Камилле это едва ли поможет, вряд ли она родит Чарльзу ребенка.

Он заботливый муж, правда, до тех пор, пока это не мешает его собственным интересам и занятиям.

Чарльз умный собеседник при условии, что разговор должен идти только о том, что интересует его самого.

У принца те же интересы, что и у Камиллы, – лошади, охота, грядки и акварели… Но как бы ни молодились любовники, брать барьеры, когда тебе шестой десяток, или охотиться ежедневно невозможно. И если любовница могла избежать появления на музыкальном вечере, используя такую уловку, как муж или гости в собственном доме, то жене этого не удастся.

Я никогда не давала советов Камилле, а теперь дам один: всеми силами избегай замужества с Чарльзом. Хотя к этому все идет. Мы с Эндрю Паркером больше не помеха, Британия как-нибудь переживет. Однако становиться супругой принца Чарльза для Камиллы смертельно. Чарльз-любовник и Чарльз-супруг – это не одно и то же.

Ты потеряешь все свои преимущества, прежде всего независимость и последние крохи привлекательности. Любовнице прощают отсутствие талии или обвисшую грудь, жене – нет. У любовницы неопрятность даже пикантна, у жены – страшный порок. Занудство или грубость любовницы говорят о ее своеобразии, у жены – невыносимы.

Нельзя будет отказаться от скучных мероприятий, неинтересных разговоров, придется оставить множество собственных дурных привычек и принять чужие… Чарльз не Эндрю Паркер, он не станет прощать тебе все, поскольку ты станешь его собственностью, частью его распорядка дня, обстановки, окружающего мира, привычного окружающего мира, заметь.

Тебе придется научиться аккуратности, привыкнуть к жестким требованиям к внешнему виду не только в редких случаях выхода, но всегда, каждый день, каждый миг, потому что на тебя будут нацелены десятки камер и подловить тебя могут в любую минуту и в любом настроении.

Тебе придется измениться, Камилла, став в некоторой степени… Дианой! Это потому, что тебя всегда будут сравнивать со мной, а я постараюсь поднять эту планку как можно выше, чтобы тебе пришлось тянуться за мной на цыпочках. Ты будешь вынуждена сменить мятые брюки и стоптанные туфли на нечто для тебя совершенно неудобное (я знаю, как ты не любишь строгие нарядные платья, да и фигура подкачала), перестать носиться на лошади целыми днями, сидеть в кресле в обнимку с собаками и станешь по-настоящему светской дамой. Ты будешь вынуждена соответствовать мне!

И вот это будет для тебя куда труднее, чем для меня освоиться в лабиринтах королевских дворцов и взаимоотношений, потому что ты не такая, потому что очень трудно полсотни лет быть «своим парнем» и лошадницей с

мужскими замашками, и вдруг стать леди не только по титулу, но и внутренне, а еще сложнее – внешне. Тебе будет очень тяжело пытаться затмить или хотя бы сравняться с первой супругой принца Чарльза.

Став второй супругой принца, ты невольно встанешь в один ряд со мной.

И все-таки, если это произойдет, я буду… очень рада! Лучшую месть придумать трудно.

Вы будете вынуждены изображать счастье даже тогда, когда захочется действительно вцепиться в горло друг другу, для вас не будет возможен развод, потому что второго развода Чарльзу Британия не простит. Ты была умницей, когда не вцепилась в Чарльза в молодости, но я надеюсь, ты не сможешь отказать ему теперь, а став семейной парой, вы просто отомстите за меня друг другу!

Желаю вам долгих лет совместного ада!

Сыновья

И все-таки в браке я была счастлива. Почти с первых месяцев.

Потому что у меня есть мои мальчики, два самых любимых человека на свете – Уильям и Гарри. Мои сыновья – лучшее, что у меня есть в жизни. Если бы я имела хоть малейшую возможность (кроме откровенного унижения по соседству с Камиллой), я бы никогда не пошла на развод, стараясь сохранить семью ради них.

В королевской семье у меня есть единственный верный друг, который меня любит и, я точно знаю, не предаст, посоветоваться с которым я могу почти по любому поводу, который не осудит, а постарается понять. Не всем женщинам выпадает такое счастье, я одна из очень немногих, потому что это бесценный, верный и преданный друг – мой собственный сын Уильям! Гарри просто еще мал.

Уильям и Гарри – единственное счастье, которое мне подарила судьба. И я знаю, что это заслуженное счастье, а потому оно всегда со мной. Чтобы они стали самыми лучшими сыновьями, я должна была стать самой лучшей мамой.

Я никогда не вмешивала в наши с Чарльзом ссоры детей, никогда не пыталась наговорить им об отце гадостей, напротив, оберегала его образ вдумчивого, серьезного человека, искренне увлеченного тем, чем занимается.

Я ничего не понимала в выращивании овощей без химикатов, но если мальчикам интересно, пусть возятся над этим с отцом.

Я не люблю охоту, но пусть охотятся с Чарльзом.

Я не люблю философию, во всяком случае Юнга и Ван дер Поста. Но если мальчики что-то в этом поймут, пусть дружат даже с Лоуренсом Ван дер Постом. Хотя вот этого они сделать не смогут, обожаемый Чарльзом наставник не так давно скончался. Но если бы и дружили, я не против, это их право, у мальчиков всегда должен быть выбор, моя нелюбовь не должна мешать их общению с кем-то. Нетрудно догадаться, что я категорически против общения только с одним человеком – с Камиллой, не только разрушившей наш брак, но и сломавшей всю мою жизнь.

Однако боюсь, что и это придется вытерпеть, теперь Чарльз с Камиллой уже неразлучен (подозреваю, что ей некуда деваться, теперь она будет просто вынуждена висеть на его шее, вцепившись намертво, после всех скандалов она совсем никому не нужна). Кто, кроме Чарльза, станет содержать потрепанную любовницу с такой внешностью, кому, кроме него, еще нужна обвислая грудь, в которую можно уткнуться?

А Чарльзу нужна, потому мальчики будут вынуждены терпеть тетю-ротвейлера рядом с отцом. Но тут я бессильна.

Мальчики остались в королевском семействе. Я не могу, не имею права, да и не хочу лишать их возможности быть принцами, наследниками престола. И общения с королевской семьей тоже лишать не стала бы, даже имей такую возможность. Они должны общаться с бабушкой и дедушкой, с остальными родственниками, об отце и говорить не стоит.

У королевской семьи возможностей несоизмеримо больше. Что я могу предложить своим мальчикам – скучный Кенсингтонский дворец или возможность погостить в имениях моих приятелей? Но я прекрасно понимаю, что вокруг будет толпа журналистов, станут заглядывать в рот, ловя каждое слово, пытаясь что-то пронюхать, запечатлеть, опубликовать… У меня нет имения, в котором я могла бы спрятать сыновей от вездесущих камер, я не могу дать им то, что может дать королевская семья.

Принцам нужен покой, это раньше Гарри мог кидаться снежками в любопытных фотографов, сейчас даже он раздражается, когда их слишком много. Никакие просьбы оставить в покое моих детей не помогают.

В Хайгроуве и Балморале такая возможность есть. Это охраняемые спецслужбами резиденции, где принцы к тому же чувствуют себя хозяевами. И как бы я ни ревновала (а временами ревную просто безумно!), я вынуждена соглашаться с частым пребыванием Уильяма и Гарри у отца и бабушки. Я не хочу, чтобы мои мальчики оказались заложниками разногласий родителей, слишком хорошо помню свои переживания в такой же период.

Да, конечно, Уильяму и Гарри такое не грозит, дети Камиллы достаточно взрослые, чтобы не мешать им, к тому же всегда можно спрятаться у бабушки с дедушкой, у меня такой возможности не было…

Конечно, я ревную, но рада, что Уильям подружился с Его Высочеством принцем Филиппом. Внука и деда объединил интерес к военной истории. Разве я могу лишать его такого общения? Надеюсь только, что у Его Высочества хватит такта не говорить обо мне гадости в присутствии моего сына.

Я бы предпочла, чтобы они всегда находились рядом со мной, но понимаю, что мальчики выросли, им нужно другое общество, прошло то время, когда они во всем спрашивали совета у мамы, когда можно было чувствовать в своей руке их доверчивые ладошки. Пройдет совсем немного времени, и они станут совсем

взрослыми, влюбятся, женятся и родят своих детей, ладошки которых будут так же сжимать в своих руках.

В королевской семье я изгой, но не могу из чувства мести превращать в изгоев и своих мальчиков. Как бы мне ни было больно и тяжело, у них будет большая семья, отец, бабушка, дедушка и еще куча родственников, они имеют на это право, они не виноваты в нашем с Чарльзом противостоянии. Я всегда, в любую минуту твердила себе, что мальчики становиться заложниками наших отношений не должны! И я это выполняю, Чарльз не всегда, королевская семья тем более. До меня часто доходят слухи, да и газеты пишут об этом взахлеб, сколькими нелестными словами характеризуют меня перед сыновьями. Глупо, потому что это может обернуться против них самих.

Я обижена на маму, но при этом никогда не прощу своей мачехе Рейн дурных отзывов о маме! Не боится ли королевская семья, что то же будут чувствовать мои мальчики по отношению к ним? Мне приходится нелегко, но я предпочитаю не вспоминать о родственниках Виндзорах совсем, чем отзываться о них дурно при Уильяме и Гарри. Это очень трудная задача…

Я понимаю, что с каждым годом сохранить вот эту духовную близость с моими мальчиками будет все сложнее, просто потому, что они вырастут, у них будут свои взрослые интересы, я не смогу видеть их так часто, как хотелось бы, чтобы знать маленькие секреты, чтобы помогать в жизненных ситуациях. Такова участь всех разведенных матерей, которые не живут со своими детьми. Формально с ними не живет и Чарльз, но я прекрасно понимаю, что, как принцы, Гарри и особенно Уильям должны будут много времени проводить с Виндзорами, гораздо больше, чем со мной, этого не избежать. И это обязательно скажется, постепенно мои мальчики отдалятся, как бы ни сопротивлялась я, как бы ни тянулись ко мне они сами.

Положение не изменить даже тогда, когда они будут жить самостоятельно, Уильям и Гарри – Виндзоры и наследники короны, этим все сказано.

Я хотела бы только одного: чтобы они были счастливы. Не как принцы и короли, а просто по-человечески. Чтобы их не заставили жениться ради продолжения рода, чтобы выбирали супруг сердцем, а не по распоряжению бабушки, дедушки или отца. Своим сердцем, тогда не будет обмана, какой был у нас с Чарльзом.

Когда-то, мечтая о замужестве с принцем, я твердила, что это единственный человек, с которым невозможно развестись.

Оказалось, что я не права, но очень хочу, чтобы наш печальный опыт учли мои сыновья. Особенно это трудно для Уильяма, который всегда, каждую свою минуту будет на виду, под прицелом десятков камер, любопытных и далеко не всегда доброжелательных глаз, но главное – под присмотром служб.

Но это же должна пройти и его жена, она должна привыкнуть к камерам, к очень неприятному интересу к себе, к наглости любопытных, к бесцеремонности всех желающих вызнать то, чего открывать перед всеми не хотелось. Королевская семья перестала быть неприкосновенной, но она мало изменилась и изменится ли вообще? А это значит, что девушкам, которых выберут мои мальчики, придется, с одной стороны, выдерживать сильное давление двора, а с другой, не меньшее – прессы. Это очень трудно, это может просто сломать жизнь.

Пока я была постоянно рядом, я все время старалась, чтобы у Уильяма и Гарри было нормальное детство, они ходили в обычные подготовительные школы, гуляли в обычном парке, играли с обычными детьми. Я одевалась в простые джинсы и рубашку, натягивала бейсболку, чтобы быть похожей на других мам или нянь, водила сыновей развлекаться туда, куда ходят и другие дети, а не только королевские.

Одним из важнейших требований к моим телохранителям была незаметность. Принцессе Анне очень нравится, когда рядом с ней толпа мускулистых мужчин, следящих за каждым шагом или движением всех вокруг. Я понимаю, что без охраны никак, замучают репортеры (в этом пришлось быстро убедиться, стоило отказаться от полицейской охраны после развода), но всегда просила, чтобы широкие спины охранников не заслоняли от нас мир.

Сколько я выдержала насмешек, когда мои мальчики праздновали день рождения сына Барреллов Александра. Пресса захлебывалась: «Принцы учатся хорошим манерам у детей дворецкого!», «Принцесса решила воспитать еще и сыновей своего дворецкого!». И все из-за того, что у Александра был день рождения, и я не имела ничего против, чтобы Уильям и Гарри, часто игравшие в Хайгроуве с мальчиком, побывали у него на дне рождения, как бывал и он на их праздниках. А потом мы еще ездили в парк и катались на аттракционах, было очень весело.

Почему вокруг этого понадобилось поднимать шумиху? Кстати, манеры сыновей Пола Баррелла ничуть не хуже, чем у детей из аристократических семей, именно потому, что и сам Пол, и его жена Мария, и их дети все время общаются с нами.

Мы ходили с мальчиками в зоопарк, играли в снежки, даже дрались подушками! Я очень-очень хотела, чтобы они чувствовали себя детьми, в том, что они принцы, их убедит Чарльз.

Пыталась научить тому, что в жизни не только радость, но и боль, а потому водила их, еще мало что понимавших, в больницы, чтобы видели умирающих, приговоренных болезнью к смерти. Нельзя раскрашивать детство только в мрачные тона строгого послушания, но нельзя и надевать детям розовые очки, они должны видеть мир таким, какой он есть на самом деле, иначе бед не избежать.

Мне очень хотелось самой заниматься мальчиками, сначала пеленками и бутылочками (конечно, я не стирала, но сменить-то была способна), потом игрушками и позже учебой. Сама отвозила детей в школу, пока они не повзрослели настолько, чтобы жить уже не дома, но и там старалась не пропускать родительских дней, если только не бывала слишком далеко без возможности вовремя вернуться. Чарльза страшно раздражали мои требования назначать все мероприятия так, чтобы в выходные быть дома, потому что это дни общения с мальчиками.

Еще больше мои условия злили службу безопасности, ведь я требовала, чтобы даже в дальних визитах со мной были дети! Понимаю, как это сложно, но мне проще отказаться от поездки совсем, чем оставить девятимесячного Уильяма на шесть недель (да он за это время сделать первые шаги успел!) в Лондоне, отправившись в Австралию.

Я очень хотела много детей – десятерых, но принц не посещал мою спальню… Может, у меня будет десяток внуков? Хорошо бы от каждого из мальчиков! Представляю фотографию будущего – принцесса Диана, окруженная двумя огромными семействами с десятью внуками в каждом! Согласна допустить в нашу компанию Чарльза, все же это его внуки тоже!

Уильям, Гарри, вы просто обязаны сделать меня счастливой бабушкой! Я буду хорошо относиться к невесткам, очень их любить, но только если они будут любить вас. Вам самим без настоящей любви ни за что не позволю жениться, даже если ради этого придется взорвать всю фирму под названием «королевская семья»! Счастья по принуждению не бывает, не нужно строить иллюзий. На попытки привыкнуть, перетерпеть уйдет столько сил, что на само счастье их попросту не останется.

Чего бы я хотела для своих сыновей, кроме женитьбы по любви и множества детей?

Прежде всего, чтобы они не растеряли, а приумножили то

хорошее, что в них есть. Уильям и Гарри при всей разнице характеров добрые малые, они должны таковыми и остаться, иначе не спасут никакие королевские корни.

У меня все меньше возможностей для общения с мальчиками, а дальше будет еще меньше, потому что в закрытые учебные заведения мам часто не допускают, остаются только телефонные звонки и письма. Я прекрасно понимаю, что все звонки прослушиваются, а письма легко прочитать, но я не пишу и не говорю своим детям ничего дурного, они не виноваты, что у их родителей не сложилась совместная жизнь.

В отношениях внутри королевской семьи они разберутся сами, кроме того, для них королева прежде всего бабушка, хоть и строгая, а принц Филипп – дедушка. У Уильяма нашлось с дедушкой немало общих интересов, они оба увлекаются военной историей, особенно историей флота, в которой герцог Эдинбургский большой знаток, это очень хорошо. Да и беспокойный Гарри найдет свое место в семье. То, что их мать была там чужой, не означает, что к ним будут относиться плохо, напротив, Чарльз любит детей, а королева и принц Филипп любят внуков. Я этому искренне рада.

У меня получаются странные записи, словно я прощаюсь, уезжая куда-то очень далеко. Но я никуда не деваюсь, я здесь и буду пусть не физически, но духовно всегда рядом с моими мальчиками.

Мы поговорили с Уильямом, я очень часто разговаривала с сыном откровенно, он мудр не по годам, возможно, это наследство Чарльза, Гарри бесшабашный в меня. С Уильямом можно разговаривать о чем угодно, он поймет. Я спросила совет, как мне быть, не называя имен, сын ответил, чтобы поступала, как лучше мне, и выбирала сердцем.

Наверняка Уильям решил, что вопрос о Доди Аль-Файеде, а я спрашивала вообще о жизни. Нет, с Доди я способна решить сама, меня волнует безопасность не только моя, но и их тоже. Вернусь из Парижа, нужно серьезно поговорить с сыном.

Уильям всегда был взрослей своих лет, и он очень серьезно с самого маленького возраста относился к своей роли будущего наследника престола. Я очень старалась, чтобы это не испортило ему детство, мне удалось, мои мальчики росли и растут живыми и добрыми, это очень важно.

Почему-то вдруг вспомнилось, как я пригласила в Кенсингтонский дворец Синди Кроуфорд, от которой был без ума Уильям. Мой мальчик говорил, что она почти такая же красивая,

как я. Блестящий комплимент (мне, конечно)! И вот Синди у нас в гостях. Но Уильям так смутился, что не смог нормально разговаривать с обожаемой им моделью!

У Синди хватило такта не вгонять мальчика в краску по самые уши, она мило улыбалась и сама интересовалась какой-то чепухой, вроде того, какими упражнениями увлекаются у них в школе. Потом она сама долго хохотала над этим вопросом.

Уильяму от ее смеха явно полегчало, топ-модель оказалась не только красивой, даже лучше, чем на фотографиях, но еще и умной и живой. Она не набивала себе цену, не важничала, она просто делилась с нами своими мыслями и секретами, конечно, больше со мной, чем с Уильямом, но сын был в восторге.

А Синди осталась в восторге от Уильяма:

– Диана, как вам удалось воспитать такого умного и при этом нормального парня? Вернее, как вам сначала удалось такого родить?

Я расхохоталась от души:

– Мы с Чарльзом очень старались.

– У тебя отличные ребята, как я мечтала бы иметь таких детей! Много-много…

– И я тоже хочу много-много.

– В чем дело?

Спросила и осеклась, вспомнив мои проблемы, но тут же тряхнула головой, словно отгоняя ненужные мысли:

– Ты еще молодая, выходи замуж еще раз и рожай теперь в свое удовольствие.

Потом мы обсуждали, что если это действительно случится, то дети будут уже лично мои и мужа, а не королевской семьи. Боже, как это верно! Их можно будет не отпускать от себя, не оглядываться на противную (хотя и нужную) службу охраны, не вспоминать через каждые четверть часа, что перед тобой наследник престола…

Может, лучше было бы выйти замуж, как Сара, за простого владельца какого-нибудь поместья и нарожать детишек, которые не имели бы к Букингемскому дворцу никакого отношения, разве что тоже являлись бы англичанами?

Я посмотрела на своих мальчиков, которые о чем-то весело болтали в стороне, и решила, что все сделала верно, даже при том, что наш брак распался. У нас с Чарльзом замечательные сыновья, и Уильям будет фантастическим королем, я не устаю это повторять. И Гарри отличный парень, хотя иногда бывает очень беспокойным.

Эти два парня – лучшее, что мы вообще сделали с Чарльзом в жизни! Даже если бы все остальное было сплошными ошибками

(а похоже, именно так и было), за одних только мальчиков нас должны простить на Страшном суде.

И Синди права, теперь я могу рожать детей для себя, только вот от кого?

Но моих мальчишек этот вопрос не касался!

Мне очень хочется помочь им избежать наших с Чарльзом ошибок. Почему-то кажется, что пройдет не слишком много времени и мы с принцем примиримся, нет, Камилла с ее челюстью никуда не денется, примириться нас заставит взросление сыновей. Ведь пришлось встретиться маме и папе на свадьбе моего брата Чарльза? Правда, встреча получилась не слишком красивой, вернее, мы с Чарльзом не слишком красиво обошлись с Рейн, я даже накричала на мачеху.

Когда-то женятся и наши сыновья, и мы будем вместе стоять, глядя на то, как какая-то девушка клянется (надеюсь, она не совершит ошибок в клятве?) любить нашего сына, пока смерть не разлучит их. Сначала один сын поведет к алтарю свою избранницу, потом второй… Интересно, кто из них будет первым? Я вовсе не исключаю, что рыжик опередит брата, он шустрый.

И дети Гарри буду рыжими и голубоглазыми! А у Уильяма сначала родится очаровательная принцесса, тоже голубоглазая, обязательно длинноногая и очень красивая.

Неужели это когда-то будет? Время летит так быстро. Мне кажется, я совсем недавно качала их на руках, помогала лепить снежную бабу в парке, надувала шарики для их праздника, прикрепляла по всему дому листочки: «Я люблю Уильяма и Гарри!», рисовала смешные рожицы, чтобы порадовать наших мальчиков.

Забота о подрастающих сыновьях обязательно объединит нас с Чарльзом. Нет, не в семью, просто заставит забыть прошлые обиды и немало гадких слов, сказанных в адрес друг друга. Сейчас, когда мы уже почти чужие, разведены и каждый живет своей жизнью, мне проще думать о том, что Чарльз неплохой парень, просто ему немного не повезло родиться принцем.

Мне не нравится только то, что он взял на работу Тигги. Эта девица так ловко сумела втереться в доверие к мальчикам, что ее присутствие рядом с ними начинает меня беспокоить. Александра Легг-Берк, которую все зовут просто Тигги, ловко умудрилась влезть в жизнь Чарльза и наших сыновей. Она, конечно, хороша, но я предпочла бы, чтобы она держалась подальше от Уильяма и Гарри.

Тигги хитрей Камиллы, и если та проглядит, то ловкая

красотка оставит Камиллу в вечных любовницах. Тигги наплевать на мальчиков, ее интересует сам Чарльз, иначе она не стала бы воевать со мной, когда мы еще не развелись. У Тигги такие же интересы, как и у Чарльза с Камиллой, она любит свежий воздух, ружья и лошадей, веселая, оживленная, умеющая найти общий язык с детьми.

Ее с удовольствием примут охотники, она сумеет найти общий язык с теми, кто катается на лыжах, лихо водит машину… У Тигги много достоинств и всего один недостаток – она может стать мачехой моих мальчиков! За этот недостаток я готова перегрызть ей горло.

Я не одинока, Камилла тоже готова. Увидев у Тигги бриллиантовую брошь в виде лилии, я поняла, что дело зашло несколько дальше простых посиделок с детьми, такие броши Чарльз дарит своим женщинам. Разозлившись, я довольно неуклюже оскорбила Тигги, неприятный инцидент пришлось разбирать с привлечением адвокатов. Теперь очередь Камиллы, это единственное, в чем я готова ей помочь.

Смешно, впервые в жизни я надеюсь на Камиллу и готова ей помогать. Просто я знаю отношение Уильяма и Гарри к Камилле, в отношении мальчиков Камилла мне мешать не будет, и понимаю, что Тигги, став следующей женой Чарльза, испортит мои собственные отношения с сыновьями. Эта способна испортить, недаром она постоянно подчеркивает, что дает мальчикам то, чего не могу дать им я, подразумевая стрельбу по кроликам без оформления охотничьей лицензии – довольно опасное занятие.

Плохо, если Чарльз еще раз женится в интересах королевской семьи, тогда он будет достоин настоящего осуждения.

Мне вовсе не хочется, чтобы моих мальчиков воспитывала какая-то Тигги! Что вообще за прозвище?! Взрослую тридцатилетнюю (хотя иногда мне кажется, что она мне ровесница, настолько эта Тигги плохо выглядит после стрельбы по кроликам) зовут как героиню детских книжек. Еще бы назвали Пеппи Короткийчулок, подобно Пеппи Длинныйчулок. Вполне подходяще, если взрослая женщина изображает из себя развязную девицу-сорванца.

Нет, я хочу воспитывать и наблюдать за взрослением своих сыновей сама. Я и Чарльз, никаких мачех с их детскими именами и страстью к убийствам.

Господи, хоть бы Камилла заметила эту угрозу! Не говорить же ей, в самом деле?

Это было бы смешно, если бы я стала предупреждать

Камиллу об опасности появления у Чарльза любовницы! Чего только в жизни не бывает…

Но уж мальчики о моем противостоянии с Тигги знать не должны ни в коем случае. Камилла – одно дело, Тигги – совсем другое.

Неожиданного помощника против наглой красотки я нашла в нынешнем секретаре Чарльза Марке Болланде. Сейчас я понимаю, что его к принцу приставила Камилла, но уже одно то, что Болланд против Тигги, роднит его со мной.

Думаю, там все разрешится само собой, Уильям и Гарри уже не маленькие мальчики, для которых нужно приглашать няню в Хайгроув, к тому же теперь в Хайгроуве живет Камилла, вряд ли она допустит соседство с соперницей.

Главное, чтобы все это не выплеснулось на страницы газет, стоит пронюхать репортерам – затравят. Я вообще хочу предостеречь Уильяма и Гарри от заигрывания с прессой. Прессу нельзя недооценить, ее нельзя переоценить. Умение справляться с этим монстром дается редко кому. Мне долго казалось, что я справляюсь, но иногда репортеры становятся настолько назойливыми, что хочется запустить в них не просто снежком, как однажды сделал Гарри, а чем-нибудь потяжелее.

Репортеры бывают сознательными, когда где-нибудь в африканской больнице или центре по оказанию помощи бездомным, в убогой хижине, где вопиющая бедность, или среди детишек, у которых вместо ног металлические штыри, а вместо рук обычные крючки (они подорвались на минах и лишились конечностей), просишь больше не снимать, камеры выключают.

Иное дело на отдыхе или в светской поездке. О, тут никакой пощады! И протестовать бесполезно, это только разжигает интерес и аппетит. С одной стороны, вам придется научиться не шарахаться от них, это, во-первых, бесполезно, во-вторых, только навредит, с другой – не подпускать слишком близко. У этих ребят есть когти и хватка, они могут вознести на небо и почти сразу утопить.

Лучше всего вообще не иметь с ними дела, но мальчикам это не удастся по рождению, придется научиться жить под постоянным присмотром. Это значит не давать ни малейшего повода уличить себя в чем-то недостойном. Жизнь под прицелом камер, под ежеминутным присмотром тяжела, но у мальчиков не будет другой, они принцы.

Что будет дальше? Не знаю, с каждым годом мне труднее, ведь портить каникулы моим мальчикам ради удовлетворения

собственных интересов не хочется, а организовывать достойный отдых сложно. И не из-за меня – из-за службы безопасности принцев. Эта служба отвергает одно за другим мои предложения, я понимаю, что это делалось вовсе не из опасений, что Уильяма или Гарри могут похитить, а просто назло мне. На все предложения я слышала один ответ:

– Нет. Это опасно.

Опасно оказывалось везде, я уже готова была попросить отпустить нас в Антарктиду к пингвинам, когда Мохаммед аль-Файед в очередной раз предложил свое поместье в Сен-Тропе и яхту «Джоникал», обещая, что все будет в нашем распоряжении и что папарацци отгонят от берега, как акул. Не будь необходимости срочно определиться с отдыхом мальчиков, я едва ли согласилась бы на такое предложение.

На сей раз у службы безопасности просто не имелось возможности отказаться, соблюдены все их требования! Телохранители согласились, хотя их зубовный скрежет вполне мог заглушить шум прибоя.

Мы провели прекрасные каникулы, хотя Уильяму очень не нравилось то, что с ним обращаются как с членом семьи, словно уже все решено. Меня снова усиленно подталкивали к браку, и это совсем не нравилось моему мудрому сыну.

Не бойся, Уильям, твоя мать не так глупа, как о ней думают в королевской семье.

Королевская семья

Королевская семья – это фирма, как я ее называю. Серьезная, безжалостная, где каждый не более чем винтик, не имеющий никакого права на собственную жизнь и собственные переживания.

Больше всего в этой Фирме мне жаль не Чарльза, не изгнанную Ферджи, не принцессу Маргарет… мне жаль основательницу и главную опору Фирмы – королеву.

Елизавета II сильная женщина, сильный человек, я искренне восхищалась ею, но никогда не понимала. Если Чарльз живет просто в коконе, прячась от окружающей жизни за своими привычками и интересами, то королева такой кокон создала вокруг всей семьи. Это ледяной кокон, за которым неуютно, холодно, мертво. Все бури, которые сотрясают королевскую семью внутри, не должны никак проявиться снаружи, семья недоступна для чужих и для любопытных глаз!

Королевская семья живет отдельно не только от Британии, она закрылась от всего мира. И все начинается с самой королевы. Наверное, она по-своему права, потому что допустить размывание королевской семьи – значит погубить ее. Семья – это клан, в котором действуют жестокие законы, но она тем и сильна, стоит из крепостной стены выпасть одному камню, рухнет вся стена. Допустить этого нельзя, королева старается.

Безжалостней всего она к самой себе. Жить столько десятилетий, внешне не проявляя никаких эмоций, если и плакать, то так, чтобы об этом не догадалась даже горничная по мокрым подушкам, если радоваться, то только внутри, потому что откровенный хохот – это неприлично…

Вся жизнь – служение долгу, когда ни единого недостойного поступка, ни единого лишнего слова, жеста, простой улыбки, все рассчитано и выверено. Если улыбка, то точно вовремя, а не тогда, когда губы сами расползаются в стороны, если жест, то ограниченный, чтобы не подумали лишнего или не дать кому-то надежду, которая не оправдается.

Каждая фраза что-то значит, каждое слово весомо. Заговорить с королевой первыми имеют право только очень близкие люди, остальным приходится ждать, пока Ее Величество изволит обратить внимание. Ее нельзя просто окликнуть, нельзя подшутить, нельзя допустить какую-то вольность, причем не только по отношению к королеве, это было бы верхом неприличия, но и в ее присутствии.

Всегда одинаково уложенные волосы, много-много лет

одинаковый фасон одежды, раз и навсегда определена форма сумочки, манера протягивать руку, улыбаться, смотреть… Все определено, она сама себе определила и строго придерживается правил. Она сама образец, идеал, совершенный и недоступный.

Каково это – быть идеалом всегда во всем и для всех? Это неимоверно трудно, это даже хуже, чем в коконе, королева даже не может свернуться калачиком и поплакать, она должна быть сильной, она образец, в том числе и стойкости.

Только одного не замечает Ее Величество: что идеал этот хоть и хорош, но сильно отстал от жизни. Жесткая закрытость королевской семьи уже мало кого впечатляет так, как было, даже когда я только стала принцессой. Если честно, то во многом этот кокон расшатали и мы с Ферджи, наверное, я даже сильнее.

Конечно, королева не может быть мне благодарной за такое расшатывание, за мои откровения, уж от меня-то она никак не ожидала подобного. Удивительно, мною восхищались миллионы людей по всей Земле, но королева никогда, даже когда я была откровенно хороша. Ни один мой наряд, ни прическа, ни то, что обрела спортивную фигуру и стала уверенней, ни моя благотворительная деятельность никогда не вызывали одобрения Ее Величества. Все принималось как должное. Не важно, что чувствовала королева, она ничего не показывала. Так принято, так нужно.

Я была в ужасе, увидев детские фотографии Чарльза: у принца просто не было детства, он прощался с матерью, уезжавшей куда-то, за руку, словно официальный деятель! Конечно, четверо детей, муж с довольно сложным характером и королевские обязанности трудно совместимы, но стоило ли столько взваливать на себя?

Иногда я пыталась понять, к чему Ее Величеству столь строгое соблюдение правил, такая пунктуальность во всем, не проще ли отпустить все, а не существовать, соблюдая традиции? Их можно блюсти, когда выходишь с речью при открытии сессии парламента, их можно соблюдать на скачках в Аскоте, обязательно надев шляпку, их можно строго соблюдать при официальных визитах или приемах, но зачем же за закрытыми дверьми Букингемского дворца или в Балморале?! Там эти правила соблюдаются еще строже, чем снаружи. Зачем?!

Постепенно я поняла: иначе королеве ее семью не удержать. Только предельно жесткая дисциплина могла удержать вместе столь разных людей и заставить их быть послушными во всем, в малейших поступках и даже мыслях. Каждый нарушивший подвергается остракизму, жесточайшему осуждению и даже

изгнанию, как оступившаяся Ферджи, которая решила, что вечерний чай с королевой дает ей право жить по своим законам. Бедной Саре быстро пришлось убедиться, что скакать рядом с королевой на лошади или пить с ней чай совсем не значит иметь право нарушать то, чего не нарушает сама королева.

Меньше всего подвижности в холоде, может, потому атмосфера королевской семьи близка к точке замерзания? Каждый замерзает и пробует отогреться по-своему, а все вместе делают вид, что они не ледяные скульптуры, а живые люди.

Когда уже во время свадебного путешествия я осознала, что ледяной кошмар, бывший во время помолвки, теперь будет вокруг меня всегда, я пришла в неописуемый ужас.

Где были мои глаза?! Почему я летела, как мотылек на огонь, только огонь совершенно холодный, способный не спалить, а заморозить?

Молодая девушка, мечтающая о свадьбе с принцем, стоило этой свадьбе произойти, вдруг осознала, что жизнь за воротами королевских дворцов ради меня не изменится и то, что я видела после помолвки, будет теперь всегда!

Королевский двор – самое скучное место в мире, ледяное, медленное, почтительно-спокойное. В Букингемском дворце, в Балморале, в Сандрингэме, в любой из резиденций и любом из домов одинаково скучно, тихо и страшно одиноко. Будучи приглашенным на чай с Ее Величеством, вы точно знаете, что, как и в какой последовательности произойдет.

Меня королева приглашала не слишком часто, боясь импульсивности, а еще, подозреваю, вопросов, зачем нужно сохранять эту немыслимо нудную верность традициям.

Я могла бы их задать, но смущалась.

Почему в Балморале мужчины обязательно должны носить килты, даже если погода весьма холодная и коленки быстро синеют на ветру. Тощие коленки старых лордов – не самое эстетичное зрелище. И почему нужно пребывать там именно до октября, а не приезжать и уезжать раньше? Массивные каменные стены не успевают прогреться на северном солнце, в замке и коттеджах страшно холодно, поскольку на отоплении экономят, все мерзнут, но терпят.

Чарльз говорил, что это дань уважения к местным обычаям, но думаю, это просто чтобы отличаться от любого другого некоролевского замка.

Традиция всегда и во всем, распорядок не только годовых событий, но и почти каждого дня можно составить на десятилетие вперед. Конечно, бывают исключения вроде свадьбы принца, но

на следующий же день после нее все возвращается в рамки традиций.

Привычки каждого члена семьи не противоречат королевским, но незыблемы для остальных. При любой возможности уединение, а если и присутствие рядом, то так, чтобы не помешать. Если можно, лучше не произносить ни слова, беседа считается оживленной, если во время нее проскальзывает улыбка. Улыбки равнодушные, хотя и приветливые, но быстро начинаешь понимать, что эта приветливость старательно отрепетирована, нет, не перед зеркалом, а многими годами присутствия в семье.

С принцем Филиппом нельзя разговаривать об этом, с принцессой Анной о том, принцессу Маргарет лучше не задевать вот по такому поводу, в присутствии принца Эдварда лучше не упоминать этого имени… Все обтекаемо, все вежливо и совершенно бесстрастно, даже если на губах улыбка, а временами и смех!

Мне кажется, что они никогда не были детьми, сразу рождались взрослыми со знанием обычаев и правил этикета, с готовым мнением обо всем, причем мнением вежливым, которое, если и не совпадает с другими, но никому не мешает. Наверное, долгое сосуществование с большим количеством строптивых родственников заставило королевскую семью стать столь сдержанными. Но в таком случае, может, проще разъехаться, ведь возможности есть…

Но и уехав от королевы, Чарльз не изменился, он становился все более замкнутым. В Хайгроуве принцу нравилось прежде всего… одиночество (кроме визитов Камиллы)! Я была там лишней.

Почтительная семья, почтительные придворные, все много старше меня, да еще и старающиеся состариться раньше времени, жизнь по распорядку, определенному на годы вперед без малейшей импровизации, жизнь по требованию долга. А этот долг подразумевает под собой следование традициям. Жизнь, которая превращает молодых в стариков очень быстро. Чарльзу было всего тридцать три, но по моим ощущениям, все шестьдесят шесть, иногда я ловила себя на том, что не ощущаю его сыном принца Филиппа, скорее младшим братом. И в этом не вина Чарльза, просто живущий по традиции не имеет возраста, ведь что восьмидесятилетний джентльмен, что двадцатилетний должны носить одинаковой формы котелки и цвета галстуки, одинаковую одежду для охоты… одинаково ругать погоду… одинаково любить поло и скачки… одинаково быть озабоченными

соотношением мест в парламенте у тори и вигов… одинаково курить сигары и повязывать галстуки… одинаково относиться к женщинам…

Этот список можно продолжать очень долго. Джентльмены должны быть одинаковыми во всем, различается только качество этих самых галстуков или сигар, но у королевской семьи все всегда самого высшего качества.

Вариации возможны, отклонения тоже, но все должно быть сделано так, чтобы не вышло за пределы дворца, семьи, спальни… Удивительная жизнь, одновременно закрытая и на виду.

Закрытая, потому что никто ни о чем не должен догадаться за пределами семьи, если и догадается, то перед чужими нужно сделать вид, что ничего не происходит, а друзья помогут скрыть. Так много лет скрывали любовную связь Чарльза с Камиллой, пока я не вытащила все на свет.

На виду, потому что все постоянно под наблюдением. Ничего невозможно скрыть от слуг, от охраны, каждый шаг, каждое чуть громче обычного сказанное слово становится известно, и хорошо, если слуги молчаливы и честны. Однако они любят чужие секреты и делятся ими внизу на кухне, между собой, а часто и с прессой.

Королевская семья, жившая столько лет «с пониманием», вдруг оказалась взбудоражена двумя «виндзорскими хулиганками», как называли нас с Ферджи.

Но еще до появления в королевской семье Ферджи ее основательно взбудоражила я, вернее, моя популярность.

Сначала я пугалась многолюдных толп, приветственных криков, а еще больше раздражения Чарльза от того, что все внимание уделяется мне, а не ему. Началось тогда в Уэльсе. Я, страстно желая понравиться жителям герцогства своего мужа, даже выучила приветствие на валлийском языке. Наверное, я была неуклюжа, наверное, приветствие звучало с акцентом, но присутствующим так понравилось! О собственной неуклюжести я просто забыла, когда ко мне потянулись множество рук, я бросилась их пожимать. Чарльз был недоволен, члены королевской семьи никогда не пожимают рук, они только слегка касаются или вообще просто берут цветы с выражением сдержанной благодарности.

Я так не умела. Собравшиеся несмотря на плохую погоду люди радовались мне, и я радовалась им. Отступила тошнота. Была забыта неудача в подборке костюма, все это отошло на задний план, вокруг были люди, которые заряжали меня доброй

энергией, и я сполна возвращала им.

Я всегда поступала так. Я не читала заумных философских книг, но знаю, что того, кто стоит выше на ступеньку, никогда не будут воспринимать равным себе. Если хочешь, чтобы тебя любили и тебе верили, опустись на ступеньку ниже. Особенно это касается детей, с ними можно разговаривать, только присев на корточки либо хорошенько наклонившись. Я приседала, дети были в восторге, а их родители следом. Разве это плохо? Разве это было плохо для самой королевской семьи? Но семья воспринимала мой успех с раздражением.

Когда мы ехали в Кэрнавонский замок, люди, стоявшие по бокам дороги во всех городках и деревнях, кричали:

– Вот она!

Чарльз разозлился, потому что кричать должны были: «Вот они!» Принц злился потому, что о его умных официальных речах в газетах никто не писал, зато о прелести его супруги рассказывали взахлеб.

Можно было бы радоваться, но я, несмотря на свою «глупость», испугалась. Это правда. Я видела, как недоволен Чарльз, и понимала, что восторг встречавших нас и моя неожиданная популярность могут просто испортить наши отношения.

Как бы Чарльз, да и вся королевская семья хотели, чтобы я стала незаметной, невидимой! Появлялась в их толпе, когда нужно сфотографироваться, и снова исчезала куда-то…

Но все было иначе, с каждым днем, с каждым моим появлением перед людьми происходило нечто похожее – в высшей степени достойный Чарльз отходил на задний план, а вокруг начинали приветствовать его «глупую» супругу. Я знаю, что Чарльз даже возмущался:

– Что, собственно, она сделала? Всего лишь сказала «да» на мое предложение.

Я и сама не понимала причин популярности, а потому страшно нервничала. Даже спрашивала пресс-секретаря Букингемского дворца Рональда Эллисона, не пройдет ли моя популярность. Он ответил:

– Сожалею, но этого не случится никогда!

Мне бы задуматься над этим «сожалею», почему это пресс-секретарь жалеет о моей популярности, но было не до того.

Еще труднее стало через несколько дней, когда мы приехали, как полагалось, на открытие очередной сессии парламента. Я оделась как можно скромнее, просто в белое платье, добавив только тиару Спенсеров и жемчужное ожерелье. Это было действительно скромно по сравнению с большим количеством

золота и драгоценностей на остальных, тем более королеве.

При нашем появлении произошло что-то непредвиденное. Когда восторженно кричала толпа, собравшаяся у здания, это воспринималось как наивность народа. Но когда в зале меньше обращали внимания даже на королеву, зато разглядывали меня, это был уже почти скандал! Я сидела, словно на витрине, меня рассматривали даже в театральные бинокли. И это депутаты парламента, королевская свита, приглашенные гости.

К вечеру в тот же день я откровенно опозорилась, попросту задремав во время официальной церемонии открытия выставки «Сокровища Гонзага» в музее Виктории и Альберта. Просто я очень устала, сказывалась и беременность, но никто из сидевших рядом, в том числе Чарльз, не подтолкнул, чтобы разбудить, напротив, позволили сфотографировать в таком виде. Глупая принцесса откровенно дремлет в большом красном кресле. Со стороны Чарльза это было подло, но он не нашел нужным даже посочувствовать.

Правда, многие заметили мою пополневшую талию, и на следующий день пришлось официально объявить о беременности. О, что тут поднялось! Полагаю, мне готовы были простить не только усталость и легкую дремоту, но и откровенный храп! Пресса просто захлебнулась в восторгах, Англию захватило радостное безумие. Главной темой стало рассуждение, какой прекрасной я буду матерью, как правильно стану воспитывать своего малыша, какой он будет живой и здоровый, совсем не такой, как… принц Чарльз!

Были подробно расспрошены все родители, чьи дети ходили в детский сад, где я работала, замучены сами дети, воспитатели и мои подруги. Все сходились на том, что лучшей матери для будущего наследника престола, чем принцесса Диана, не найти. Стоило оказаться рядом с каким-нибудь оркестром, как музыканты прекращали мелодию, которую играли, и принимались играть «Поздравляем!», окружающие не протестовали, напротив, трудно вообразить больший восторг.

Могло ли это понравиться королевской фамилии? Сама королева болезненно воспринимала рассуждения о том, как правильно я буду воспитывать будущего наследника, однажды она, всегда столь сдержанная, хмуро поинтересовалась, зачем я рассказываю о своих принципах воспитания журналистам. Пришлось долго объяснять, что я никому и ничего не рассказываю…

Это было сильнейшее давление, ведь родись у меня дочь, а не сын, нация посчитала бы себя просто оскорбленной. К тому же мальчик должен быть красивым, умным и сразу вежливым.

Уильям, как я счастлива, что ты действительно оказался таким. Ты просто спас свою маму!

Моя бабушка леди Фермой однажды саркастически произнесла:

– Твоя главная ошибка в том, что ты не умеешь быть герцогом Эдинбургским.

Я поняла, что это значит: я не умею не затмевать своего супруга, как принц Филипп умудряется не загораживать королеву. Это редкое достоинство – уметь быть на полшага позади, но ведь и Ее Королевское Величество не задвигает мужа на задний план, прежде всего в семье.

Да, на мероприятиях принц Филипп всегда на шаг позади, но ни для кого не секрет, что в остальном все наоборот. Королева советуется с мужем по любому поводу, особенно если повод серьезный. Что касается семейных проблем, тут принц Филипп вообще хозяин. Воспитание детей, даже семейный быт – все устроено если не по его распоряжению, то с учетом его желаний.

Но как раз этого у меня и не имелось, в семье я была просто никем. Менять свои привычки, свои предпочтения, распорядок дня или еще что-то ради меня Чарльз не стал, в основном они вообще остались холостяцкими. Муж не собирался отказываться ни от охоты, ни от классической музыки и долгих посиделок в библиотеке по вечерам, ни от своего Юнга или Поста, ни от огорода. Я была обязана вписаться в его жизнь, причем как можно незаметней.

Кем я была для Чарльза? Выполненным обязательством, не больше. Принцу положено жениться, то есть взять в дом ту, которая подарит королевству наследника (лучше не одного) и будет рядом на приемах. Вернее, не рядом, а на полшага сзади и с непременной улыбкой.

Все, что у меня было, – только улыбка. Потом я подарила наследников. Но вот быть на полшага сзади и ни о чем не спрашивать не смогла. Я хотела семью, настоящего мужа, хотела, чтобы меня любили.

Конечно, Чарльз был заботлив, он понимал ответственность за юную глупышку, которую сделал принцессой, но заботливость эта своеобразная. Подозреваю, что ему просто не приходило в голову, что молодой глупышке скучны рассуждения об интровертах и экстравертах, что меня мало волнуют способы борьбы с огородными вредителями без применения химикатов, что мне хочется ласки и простых развлечений.

А еще мне очень трудно в той жизни, о которой я, несмотря на знакомство с королевской семьей, знала очень мало. Бегать в

детстве по дорожкам парка в Сандрингэме или даже побывать в Балморале не значит познакомиться с жизнью королевской семьи. Я чувствовала себя чужаком…

Я очень неуверенный в себе человек, это еще с детства. Тем более, попав в королевскую семью, я внутренне сжималась и думала только о том, чтобы не сказать чего-то неподобающего, не сделать что-то не соответствующее этикету. И мне так была нужна помощь, поддержка. Наверное, члены королевской семьи были ко мне терпимы, правда, не все, Анна меня почему-то ненавидела с первой минуты. Но королева была снисходительна, да и остальные смотрели сквозь пальцы на мои откровенные промахи.

Как их могло не быть, если я просто не знала, как себя вести?

Мне мало снисходительности, нужен наставник во всем. Это ужасный период привыкания не только к мужу и новой семье, но и к новой роли – жены и матери. Я ничего не умела и не знала, а от меня требовали опытности во всем.

Внутри меня что-то раздвоилось. С одной стороны, мне очень хотелось спрятаться куда-нибудь в уголок, чтобы меня никто не видел, не замечал, не смотрел осуждающе в ожидании моих промахов. Но была и вторая половина, которая понимала, что нужно справляться с возложенными на меня обязанностями, что я не имею права поступать иначе. И эта вторая понимала, что обязана выползти на свет, взять себя в руки, улыбаться, учиться и сама замечать свои промахи, чтобы их больше не повторять.

Но этой второй была так нужна поддержка!

Я очень старалась справляться, соответствовать… Я очень старалась, но мои новые родственники этого просто не замечали!

Когда Уильяму было три месяца и я только отняла его от груди, из Монако пришло страшное известие: после автокатастрофы скончалась Грейс, которую все знали как Келли. Супруга князя Ренье ехала со своей дочерью Стефанией, и их автомобиль сорвался в пропасть. Девочке удалось выжить, а красавица Грейс погибла!

Я невольно прошептала:

– Как я…

Чарльз только покосился, ничего не ответив. Я помнила, как Грейс на свадьбе «успокоила» меня, пообещав, что дальше будет только тяжелее. И вот Грейс нет…

Встал вопрос, кому ехать в Монако на похороны. Я даже не могла понять такой вопрос, как это кому?! Но королева не выразила ни малейшего желания отправляться в Монако. Принцесса Анна тоже фыркнула:

– Поедет Чарльз!

Чарльз поморщился:

– Кто там будет?

– Супруга Рональда Рейгана Нэнси, супруга Миттерана Даниэль…

– Ну вот, супруги! Что там делать мне?

– Можно поеду я?

Все обернулись ко мне так, словно я вынырнула откуда-то из-под земли. Но это было выходом:

– Если Диана хочет, пусть едет.

Я предложила и испугалась. Никто больше не пожелал, значит, ехать предстояло мне одной?!

– Чарльз, пожалуйста…

– У меня и без того много дел. Пригласи с собой кого-нибудь из придворных дам…

Это была моя первая совершенно самостоятельная поездка от имени Виндзоров. Я представляла Великобританию в международном сообществе! Но никакие попытки попросить совета, как себя вести, к подробному инструктажу не привели. Все пожимали плечами:

– Как обычно.

Как они не могли понять, что для них это обычно, а для меня впервые! Да еще и за границей.

– Тебе все подскажут помощники, просто не говори лишнего и следи за собой. Не нужно смотреть на людей набычившись, исподлобья, будь серьезна, но не хмурься. Это не государственный визит, никто на тебя не обратит внимания.

Обратили, и еще как! Визит, конечно, был не государственный, прошел очень скромно, но я оказалась на высоте! Действительно, прибыли Нэнси Рейган и Даниэль Миттеран, супруги президентов США и Франции годились мне в матери, но разговаривали приветливо, держались отнюдь не свысока. Никаких проколов я не допустила, говорила только то, что нужно, вела себя подобающе.

И это все несмотря на бесчисленные мелкие неприятности в виде поломок машин и лифтов, до мелких накладок вроде забытых туфель… Охрана страшно нервничала, было очень жарко, а в застрявшем лифте и вовсе невыносимо, но я понимала, что всем не до меня, и не жаловалась.

Несмотря на печальный повод и искренние сожаления из-за смерти Грейс, меня просто распирала гордость за успешно проведенный визит. Казалось, стоит только ступить на поле аэродрома, как меня бросятся обнимать, поздравляя с тем, что справилась. Ну, конечно, не Ее Величество, но хотя бы Чарльз.

Он-то понимал, как я боялась, недаром даже посмеялся перед отлетом:

– Ты словно на экзамен летишь.

Это и был экзамен, причем международный, и я его выдержала! Я высказала от имени всех Виндзоров наши сожаления и соболезнования по поводу гибели такой чудесной женщины, от души заверила, что мы скорбим, и теперь жаждала рассказать об этом мужу.

Меня никто не встречал. Вообще никто. Виндзорам было не до меня, даже мужу. В сопровождении машин охраны я отправилась домой одна.

Но и дома было так же. За обедом я попыталась напомнить, что вообще-то прибыла из своего первого, пусть и печального, государственного визита:

– Кажется, я не наделала ошибок… Все прошло хорошо…

Королева только вскинула на меня глаза и отвела снова:

– Да, все в порядке.

С мужем тоже:

– Чарльз, газеты написали, что я держалась молодцом, несмотря на все сложности. А их было немало.

– Поломка лифта? К сожалению, это бывает нередко…

Он знал, он все знал, но не придал вообще никакого значения моим стараниям. На глазах невольно выступили слезы. Это всегда страшно раздражало Чарльза:

– Ну что на сей раз, Диана?!

Я сумела скрыть свои мысли:

– Грейс жалко.

– Да, красивая была женщина…

– Чарльз, а… если я вот так… ты жалеть будешь?

Муж поднял на меня изумленный взор:

– Что за глупые мысли приходят тебе в голову, Диана?!

Глядя ему вслед, я подумала, что и правда глупа. Что я такого особенного сделала – посетила крошечное государство ради траурной церемонии? И требую за это особой благодарности.

Нет, Чарльз прав, мне нельзя доверять ничего серьезного, я ни на что не способна!

Вот это сознание, что я глупа, что ни на что не способна, что ничего не знаю, у меня старательно культивировали.

Диану интересуют только покупки! Диана не знает элементарных вещей! Диана неуч и не способна к обучению!

Да, я посредственно училась, да, я не имела специальности, да, я медленно воспринимала все, и часто мне было просто

неинтересно то, что интересовало Чарльза. Но если что-то интересовало меня саму, то я осваивала все быстро и легко, а если уж запоминала, то навсегда.

Однако вместо того, чтобы мне помочь и меня направить, муж только морщился:

– Ну что еще, Диана?

Я раздражала Чарльза своими приземленными интересами, своими крайне неглубокими знаниями, своим неумением преподнести себя с нужной стороны. Считалось, что я способна только бегать по магазинам и закатывать истерики.

Однажды мы были в турне по странам Персидского залива, и один из эмиров, видимо, из вежливости поинтересовался, чем намерена заниматься я и где собираюсь побывать. Едва ли ему сообщили, что для меня разработана большая благотворительная программа с посещением медицинского центра, бизнес-школы для девушек, клиники для умственно отсталых детей, родильного центра… Но эмир, несомненно, знал, что такая программа существует.

Я только раскрыла рот, чтобы с восторгом об этом поведать и поблагодарить за предоставленную возможность помочь стольким людям, как принц громко заявил:

– Шопингом, чем же еще?

Обомлели все, потому что все прекрасно знали, что даже если супруга наследника тупа, как пробковое дерево, не способна произнести и слова членораздельно, то ее все равно куда-нибудь повезут с благотворительной целью. И то, что супруг при всех отказывал мне даже в этом…

В полной тишине, отчаянно пытаясь не разрыдаться под насмешливыми взглядами, я пробормотала что-то вроде «не только…».

К тому времени наш брак уже трещал по швам, несмотря на рождение двух сыновей, и Чарльз не упускал возможности унизить меня при всех. Я не знаю, понимал ли он сам, что унижает, и почему это делал? Зачем наследнику британского престола нужно на каждом шагу подчеркивать никчемность своей супруги, словно в противовес тому, что творилось на улицах? А может, именно потому? Меня встречали восторженные толпы, которым был вовсе не нужен Чарльз, я пожимала тысячи рук, улыбалась и разговаривала со многими людьми, а мой муж где и как только мог подчеркивал, что я ничтожество.

Мы летели с визитом в Бразилию, причем в салоне рядом с нами сидели посол Бразилии в Великобритании господин Паоло Флеха де Лима и его очаровательная жена Люсия Флеха де Лима,

с которой я была в дружеских отношениях. Когда через полтора года их вдруг перевели из Лондона в Вашингтон, я плакала, точно от меня навсегда уезжала настоящая сестра. Люсия одна из немногих, кто не считал меня истеричкой, во всяком случае, не говорил об этом вслух.

На столике лежала солидная пачка материалов, подготовленных советниками по моей просьбе. Так поступали многие, никто не может помнить обо всех странах все, тем более, если никогда там не бывал. Все изучают материалы по той стране, в которую отправляются. Не сомневаюсь, что и Чарльз тоже читал.

Не слишком удобно, что я делала это прямо перед послом и его женой, но я не сомневалась, что уж они-то меня поймут и Люсии будет приятно, если я начну расспрашивать об интересующих меня вопросах прямо на борту самолета. К тому же лететь долго.

Паоло заинтересовали материалы, я рассмеялась:

– Это мое домашнее задание по вашей стране. Изучаю…

Посол с супругой готовы были рассмеяться тоже, а еще помочь мне рассказом о Бразилии, но смех замер у них на устах, потому что Чарльз из своего кресла ехидно заметил:

– Она же практически ничего не знает о Бразилии, как и о других странах тоже.

Хотелось крикнуть:

– Зачем ты так?!

Конечно, я промолчала, старательно скрывая выступившие слезы, стала разглядывать облака снаружи. Люсия попробовала посмеяться:

– О… когда я впервые летела в Англию, я знала только, что столица Лондон и у вас есть королева!

Конечно, она не стала уточнять, что ей было четыре года, напротив, они с Паоло даже принялись спорить, какой из городов красивей – старый Рио или новая Бразилиа. А потом еще о многом.

Через десять минут я знала о Бразилии столько, сколько не смогла бы почерпнуть из половины сложенных стопкой листов.

Меня очень заинтересовала чудесная страна, оставшиеся материалы я прочитала быстро и с восторгом. Но неприятный осадок остался у всех.

Ну почему мой собственный муж не мог вот так же: рассказать что-то особенно интересное и посоветовать, где прочитать остальное? Я бы не только о Бразилии знала все, но и о многом другом. Нет, Чарльз предпочитал дать мне понять, что я неуч, и презрительно отмахнуться.

Люсия стала моей подругой на все последующие годы, она просто почувствовала, насколько я одинока, как мне нужна поддержка. И с Флеха де Лима я не бывала ни тупой, ни медлительной, когда меня поддерживают, у меня все получается.

Я всегда хорошо относилась к принцу Эндрю, в детстве даже заявляла, что выйду за него замуж. Это казалось таким естественным – Сара за Чарльза, а я за Эндрю. Мы остались в приятельских отношениях, но мы очень далеки.

Именно я познакомила Эндрю с Сарой Фергюссон, которую все запросто звали Ферджи. Мы с Ферджи были какими-то далекими кузинами, а наши матери – моя Фрэнсис и ее Сьюзен – близкими подругами в школе. Без меня Сара ни за что не попала бы во дворец, тем более в том качестве, в каком оказалась там. Ферджи пытались назначить моей фрейлиной, но я воспротивилась. Мне понравилась другая идея: сделать жизнерадостную, беспокойную Сару своей золовкой.

По моему настоянию Ферджи пригласили на прием в Виндзорский замок. Я постаралась, чтобы моя новая подруга за столом оказалась рядом с принцем Эндрю. Это было очень забавно, рыжая красавица, как я и рассчитывала, совершенно очаровала принца. Эндрю не Чарльз, ему только запрещали слишком тесно общаться с актрисами порно, но против Сары ничего не имели. После этого приема роскошную рыжую гриву Сары Фергюссон то и дело замечали в обществе бравого морского офицера принца Эндрю.

Страсть оказалась взаимной, Эндрю человек куда более решительный, чем его старший брат, к тому же второму принцу не приходилось выбирать «будущую королеву», потому он мог полагаться на свое сердце, а не на выбор королевской семьи. К тому же королевская семья согласилась с выбором Эндрю.

В июле 1986 года в королевской семье у меня появилась подружка. Я была в восторге! Сара проходила тот путь, который я уже прошла пять лет назад. Но если я двигалась на ощупь и помочь было некому, мало того, мерзкая ротвейлерша еще и давала противоположные советы, то Ферджи я решила помочь освоиться! К тому же иметь сторонника в королевской семье, да еще и такого, который ничего не боится, многого стоило.

Я помогала этой рыжей бунтарке в том, с чем справилась сама. Особенно это касалось прессы. Сара совершенно не умела морочить головы репортерам, а потому смотрела мне в рот, когда я что-то объясняла. Но я не Камилла, не давала вредных советов, напротив, старалась помочь Ферджи не угодить в репортерские ловушки.

Ей было чему поучиться у меня, а мне у нее. Сара завидовала мне не потому, что я мать наследника престола и будущая королева, а потому, что я могла легко общаться с прессой и выглядела очень стройной и элегантной. Ферджи полненькая от природы, к тому же у нее обнаружились похожие на мои проблемы с едой, с той разницей, что она просто ела, не возвращая съеденное в приступе рвоты. Но это же приводило к нежелательной полноте, избавиться от которой просто невозможно.

Рыжая полная Сара завидовала моей стройности, а я ее свободе. Ферджи даже в Букингемском дворце умудрялась чувствовать себя свободной! Я поспешила переехать из этого дворца в Кенсингтонский, чтобы не мучиться от строгости правил, а она устраивала в своих апартаментах пирушки! Мне бы и в голову не пришло приглашать своих приятелей в Букингемский дворец, а она запросто. Эндрю без конца на службе (он морской офицер), Саре скучно, и она позвала своих повеселиться…

Королева не просто не возразила, она сама не один раз приглашала Ферджи к себе на ужин, чего не делала в отношении меня. Сара действительно чувствовала себя свободно, и я последовала ее примеру. Ферджи твердила, что, только появившись, мы изменили это закоснелое придворное поведение. Она преувеличивала, ничего мы не изменили, но хотя бы бунтовали против фирмы.

Так, как мы, никто не безобразничал в Балморале со дня его постройки принцем Альбертом, супругом королевы Виктории. Конечно, это было глупостью – уродовать велосипедом газон, который до нас пестовали много лет, но отказать себе в таком удовольствии было невозможно.

Интересно, что Ферджи нравился Балморал! Не скучные ужины или необходимость и там соблюдать все правила дворцового этикета, а именно окрестности, прогулки, бесконечные болота, верховая езда… И здесь был серьезный повод для ревности – к Ферджи относились иначе, чем ко мне!

Принц Филипп несколько дней учил ее управлять конным экипажем. Я не понимала, зачем Саре нужно быть вместо кучера. Одно дело сесть за руль автомобиля, даже надев фуражку шофера, как это делала я, и совсем другое быть кучером. Но им с принцем Филиппом нравилось.

Чарльз мог подолгу разгуливать вместе с Ферджи по окрестностям и даже ставить ее в пример:

– Ну почему ты не можешь быть такой, как Ферджи?

Да потому что я другая! И мне не нравится верховая езда или

прогулки по болотам, я не люблю запах вереска и торфа, это все хорошо один раз в жизни в романтическом состоянии, а каждый год и непременно в самом начале осени… У кого хочешь настроение испортит одно ожидание подобного издевательства.

Удивительно, но Ферджи не портило, она с удовольствием запасалась вязаными носками для резиновых сапог, толстыми свитерами и уже с весны начинала мечтать, как будет разъезжать по окрестностям Балморала, вдыхая морозный воздух. Меня это не вдохновляло совсем. Верхом я тогда еще ездила неважно, разгуливать с собаками, к которым была равнодушна, не любила, просто стоять на берегу на ветру, наблюдая, как Чарльз забрасывает удочку и смотрит на поплавок, скучно… На меня плохо действовал холод, от всего сразу начинались новые приступы булимии…

Конечно, лучше пусть Чарльз прогуливается с Ферджи, чем с Камиллой, но я хорошо понимала, что проигрываю подруге и муж смотрит на меня все более отчужденно. Просто Ферджи любила то, что любила королевская семья, за эту любовь к болотам, собакам и верховой езде они прощали ей остальное.

Мы с Ферджи оставались подругами даже после разводов до тех пор, пока она не написала обо мне гадость в своей книге воспоминаний.

Но даже любимице королевы Саре Фергюссон не поздоровилось, когда она нарушила правила и попыталась жить, как другие, не принадлежащие к королевской семье. Это Камилле с Эндрю Паркер-Боулзом простительно мириться с любовниками друг дружки, это принц Чарльз может проводить больше времени с любовницей, чем с женой, даже самому принцу Эндрю не возбранялось гулять, но когда в прессу попали фотографии резвящейся на курорте Ферджи с каким-то любовником-американцем, разразился такой скандал, какого королевская семья не помнила!

Вся семья прекрасно знала, что Ферджи и Эндрю изменяют друг другу, это никого не волновало, пока не стало достоянием гласности. Тут же оказалось, что жить с такой супругой принц Эндрю не может! Королева вызвала Сару к себе, после их разговора Ферджи вышла уже не членом королевской семьи.

Я получила блестящий пример, как расправляются с теми, кто не соблюдает правил. Эндрю немедленно потребовал развода, ввиду откровенных доказательств измены супруги развели их быстро, и несчастная Ферджи, еще вчера обожаемая всеми, оказалась не просто за бортом, она была вышвырнута на берег, как кашалот ураганом, безо всякого снисхождения. Пожалели

только их детей, понимая, что внуки королевы не могут жить под мостом.

Детям купили дом и положили на счет полтора миллиона, матери не дали ничего. Та, что нарушила правила фирмы, должна поплатиться сполна.

Развелась со своим супругом и принцесса Анна, но там были соблюдены правила, и все обошлось тихо. Кроме того, Анна никогда не давала интервью, за что журналисты ее даже уважали.

Сара наивно полагала, что следом за ней позволят развестись и мне, но развал трех семей был бы для королевской фирмы слишком большой нагрузкой.

К тому же я при разводе могла потерять неизмеримо большее. Ферджи не понимала, что я – мать наследников престола, это Саре оставили девочек, мне моих мальчиков не отдали бы никогда, тем более выставив из дворца без пенса в кармане.

Кроме того, у меня было чем поторговаться с фирмой, и я не собиралась сдаваться без боя. Тогда никто и не предполагал, какие события последуют дальше… А ведь впереди были самые бурные события: публикация книги Мортона с моими откровениями по поводу Чарльза и Камиллы, распечатка моего разговора с Гибли (в котором, честно говоря, не было ничего особенного) и совершенно скандальная публикация знаменитого «камиллгейта» – потрясающего воображение читателей разговора наследника престола с его любовницей.

Кто и как умудрился сделать эту запись, я не знаю, но она помогла мне убедить всех, что я не страдаю паранойей и что у моего супруга действительно многолетняя любовница.

Такие скандалы не сотрясали стены фирмы никогда! Бывали измены, бывали даже казни за прелюбодеяния, но чтобы так позорился принц, который должен стать королем… Представляю отчаянье королевы, даже ее титановые нервы могли не выдержать. Ее Величеству можно только посочувствовать, правда, я сочувствую не очень, потому что знаю, что ей было отлично известно об этой многолетней связи и о том, как я из-за этого страдала. Королева и пальцем не пошевелила, чтобы прекратить мои мучения, почему я должна ее жалеть?

Кокон фирмы просто трещал по швам, в него со своим любопытством ломились вездесущие журналисты, для которых не было ничего святого и запретного, а уж спокойствие королевской семьи репортеров волновало меньше всего.

Когда были опубликованы расшифровки разговора Чарльза с

Камиллой (того, где он объявил о желании стать ее тампаксом), чтобы отвлечь всех от такого скандала, фирма не пожалела даже Виндзорский замок! Я ничуть не сомневаюсь, что его подожгли, чтобы занять головы обсуждением нанесенного урона вместо обсуждения уродливых желаний наследника престола.

Королева никогда не отапливала замки так, чтобы от отопления могло что-то загореться, мы вечно мерзли. И уж, конечно, могла бы получше сработать пожарная служба.

Немедленно было объявлено, что замок – культурное наследие и восстанавливать его должны все англичане сообща, то есть из-за недосмотра кого-то из королевского персонала страна должна выложить 40 миллионов фунтов стерлингов. А меня за купленную американскую машину едва не съели!

Кроме того, очень верно тогда написала Дженет Дейли из «Таймс», она написала что-то вроде «когда замок цел, он принадлежит королеве, и только ей, а когда он сгорает, оказывается, что он и наш тоже».

Скандал следовал за скандалом, без конца сотрясая кокон королевской семьи. Чарльз дал интервью, в котором открыто признался в изменах и наличии любовницы. Британия ахнула! У всех королей бывали любовницы, все изменяли, Чарльз когда-то даже кричал на меня:

– Ты что хочешь, чтобы я был единственным из Виндзоров, не имеющим любовницы?!

Конечно, я хотела, но логика рассуждений меня потрясла.

– Хорошо бы, если бы такому примеру последовали и остальные Виндзоры, тогда ты будешь не один… И верность снова станет в почете не только на словах.

Конечно, я была названа глупой с требованием не рассуждать о том, в чем не разбираюсь.

И вот Чарльз признался…

Потом вышла книга Пастернак, основанная на моих письмах Хьюитту. Вот хороший урок – никогда никому не пишите любовных писем, ваши возлюбленные могут оказаться подлецами и попросту продать все!

Не успела королевская семья оправиться от этого удара, как получила новый, куда более серьезный. На сей раз снова отличился принц и снова сделал мне подарок, хотя и со знаком минус. Вышла книга Димблби о Чарльзе, где тот использовал дневники принца, его переписку и некоторые официальные документы.

Это снова были откровения, за которые мне хотелось надавать Чарльзу пощечин! Он откровенно признавался, что

никогда меня не любил, а женился только ради выполнения долга перед страной!

Я нанесла ответный удар, который навсегда закрыл мне лично дорогу в Букингемский дворец и все остальные королевские резиденции. Я сказала, что думаю не только о муже и его будущем, но и о самой монархии!

Того, что я, находясь на грани развода, брошу вызов всей фирме, не ожидал никто, даже мои ближайшие помощники. Интервью Мартину Баширу привело королевскую семью в не меньший шок, чем она испытала за все прежние годы.

Это был мощный ответный удар с моей стороны, после которого все мосты оказались сожжены. Но меня нельзя злить, в состоянии ярости я способна сокрушить все на своем пути!

Больше года во всевозможных изданиях, особенно в падкой до денег желтой прессе, меня подвергали даже не критике, а обливанию грязью. Публиковались бесконечные глупые карикатуры, издевки, изображения в виде несчастной, никчемной женщины, которая не смогла удержать мужа и все время жаловалась на наличие любовницы, а сама отвечала тем же. Пресса меня откровенно травила, и я хорошо понимала, кто и что за этим стоит.

На экранах я предстала совсем другой – грустной, но уверенной в себе. Я честно признала, что была влюблена в Хьюитта, но он меня предал, подтвердила все, что раньше говорилось о связи Чарльза и Камиллы.

Но если бы этим ограничилось, королевская семья так бы не реагировала, наши перепалки с Чарльзом в средствах массовой информации для Британии стали уже привычными, мы ругались в печати и на телевидении так, как простые люди ссорятся на кухне.

Думаю, королеву больше ужаснуло другое: я высказала мнение, что монархии для того, чтобы выжить, нужно серьезно измениться, что монархия должна идти рука об руку с британцами, а не отдаляться от них. Может ли Чарльз после всех скандалов стать королем?

– Роль принца Уэльского многого требует от человека. А роль короля станет еще мучительней… этот пост для Чарльза будет связан со множеством серьезных ограничений. Не знаю, сумеет ли он ко всему этому приспособиться.

Мало того, я открыто заявила, что королевская семья меня ревнует:

– Рядом с ними появилась сильная женщина, которая делает свое дело.

Конечно, большинство зрителей заметили не эти слова, а мои признания об обожании Хьюитта и его предательстве, а также слова, что в нашем браке нас было трое и что я хотела стать королевой людских сердец. Но те, кто должен был услышать о монархии и необходимости изменений, услышали.

Друзья Чарльза обрушились на меня со всех сторон, они давали интервью в новостных выпусках, объявляя, что я страдаю паранойей (Николаса Сомса, заявившего это, можно было бы привлечь за клевету, и зря я этого не сделала), писали, что я какой была глупой и необразованной, такой и осталась…

Но сразу после выхода этой передачи был проведен опрос, и меня поддержали 92,5 % опрошенных! Даже опрос, проведенный в высоких слоях общества, показал, что всего лишь четверть (это, безусловно, друзья Чарльза и Камиллы!) не поддерживают мое выступление.

Я на весь мир объявила, что монархия в таком виде, как есть, не годится, что она должна измениться. Это был открытый вызов королеве и всей фирме. Рассказывать о любовнице принца – это одно, а попытаться приоткрыть завесу тайны над королевской семьей и показать, что там далеко не все так хорошо, как пытаются делать вид, совсем другое.

Я поняла, почему в королевском семействе так стараются сохранить все традиции. Потому что само существование этого семейства только традиция. Ни для чего другого оно не нужно! Королевская семья нужна не больше, чем обязательные дамские шляпки в Аскоте или цилиндры у мужчин.

Поняла сама и попыталась донести это до британцев. Непростительная самонадеянность, потому что экраны гаснут, а жизнь продолжается. Вокруг меня мгновенно образовался настоящий вакуум! Родные сделали вид, что забыли о моем существовании, друзья испарились, а персонал, который верой и правдой служил совсем недавно, вдруг срочно уволился. Никому не рекомендуется выступать против членов королевской семьи, но тысячу раз не рекомендуется делать это против всей фирмы сразу.

Теперь развод был неминуем.

Я сумела все объяснить Уильяму, и он понял.

Но теперь меня пугал не сам развод, а возможность простого физического устранения. Никому не позволено безнаказанно выступать против системы. Я осознала это только тогда, когда уже выступила.

Мужчины

Надо бы назвать «мои мужчины», я не намерена рассуждать обо всех мужчинах мира.

Но не стоит думать, что речь пойдет только о любовниках. В моей жизни, как и в жизни любой женщины, немало мужчин, с которыми связывают и просто дружба или вражда, родственные отношения, деловые, поклонение и благоговение.

Удивительно, но долгое время вокруг меня были мужчины, если так можно сказать, подкаблучники.

Дедушку я почти не знала, седьмой граф Спенсер был строг и даже жесток в обращении, не ставя свою жену Синтию ни во что. Зато остальные были противоположностью, даже обладая собственным крутым характером, как принц Филипп, они все равно вынуждены подчиняться собственной супруге.

Подчинялся женам отец, что с мамой, что с Рейн он был ведомым. Послушен женщинам Чарльз, об этом и упоминать не стоило бы. Послушен и мой брат Чарльз…

А где же сильные мужчины из романов Барбары Картленд, способные все решать сами, брать ответственность на себя, за широкими спинами которых могут спрятаться от жизненных невзгод хрупкие женщины? Те, что не предадут, не обманут, не солгут… Или писательница просто ошиблась?

В моей жизни появился и такой мужчина, но я оказалась не нужна и ему тоже!

Конечно, первым был отец. Папу я любила очень, он нас тоже любил, как бы я ни злилась на него из-за развода и особенно мачехи.

Я считалась папиной дочкой, но это скорее после ухода мамы. Раньше мы все трое были папиными дочками, а маленький Чарльз – папиным сынком. Папа был хорошим отцом, он очень заботился о нас, только он не догадывался, что, кроме устроения детских праздников и всякой всячины, нужны еще и ласка, и простая душевная беседа.

Он не был скуп на ласку, он просто не знал, что эмоции нужно выражать.

А праздники у нас и правда были великолепными, на них собирались дети из всех поместий графства, шумные посиделки с угощениями сменялись веселыми играми, к нам приезжал зоопарк, резвились клоуны… Даже маленьким Уильяму и Гарри их дед устроил такой праздник. Все дети получили большие кошельки с шоколадными монетами и важно отправились

«покупать» себе всякую всячину в нарочно поставленных по всему парку Элторпа киосках. Гарри был еще слишком мал, он не понял, в чем дело, и несколько своих «монеток» просто съел. Пришлось ссужать внука дополнительными шоколадными средствами.

Папа очень любил все фотографировать и снимать на камеру. Благодаря этому наши детские забавы во многом остались в памяти.

Так было до тех пор, пока не ушла мама. Еще неизвестно, на кого больше повлияла трагедия развода, иногда мне кажется, что на папу. Его бросила женщина, которую он так любил! Джон Спенсер был образцовым отцом-одиночкой с точки зрения соседей, Сара и Джейн уже учились не дома, а вот нас с Чарльзом папа лично каждое утро отвозил в школу и после обеда забирал. Но теперь этим все и ограничивалось, остальное было передоверено няням.

Война с нянями не отвлекала меня от отца, мне было жаль брошенного папу, и я постоянно была рядом с ним, принося чай, подавая газету, разговаривая о чем-то… Сара издевалась:

– Диана у нас папочкина дочка-утешительница!

Я не понимала, почему это плохо. Если папа скучает и грустит, должен же кто-то его утешить…

Сейчас я понимаю, что если бы попыталась так же подходить к Чарльзу, то никакая Камилла мне не была бы страшна, даже при полном отсутствии сексуального опыта я могла бы быстро найти ключик к сердцу мужа. Но я видела в Чарльзе взрослого, умного, сильного собственного защитника, к тому же знающего мир, в который я попала, с пеленок, тогда как я сама там новичок. Мне и в голову не приходило пожалеть Чарльза, ведь принцы из романов Барбары Картленд не нуждались в защите.

Кроме того, у папы быстро нашлась другая утешительница, мгновенно вытеснившая всех нас, в том числе и меня, из его сердца, из его мыслей, из его жизни!

Вскоре после того, как мы после смерти дедушки перебрались в Элторп, папа умудрился влюбиться в Рейн. Сразу два категорически не подходивших нам обстоятельства – роскошный, огромный, в 121 комнату замок, при этом плохо отапливаемый и очень неудобный, и мачеха, шумная, активная, с ярко-красными ногтями, вечно постукивающими по столу, с выдумками, ставившими нас в тупик, с бравурной речью…

Хуже не придумаешь – отдать Элторп на разграбление Рейн. Да, конечно, она добилась, чтобы провели нормальное отопление, в двадцатом веке обходиться каминами как-то не современно. Но

ради получения средств Рейн с легкостью распродала часть коллекции Элторпа, чего мы ей так и не смогли простить.

Но главное – она подчинила себе нашего папу, и я сразу почувствовала себя совершенно одинокой. Этого я тоже не смогла простить Рейн.

Папа с восторгом подчинился женщине, во всем взявшей на себя инициативу, доверил ей и свое поместье, и своих детей, и себя. Детей она быстро отшила, мы старались приезжать домой как можно реже, Элторп сильно изуродовала и только отца сумела вытащить почти с того света.

Рейн, видно, любила папу, как и он ее. Дети редко позволяют родителям любить кого-то чужого, даже будучи обиженными на маму, мы все равно не могли согласиться с тем, что чужая женщина займет ее место. Папа на наше несогласие внимание не обратил, он женился, даже не поставив нас в известность. Узнать из газет, что у тебя появилась мачеха, – сюрприз не из самых приятных.

Не сообщил папа, видно, просто боялся нашей реакции, но обвинили мы во всем Рейн. Кто же, как не она, могла быть виновата в том, что на роскошном свадебном балу в тысячу приглашенных не было детей графа Спенсера, причем уже достаточно взрослых детей!

Папа был подкаблучник, совсем не похожий на смелых героев дамских романов. Я его все равно любила, но понимала, что мой муж должен быть не таким, он должен быть смелым, решительным, умным, настоящим принцем! Вот в этом и состояла моя беда, что я искала принца, а не возлюбленного. На мое счастье, я влюбилась в принца, на мое несчастье, принц не влюбился в меня. Так не бывает в романах Барбары Картленд, но так бывает в жизни.

О Чарльзе и моих мальчиках не стоит говорить в общем списке, о них разговор отдельно.

Принц Филипп, которого я тоже звала папой, пока имела на это право, в общем-то остался для меня загадкой. Он под стать королеве, и я не знаю, кто больше кого воспитал.

Герцогу Эдинбургскому во многом можно посочувствовать, его судьба сложилась довольно трудно в начале жизни, нелегко ему и сейчас. Всем известны трудности греческой монархии, когда семье Филиппа пришлось бежать, самому Филиппу находиться на положении бедного родственника. Я представляю, насколько это трудно для независимого, от природы сурового человека.

Он сумел прожить долгие годы на шаг позади своей царственной супруги, умудрившись при этом не уронить своего достоинства. Нелепые и часто обидные шутки принца Филиппа вовсе не со зла, а потому, что он сначала шутит по-солдатски, а потом задумывается над тем, кому адресована шутка.

Принц Филипп сумел найти свое место, найти занятия, которые позволяют ему быть на виду, помогать своей супруге и в то же время не подчеркивают его второстепенное значение. Будущая королева влюбилась в него еще в тринадцатилетнем возрасте, впервые увидев стройного, красивого морского офицера. Вся королевская родня была категорически против замужества наследницы престола с греческим принцем, который Греции и не видел, а воспитывался своими родственниками в Дании, ничего, кроме своего громкого титула, не имел, зато имел немецких родственников, что после войны означало позор.

Никто не задумывался, что принц Филипп воевал против немцев и японцев, причем весьма успешно, потому что имел боевые награды, одно упоминание о родственниках расстраивало королеву-мать, у которой на войне погибли два брата.

Но Елизавета настояла на своем и объявила, что скорее откажется от престола, чем от Филиппа. После скандала с отречением ее дяди второго такого королевская семья вынести не могла! Филипп был выбран как меньшее из двух зол. Его назвали герцогом Эдинбургским.

Когда при разводе принц Филипп попытался угрожать мне лишением титула, я фыркнула:

– Мой титул куда старше вашего, Филипп!

Это было откровенное хамство, но принц замолчал, потому что Спенсеры действительно много древнее герцогов Эдинбургских. Я потом извинилась, но герцог ненавидит меня по-настоящему.

Свадьба состоялась, герцог вынужден покинуть флот, став помощником будущей королевы. Между супругами раз и навсегда определено разделение ролей – все, что касается внешней стороны (представительство, приемы, парламент и тому подобное), прерогатива королевы, в семье хозяин герцог, причем хозяин очень жесткий.

Дети воспитывались не просто по-спартански, отец сделал все, чтобы усложнить жизнь старшему из сыновей. Сам Чарльз рассказывал мне, что его детство было ужасным из-за отца, который не имел ни малейшего снисхождения к слабостям сына. Напротив, ему казалось, что любое послабление чревато разрушением мужского характера будущего наследника престола.

Удивительно, как у такого требовательного и сурового отца

вырос настоящий книжный червь Чарльз? Его даже отправили на флот, чтобы вдохнул морской ветер и понял, что это такое! Не помогло, служил Чарльз хорошо, но куда больше морских просторов любил книги, причем по философии и психологии. Это копание в себе приводило герцога Эдинбургского в ярость, он требовал и требовал от сына мужественности, Чарльз старался, но Юнга все равно любил больше моря, а уединение больше работы в команде, даже флотской.

Чарльз по натуре одиночка, ему трудно быть с людьми, принц прекрасно чувствует себя на рыбалке, за книгой в тишине кабинета, когда слышна только музыка, в саду, даже на охоте, там, где можно скакать одному… Удивительно, как он играет в поло? Видно, сказалась любовь к лошадям.

Совсем не этого хотел герцог Эдинбургский, он всегда недоволен сыном, зато они нашли общий язык с Уильямом, деду очень импонирует увлечение внука военной историей, особенно историей морских сражений. Похоже, то, что не удалось с Чарльзом, принц Филипп получил у Уильяма, это хорошо, потому что Уильяма уже воспитывают не так, как Чарльза, у моего мальчика было нормальное детство, несмотря на все разлады между родителями, а потому ему не помешает влияние строгого деда.

У герцога Эдинбургского отношения с принцем Чарльзом разладились окончательно после глупой публикации дневников Чарльза в книге Димблби. Я слышала, что герцог пришел в неописуемую ярость, прочитав, как сын характеризует свое воспитание и отзывается о своем детстве. Обиделась и королева, она тоже считала, что дала сыну все, что только могла.

Конечно, Чарльзу не стоило этого делать, зная резкий характер отца и убеждение в правильности всех своих поступков матери, принц мог бы догадаться, что родители обидятся. Но его правдивость и умение Димблби уговаривать сыграли свою роль, все было вывернуто наизнанку и выставлено на всеобщее обозрение. Это вам не рассказы об измене Чарльза с Камиллой, это серьезней.

Чарльз тогда обидел всех – отца и мать из-за дневников, сестру Анну, братьев, меня… и даже, кажется, Камиллу, хотя та никогда не подает вида, если ее обижают.

Самый сильный и авторитетный мужчина в королевской семье принц Филипп – большой любитель красивых женщин, я это понимала и в последние годы иногда этим пользовалась, в мелочных уступках, конечно, но все же. Именно Филипп в

сердцах сказал Чарльзу, что не понимает, как можно променять красивую молодую женщину на страшную и к тому же старуху!

Но никакое его неудовольствие не заставило Чарльза расстаться с Камиллой. Притяжение ее обвислой груди оказалось сильнее…

Были ли в моей жизни мужчины, подобные Камилле в жизни Чарльза? Да, конечно, я честно призналась в этом и в книге, и в интервью Баширу. Я живая, и если в моей спальне не бывал муж, если ему все равно, как я себя чувствую, невозможно было не попытаться найти плечо, на которое можно опереться, спину, за которой можно спрятаться.

Началось все с охранника.

Однажды я поскользнулась на мокрой траве и буквально растянулась, сильно подвернув ногу. Это не удивительно, в Хайгроуве лучше ходить в резиновых сапогах, а не в туфлях. Шедший на шаг впереди муж даже не оглянулся. Я сидела и плакала не столько от боли и бессилия, сколько от обиды. Чарльз не нашел нужным даже протянуть мне руку, чтобы помочь подняться, предстояло как-то выпутываться из этого дурацкого положения. Вставать, когда скользко, нелепо барахтаясь на потеху слугам, которые наверняка уже облепили все окна, очень трудно. Я как-то справилась, но поняла, что если у мужа дурное настроение, то помощи от него ждать не стоит.

Потом нечто подобное повторилось в Ванкувере, когда я на выставке вдруг потеряла сознание, падая, только успела попросить помощи у Чарльза.

Конечно, меня подхватили, но не Чарльз, зато муж выговорил, стоило мне открыть глаза, чтобы больше не смела устраивать подобных сцен на публике!

Сама, все сама, со всем справляться должна сама, начиная от дворцового и официального этикета и подготовки к визитам и заканчивая вот таким падением на мокрой траве.

У меня нашлись помощники и в подготовке поездок, и в написании речей, и в поддержке на скользкой тропинке тоже. Одним таким плечом, на которое можно опереться в буквальном смысле этого слова, стал телохранитель Барри Мэннеки. Я в какой-то степени влюбилась в него, в его надежность, его готовность помочь, поддержать, защитить. Понимаю, что это его работа, но ведь и муж тоже обязан помогать и поддерживать, а Чарльз об этом не задумывался.

Принцу проще съездить и купить какой-то подарок, чем лишний раз обратить внимание на то, устала ли я, не нужна ли мне помощь… Это не черствость, Чарльз просто привык жить,

понимая, что все вокруг делается либо для него, либо помимо него. Если его попросить, то поможет, но сам предложит что-то только своим бабушке и матери:

– Бабушка, ты хочешь чаю? Мама, тебе подать чашку?

Это ритуал, это положено. Конечно, принц подаст руку, если вы выходите откуда-то, придержит дверь, он же джентльмен все же. Но сомневаюсь, чтобы при этом он видел самих людей.

При такой жизни поневоле захочется, чтобы тебя кто-то поддерживал крепкой рукой…

Когда я слышу россказни о своей интимной близости с Барри, мне хочется рассмеяться. Самое удивительное – об этом судачат те, кто прекрасно понимает, что такое невозможно.

Королевские дворцы просто напичканы камерами наблюдения, подслушивающей аппаратурой, датчиками движения. Это необходимо для охраны, для безопасности, но сколько же создает неудобств!

Где принцесса Уэльская могла принять любовника, кем бы тот ни был? Под видеокамерами? Или в спальне, куда в любую минуту могут войти, где каждый дюйм прекрасно известен горничной и та помнит, как расположила подушку, а значит, поймет, что я ее передвигала?

Говорить об обслуживающем персонале вообще не стоит, супруга Барри могла не беспокоиться, принцесса – самая безопасная из влюбленных, а Кенсингтонский (тем более Букингемский!) дворец – самое надежное место для охраны невинности ее супруга со стороны королевской фамилии. Нужно быть принцессой Анной, чтобы решиться на связь с собственным телохранителем, но только не принцессой Дианой, которой такого не простят никогда.

Да, я была влюблена в Барри, по-своему, конечно. И Уильям с Гарри тоже. Это не мешало ни мальчикам, ни мне любить Чарльза.

С Барри надежно, рядом с ним живешь точно за каменной стеной. Понимаете, когда ты столько лет существуешь в обстановке полного безразличия, когда даже собственному супругу, отцу своих детей, не нужна, после того, как посидишь на мокрой траве после падения (я поскользнулась), а муж даже не подаст руку, чтобы помочь подняться, очень захочется, чтобы рядом был тот, кто эту руку подаст. Когда я, поскользнувшись, плюхнулась на мокрую траву, то плакала вовсе не из-за боли от ушиба, хотя была и она, а оттого, что Чарльз даже не обернулся. Он пошел дальше, оставив меня сидеть в слезах!

Никогда и ни в чем муж не защищал меня, никогда! Конечно, Барри не мог защитить меня перед журналистами или перед королевской семьей, но уж руку-то подал бы.

Знаете, каково это – вдруг почувствовать рядом сильное плечо и увидеть протянутую руку. Барри доброжелателен и надежен, рядом с ним так спокойно, это почувствовали и мальчики тоже. Я испытывала просто блаженство, в том числе и потому, что он смотрел на меня почти с обожанием. Ничуть не сомневаюсь, что сыграло свою роль мое положение принцессы, а также любовь к моему образу, царившая за пределами дворца.

Барри один из очень немногих, кто эту любовь перенес через ограду внутрь.

И в этом тоже было свое очарование. Мэннеки перевели в мой штат, кажется, в апреле 1985 года. Я сразу почувствовала, что с этим человеком можно быть почти откровенной, что он защитит, в том числе и от меня самой, а это, пожалуй, было еще важнее. Он доброжелателен, с прекрасным чувством юмора, не раболепствовал и не давал понять, что я случайно затесалась в королевскую семью. Барри принимал меня не столько как члена королевской семьи, хотя, безусловно, это всегда стояло между нами, сколько как женщину, которой нужна защита.

Он был в меня влюблен, причем именно как в красивую женщину. Но Мэннеки никогда бы не сделал того самого последнего шага, даже если бы я позвала! Нет!

Между нами были отношения много теплее чисто профессиональных, но между мимолетным поцелуем и постелью такая же разница, как между журчанием тонкого ручейка и морским штормом. Можно возразить, что мысленная измена тоже измена. Тогда что говорить об изменах моего мужа, которые были всякими – и мысленными, и физическими с первого до последнего дня нашего брака?!

А теперь представьте себе двадцатичетырехлетнюю красивую женщину, которой снаружи дворца восхищаются миллионы, о которой взахлеб пишут газеты и которая совершенно не нужна своему мужу, ненавистна родственникам и живет среди сплошного предательства слуг. Я знала, что каждая моя оплошность будет не просто подмечена, а подчеркнута, обсуждена, растиражирована… Да, это не выйдет за пределы дворца, но ведь я-то во дворце! Я боролась между желанием забиться в норку, уползти в щель (что очень устроило бы моих королевских родственников!) и, наоборот, выйти под свет камер и софитов и доказать, что я сама чего-то стою.

Но это так страшно – делать хоть малейший шаг без поддержки даже самой обыкновенной в виде поданной вовремя

руки. После того идиотского падения на мокрой траве я страшно боялась даже наступить на газон после дождя. Представляла себе, как растянусь у всех на виду, а Чарльз снова не обернется, чтобы помочь.

И вдруг эта рука, это плечо оказалось рядом.

– Барри, вы не могли бы подать мне руку, здесь скользко?

– Да, конечно, Ваше Высочество, извините, что не сообразил сразу.

Рука сильная, крепкая, Мэннеки внимателен. Он всегда внимателен, я понимала, что это из-за должностных обязанностей, он мой защитник, а значит, должен быть внимателен. Но разве муж не должен?

Заклинаю всех мужей мира: если вы хотите, чтобы вас любили и уважали жены, не забывайте, что главные их защитники – это вы сами! Тогда не понадобятся отзывчивые телохранители.

Для меня супруг не был защитником ни в малейшей степени, удивительно ли, что меня эмоционально потянуло к Барри?

– Ваше Высочество, вы прекрасно выглядите!

– Спасибо, Барри, мне приятно.

Глупо благодарить за комплимент, тем более того, кому по должности положено быть от тебя в восторге? Но я по глазам видела, что ему действительно нравится мой внешний вид, а комплименты себе пока слышала только от журналистов.

Вы понимаете, как много значит для красивой молодой женщины, давно не слышавшей ни единого слова одобрения от окружающих (не считать же таковыми фальшивые вздохи горничной, которой я не верила ни в малейшей степени: «Ах, как вам идет этот костюм!»), откровенное восхищение в глазах сильного мужчины? Он телохранитель? Но ведь от этого он не стал менее мужественным или умным.

Барри не говорил рафинированными пустыми фразами, он не прятал свое отношение за усмешкой, не смеялся надо мной за глаза. Я нравилась Мэннеки и видела это по его глазам! В конце концов, я ведь не собиралась бросать мужа или наставлять ему рога, что дурного в том, чтобы лишний раз услышать комплимент или увидеть чье-то восхищение не в толпе, когда во всеобщем восторге стирается каждый отдельный, а глаза в глаза?

Я похвалила кашемировый свитер Барри за мягкость, и он накупил себе еще кучу. Но кашемир и правда приятен на ощупь, все же, подавая ему руку, я иногда прикасалась к рукаву. О пиджаке говорить нечего, они у всех одинаковы, а рукав свитера приятен. Боже, какая поднялась волна: Мэннеки в угоду принцессе вырядился в кашемир!

И я вдруг увидела то, что повергло меня в шок: Барри

испугался! Мой сильный, казалось, нерушимый телохранитель испугался за свое место. Позже я поняла, что страхи Мэннеки вовсе не были беспочвенны, бояться следовало не только за место, но и за собственную жизнь. Барри убрали сначала от меня, потом из дворца, а потом и вовсе с этого света. И никто не убедит меня, что автокатастрофа не была подстроена!

А тогда я, поняв, что даже мой телохранитель избегает оставаться со мной наедине, например, в гостиной, принялась, напротив, вызывать такие ситуации. Я выходила или выезжала на прогулки, чтобы он оказывался рядом, Барри отказывался садиться на заднее сиденье рядом со мной, во время пеших прогулок все чаще шел на шаг позади… Хотелось крикнуть:

– Я что, прокаженная?!

Чем больше Мэннеки избегал, тем больше мне хотелось доказать всем, и ему тоже, что я ничего не боюсь. Я-то не боялась, а вот он… Иногда с ужасом думаю, что, называя Барри «мой парень», я подписала Мэннеки смертный приговор.

Нас совсем нетрудно было застать вместе, Кенсингтонский дворец такая же клетка, как и Букингемский. Мы были вместе, нет, не в постели и даже не в обнимку, он просто снял пиджак, потому что в гостиной жарко, а я смеялась! По тому, как вытянулось лицо Барри, я поняла, что больше его не увижу.

Дурные предчувствия никогда меня не обманывали. Барри перевели в батальон охраны дипломатического корпуса, а немного погодя в их мотоцикл на огромной скорости врезалась машина, за рулем которой была семнадцатилетняя девчонка. Мэннеки погиб на месте. Девчонку обвинили в превышении скорости и выезде на главную дорогу, но пришло ли кому-нибудь в голову проверить исправность тормозов в ее машине?

Он тоже боялся за свою жизнь, мы оба чувствовали, что с ним расправятся.

Не менее ужасным было то, как я узнала об этом.

Это было в машине, мы с принцем ехали в аэропорт, я как всегда нервничала перед появлением перед толпой и множеством журналистов. И вдруг Чарльз с ехидной усмешкой поведал мне, что Мэннеки попал в автокатастрофу! Муж знал об этом давно, но сообщил в самый неподходящий момент, он просто издевался надо мной! Чарльзу было приятно наблюдать за моими страданиями. Мало того, Чарльз знал, что мы давным-давно не виделись с Барри, что все прошло, можно бы и вообще промолчать, но принцу доставило удовольствие наблюдать мои попытки сдержать слезы.

Я сумела взять себя в руки, он не увидел, как я плачу! И в Каннах, куда мы летели, я тоже играла в счастье, поддерживаемая

одной мыслью: не дать Чарльзу повода злорадствовать. Он не понимал, что убивает меня не только самим сообщением, но и своим злорадством. Жестокость мужа вызывала желание ответить тем же.

У меня действительно было два выхода – либо тихо жить в Кенсингтонском дворце, держась в тени и на два шага позади своего супруга, либо заявить о себе, уже ничего не боясь! Я, красивая молодая женщина, была не нужна своему мужу, но на меня обращали внимание другие, и мне хотелось этого внимания. Если Чарльз не видит, что его супруга хороша, куда красивее ротвейлерши, то пусть это заметят все вокруг.

Было ли желание заставить Чарльза ревновать? Наверное, не столько ревновать, сколько заставить понять, что я не серая мышка! К этому времени в моей жизни уже появился Джеймс Хьюитт, и я почувствовала себе цену.

Писать о Хьюитте очень трудно и очень легко одновременно. Трудно потому, что наши отношения закончились не слишком красиво, я прекрасно понимаю, что Хьюитт еще себя покажет и мне придется платить очень высокую цену. Легко, потому что именно с ним я поняла, что я женщина, красивая женщина, женщина, которая может нравиться не потому – что принцесса, а потому – что хороша, что я сексуальна, притягательна, что могу быть по-женски счастлива.

Эти строчки неприятно читать моим сыновьям, но они их и не прочтут. Именно с Джеймсом я поняла, что я женщина вообще. Можно родить двоих сыновей, но понимать, что муж спит с тобой только из обязанности перед престолом.

Ко времени встречи с Хьюиттом я уже хорошо знала об отношениях Чарльза с Камиллой, со мной он вообще перестал спать. Визит к супруге в спальню раз в три недели нельзя назвать нормальной сексуальной жизнью. Муж с удовольствием заменял меня Камиллой, а что делать мне? Мне было двадцать пять, я родила двоих сыновей и была в расцвете сил, вернее, могла бы быть.

Когда я смотрю свои фотографии до того периода, то ужасаюсь – тощая, с вымученной улыбкой, ни на что не годная… А еще платья. Они почему-то с большими пышными рукавами. Почему мне никто не подсказал, что это нелепо, уже не модно, что оборки только подчеркивают мою худобу?

Но после рождения Гарри я вдруг начала чувствовать свою женскую привлекательность. Один танец с Джоном Траволтой в Белом доме чего стоит! Я почувствовала, что могу нравиться, и то, что меня не замечает собственный муж, ничего не значит,

просто в его вкусе лошадиные челюсти и грубый, прокуренный голос.

Но одно дело, когда тобой восхищаются на приемах, где видят только красивый фасад, и совсем другое, когда глаза в глаза.

Хьюитт был красив как молодой бог. Рослый, подтянутый, хорошо воспитанный, чтобы не допустить промахов, и сердечный. Он никогда не сделал бы ко мне шага, боясь, как Барри Мэннеки, потерять свое место, первый шаг сделала я сама. Моя ревность к Камилле никуда не делась, но не она была причиной сближения с Джеймсом, что бы позже ни твердили. Нет, я не мстила, мне просто хотелось тепла и ласки. Это могут понять женщины, вынужденные обходиться без мужчин, живя в их окружении. Вокруг крутились и завихрялись романы, а у меня была скучнейшая королевская семья и скучный муж, любящий некрасивую старуху.

Я до сих пор поражаюсь, почему ни Чарльз, никто другой не стал препятствовать развитию нашего с Хьюиттом романа. Это было несложно сделать. Мне кажется, Чарльз даже испытал облегчение, ведь теперь нелюбимая жена не требовала от него исполнения супружеского долга, и он мог спокойно исполнять долг любовника.

А еще у меня прекратились приступы булимии! Я всегда понимала, что эти приступы только из-за невнимания, из-за того, что меня не любят, так было в детстве после развода родителей, так продолжалось и после замужества. Чаще всего я мучилась в нелюбимом Балморале, где было хорошо всем, кроме меня.

Поэтому Джеймс Хьюитт стал для меня просто спасательным кругом. Появление у меня Джеймса почти совпало с воцарением в Букингемском дворце беспокойной Ферджи, заставившей даже королеву учитывать ее сумасшедший темперамент.

Это тоже сыграло роль в появлении у меня любовника. Ферджи жила под девизом «К чертям, что обо мне думают!», это сильно повлияло на меня, вынужденную на каждом шагу оглядываться и пытаться предугадать, как поступить, чтобы не вызвать неудовольствия. Причем чем больше я старалась, тем больше именно это неудовольствие и вызывала.

Сара Фергюссон прекрасно ездила верхом, остальные тоже. Я же, в детстве упав с лошади и сломав руку, навсегда запомнила этот страх и боялась даже подходить к красивым и умным животным. Мне требовалось научиться хорошо держаться в седле, пусть не участвовать в скачках, как принцесса Анна, и не охотиться, как наша ротвейлерша, но хотя бы не сидеть, судорожно уцепившись руками за луку и боясь сделать лишнее

движение, чтобы снова не вылететь на землю.

Хьюитт мог помочь, он великолепно держался в седле сам и был прекрасным инструктором.

Недавно я попыталась понять, почему ни Чарльз, никто другой не сделали даже попытки помешать нашим встречам с Джеймсом, а ведь прекратить их было легко. Не ради того же, чтобы я научилась ездить верхом? Барри Мэннеки от меня убрали быстро и жестоко, а вот Хьюитта терпели. Может, это было планом королевской семьи? Пусть девочка потешится, только бы не мешала жить своей жизнью?

Когда меня поддерживают и хотя бы немного хвалят, я могу творить чудеса. Под восхищенным взглядом капитана Хьюитта я легко освоила в верховой езде то, что меня всегда пугало, я перестала бояться лошадей! Мне понравилось за городом, я полюбила скакать, стрелять, кричать от восторга!

Случилось то, чего никак не мог добиться от меня Чарльз, – я полюбила сельскую жизнь.

К сожалению, это никак не изменило наших с Чарльзом отношений, даже в бриджах и в седле я не была интересна своему супругу, у него была ротвейлерша.

Но теперь меня это беспокоило куда меньше, у меня был Джеймс Хьюитт. Тогда еще все было хорошо, Джеймс очень понравился моим мальчикам, он тоже помогал им освоиться в седле, немало возился с ними в Хайгроуве, привозя с собой и своего черного лабрадора. Они с визгом носились по газонам или устраивали вместе с нашим телохранителем Уорфом бои подушками. Это было так весело!

Я ожила, меня перестала мучить булимия, после стольких лет непрерывных приступов вдруг почувствовать успокоение… Из неуверенной, мятущейся от ненужности, замученной приступами булимии несчастной особы я быстро превратилась в цветущую, почти роскошную блондинку, с прекрасной фигурой (массаж, диета и упражнения), уверенную в своих силах и своей привлекательности.

С появлением Хьюитта решилось столько моих проблем, что я просто обожала его. Красивый, сильный, всегда готовый помочь и подставить плечо, он был не только отменным инструктором по верховой езде, но и опытным любовником. С ним я поняла, что ничего о физической любви не знала.

Теперь я была опытной любовницей, но моему мужу было все равно, всякие отношения между нами в спальне давно прекращены. Что ж, оставалось обходиться без мужа…

Мы часто ездили к матери Джеймса, проводя у нее иногда по

целому дню. Казалось, рядом появился тот самый мужчина из романов Барбары Картленд, который готов не только любить, но и защитить. Я была готова поверить, что принцы на белом коне вовсе не обязательно принцы по рождению, они бывают и простыми капитанами тоже.

Я забыла обо всем, была влюблена и откровенно счастлива. Все было так хорошо…

Мы даже задумывались над возможностью моего развода и последующей свадьбы.

Потом его отправили сначала в Германию, а оттуда в Персидский залив воевать. Я была восхищена своим храбрым воином, писала восторженные письма, полные любви и поддержки. А потом узнала, что он этими письмами хвастает перед сослуживцами. И о моих хитрых посылках тоже рассказывает…

Но самый большой удар меня ожидал впереди.

Осознав, что письма, которые есть у Хьюитта, могут доставить мне немало хлопот из-за его хвастовства, я попросила их вернуть. И лишний раз убедилась, что доверять нельзя никому. Хьюитт пожелал получить за них… 250 000 фунтов. Пришлось согласиться, но когда я уже была готова вылететь в Испанию для передачи денег в обмен на письма (хотя понимала, что он вполне мог сделать копии, скорее надеялась отдать деньги и просто посмотреть в глаза), Хьюитт передумал. Это означало только то, что он нашел более щедрый источник оплаты.

К сожалению, я была права – Джеймс Хьюитт, который клялся мне в любви и верности, продал все мои письма и многое наговорил журналистке и писательнице Анне Пастернак, племяннице известного писателя! Анна быстро написала книгу «Влюбленная принцесса», в которой подробно изложила весь наш с Джеймсом роман.

Не знаю, осознал ли, осознает ли когда-нибудь Джеймс Хьюитт то, какую он совершил подлость? Даже журналистов, не привыкших смущаться ничему, покоробил этот поступок. Хьюитта прозвали «Любовник-Крыса». Что ж, очень похоже.

Книга вышла, правда, не имела ни того успеха, на который рассчитывали ее создатели, ни того резонанса. Британия уже и так знала о Джеймсе Хьюитте и его предательстве, по-моему, даже дивидендов, на которые рассчитывали, тоже не получили. Предательство всегда оплачивалось презрением и фальшивым золотом.

Мои чувства, моя вера в людей были растоптаны, но, к моему собственному удивлению, уверенность в себе осталась. За это все

же спасибо Хьюитту – он разбудил во мне меня, разрушил мой собственный кокон комплексов неуверенности и никчемности, он словно поцеловал Спящую красавицу, и я проснулась. Но Хьюитт все равно предатель, и полученные им деньги впрок не пойдут. Зло всегда бывает наказано, а такое тем более.

Удивительно, но следующими мужчинами у меня стали мусульмане. Не думаю, чтобы вера играла здесь роль, просто мужчина-мусульманин относится к женщине несколько иначе. С одной стороны, как хозяин, с другой – как слуга, вернее, защитник. А если этот мужчина умен и хорош собой, получается весьма привлекательный образ.

Сначала встреча с Хаснат Ханом. Если бы он появился в моей жизни раньше, скольких ошибок я смогла бы избежать!

Мы встретились осенью 1995 года. «Встретились» – неверно сказано, я просто повисла у него на шее. Смешно? Да, особенно если вспомнить, что я высокая, а Хаснат нормального роста. Но я повисла. А он? Хаснат постарался освободиться, такая ноша была либо ему не нужна, либо не под силу.

В последний день августа моя приятельница Уна позвонила, рыдая в трубку, потому что у ее мужа вдруг обнаружились проблемы после сердечного шунтирования. Все наладилось, но она так боялась за Джозефа, что едва могла говорить. Я принялась успокаивать, как умела, обещала обязательно с утра навестить Джозефа в Королевской больнице Бромптон.

Вот там и состоялось наше знакомство. Хаснат Хан был помощником профессора Махди Якуба, который проводил операцию Джозефу. Потом оказалось, что дядя Хасната Джавад Хан когда-то оперировал нашего отца, когда тот перенес обширный инсульт. Именно Джавад Хан способствовал тому, что отец дожил до 1992 года и сумел, хотя и с трудом, отвести меня к алтарю.

Я хорошо понимала переживания Уны, потому что помнила наши с Сарой ежедневные посещения Королевской больницы и свое благоговение перед людьми в белых халатах, держащих в руках человеческие сердца во время операций. Они все были окружены таинственным ореолом и казались небожителями.

Тем более Хаснат Хан просто не обратил внимания на мой титул «принцесса Уэльская», для него в палатах были пациенты и их родственники, а принцессы или трубочисты – все равно. Я не обиделась, нет, просто это добавило красок в образ врача, и без того имевшего внешность молодого Омара Шарифа. Чтобы видеть Хасната каждый день, я была согласна ухаживать не только за Джозефом, но и за всеми пациентами кардиологического центра!

Оказалось достаточно Джозефа Троффоло. Я приходила каждый день, и не заметить меня Хаснат просто не мог. Поражал его взгляд – добрый и все понимающий. Хаснат получил прозвище Мистер Великолепный.

Думаю, он и этого не заметил. Как может замечать такую мелочь, как влюбленная принцесса, человек, у которого обувь забрызгана кровью, потому что он только что с операции. Я была потрясена.

– Пол, мне нужны какие-нибудь книги по кардиологии. Для начала лучше попроще.

Бедный Баррелл широко раскрыл глаза.

– Зачем?

– Хочу знать, что такое сердце и как на нем проводят операции.

Конечно, Баррелл не скоро понял, что это из-за моего увлечения доктором, а не болезни бедного Джозефа.

Атлас по анатомии оказался весьма занятной книгой, куда интересней философствований Лоуренса Ван дер Поста. О, если бы я увидела это раньше!.. Сколько же я в жизни пропустила! Заниматься ерундой, когда у людей есть такое важное дело!

Мне казалось, что, получи я возможность вернуться на десять лет назад, непременно стала бы медицинской сестрой, лучше операционной. Из меня вышла бы хорошая сестра или сиделка, я всегда чувствовала людские страдания и умела помогать самим присутствием и прикосновением.

– Хаснат, я могу посетить операционную?

Я боялась, что он фыркнет, скажет что-нибудь о неуместности присутствия в операционной любопытных, о том, что принцессе особенно там нечего делать… Хан спокойно пожал плечами:

– Если у вас хватит на это смелости.

Доктор Махди Якуб согласился допустить меня на операцию на открытом сердце мальчика, которого доставили при поддержке благотворительного фонда «Цепь надежды». Телевизионщики, прослышав, что принцесса намерена присутствовать на операции, пришли в бурный восторг! Мне кажется, о бедном мальчике едва не забыли, так «Sky TV» готовилось запечатлеть обморок принцессы Дианы.

Хаснат приставил ко мне двух сестер покрепче, чтобы вовремя успели сунуть под нос ватку с нашатырным спиртом и поддержать, когда начну падать. Попросили не делать никаких движений, ничего не произносить, не задавать вопросов, только смотреть.

Я молчала, не издала ни звука, не упала в обморок, правда, мои полные ужаса глаза показала, кажется, половина телеканалов

мира. Но это правда потрясающе, когда хирург держит в руках живое сердце, когда вырезает закупоренные артерии и вшивает новые, а потом это сердце начинает биться прямо в его руке!

До самой операции я изучила о ней все, что только можно, потому понимала, что именно происходит. Кроме самого открытого сердца, меня поразила немногословность оперировавших, их взаимопонимание, когда каждый знает, что делать, и выполняет свою работу четко и красиво. Да, мне показалось, что среди крови, среди всего ужаса открытой грудной клетки ребенка была красота профессионализма движений рук хирургов.

Я ловила на себе тревожные взгляды Хасната и пыталась улыбнуться глазами, мол, все в порядке, но он тут же отводил свои, ему не до меня.

Журналисты спросили у меня, было ли страшно. Конечно, было, ведь в руках хирургов была жизнь человека!

Можно понять мои собственные чувства к Хаснату, который вот на таких операциях присутствовал часто. Как же он далек от всех этих игр в поло, от мелких интриг двора, от Камиллы с ее челюстью ротвейлера и даже от Чарльза. Нет, Чарльз не перестал существовать, но он вдруг отодвинулся куда-то за спину Хаснат Хана.

Мальчики от моего присутствия на операции были в восторге! Особенно кипятился Гарри, рассказывая, как его одноклассники обсуждали, какая у него храбрая мама.

– А зачем ты туда пошла? А кто тебя пустил? А нам можно?

– Пошла, чтобы живьем посмотреть операцию, это совсем не то, что мы видим на картинках. Туда пускают всех, только делать этого не стоит.

– Всех-всех?

– Нет, конечно. Но меня пустили. У меня есть знакомый кардиохирург.

Хаснат Хан понравился моим мальчикам очень, Уильям сразу почувствовал в нем настоящий стержень и проникся уважением. Для Гарри один мой рассказ о заляпанной кровью пациентов обуви решил вопрос симпатии:

– Ух ты!

И, наверное, мои рассказы о том, как доктор сосредоточен во время операции, как он готов всего себя отдать любимому делу, что для Хасната важнее всего помощь людям, спасение их жизней… все это помогло Уильяму и Гарри почувствовать к Хану настоящую привязанность.

Я сама была просто счастлива. Рядом оказался человек, в котором воплощалось все, что мне нужно: он надежен, занят

серьезным делом, а не созданием имиджа, заботился о людях, но главное, он видел во мне меня, а не принцессу Уэльскую. Хаснату было совершенно наплевать на мой статус, кроме одного: он категорически отказался от встреч, пока не оформлен развод! После многих лет жизни в браке втроем, нижнего белья любовницы в кармане пиджака у мужа, возмущения, что я недовольна наличием любовницы вообще, неженатый, свободный мужчина не желал прикоснуться ко мне только потому, что я не свободна…

Почти год я была паинькой, почти год!

Иногда я ездила на его холостяцкую квартиру. Мыла посуду, пылесосила, делала уборку, гладила рубашки, все раскладывала по полочкам, любовно наводя порядок и прекрасно понимая, что это ненадолго, порядок Хаснат ценил только в операционной. Это так напоминало мне молодость, когда приходилось все делать самой не только у себя, но и у сестры.

Нормальной женской домашней работы я была совершенно лишена в Кенсингтонском дворце и в Хайгроуве. Если бы только Чарльз услышал о том удовольствии, которое я получала, приводя в порядок квартирку Хана, он посмеялся бы от души:

– Конечно, тебя всегда тянуло стать горничной, а не леди.

Принц не понимает, что вполне можно быть леди и любить наводить чистоту. В этом мне нравилась «железная леди» Маргарет Тэтчер, которая даже ремонт в доме делала сама! Неужели лучше, как Камилла, ждать, когда горничная сменит постель или выбросит грязное белье в стирку? Или лучше, когда все диванные подушки в собачьей шерсти, которая прилипает к одежде? Прислуга не заметила или поленилась? Можно взять пылесос и пройтись самой…

Нет, леди Камилла предпочтет сидеть на грязном диване или вешать в шкаф грязную одежду, а потом судорожно искать то, что еще как-то можно надеть, но не приложит собственных рук. Я очень надеюсь, что моим сыновьям не достанутся вот такие бездельницы.

Хаснат принимал принцессу в качестве горничной вполне спокойно, иногда даже ворчал, что я слишком вылизала его берлогу и теперь ничего не найти…

Он категорически не желал никакой известности, не желал принимать подарки, отговариваясь тем, что все необходимое способен купить сам. Я понимала гордого доктора, конечно, возможностей у принцессы, даже разведенной, куда больше, чем у хирурга.

Я была счастлива, потому что вдруг обрела покой! Наконец-то в моей жизни появился мужчина, рядом с которым не нужно

было судорожно вспоминать правила поведения в королевской семье, не нужно соответствовать, делать вид, что любишь то, что на самом деле ненавидишь, и восхищаться тем, что тебе давно противно. Не нужно лгать и выглядеть иной, чем ты есть. Рядом с Хаснатом я могла быть сама собой, и он любил меня такую, какая я есть, со всеми недостатками характера и образования.

Я не скрывала, что необразованна, но Хан только пожимал плечами:

– То, что тебе интересно или нужно, всегда можно прочитать. Другое дело, если бы ты работала по какой-то специальности, тогда нужно действительно обучаться.

Он был прав, я умела только помогать людям, переживать за них, заботиться о них. Для этого не нужно специальное образование, нужно только сердце, а оно у меня всегда было. И я была счастлива!

Это заметили многие, правда, решили, что это из-за развода. Мне говорили, что я никогда не выглядела так хорошо, но только теперь иначе, чем в бытность замужем за принцем.

Но это же замечательно, я хоть и осталась принцессой, стала совсем другой. Мне стали почти безразличны многие вещи, о потере которых совсем недавно я бы горевала. Никто не понял, почему я вдруг согласилась с разводом и утратой права называться «королевским высочеством», за что столько времени боролась. Развод мне был необходим для свободы, а «высочество» стало столь неважно, что я едва не рассмеялась, когда королева объявила, что не оставит мне этот титул.

Уильям решил успокоить:

– Стану королем и верну тебе это право.

Мальчик мой, спасибо! Я буду ждать. Прежде всего того, когда ты станешь королем. Уильям будет фантастическим королем, я не устаю об этом повторять. А я буду самой счастливой матерью короля!

Дочь моих знакомых Аннабел и Джимми Голдсмит Джемайма вышла замуж за игрока в крикет пакистанца Имрана Хана. С кем, как не с ней, я могла обсудить, каково это – быть замужем за мусульманином, да еще и пакистанцем?

Мы с Чарльзом уже давно жили врозь – я в Кенсингтонском дворце, он в Хайгроуве с Камиллой. Уже шла процедура развода, потому мне никто не мешал отправиться в Пакистан.

Я поехала знакомиться с семьей Хасната, а также с жизнью самого Пакистана, участвовать в открытии нового онкологического центра. Я так надеялась, что меня там поймут и

пригласят остаться…

Развод

У Чарльза были приятели, которые с самого начала выступали против нашего брака, мотивируя это разностью интеллектуальных интересов и разницей в возрасте, предсказывали, что брак безусловно обречен.

Они были правы, но дело не в разнице интересов или возрасте, просто Чарльз всегда, с самого начала любил другую и не намеревался с этим чувством бороться. Давая клятву в церкви, он не собирался ее выполнять. Наш брак действительно был обречен.

Хотя мы могли бы спокойно прожить рядом всю жизнь, как жила моя бабушка Рут Фермой, полагая, что супружеские измены – это всего лишь досадная слабость мужчины. Или как жили Паркер-Боулзы в свободном браке, когда каждый изменял сколько хотел, только «соблюдая приличия». Так живут многие пары, старательно закрывая глаза на взаимные измены.

Чарльз полагал, что и мы будем жить так же. Камиллу вполне устраивала «серая мышка» в качестве супруги ее любовника.

Но я была не согласна с такой жизнью, я влюбилась в Чарльза и желала быть ему настоящей женой, любовницей и другом. До друга, конечно, далеко, но вот женой, любовницей и матерью его детей я вполне могла стать. Получилось только последнее. В качестве любовницы неопытная девушка ему не была интересна, жена, которой уделяют куда больше внимания, чем ему самому, тоже.

Чем больше я старалась понравиться всем, тем меньше нравилась мужу, он не просто перестал бывать в моей спальне, но и всячески унижал меня в присутствии многих. Слышавшие его безобразный крик на меня обычно делали вид, что оглохли или не понимают по-английски.

Да, я откровенно переигрывала своего супруга во всеобщей любви, за это он лишил меня любви собственной. Чем больше меня хвалили в газетах, чем чаще фотографировали, чем большими были мои успехи в благотворительной деятельности, тем хуже относился ко мне муж. Вместо того чтобы объединить усилия и вместе приносить пользу, мы словно пошли разными путями.

Я участвовала в открытии новых больничных корпусов, собирала деньги на строительство больниц, проводила время в центре для бездомных, пожимала руки больным СПИДом, чтобы все поняли, что эти люди, особенно дети, не должны стать изгоями (от СПИДа умер бывший камердинер Чарльза Стивен

Барри, но принц не нашел нужным вообще вспоминать об этом, не говоря уже о поддержке)… Чарльз в это же время путешествовал с Ван дер Постом по Калахари, объясняя это стремлением побыть в одиночестве и подумать, потом он был на Внешних Гебридах и снова в одиночестве…

А потом злился, что мои фотографии появляются в газетах чаще, чем его! Кому интересен бродящий в одиночестве принц, которого беспокоит непонятно что, заумные идеи Ван дер Поста?

Чарльза раздражало во мне уже все. Когда он сломал руку, упав с лошади, то даже прогнал от себя из госпиталя, запретив ухаживать за собой. Это случилось в мой собственный день рождения. Весело, не правда ли?

Зато Камиллу в качестве сиделки допустили.

Так не могло продолжаться бесконечно. В конце концов, я тоже уже знала себе цену.

Я решила дать бой ротвейлерше, для чего отправилась на прием в честь сорокалетия ее сестры вместе с Чарльзом, чего тот уж никак не ожидал. Обычно мы ездили всюду врозь, и уж на праздник с участием сестры Камиллы Аннабель Элиот я попасть никак не была должна, хотя приглашение пришло для обоих.

Чарльз был просто взбешен, он всю дорогу терзал меня укорами в том, что я поехала.

– Но почему, ведь я же тоже приглашена? Я плохо выгляжу? Или помешаю твоей любовнице?

Я с трудом справилась и не вернулась обратно, решив довести дело до конца. По реакции Чарльза было понятно, что я права, там действительно будет присутствовать Камилла (это вполне понятно, все же юбилей ее сестры), и они на что-то рассчитывали.

Меня поддерживала мысль о том, что я хоть свидание испорчу.

Но все получилось куда более резко. После обеда, когда все разошлись по разным углам побеседовать о своем, я стала искать мужа и Камиллу. Они обнаружились в оранжерее, правда, не в одиночестве и в страстных объятьях, а во вполне приличных позах и в обществе еще кого-то из гостей. Кен Уорф все пытался отвлечь меня какими-то глупостями. Телохранитель вовсе не желал скандала, он прав, я закатывать безобразную сцену не стала.

– Только не говори мне, что это вовсе не то, что я думаю!

Уорф только со вздохом пожал плечами:

– Я не знаю, что вы думаете.

Конечно, он все прекрасно понимал, и то, что все всё знают и понимают, приводило меня в ярость!

– Камилла, я хотела бы наедине с вами обсудить

сложившуюся ситуацию…

Я прекрасно видела, как она смутилась, а Чарльз поспешил ретироваться. Мы действительно остались наедине. Я смотрела и не могла понять, ну чем же она лучше?! Старая, некрасивая, перепуганная женщина, старательно делала вид, что она ничего не боится и все прекрасно понимает.

– Я хочу, чтобы вы знали – я прекрасно осведомлена о том, что происходит между вами и моим мужем. Я не вчера родилась на свет.

– Чего вам не хватает, ведь у вас есть все – положение, прекрасные сыновья…

Как я удержалась, чтобы не выцарапать ее наглые глаза или не изуродовать лицо, не знаю. Наверное, сказались годы выучки в королевской семье.

На обратном пути в машине я сказала мужу, что если это не прекратится, то он сильно пожалеет.

Чарльз промолчал.

Всю ночь у меня была истерика, столько слез, как тогда, я не проливала никогда.

Ничего не изменилось, они продолжали оставаться любовниками, несмотря ни на что. И продолжали скрывать свои отношения от общества. Прикрываясь помощью друзей, они проводили страстные ночи то в одном, то в другом доме, и я не знала, что с этим делать. Чарльз продолжал считать себя свободным любовником, несмотря на столько лет брака и двоих сыновей.

Я даже попыталась ответить тем же, но роман с Хьюиттом быстро превратился ни во что, во-первых, он отправился воевать, а во-вторых, оказался столь меркантильным, что стал даже торговать моими письмами. Предательство и ложь так сильно брали за горло, что жить становилось невыносимо.

Но на сей раз я не стала резать вены или падать с лестницы, я решила дать бой.

В результате появились пленки, наговоренные для постановки голоса, но я была настолько в бешенстве и не могла ни думать, ни говорить ни о чем другом, что воспользовалась случаем и высказала все откровенно. Минута за минутой, час за часом я рассказывала о пережитом, о том, как столько лет отчаянно боролась с любовницей мужа, но не смогла ее одолеть, как Камилле и Чарльзу помогали те, кого я считала друзьями (о, тогда я еще многого не знала сама!), как меня мучили приступы булимии, о попытках суицида, о том, как невыносимо жить во лжи и предательстве…

Думала ли я тогда, что все выльется в книгу? Тогда думала, потому что очень хотела, чтобы все стало известно, чтобы все поняли, что хорошая семья – это блеф! Понимала ли, во что это может вылиться? Не совсем, просто очень хотелось отомстить.

Позже я думала, зачем действительно все это сделала, ведь осколками этой бомбы были задеты и мои сыновья тоже. Захлестнула обида на мужа, который не изменился, понимание, что я бессильна против системы, и желание взорвать эту систему любой ценой. Я не могла больше видеть Камиллу Паркер-Боулз без того, чтобы не сделать ей какую-то гадость. Она, чувствуя это, всячески сторонилась. Но положения дел это не меняло.

Я даже сама не понимала, что мне хотелось сделать от отчаянья и куда деться. Но были еще мои мальчики, я понимала, что любая попытка воевать с их отцом больно ударит по ним. Хорошо помнила развод родителей и вовсе не желала таких переживаний им тоже. Кроме того, я понимала, что при разводе Чарльз сделает все, чтобы забрать детей себе.

При желании он мог легко доказать, что у меня был любовник – Джеймс Хьюитт, я уже прекрасно понимала, что Хьюитт продаст все, что я ему писала, стоит только предложить стоящую цену. Хьюитт готов был вернуть мои письма и мне самой за немалую плату, но сделка сорвалась (видно, понадеялся вытребовать с Чарльза побольше).

И я решила опередить, я должна была показать всем, что Чарльз никогда не был мне верен, что я действительно все эти годы страдала.

Конечно, скандал был грандиозный! Куда больший, чем я хотела, куда больший, чем ожидала. Я почему-то полагала, что, узнав о предстоящей публикации, Чарльз все осознает, книгу запретят и воцарится мир. Конечно, понимала, что ничего этого не будет, возможности устроить громкий скандал пресса ни за что не упустит.

Книга Эндрю Мортона вышла, и весь мир узнал то, что узнал.

Конечно, тогда в запальчивости я наговорила немало лишнего, но многое не сказала.

Поступила бы я так же еще раз? Наверное, да, несмотря на все перенесенные страхи и неприятности. Просто рассказывала бы умней, обращая внимание на другие факты и размышления. Но сделанного не вернуть, теперь Чарльз уже ненавидел меня.

Однако допустить еще один развод, помимо скандального развода Эндрю и Ферджи, а также развода принцессы Анны, королевская семья не могла. Еще и наследник короны?! Нет, это

уже слишком!

Ферджи никогда не была верна мужу, как и он ей. Просто они не умели подолгу находиться в одиночестве, потому наша рыжая красавица то приглашала гостей к себе, то уезжала развлекаться сама.

Фотографии, сделанные во время одного из таких вояжей, попали в прессу и вызвали огромный скандал. Эндрю решил развестись, Сара не возражала. Королева дала на это свое согласие.

Через несколько дней удар был нанесен по мне – опубликовали телефонный разговор с Гилби. И хотя в нем не было ничего собственно компрометирующего, только сплетни о королевской семье, уцепившись за одну фразу, мне тут же приписали любовника. Однако я зря переживала, после книги Мортона публика отнеслась к наличию любовника вполне лояльно, чего не скажешь о королевской семье.

Не успели опомниться от этого, как в ноябре последовала публикация, если не навсегда, то уж точно надолго испортившая репутацию Чарльза и Камиллы. Знай я о существовании такой пленки, можно было и книгу не писать, хотя, не будь книги, пленкам бы не поверили.

Больший удар по этой парочке любовников нанести было трудно. Пока Мортон описывал на страницах книги мои страдания, все могло показаться плодом больного воображения «истерички Дианы», что и пытались доказать верные друзья принца. Но когда опубликовали расшифровки долгой телефонной беседы между Чарльзом и Камиллой, беседы совершенно откровенной, даже бесстыжей, публика ахнула. Принц откровенно жаждал превратиться в тампакс любовницы и жить у нее в нижнем белье!

Там было очень много гадостей, вспоминать не хочется. Причем публиковалось в несколько приемов, с каждым разом накаляя страсти все больше и больше.

Конечно, жить вместе было уже невозможно, 9 декабря 1992 года было объявлено, что мы будем жить врозь, пока не разводясь. Никто не знал, что публикация еще не закончена и те самые слова о тампаксе и трусиках впереди…

Меня решили уничтожить, пока не выгоняя из дворца, как Сару Фергюссон. И на том спасибо.

Вернее, из дворца не выгоняли, туда просто не приглашали.

Принц и принцесса решили жить врозь, пока не оформляя развод. Смешно, это не могло никого обмануть, но все делали понимающий вид, мол, да-да, конечно, иногда супругам стоит

пожить врозь, это только помогает крепости семейных уз… Какая крепость?! Единственными узами, которые нас связывали, были мои мальчики. И эти узы я рвать не собиралась ни при каких условиях.

Принцу было наплевать на любые расшифровки, он подарил своей любовнице на Рождество бриллиантовое колье, мне прислав всего лишь коллекцию дешевых украшений со стразами. Хороший урок – подарить жене стразы в знак того, что она больше не занимает первое место вообще ни в чем!

Но 17 января газеты опубликовали полную расшифровку разговора, и репутация принца была надолго подорвана!

О, рынок отозвался моментально. Журналисты осадили и Камиллу и Чарльза настолько плотно, что ей пришлось пробираться в собственный дом кустами. Производители гигиенических тампонов тут же выпустили таковые с названием «Чарльз». Это было унизительно. Принц, который мечтал, что соотечественники заметят его ум, рассудительность, его ответственность, своей несдержанностью был мгновенно низвергнут в пропасть! Правда, ненадолго.

Если кто-то поверил, что Чарльза с Камиллой испугал обнародованный неприличный разговор, то он очень ошибался. Ничуть! Им наплевать в том числе и на общественное мнение.

Ее приятели-лошадники притворно вздыхали:

– Я очень за нее беспокоюсь. Камилла потеряла живость. У нее изнуренный, загнанный вид.

Но Камилла никогда в жизни не выглядела хорошо, потому ее вид трудно испортить.

И все же не мешало бы узнать, что сделала эта «изнуренная» и «загнанная» лошадь, стоило нам с мальчиками выехать из Хайгроува.

Они с Чарльзом бросились переделывать дом!

За время моего присутствия Хайгроув приобрел определенный лоск и даже некоторую нарядность, теперь предстояло все это испортить.

Я забрала свои безделушки из ненавистного Хайгроува сразу после позорной публикации. Теперь у меня не было ничего. Эта ситуация вполне характерна, в такой же оказалась и Ферджи, когда разводилась.

Меня не рискнули попросить вон из Кенсингтонского дворца. Просто тогда я затеяла бы громкий развод и едва ли Чарльз смог серьезно повлиять на суд. Если меня только подозревали в наличии любовника, то принц в телефонном разговоре открыто признался в многолетней любовной связи с Камиллой.

Начался период между разъездом и официальным разводом.

Уже было понятно, что брак не сохранить, Чарльз не делал ни малейших попыток даже извиниться. Они с Камиллой быстро превратили Хайгроув в любовное гнездышко, вернее, гнездо, потому что там воцарилась на всем собачья шерсть и грязь.

Слуг пришлось «поделить», ко мне перевели Пола Баррелла, который так страдал от этого перевода, говорят, даже плакал, не желая уходить к принцессе. Пол уже пять лет служит у меня, но я до сих пор не уверена, что все, что бы я ни сделала и ни сказала, не сообщается той стороне. Во всяком случае, Пол все тщательно записывает, явно чтобы чего-то не упустить. А потом продаст кому-нибудь, как продал мои письма Джеймс Хьюитт? Неприятно, когда тебя окружают предатели…

Я понимала одно: пока будет длиться этот период неопределенности, я не должна терять времени и позволять себя унижать! Придворные подвергли меня настоящему остракизму, от меня шарахались, словно я прокаженная, пригласить куда-либо принцессу считалось просто опасным. Даже собственный брат Чарльз, сначала предложив мне в аренду садовый домик в Элторпе (мог и просто пригласить пожить лето в огромном замке), тут же от своего предложения отказался. Мало того, потребовал вернуть семейную диадему Спенсеров, которую я носила с удовольствием, я на многих фотографиях с ней в прическе.

Стать неугодной королевской семье – значит почти потерять возможность бывать у кого-то в поместьях, все тут же забывают о дружбе с тобой. Осталось так мало настоящих друзей… Я вспоминала Ферджи, говорившую, что ни одной женщине не удавалось покинуть королевскую семью, сохранив голову на плечах.

Но я сдаваться не собиралась, помимо дворцовой тоски и безделья под видом серьезной занятости, у меня были действительные дела.

Я отправилась в Непал, где посетила хижины простых людей, лагеря для прокаженных, больницы… Все это привычно и очень нужно. Каждый такой визит приносил не только удовлетворение мне и какое-то облегчение людям, но и немалые деньги в виде благотворительной поддержки.

Принц в это время успокаивал расшатанные скандалом нервы, катаясь на лыжах.

Летом я отправилась в Зимбабве, где встречалась с Робертом Мугабе, посещала детские центры, снова и снова больницы и

пункты распределения гуманитарной помощи…

Чарльз ловил рыбу в Шотландии.

Но я зря думала, что королевская фирма оставит меня в покое, нет, меня продолжали просто травить, в газетах перестали публиковать отчеты о моих поездках, а Форин-офис вдруг решил, что мне опасно куда-либо ехать, кроме общепризнанных курортов, куда я вовсе не стремилась.

Но в середине лета Чарльз сделал мне настоящий подарок: он дал интервью Джонатану Димблби, в котором невольно признался, что изменял жене!

Теперь бессмысленно стало обсуждать, ложь или правда в книге Мортона, теперь никто не мог заявить, что у меня паранойя.

Но это были еще не все битвы. Хьюитт, показав себя полнейшим подлецом, продал все наши секреты, и мои письма в том числе, за что даже журналистами был прозван Любовником-Крысой. Вышедшая на основе его откровений книга «Влюбленная принцесса» была воспринята весьма прохладно по той же причине, слишком это гадко, когда человек выливает такие откровения за деньги.

Но мне презрение к Хьюитту помогло мало, меня просто гноили, старательно перекрывая любые возможности серьезно заниматься благотворительностью, вообще каким-либо делом.

Дальше последовал еще один удар, задевший всех.

Димблби тоже выпустил книгу, в которой попытался рассказать о Чарльзе так, словно его задачей было убедить Британию встать под знамена принца. Королевская семья была в ярости. Джонатан умудрился описать детство Чарльза (видимо, с его слов) так, что гневу королевы и принца Филиппа не было предела. Димблби использовал дневники Чарльза, что придало публикации особую пикантность.

Для меня самым гадким был не рассказ Чарльза о его детстве, а то, что он позволил Димблби поведать, что муж никогда не любил меня, что брак со мной с самого начала был не просто притворством, но выполнением королевской воли. Чарльз признавался, с какими душевными мучениями согласился на этот брак и как не желал его! Можно ли унизить женщину сильнее, чем сначала рассказать о мечтах стать тампоном у любовницы, потом признаться на весь мир в изменах, а потом и вовсе объяснить, что женился по требованию родителей и долга?!

Я была морально уничтожена!

Чарльзу было совершенно наплевать не только на меня, но и на мальчиков! Я всегда убеждала их, что они дети любви, что

рождены в любви. Как теперь смотреть им в глаза? Мама никогда не была нужна папе, ее просто навязали, как выполнение долга? Возможно, я сама и понимала это, чувствовала, как бы ни прятала голову в песок, но детям никогда бы такого не сказала.

Как мог Чарльз позволить использовать свои дневники?!

Королеву возмутило другое – принц использовал не только личные записи, но и официальные документы.

Принц Филипп был возмущен его откровениями о никуда не годном, жестоком воспитании в детстве.

Чарльз обидел всех, кроме своей Камиллы. Даже Эндрю Паркер-Боулз не выдержал откровений любовника своей жены и подал на развод.

А я ответила еще одним ударом, полностью перечеркнувшим любую возможность возвращения в королевскую семью. Хотя разве была возможность после таких откровений?

Я тоже дала интервью, только Мартину Баширу, в котором откровенно рассказала обо всем, но не только о наших отношениях с Чарльзом и о Хьюитте, но и об отношениях с фирмой. Даже не представляю себе, что должно было твориться в королевской семье! Я откровенно дала понять, что не вижу Чарльза королем, что королевская семья никогда не воспринимала меня так, как следовало бы… и еще многое.

Я могу перед кем угодно повторить: следующим королем должен стать Уильям. Если реализуются все заложенные в нем задатки, то Уильям станет фантастическим королем! В нем счастливо сочетались отцовская серьезность и сосредоточенность и моя душевность и стремление помочь людям. Гарри менее ответственен, но он очень добрый мальчик и будет прекрасным помощником брату. Я очень надеюсь, что они останутся дружны на всю жизнь.

В декабре я получила сразу два письма, предлагающие решить вопрос о разводе, причем срочный, – от королевы и от Чарльза.

Мосты были сожжены, принц Филипп объявил, что если я буду слишком капризничать, то меня лишат моего титула, на что я ответила, что мой титул гораздо древнее его собственного. И правда, графы Спенсеры уже были подле английских королей, когда предки принца Филиппа вовсе не значились ни в каких списках!

И все же я билась за титул «королевское высочество». Зачем? В этом была своя хитрость, я старалась не повторить ошибки Ферджи, оставшейся без денег и крыши над головой. В качестве

утешительного приза бедной Саре купили дом на имя ее дочерей и выдали некую сумму, которая не позволила даже покрыть сделанные раньше долги. Я так не хотела. Достаточно того, что брат уже отобрал у меня семейную тиару.

Нет, у меня двое детей, за которых я ответственна, мне надо думать и об их содержании.

Конечно, я понимала, что никогда королевская семья не позволит, чтобы наследника короны содержала его разведенная мать, было понятно, что учиться и большую часть времени вне учебы Уильям и Гарри будут проводить в королевской семье, но даже в те дни, когда они будут со мной, я должна иметь возможность развлечь их, не экономя деньги.

Моим делом занялся молодой адвокат Энтони Джулиус. Для начала мы посмеялись над тем, что и у него, и у меня дело о разводе впервые. Тем более нельзя позволить обвести себя вокруг пальца! Джулиус не похож на тех, кто такое позволяет.

Для начала он посоветовал затянуть сам процесс, чего никак не желала я, уже основательно устав от неприятностей последних лет.

Вспоминать бесконечные согласования и перепалки не хочется, Джулиус оказался отменным стратегом, все его задумки сработали, королевская семья полностью отвлеклась на препирательства по поводу титула «королевское высочество», упустив все остальное. В результате титул мне, конечно, не оставили, зато выполнили все остальные условия.

Для меня главным было отсутствие ограничений в общении с мальчиками.

Ну, и то, что мне оставили мои апартаменты в Кенсингтонском дворце, выделили 400 тысяч фунтов ежегодно на его содержание и 17 миллионов единовременно. К тому же я осталась принцессой Уэльской без права именоваться королевским высочеством. Это означало, что я должна приседать в реверансе при встрече с королевской семьей. Но я встречаться не намеревалась, королевская семья шарахалась от меня словно от прокаженной.

Больше всего я волновалась из-за реакции Уильяма, боясь его осуждения. Гарри скопирует брата.

Мой мальчик оказался умницей, он успокоил:

– Когда стану королем, я верну тебе титул.

И вот наступил день развода… Пятнадцатилетний брак оказался завершен.

Зять Роберт Феллоуз, который немало полил воды на мельницу королевской семьи против меня, все же позвонил,

чтобы пожелать удачи в этот трудный день.

– Как жаль, что волшебная история закончилась трагедией…

– Нет, всего лишь начинается новая глава!

Я действительно так думала тогда, думаю и сейчас. Ничего не могло продолжаться после стольких признаний, самым страшным из которых для меня было не признание в существовании Камиллы и их связи с Чарльзом, об этом я хорошо знала и без публикации подслушанного телефонного разговора, а выдержки из дневника Чарльза, где он признался, что никогда не любил меня и женился только, исполняя долг перед страной!

После развода

Тогда мне показалось, что моя жизнь только теперь начнется. Я была права, но все получилось несколько не так…

28 августа 1996 года мы с Чарльзом были разведены. Семья, которой уже давно не существовало, распалась юридически. Почему до получения этих документов я словно была как-то связана? Не знаю, наверное, это наша привычка к бумагам.

Но свободной почувствовала себя чуть позднее и в большой степени благодаря Уильяму.

– Мама, зачем тебе платья, которые ты не носишь?

Да, у меня, как у любого другого члена королевской семьи или вообще леди, скопилось немало одежды высокого качества, которая использовалась обычно всего один раз. Жаль расставаться, но снова показываться где-то в роскошном платье, в котором танцевала с Джоном Траволтой в Белом доме, или в расшитом жемчугом белом костюме невозможно, многие мои наряды слишком приметны. Сжечь тоже жалко…

Выход подсказал снова Уильям:

– Продай все на аукционе, а деньги отдай на благотворительность.

Я вдруг поняла, насколько он прав! Носить что-либо вообще из того, что я одевала рядом с Чарльзом, больно и не хотелось, было большое желание освободиться от груза прошлых лет. Я очень хотела оставить себе только мальчиков.

На меня вылили немало грязи, укоряя в том, что при разводе обобрала бывшего мужа до нитки. Во-первых, это далеко не так, во-вторых, я должна иметь средства, чтобы хотя бы на каникулах создать приличные условия мальчикам, не в палатке же их держать, в-третьих, если человек мог оплатить немалые долги своей любовницы и уже второй год попросту содержать ее (Чарльз купил любовнице дом, оплачивает все ее очень немалые счета, одевает и кормит), то почему бы не делать это с матерью его детей?

Уильям был прав – от прошлого груза следовало освободиться.

Я связалась со специалистами аукциона «Christie's» и пригласила к себе, чтобы отобрать то, что можно продать через этот аукцион. Мередит Этерингтон-Смит целый месяц почти каждое утро появлялась во дворце, чтобы помочь мне избавиться от платьев и составить каталог для аукциона.

Перебирая наряды, я просто ужасалась, а вместе со мной ужасался и Уильям:

– Мама!.. Это же так ужасно! Кто это купит? Разве это можно носить?

Чем больше я разглядывала свои платья прежних времен, тем больше понимала, что больше не хочу выглядеть вот так, хочу серьезно измениться. Особенно ужасно выглядели наряды времен начала семейной жизни, когда я старалась угодить вкусам двора и носила платья с огромными воротниками, широкими рукавами и разными оборками. Все это страшно расширяло меня. Наверняка, от формы платяного шкафа спасал только немалый рост.

Почему никто не подсказал, что это нелепо, некрасиво наконец!

Несколько нарядов отдавать просто не хотелось, например, белое платье с болеро, расшитое стеклярусом, или синее бархатное, в котором я когда-то танцевала в Белом доме с Джоном Траволтой…

Распродали, как ни странно, все, хотя мне тоже казалось, что есть платья, на которые и смотреть страшно. Дороже всех оценили то самое синее бархатное платье, в котором я танцевала с Траволтой. Его продали за 222 500 долларов!

Я знаю, что королевская семья была возмущена таким неприличным поведением. Дамы всегда отдавали свои наряды в комиссионный магазин и забывали об их существовании, а продавать с шумом на аукционе?.. Фи!

Но за это «фи!» мы выручили немало денег – больше трех миллионов. Конечно, наряды того не стоили, сыграло свою роль имя. Деньги были отправлены в Кризисный фонд СПИД и Раковый фонд Королевского Марсденского госпиталя. Деньги пришлись весьма кстати.

Неожиданная прибавка последовала от одного не слишком приятного дела. Некая газета (не называю ее, чтобы не делать рекламу), расписывая аукцион, высказалась в том смысле, что я неплохая финансистка, умудрилась положить в карман три миллиона за то, что другие просто выбрасывают. Это «положить в карман» меня возмутило настолько, что мы подали в суд и выиграли еще 75 000 долларов за моральный ущерб. Газета предложила перечислить средства прямо на благотворительность, но я отказалась:

– Нет, только мне. Я сама решу, в какую благотворительную организацию отправлю. И обязательно сообщу об этом в прессе.

Избавилась я и еще от одного.

Разведенным женщинам могу посоветовать: если для вас не столь уж важны вещи, которые остались после развода с мужем (конечно, не все могут себе позволить выбросить вещи, многие продолжают жить, пользуясь купленным совместно), уничтожьте их со вкусом, разбив, разорвав, изуродовав, даже если это хорошие вещи. Злость, которую вы выплеснете на эти остатки прошлой жизни, покинет вас навсегда. И без нее, без этой злости, жить станет намного легче.

Я разбила весь фарфор, на котором были наши с Чарльзом монограммы, «Диана плюс Чарльз» больше не существовало, надо было уничтожить и сервиз как напоминание!

– Баррелл, принесите мне мешок для мусора.

– Какой, мадам?

– Большой и крепкий. Если не очень крепкий, то два.

Он принес.

– Пол, пока я буду складывать, раздобудьте молоток.

– Какой?

– Тоже большой и прочный. И тоже лучше два.

Кажется, Баррелл уже понял, что именно я намерена делать. Он с сомнением покачал головой:

– Может, не стоит?

– Еще как стоит! Помогай.

Пол был откровенно смущен, ему явно никогда не приходилось бить дорогой фарфор. Мне, впрочем, тоже.

– Сначала вот так! – Я со всей силы грохнула тарелкой об пол. Во все стороны полетели фарфоровые осколки. – Пол, ты когда-нибудь ссорился со своей Марией с битьем посуды?

– Нет, упаси боже.

– Тогда бери и делай, как я.

Следующая тарелка полетела в стену. В комнату, привлеченный шумом, заглянул охранник. Я махнула рукой:

– Присоединяйся.

Но он только покачал головой и скрылся. А мы с Барреллом с удовольствием переколотили кучу фарфора. Наконец я устала, а посуды еще оставалось немало, к тому же осколки получились довольно крупные и далеко не все тарелки или соусницы вообще бились.

Теперь пригодился мешок: сложив в него все, что еще предстояло разбить, я взялась за молоток. И снова фарфор отзывался обиженным «дзинь»!

Осколки выгребали изо всех углов несколько дней, то и дело под каким-нибудь креслом или диваном обнаруживался еще один. Несколько раз я натыкалась на них ногами, это довольно неприятно, когда под ногу попадает недобитый осколок прошлого

счастья.

Тогда я предложила вообще убрать всю мебель и поднять ковры:

– Иначе мы будем натыкаться на это безобразие полгода!

Женщины, учтите мой опыт, когда будете бить посуду: ее нужно сразу складывать в мешок, иначе потом придется делать почти ремонт в комнате.

Мы действительно подняли ковры, выгребли все до мелочи. Кто-то из охраны увидел такие страсти, немедленно родился слух, что у принцессы Дианы очередная паранойя – она ищет жучки под паркетом! Якобы я, опасаясь подслушивания, вскрыла даже пол.

Ну не опровергать же такую откровенную глупость, рассказывая о перебитом фарфоре? Иначе одна сплетня заменит другую, примутся болтать о том, что я лишила посуды весь Кенсингтонский дворец.

Пусть болтают, мне уже все равно.

Редактор «Харперс Базар» Лиз Тилбертис однажды поинтересовалась:

– Диана, а почему ты прячешь свои ноги? Они у тебя красивые.

Я даже ужаснулась: разве может супруга принца открыть колени?! Нет, это немыслимо.

– Даже если эти колени стоит показать всем? И вообще, тебе нужно одеваться проще и сексуальней.

Ну уж, сексуальней я всегда старалась, постоянно требуя этого от модельеров, но что они могли? Оголить плечи, обозначить талию, приподнять грудь…

Я подтянула юбку выше колен, задумчиво глядя в зеркало. А колени и сами ноги и правда хороши… Почему бы не открыть?

Я открыла, и все пришли в восторг!

Из моего гардероба почти исчезли дорогие, расшитые драгоценностями наряды, я больше не представляла Британию на торжественных приемах за границей, они стали мне не нужны. А по своим делам или просто на обед с приятельницей лучше отправиться в простых джинсах, белой рубашке и синем блейзере.

Это привело читательниц «Vanity Fair» в полный восторг! Теперь все обсуждали новый облик Дианы, такой простой и сексуальный одновременно.

Я наверняка знала, что этот облик не понравился бы Ее Величеству и принцу Чарльзу, но он пришелся по вкусу Уильяму и Гарри, а также их одноклассникам. Немного погодя к моему дню рождения Гарри собрал своих приятелей, и они все вместе

спели мне поздравление с днем рождения. Такое дороже любого подарка!

Я уходила от прошлой жизни, меняясь на глазах. Мне удобней в джинсах и рубашке, удобней в мокасинах на низком каблуке, удобней с более короткими волосами, которые не нужно то и дело укладывать и заливать лаком.

Но я и вечерние платья стала надевать более смелые, открывая ноги…

Тут мне встретился Хаснат Хан, и я примерила восточные наряды. Тоже понравилось.

Оказалось, что жить, не будучи связанной многими условностями и обязанностями, куда легче. Я вдруг поняла, сколько всего пропустила в жизни за эти пятнадцать лет! Нет, я не жалела о годах брака ничуть, даже при том, что были попытки суицида, были скандалы, слезы, крики, все это обогатило меня, я повзрослела и поумнела.

Так шли дни, полные каких-то совсем новых забот, в которых не было места нытью, тоске и даже мыслям о Камилле. С Чарльзом мы вдруг перестали воевать, просто у него появился новый разумный помощник, который сообразил, что для улучшения имиджа наследника престола вражда с бывшей супругой, матерью принцев Уильяма и Гарри и просто красивой женщиной, совсем ни к чему.

Сначала Марк Болланд мне показался очень и очень разумным и надежным человеком, он и правда помог прекратить холодную войну между нами, к тому же Марк был противником Тигги, что автоматически причисляло его к списку моих друзей. Болланду тоже не нравилась девица, явно желавшая занять мое место не только рядом с Чарльзом, но и серьезно влиять на моих мальчиков. О, ради удаления этой красотки я готова была помириться и с Чарльзом тоже. Только не с Камиллой, до этого еще не дошло!

Позже я поняла, что именно ради Камиллы и работает Марк Болланд, но мне он не мешал, я сотрудничала с ним спокойно.

К тому же у меня нашлись совсем другие интересы, начались новые поездки, изменившие меня настолько, что я едва узнаю сама себя.

Вот кого я не люблю, так это Форин-офис. Они словно нарочно делают все мне во вред, а потом удивляются моей недостаточной лояльности.

Прошу предоставить полномочия, чтобы стать послом мира. Получаю ответ: «Нет». Почему?! Никто не объясняет, но и без

объяснений ясно: Британии ни к чему популярность опальной бывшей супруги наследника престола. Было бы куда проще и удобней, если бы я часами разглядывала безделушки или примеряла наряды в магазинах, если бы меня фотографировали с глянцевыми журналами в руках или во время развлечений…

Но я укоротила юбки, стала носить джинсы не только дома, но и за пределами дворца, стала одеваться и вести себя более раскованно и сексуально. Я стала другой, и удержать меня на пустых представительских мероприятиях было уже невозможно.

Я хотела дела, настоящего дела, а не простого присутствия на разных благотворительных обедах и открытиях мемориальных досок. И я это дело нашла! Конечно, все мои разъезды и особенно участие в мероприятиях вроде посещения только что разминированных полей мало нравились даже правительству, но они долго не могли со мной ничего поделать…

Теперь меня уже некому было сдерживать в поездках, кроме, конечно, Форин-офиса. Вот кого возмущает моя самостоятельность. Если нужно оградить меня от бесконечных репортеров или назойливых фотографов, то тут я частное лицо, должна справляться сама. Но стоит затеять что-то действительно нужное, просыпается запрещающая машина и рявкает:

– Нет!!!

Почему? Они вспоминают, что я мать наследника престола.

У моих друзей Аннабель и Джимми Голдсмиттов дочь Джемайма вышла замуж за пакистанца Имрана Хана. Уже одно это делало дружбу с ней очень желательной. Мне так хотелось понять, каково это – быть замужем за правоверным мусульманином и жить по их законам. Аннабель качала головой:

– Это не так просто…

У Имрана мама Шаукат Ханум погибла от тяжелого заболевания, и он создал центр по лечению онкологических заболеваний. Чем не повод, чтобы посетить Лахор и познакомиться с семьей Хасната?

Мы отправились в Лахор с Аннабель и ее племянницей Козимой Сомерсет. Помимо обычного гардероба, набрали с собой и множество вещей в восточном стиле – шальвары, шали, закрытые платья…

Остановились, конечно, в доме Имрана, где еще должна жить приехавшая в гости теща и ее подруги? Это вызвало возмущение Форин-офиса, особенно когда я отказалась поселиться у Беназир Бхуто. Беназир замечательная женщина, но почему я, приехав по приглашению Имрана, а не ее самой, должна жить в ее дворце? Вот позовет, тогда посмотрим…

К тому же мне действительно хотелось посмотреть, как живет в Пакистане Джемайма. Это совсем не то, что в Лондоне, Имран в Лахоре и Лондоне очень разный. Но в этом и прелесть – подчинить себя законам новой жизни.

Почему подчиняться распорядку и законам британской королевской семьи хорошо, а законам шариата плохо? Нужно только понять для себя, приемлемо это или нет. Правила Букингемского дворца оказались не для меня, а как будет в доме Ханов? Как примут там меня, пока еще чужую женщину, хотя они несомненно знали о нашей с их сыном связи.

Приняли очень хорошо и… никак. Рашид Хан и его супруга Нахид Ханум улыбались, говорили о связи Пакистана и Англии, о связи двух культур, о необходимости большего понимания… Когда я дала понять, что меня интересует другое, снова улыбались, разговаривали очень приветливо, даже вспомнили несколько забавных случаев из детства Хасната, это в ответ на демонстрацию фотографий моих любимых мальчиков.

Снимки Уильяма и Гарри сделали беседу душевней, но о возможности породниться речи так и не зашло. Ханы принимали английскую леди и вовсе не изъявляли желания сделать меня своей невесткой. Умные, все понимающие глаза, приветливые улыбки и слова, но не больше.

Но я не собиралась сдаваться, Хаснат все-таки в Лондоне, а там его чаще вижу я.

В Лахоре для меня главным стало посещение Мемориальной онкологической больницы имени Шаукат Ханум.

Только переступив ее порог, я забыла, что я принцесса, что нахожусь в Пакистане, что существует Форин-офис и их отношения с правительством Пакистана. Люди в масках не потому, что в операционной, а все время, каждый день, час, потому что любая инфекция смертельна. Там не было крови, как в других больницах, ботинки врачей не забрызганы ею, как после операции у Хаснат Хана, но там боль, страдания. Боль не в словах, не в жалобах, боль в глазах.

А это особенно заметно, когда часть лица закрыта маской. Глаза кричали о боли, о том, что этот центр для них – последняя надежда!

Я не могла пройти мимо ни одного больного. Не во все палаты меня пустили, куда-то входят только врачи и медсестры, но если было можно, я заходила, оставляя помощников маяться в коридорах. Подбадривала, пожимала руки, пыталась вселить надежду… Я могла им помочь только своим сочувствием, и если это помогало, готова была отдавать его сполна.

Как мне хотелось подержать на руках каждого больного ребенка, приласкать всех, рассмешить, чтобы хоть на мгновение в их глазах вместо боли появилась улыбка!

Если бы мне разрешили, я поселилась бы в этом центре и каждый день с утра до вечера обходила палаты, подавая воду и ухаживая за больными. Наверное, от такой помощи мало толку, ведь я не могла сделать укол или провести процедуру, но этому же можно научиться?

Я не задумывалась о том, какое произвожу впечатление, это было совершенно не важно, забыла обо всех проблемах, оставшихся за стенами больницы, оставалась только мысль, что нужно привезти в такой центр и Уильяма с Гарри. Я всегда старалась, чтобы они понимали, что есть боль, страх, бедность, неустроенность… Но в очень тяжелые места, подобные этому, пока не водила, они еще были малы. Кажется, время пришло…

Только в половине четвертого я заметила, что помощники валятся с ног. Пришлось прерваться, а потом еще встречаться с персоналом, благодарить их за то доброе, что они делают для обреченных людей, а также за то, что спасают тех, у кого еще есть надежда.

Я страшно действовала на нервы чиновникам в Лондоне. Им совсем не нравилась ставшая вдруг самостоятельной принцесса Диана. Особенно когда я вдруг собралась в районы, где оставалось полным-полно противопехотных мин.

Это отдельная боль и особый ужас. Рассматривая снимки людей, оставшихся калеками, разорванных, растерзанных минами, причем людей мирных, которые никогда не брали в руки оружие, женщин, детей, стариков, я возмущалась:

– Почему их не запретят?!

Мне объяснили, что как раз сейчас проводятся акции, направленные на запрещение противопехотных мин вообще, потому что от них гибнет в основном мирное население.

Я решила отправиться на место и посмотреть своими глазами, прекрасно понимая, что за мной поедет множество журналистов. Конечно, последовал окрик «Нет!».

Меня выпустили только в Анголу, но там-то как раз и было установлено немыслимое количество этих самых мин. Я отправилась вместе с Майком Уитлэмом, он руководил Красным Крестом в Британии.

Сначала все выглядело почти прогулкой, хотя я понимала, что будет нелегко. Только услышав первые цифры: в стране с двенадцатимиллионным населением за годы гражданской войны, длившейся двадцать лет, было установлено… пятнадцать

миллионов мин, на каждого по полторы, если даже считать тех, у кого уже оторвало что-то, – начали понимать, что даже не представляли масштабов ужаса.

Когда мы прилетели в Луанду, то испытали такой шок от встречавшихся на каждом шагу калек, что я даже испугалась возвращения приступов булимии. Но мой организм не собирался саботировать, ни единого приступа я не испытала, честно говоря, было некогда.

В самом заминированном городе мира Куито, где минных полей больше, чем свободной территории, мы прошли просто шаг в шаг за сапером, пробрались в крохотный, почти кустарный госпиталь, где не было не только современных лекарств, но и просто электричества, что делало любую технику бесполезной.

Больные лежали на тряпье и просто на полу, у многих оторваны руки, ноги, у одной девочки взрывом разворочен живот. Девочка просто пошла за водой для своей семьи. Было понятно, что она не выживет, не выдержав, я присела, принялась отгонять мух, гладила и гладила ее по тоненькой ручке, что-то говорила, хотя ребенок совсем не понимал английского. Но несчастная малышка внимательно слушала, видно, знание языка не всегда обязательно, она слышала голос, видела глаза, она понимала, что я хочу ей добра, хотя и не могу больше ничем помочь. Никто уже не мог, девочка умерла почти сразу после нашего посещения.

Я попросила репортеров:

– Не снимайте больше, пожалуйста.

И огоньки камер погасли. Бывают минуты, когда фотографировать или снимать просто кощунственно…

Зато они много снимали позже, когда мы проходили по узкой разминированной полосе через поле. Это известные снимки, где я в защитном жилете и защитном экране для лица. Пройти пришлось дважды, потому что не все журналисты смогли сделать хорошие снимки.

За эту «прогулку по минному полю», как назвали проход в британском парламенте, мне немало попало от всех. Кто-то возмущался: «Зачем это нужно?!» Кто-то доказывал, что одной принцессой ничего не победишь, кто-то обвинял в дешевом популизме…

Всем, кто обвинял, я хотела бы предложить пройти по такому полю. В предыдущий день семеро мальчишек, играя на разминированном поле в футбол, подорвались и погибли.

Так вот, я в защитном жилете попыталась пройти по заведомо разминированной полосе и могу сказать, что это очень страшно. А каково тем, у кого нет ни жилетов, ни минеров, кому, как этой

девочке Хелене, приходится каждый раз, отправляясь за водой, рисковать своей жизнью, тем, кто просто вынужден жить среди минных полей?!

Но ведь эти поля не сами выросли на их земле. Можно обвинять повстанцев разных мастей, можно говорить о политической нестабильности. Я не политик, я гуманист, я знаю одно: если бы Британия не поставляла мины любой из сторон, не было бы Хелены или погибших семерых мальчишек. Не было бы Розалинды, потерявшей нерожденного ребенка вместе с ногой, не скакал бы Хуан на одной ноге, опираясь на железный штырь вместо второй…

И таких примеров не просто тысячи, их сотни тысяч! Семьдесят тысяч только погибших от мин, а сколько калек!

Мне возражали, что наши мины поставлены против мин советских. Я отвечала:

– Значит, запретить нужно все вообще!

Чем больше я говорила, тем большее раздражение вызывала у политиков всех мастей, особенно раздражала парламент. На меня ополчились так, словно я, прогулявшись ради собственного удовольствия, вдруг решила обвинить парламент Британии во всех человеческих грехах.

И вот тогда я впервые почувствовала страх. Это совсем другой страх, не тот, что испытываешь на минном поле, а тот, что не отпускает и посреди оживленного европейского города. Впервые возникла картина автокатастрофы. Когда-то я боялась, что меня могут уничтожить, чтобы освободить место для новой супруги принца. Теперь все эти мысли были так далеко…

Я не мешала Чарльзу жениться второй раз, я уже не мешала королевской семье, вернее, мешала ей не настолько сильно, чтобы меня замечать вообще.

Но теперь я мешала другим, куда более мощным силам, тем, у кого были возможности привезти в несчастную Анголу пятнадцать миллионов мин и разбросать их по всей стране, где больше нет и еще много лет не будет нормальной жизни. Эти силы куда мощней рассерженной королевской семьи.

Но есть что-то сильнее страха. Там в госпитале или среди искалеченных людей совершенно забываются прежние проблемы, кажутся такими мелкими, убогими. Удивительно, среди убогих хижин, убогой жизни убогими кажутся заботы нашего обеспеченного, сытого и незаминированного мира. Мы просто не представляем их жизни, как и они не верят в возможность нашей.

Отправляясь в Пакистан, я пыталась навести мосты между двумя мирами – христианским и исламским, между Западом и

Востоком, считая, что именно эти противоречия самые серьезные на планете.

Какая чепуха! Самые серьезные – это противоречия именно между нашей сытой, спокойной жизнью и жизнью, в которой нет ни сытости, ни спокойствия, а есть страх, боль, мучения, голод… Эту пропасть нельзя ни перепрыгнуть, ни не заметить, через нее можно только протянуть руку помощи. Если мы этого не сделаем, то мы не люди и не имеем права жить на Земле.

А все остальное, вроде чьего-то недовольства, просто чепуха!

Даже проблемы противостояния с Камиллой и стольких лет мучений кажутся такими мелкими и суетными…

Но проходит время, и все возвращается на круги своя, я снова встречаюсь с теми, кто озабочен только светским, внешним успехом, чьи интересы ни в какой мере не связаны с трагедией девочки Хелены и многих других несчастных, окунаюсь в веселую, суетную жизнь и на время забываю дрожь в коленях от сознания, что под ногами может оказаться мина.

Но только на время, теперь это всегда со мной. Даже за весельем и смехом, за оживленной внешностью внутри остался тот страх минного поля и понимание, что если я могу что-то изменить, то должна это делать.

Жить вот такой раздвоенной нелегко. И рассказать никому нельзя, снова решат, что у Дианы паранойя. Нет у меня паранойи, а вот бояться я действительно стала еще сильнее. Когда-то снилась Камилла, теперь снится авария…

Я изменилась

Еще совсем недавно, год назад, для меня самым важным казалось сохранить свой статус члена королевской семьи, чтобы меня именовали Ваше Королевское Высочество.

Сейчас я понимаю, насколько это ненужно и неважно.

Что произошло за год? Очень немногое и очень много. Некоторые события и встречи с людьми перевернули мою жизнь. Теперь я другая, прежняя Диана осталась там, в прежней жизни. Нет, конечно, я не изменилась полностью, это невозможно в один день, но я стала иной. И смею надеяться, новой леди Дианой могут гордиться мои мальчики – Уильям и Гарри. И это для меня главное.

В Лондоне снова встретились с Хаснат Ханом. Теперь уже от него самого я услышала, что он никогда на мне не женится. Это самая большая рана за последний год, она могла бы перечеркнуть все, к чему я пришла, но я вдруг с изумлением поняла, что сильнее даже этого!

Независимый Хаснат оказался не менее зависимым, чем остальные. Он испугался. Нет, не того, что потеряет работу, как Мэннеки, не того, что его отправят подальше от Англии, хорошего хирурга с удовольствием приняли бы в любой стране, тем более я договорилась с Кристианом Барнардом. Хаснат испугался моей известности, хотя она могла принести деньги в клинику, где он работает, помочь его больным. Он испугался меня самой, моего напора.

И это самое страшное. Я одна, совсем одна и всегда буду таковой. Мои мальчики уже выросли, вот-вот станут самостоятельными во всем, я нужна им как воспоминание, пришло время советоваться мне с ними. Но я не хочу обременять их своими проблемами, своими бедами. Никого другого, чтобы стал душевной опорой, я искать не буду. Если уж Хаснат, ради которого я готова была стать мусульманкой, не нуждался во мне, то кому же я нужна?

После месяцев надежд не столько на новое замужество, сколько на понимание и поддержку получить полный отказ… Если бы Хаснат хотя бы смягчил свои слова, оставив хоть малейшую надежду на будущее… Нет, так было бы даже хуже, я бы продолжала надеяться и жить мечтами, а жить мечтами опасно, реальная жизнь оказывается совсем иной.

Я очень хотела стать женой Хаснат Хана и вместе с ним бороться за человеческие жизни. Если бы он позволил быть

операционной сестрой и просто вытирать пот с его лба во время операции, я бы молча вытирала, но он не захотел.

Хаснат не смог бы защитить нашу семью от любопытства фоторепортеров, не смог бы оградить меня, наших будущих детей и моих мальчиков от любопытства, а жить под вспышками камер не хотел.

Я думаю, он просто не любил меня так сильно, чтобы попытаться это сделать. Если человек любит, он не станет обращать внимания на возню вокруг. Меня не любил никто из мужчин, бывших рядом. Со мной только сыновья любовь Уильяма и Гарри.

Совсем недавно я закатила бы истерику, попыталась удержать Хасната, страшно переживала бы. Совсем недавно, но не сейчас, сейчас я спокойно отпустила его на волю. Нам не по пути, пусть будет счастлив с той, которую выберет… Конечно, мне больно и горько, конечно, я немало пролила слез, но ни страдать новыми приступами булимии, ни вскрывать вены не стала. Новая Диана знала что-то про себя такое, что не позволило прибегнуть к суициду.

Хаснат стал выговаривать мне, что я умерла, подорвала свою репутацию одним присутствием на яхте Аль-Файедов, тем, что приняла ухаживания Доди. Если бы Хаснатом двигала ревность, я просто бросилась бы ему на шею, забыв об отказе жениться на мне. Но я хорошо видела, что он и впрямь озабочен тем, что станут говорить в прессе! Может, еще и о реакции королевской семьи подумал?

Хаснат Хан оказался такой же, как все! Он видел принцессу Диану, а не просто Ди, он «заботился» о моей репутации куда больше меня самой, он боялся моей популярности, моей известности, он боялся стать объектом охоты для папарацци.

И я снова осталась одна, сыновья, уехавшие в Балморал, помочь ничем не могли.

Я нашла себя. Будучи ненужной собственному мужу и королевской семье, я оказалась очень нужна тысячам, а может, и миллионам людей на всем свете. Скольким я улыбнулась, скольким пожала руки, скольких просто погладила по плечу, по щеке, скольких детей обняла!..

Когда-то я сказала, что хочу стать королевой людских сердец. Я уже никогда не стану королевой Великобритании, но это не важно, а вот королевой сердец могу стать.

Никто не увидел главного: я изменилась! Всем им, оставшимся в моей прошлой, почти ненужной жизни, не понять

этих изменений.

Что-то почувствовал Гарри, но для него я прежде всего мама. Что-то понял Уильям, но и он не смог понять до конца, да и как можно, если я сама еще не поняла.

Я так долго шла к главному решению своей жизни… наделала столько ошибок и набила столько синяков и шишек, так измучилась…

Я очень хотела стать королевой людских сердец. Кажется, это произошло: стоит появиться где-либо, и навстречу устремляется множество людей, даже там, где меня почти не знают. В больницах среди несчастных по всему миру большинство никогда не слышали об Англии, не только о принцессе Диане, но они верят мне, слушают, пожимают руки, смотрят с надеждой, словно своим появлением я способна излечить их язвы и вернуть потерянные конечности, снять страшную боль, облегчить страдания.

Это дорогого стоит, я дорого и плачу – одиночеством. Принцесса Диана нужна очень многим, но я сама – никому, кроме моих мальчиков. Пришла мысль: что, если вдруг умру завтра, вспомнит ли хоть кто-нибудь уже послезавтра, что я вообще жила на свете?

В июне незадолго до каникул моих мальчиков я была в Нью-Йорке и в Бронксе встретилась с матерью Терезой. Мы уже встречались в Риме, тогда мать Тереза поразила меня настолько, что я долго не могла забыть ее глаза, ее голос, ее слова.

Ничего особенного, кажется, обычные монахини, тихие, ласковые… Сама мать Тереза маленькая, как ребенок, да и остальные тоже невелички, они не доставали мне до плеча. Старческие лица, белые одежды с двойной синей полосой, мужские сандалии на ногах… И глаза… Не старческая рука, вложенная в мою руку, даже не удивительный тихий голос, больше всего меня поразили подслеповатые глаза…

– Вы никогда не сможете делать то, что делаю я…

Наверное, у меня вытянулось лицо, но возразить, что я хотя бы буду стараться, не успела…

– …а я никогда не смогу сделать то, что можете вы…

Она говорила еще что-то, кажется, про то, что мои возможности куда больше, чем я сама думаю. Но я уже не слышала, потому что мать Тереза просто посмотрела мне в глаза. Только посмотрела… и я вдруг поняла, что она все-все про меня знает, даже если не знает ничего. Не обо мне, а про меня саму, про ту, что внутри красивой оболочки принцессы Дианы! Про

меня настоящую, которой не вырваться на волю.

Кажется, я спросила:

– Что мне делать?

Она ответила:

– То, что подскажет сердце…

Потом я пыталась понять, спросила это вслух или только сердцем? Скорее второе, мои глаза спросили – ее ответили, и не нужно было слов.

Чего хотело мое сердце?

Любви, заботы, счастья моим мальчикам… Оно хотело заботиться о людях, хотело, чтобы я была нужна…

Удивительно, но почти сразу после поездки в Америку все как-то вдруг завертелось.

Телохранители Уильяма и Гарри соизволили разрешить нам провести каникулы в поместье Мохаммеда аль-Файеда и на его яхте, сочтя, что там будет спокойно. Сомневаюсь, что это так, но я уже устала от постоянных отказов, а возможности побыть с мальчиками у меня не так много, не сидеть же в Кенсингтонском дворце с зашторенными окнами!

Я понимаю, что Мохаммед вовсе не зря пригласил на яхту своего сына. Доди чудесный, он очень внимателен, таким со мной не был ни один мужчина, за его спиной можно было бы скрыться от чужих глаз, заставить замолчать болтунов, отстать папарацци. Он может защитить меня от этого жестокого мира.

Доди не защитит моих мальчиков, они в другом мире, но там их защищает королевская семья, там я бессильна. И забрать их оттуда я не могу, не имею права. Уильям будет королем, он будет просто фантастическим королем, я в этом совершенно уверена. А Гарри всегда будет его поддержкой.

Когда я буду рядом с Доди, журналисты наконец потеряют хотя бы часть интереса ко мне. Это тоже своего рода защита. Аль-Файед сумеет на время укрыть меня за своей спиной, дать относительное спокойствие, а мне этого так не хватает!

Мохаммеду я благодарна не только за предоставление своего поместья и яхты для нашего с детьми отдыха, но и за один совет…

Камилле в этом году исполнилось пятьдесят. Чарльз не просто опекал свою давнюю любовницу, он буквально принялся превращать ее из лошадницы-ротвейлера в леди. Конечно, бетонную челюсть не уберешь, и грудь наверняка останется болтаться у пояса, но по крайней мере он ее переодел. Я

оказалась права, Камилле пришлось соответствовать мне хотя бы отчасти.

Я знаю, что принц Филипп смеялся, что я одеваюсь как стюардесса, но уж лучше как стюардесса, чем как Камилла. Сама она категорически не способна выбрать что-нибудь приличней костюма для охоты или мятых шерстяных штанов, значит, пришлось приложить усилия Чарльзу. Ему это явно нравилось.

Пусть одевается как хочет, но то, что он решил широко отметить ее полувековой юбилей, меня несколько задело. Когда мне исполнилось тридцать, мой дорогой муженек даже не соизволил появиться на празднике, устроенном мною же. А уж ожидать от него каких-то приятных сюрпризов не стоило вовсе…

Камилла не я, газеты запестрели фотографиями ротвейлерши рядом с принцем. Надо отдать должное Чарльзу, он постарался, и его любовница выглядела вполне сносно, мятые штаны были заменены на платье, а старательно уложенные волосы даже отвлекли внимание от массивной челюсти.

Увидев такую фотографию, Мохаммед усмехнулся:

– Я предпочел бы видеть на снимке вас. Но не с принцем.

Я понимала, с кем, не зря он срочно вызвал на яхту Доди. Но задумалась о другом. Вокруг яхты полным-полно фотографов, снимая нас с Доди, они просто будут давать повод для сплетен, но не больше. Если я в купальнике, значит, это должно быть достойно.

– Гарри, ты хочешь покататься на банане?

Сын удивился:

– А эти?..

– Пусть смотрят! Сколько можно их бояться?

– Ура!!!

– А ты, Уильям?

Старший более осторожен:

– Я нет.

Я убедилась, что фотографы нас видят, и совершила пару кругов с Гарри на банане. В конце концов, это здорово!

Но это не все.

Камилла хороша в платье, купленном Чарльзом? А как вам Диана в леопардовом купальнике? Я знала свои сильные стороны и постаралась ими воспользоваться. Прыжок в воду с вышки удался, не сомневаюсь. И одинокая женщина, сидящая на самом краю доски над водой, тоже.

Я позволяла фотографировать себя и так, и этак…

На следующий день Мохаммед со смехом бросил на столик стопку газет:

– Сегодня на первых полосах только Диана на отдыхе.

Это действительно было так. Фотографы сделали много удачных снимков, и прыжки в воду тоже получились. Вот, смотрите – леди Диана собственной персоной! Камилла Паркер-Боулз не годится мне и в подметки, как бы ни старался Чарльз ее приодеть и украсить. Стройную фигуру не заменишь никаким красивым ожерельем, длинные ноги всегда привлекательней дорогого платья, а в умении одеваться даже Чарльзу со всеми его стараниями далеко до меня! Теперь у меня были возможности аль-Файедов, они куда больше того, что мог потратить на свою ротвейлершу Чарльз!

Я проиграла Камилле битву за Чарльза, но выиграла битву за внимание прессы.

Бороться за души моих мальчиков я не стала бы ни за что.

Будущее моих мальчиков определено, если я и смогу влиять на них, то уже в малой степени, они выросли. Я спросила, как они отнесутся к возможному новому замужеству. Гарри чуть смутился, а Уильям по-взрослому ответил, чтобы поступала, как лучше мне. Мои мальчики разрешили мне поступать по велению моего сердца.

И больше всего меня поразили не слова, даже не серьезность, с которой Уильям ответил, а взгляд. Мой мальчик смотрел, как… мать Тереза, когда советовала поступать по сердцу!

Уильям, только не растеряй своих душевных качеств в ожидании короны!

Я понимаю, зачем Доди пригласил меня в Париж, понимаю, что задумал Мохаммед, и благодарна ему за это.

Я должна сделать выбор… Да, должна.

Я свободная женщина, даже мои мальчики отпустили меня на волю, разрешив поступать так, как подскажет сердце, они знают, что я никогда не сделаю так, как хуже для них.

Велик ли выбор?

Возможностей не так много, но они есть…

Могу принять предложение Доди аль-Файеда и стать его супругой. Файеды светские люди, у Мохаммеда очаровательная супруга Хайни Уотен, красавица и светская львица. Я тоже стану светской львицей, для которой ограничений вроде необходимости блюсти традиции королевской семьи не будет. Это весьма заманчиво. Конечно, Доди не будет мне верен и одного дня, но теперь я уже взрослая девочка и надежд на супружескую верность со стороны мужа-красавца не питаю. Зато я всегда могу рассчитывать на поддержку и моральную, и материальную со стороны умного Мохаммеда. Для него возможность породниться

со Спенсерами значит немало, да и ко мне аль-Файед-старший относится куда более тепло, чем все королевские родственники вместе взятые.

Весьма заманчивая возможность, при том, что в Доди я по-женски влюблена… Он не станет подавлять меня своим интеллектом, не будет демонстрировать превосходство в знании философии, истории, архитектуры, ему все равно, какую музыку я люблю, какие книги читаю, Доди принимает меня такой, какая я есть. И этим отличается даже от Хаснат Хана.

Конечно, Файеды не позволят мне разгуливать по минным полям даже после разминирования и в защитном костюме. Но они защитят меня от любопытных фотографов и даже от меня самой, не защитят только от…

Вот этого я боюсь больше всего – чтобы вместе со мной не погиб кто-то еще. Видение с автокатастрофой не исчезло, оно по-прежнему возникает передо мной, если пострадаю я, вместе со мной может пострадать кто-то рядом. Пожалуй, стоит рассказать о своих страхах Мохаммеду при встрече.

Вторая возможность – просто жить тихо в Кенсингтонском дворце, за закрытыми шторами, произнося шепотом каждое слово, чтобы не подслушали, никуда не показываясь и не пользуясь машиной, чтобы не отказали тормоза.

Затихнуть, пока обо мне не забудут совсем или не станут взрослыми мои мальчики. А потом напроситься в дом к кому-нибудь из них, пить по вечерам чай с невесткой и вспоминать свое королевское прошлое. Да, еще нянчить внуков, ухаживать за детьми я умею хорошо и очень люблю это делать, невестке даже не понадобится нанимать няню.

Это будет возможно только у Гарри, к ребенку Уильяма меня не допустят ни в коем случае!

Что ж, это тоже возможность, Ферджи решила же, что будет жить тихо и писать детские книжки про бегемотиков. Удивительно, беспокойная, всегда словно сидящая на вулкане, Сара стала тихой и смирной. А все потому, что без денег.

У меня средства есть, не слишком большие, но достаточные, чтобы жить не на гонорары от детских книжек. И пить чай по-старушечьи я тоже пока не хочу.

И еще одна возможность – все оставить как есть, жить, как подскажет сердце, ездить по миру; на дрожащих от страха ногах ходить по минным полям; помогать больным и калекам; обнимать несчастных детей; не имея возможности избавить их от боли, просто гладить по рукам, в надежде хоть на мгновение эту боль

облегчить; видеть улыбку в глазах там, где только что были боль и страх; забывать о себе, оказавшись рядом с теми, кому нужна помощь; собирать средства в пользу благотворительных фондов; снимать фильмы о человеческих трагедиях и… ждать, когда у машины откажут тормоза.

Выбор невелик, но он есть. Королевскую семью устроил бы только второй. Мои сыновья разрешили мне выбрать любой…

Я должна выбрать… должна…

Если честно, то я уже выбрала, и никто не вправе меня осудить…

Даже Полу Баррелу сказала, что расскажу ему нечто очень важное. Он ждет. Пол так старательно собирает обо мне все, что только можно, любые сведения, вплоть до того, сколько раз за день я чихнула, надеется когда-нибудь все это выгодно продать. Что ж, это тоже способ заработка. Пусть, ему ведь нужно кормить семью.

Боюсь только, что мой выбор очень удивит Пола Баррела, и не одного его. Мало кто полагает, что принцесса Диана может выбирать сердцем.

Зачем я вообще записала все?.. Для освобождения, это как разбитый после развода сервиз, когда каждый следующий удар молотком и звон после него означал внутреннее освобождение от еще одной проблемы. Я так же безжалостно расколотила свою жизнь, свои мечты, надежды, подвела черту под всем, сама для себя попытавшись вычистить ее и все начать заново. Я сама себя почти поняла, мои мальчики тоже поймут, даже если не сейчас, то позже, но обязательно поймут…

За одни вот эти записи можно подпилить тормоза.

Я, Диана Спенсер, бывшая супруга принца Чарльза и мать наследников английского престола Уильяма и Гарри, сделала свой выбор. Я не буду сидеть серой мышкой в Кенсингтонском дворце в ожидании старости, и я не боюсь, что бы со мной ни случилось!..

P.S. Как отличаются начало и конец записей. Этот год действительно стал для меня переломным, не столько из-за развода, сколько из-за того, что поняла сама себя. Не до конца поняла, не совсем поверила в свои силы.

Вернусь из Парижа, допишу, пожалуй, объясню все и отдам почитать Уильяму…